

ИДЕН БАР

ЛАБИРИНТ

Когда Алекс и Женя встретились, это было точно по Булгакову — любовь выскочила перед ними, как выскакивает убийца в переулке. Их роман только набирал обороты, как вдруг сама жизнь, вмешавшись, круто изменила все... Он был уверен, это из-за предательства возлюбленной. Ну а она — просто верила, что им суждено еще встретиться однажды. Но, если бы Евгения только знала, как и при каких обстоятельствах произойдет эта встреча!

Глава 1

Я вцепилась в свой смартфон так надолго, что пальцы, казалось, совершенно онемели, осознавая, переваривая прочитанное на его широком экране.

Смс от Арины Петровны. Боже, ну почему оно пришло так поздно?! Или это я, дура набитая, так поздно начала собирать необходимую информацию? Коротенькое и максимально содержательное сообщение от старой маминой приятельницы, работающей в налоговой, гласило: «Женечка, филиал частного благотворительного Фонда «One more life», США/Украина никогда не регистрировался не только в нашем, но и ни в одном украинском городе».

Но ведь этого не могло быть.

Потрясенная, я взглянула на Катюшку, сидящую в кресле у окна, слева от меня.

К счастью, она ничего не замечает, слушая музыку в больших наушниках, и увлечённо рассматривая развернувшуюся перед нами панораму взлётной полосы. Зато мое волнение явно не укрылось от мистера Томпсона.

Он тепло улыбается мне и, чуть наклонившись со своего места в сторону разделяющего нас прохода, говорит вполголоса по-английски:

— Будьте осторожны, здесь уже нельзя пользоваться телефоном.

Я понимающе киваю и возвращаю ему улыбку, неимоверным усилием воли подавив в себе первый порыв немедленно броситься за объяснениями именно к нему.

Заставляю свои негнущиеся пальцы положить телефон в маленькую сумочку, перевожу взгляд за окно. Нет, не сейчас. Так важно все обдумать и не наломать дров! Старательно делаю вид, что меня интересует разгоняющийся по взлётной полосе самолёт — зрелище действительно завораживающее. Нас еле ощутимо потряхивает в креслах. Мы летим рейсом Киев-Нью-Йорк.

Не с такими чувствами я готовилась к встрече с этим городом, в котором мне посчастливилось побывать всего однажды, и который стал для меня родным. Вся эта синева неба уже не казалась мне волшебной, превратившись в зловеще-ледяную, а люди вокруг слились в некую серую, безликую массу.

Катя безмятежно усмехается.

Вздрагиваю от ее восторженного восклицания, как вздрагиваю и от вопроса мистера Томпсона, который, кажется, развернул перед собой газету, но продолжает мило болтать с нами через проход:

— Вы бывали раньше в Нью-Йорке?

— Только проездом, — зачем-то вру, замечая вдруг, какие колкие у него глаза. Возможно, это оттого что мне сейчас все чудится в мрачном свете?

Он знает, что я уже посещала Америку, без подробностей. Мне не хочется делиться с ним ничем.

— Как вы себя чувствуете?

— Волнуюсь немного, — вымученно улыбаюсь я, — боюсь летать.

— Все будет хорошо, — он погружается в чтение, чему я радуюсь. Насколько, конечно, это вообще возможно в моем положении.

Стюардесса с дежурно-приветливым выражением лица о чём-то вещает на английском, машинально слушаю ее. Насколько вероятно, что все совсем не так, как мне сейчас видится,

просто произошла какая-то ошибка?

А эти настораживающие знаки вокруг меня лишь следствие напряжения последних месяцев. Что, если все происходящее можно как-то объяснить? Но как? Делаю глубокий вдох, вжимаясь в кресло, пытаюсь сосредоточиться и отставить панику. В любом случае, нужно успокоиться и воспользоваться долгими часами перелета для правильного анализа ситуации.

Мы резко взлетаем. Немного закладывает уши, но я почти не замечаю этого. Люди вокруг радуются, некоторые даже аплодируют. И тут же начинают расслабляться, устраиваясь поудобнее в своих тройных, скрепленных между собой креслах. Классический эконом-класс. Нам всем, находящимся здесь, предстоит провести одиннадцать часов в небе. Я невольно вглядываюсь мельком в их лица, словно пытаюсь запомнить кого-то и думая о том, запомнит ли кто-то из них меня.

Внимательные стюардессы уже разносят воду в бумажных стаканчиках и задают вопросы о предпочтениях в выборе еды. Рыба или курица.

Катка в восторге! Что она вообще в жизни видела, эта малявка. От боли и жалости к ней сжимается сердце, но я, скрывая эмоции, терпеливо отвечаю на ее многочисленные вопросы и автоматически перевожу все, что она просит перевести. Бросаю быстрый взгляд на Томпсона, и тут же отвожу глаза. Он выглядит поглощенным чтением, держа в руке стаканчик с водой.

Я больше не смотрю вообще в ту сторону.

Жду, когда внимание людей чуть притупится и все займется своими делами — в полете невозможно слишком долго просто сидеть, глядя в спинки кресел перед собой. Через считанные минуты начинается суета. Детям вручают их планшеты, игрушки, родители достают бутерброды, газеты и журналы. Кто-то уже смотрит кино.

Медленно извлекаю свой планшет из небольшого пакета с ручками, улыбаясь Кате.

— Малыш, мне нужна минутка времени, — говорю я ей в ответ на непрерывные дергания с ее стороны, — я найду тебе классную игру, хочешь?

— Что ты со мной как с маленькой, — дуется она, но я же вижу ее счастливые глаза. Моя кудряшка Кэт! Прорвемся. Я уже практически пришла в себя.

— Ты заказала рыбу или курицу? — спрашиваю безразлично, а у самой, чувствую, подрагивают пальцы, пока незаметно вхожу в интернет. Есть. Удача! Быстро набираю в поисковике на английском название фонда и их американский адрес.

По крайней мере, тот, что известен мне.

— А ты? Я долго думала и решила, что хочу рыбу. Как думаешь, в Большом яблоке [самое известное прозвище Нью-Йорка — прим. автора] любят рыбу? Первое что мы сделаем, когда у нас появится свободное время — поедем на Таймс сквер! Да? — болтает Катюша. Ее глаза горят, — хочу съесть настоящий американский хот-дог... Как думаешь, у нас все получится?

— Все получится, — уверенно отвечаю я, не глядя на нее.

Она только что задала свой самый главный вопрос.

А у меня пелена перед глазами — ничего! Я ничего не нахожу об этом фонде, только какие-то обрывки статей из интернет-изданий, или якобы изданий, которые, судя по всему, выкладывались сюда частным образом.

Смаргиваю. Привычно ввожу адрес их сайта в поисковик снова. Сайта нет.

Вернее, что-то есть, но не в том виде, в котором информация была изложена здесь

немногим раньше. Создается впечатление будто кто-то почистил этот сайт, что-то перекроив в нем, изложив в новом, измененном виде. Консультации, полезные статьи, вопросы... но где же информация о нашей поездке?

— Что за игра? — любопытствует Катя, касаясь моего локтя и заглядывая в монитор через мое плечо. Я немедленно все сворачиваю.

— Сейчас. Подожди ещё минуту, надо почистить память, а то поиск тормозит, — отворачиваю планшет от нее, — Катюня, достань мне влажные салфетки, пожалуйста. И печенье!

Я знаю, что они в разной кладу.

Катя с готовностью отворачивается, копошась в сумочке и пакете. У меня есть эта минута. Нетерпеливо, быстро ввожу буквы в поисковик.

И тут Интернет пропадает. Сестра, смеясь, тянет мне пачку печенья со смешными бегемотиками на упаковке.

— Вот, будешь как бегемотик, если увлекаться. Производитель предупреждает.

— Спасибо, — выдыхаю я, и беру печенье. Скашиваю взгляд на Томпсона, он очень любезно беседует со стюардессой.

Значит, это правда. Я где-то просчиталась, и серьезно. Вопрос — где?! Или, вернее, когда, на чем именно.

Я знала ответ. Главным образом, на своей безграничной вере в чудо. А на каком из этапов этого пути я допустила роковую ошибку, уже не имело значения.

Четыре месяца назад

Мы обедали с Гришей в нашей маленькой уютной кухоньке, за столом у окна, когда он вдруг неожиданно и нервно отбросил ложку. Она звякнула о край его тарелки и упала, оставив на чистой поверхности стола некрасивый жирный след.

— Надоело, — раздражительно произнес он, бросив туда же и кусочек хлеба, который до этого с аппетитом поедал, — ты можешь говорить о чём-нибудь другом?! Вообще, в принципе. Когда у нас в последний раз был секс?

Я опускаю глаза, переставая кушать, поражаясь смене темы. Молча, беру тряпку и протираю стол, выслушивая при этом очередную претензию.

Не отвечаю сразу, потому что понимаю, как он прав. Мы все очень устали за последние несколько лет из-за болезни Катюши, моей младшей сестренки. Но кому ещё, кроме нас, она нужна?

Кате всего пятнадцать, и ее жизнь еще только начинается. Казалось бы. И вдруг такая беда — почечная недостаточность, доставшаяся по наследству от мамы, которой давно уже нет с нами. Она ушла восемь лет назад, а я все переживаю так, как будто бы это было вчера.

Наш отец, Колосков Владимир Ипполитович, стойко перенес потерю жены. Возможно, даже слишком стойко — всего через пару лет после ее смерти он женился снова.

Познакомился папа с Элеонорой Юрьевной, работницей отделения пенсионного фонда, собственно, оформляя пенсию. Отношения их развивались стремительно. Этот абсолютно новый для нас человек свалился, а вернее сказать, ввалился в нашу семью с двумя своими сыночками-погодками, как снег на голову.

Нет, я ничего не имею против Паши и Леши — абсолютно нормальные дети. Но они так быстро переселились в нашу квартиру вместе со своей мамашей, что внесли своим появлением поначалу полнейший хаос. Свою же квартиру размером поменьше предприимчивая Элеонора Юрьевна, насколько мне было известно, немедленно стала сдавать.

Мои и без того сложные на тот момент отношения с отцом максимально обострились. И я посчитала наилучшим для всех решением просто уйти, уступив место новой хозяйке. Для меня было важным только, чтобы она хорошо относилась к Кате, и вначале это действительно было так.

У нас с Катей очень большая разница в возрасте, и ко времени моего отъезда из отчего дома я была уже довольно взрослой, двадцатичетырехлетней барышней. Сестренка же только окончила второй класс.

Я часто навещала ее, но погружение в собственную жизнь постепенно все больше отдаляло меня от семьи. Закончив на тот момент институт иностранных языков, я нашла свою первую работу и только-только познакомилась с Гришей.

Не знаю, что именно послужило отправной точкой для пробуждения Катюшиной болезни, а может быть, так должно было случиться в любом случае, но она начала болеть.

Началось все с каких-то абстрактных диагнозов, и частых детских болезней. Затем однажды, во время сдачи стандартных анализов, в крови ее обнаружился повышенный уровень креатинина. Это насторожило врачей.

Катя прошла полное обследование и, увы, у нее не оказалось даже одной здоровой

почки. У этого заболевания смешанные причины, главным образом наследственная, но я была рада, что ей, наконец-то, поставили диагноз и выписали хоть какие-то конкретные лекарства.

Сестренка стала соблюдать диету и значительно меньше болеть. Затишье перед бурей продолжалось несколько почти счастливых лет.

Элеонора Юрьевна сносно относилась к Катюше, не обижала ее, хотя и не проникалась особо своей новоиспечённой ролью мачехи. Конфликтов с Пашей и Лешей не наблюдалось тоже.

Она просто жила своей тихой жизнью в отдельной комнате, училась в обычной школе, но мы часто виделись — настолько часто, насколько позволяли мои жизненные обстоятельства. Отец больше ни в чем мне не помогал, и я самостоятельно приняла решение поступать в аспирантуру по специальности лингвиста.

Так, я стала аспиранткой. Меня "закрепили" за кафедрой английского языка и литературы, дали немножко часов для преподавания. Неожиданным образом разрешился и жилищный вопрос — Гриша, работающий в том же институте на административной должности завхоза, позвал меня замуж и жить вместе в его маленькой, но вполне уютной квартире-однушке.

Свадьба была очень скромной, с минимумом приглашённых. Мне думается, что папина жена тогда вздохнула с облегчением — я точно не вернусь делить с ней кухню и жизненное пространство.

А дальше начался ад. Катюне как-то уж очень резко стало хуже. Все сразу вспомнили маму — ее болезнь тоже протекала вначале вяло, почти бессимптомно. Затем неожиданно закончилась острой почечной недостаточностью, и после короткой комой, из которой она уже не вышла.

Бросив все дела, ненадолго сплотившись, мы всесторонне изучали серьёзность положения. Я взяла отпуск и методично обошла лучших специалистов в нашем городе, вместе с Катей и папой.

Их вердикт оказался неутешителен — трансплантация или, иными словами, пересадка одной здоровой почки для сестры решит вопрос ее жизни и здоровья в положительную сторону. Чем раньше, тем лучше!

Но, срок для поисков был ограничен, а она мучительно страдала на процедурах диализа.

Если говорить о трансплантации в целом, то в нашей стране разрешены только родственная (от близкого родственника, причём муж или жена ими не считаются) или трупная пересадка органов. Эта сфера чётко регулируется законодательством, и пересадки за деньги или даже волонтерские запрещены законом.

Причем с родственными пересадками всё предельно ясно: донор и реципиент детально обследуются, выносятся вердикт по пересадке и в случае положительного решения проводят двойную операцию. То есть, у донора забирают одну почку, чтобы "подсадить" её реципиенту.

Едва узнав об этом, я решила стать донором для сестры. Признаюсь, где-то в глубине души было очень страшно проходить через все это. Но по по-настоящему страшно стало, когда после сдачи мною необходимых анализов выяснилось, что я не подхожу ей как донор, а наш отец уже слишком стар, чтобы обследоваться с той же целью.

Мы могли потерять Катю в любой момент, неизвестно только, когда именно.

С трупными пересадками всё несколько сложнее — лист ожидания у нас один на всю

страну. В нашем городе вносят в лист ожидания в двух клиниках, но это один и тот же список. Многие ошибочно называют его очередью, однако это не так, потому что последовательность пересадок зависит от поступления подходящих органов.

Каждый месяц я приносила пробирку с кровью Кати в банк тканей соответствующей клиники, и в течение месяца её сопоставляли со всеми поступающими трупными почками на совместимость. Такое ожидание легко может затянуться на годы.

Папа быстро смирился и потух — я ничего не смогла поделать с этим. Очень скоро я осталась одна обивать пороги государственных медучреждений и благотворительных фондов в поисках финансирования для Кати, по причине того, что поддержание ее здоровья стало достаточно дорогим и сами мы уже не справлялись.

В ответ на мои неловкие вопросы о деньгах папа только виновато опускал глаза. У него не было ничего, кроме квартиры, а квартира Элеоноры в этом контексте даже не обсуждалась. Он слишком ясно дал мне понять, что денег нет, разве только на еду да кое-какие лекарства для Кати.

Вслед за папой от нашей маленькой команды спасения откололся и Гриша. Он полностью абстрагировался от ситуации, погрузился в свои дела и больше не предлагал мне взять кредит на лечение, как делал это раньше. Он словно просто передумал.

В итоге я осталась совсем одна против целого мира бюрократов в кабинетах, безденежья и полной безнадеги. Но я упорно боролась дальше как могла за жизнь сестры. Ибо она все, что у меня осталось от мамы, а я вынуждена видеть, как этот лучик угасает день за днем на моих глазах.

Я, Евгения Колоскова, а вернее Евгения Лопахина в замужестве, тридцати двух лет от роду, давно уже чувствую себя семидесятилетний старухой.

Я очень устала, и не вижу больше света в конце тоннеля.

— Если хочешь, секс будет прямо сейчас, — обреченно говорю мужу. Гриша смягчается, притягивает меня к себе.

Я улыбаюсь в ответ.

Одним резким движением он сажает меня на стол и сдвигает тарелки, расплескивая их содержимое. Я ахаю — жирные капли мясного гуляша щедро орошают край моего халата. Но Грише все-равно, его глаза горят.

Возможно, мое состояние ступора даже заводит его. Он грубо стаскивает с меня трусы, бросает их куда-то на пол и приспускает свои растянутые треники, нетерпеливо доставая член. Я беспокоюсь о предохранении, но он только что-то мычит в ответ как животное, не слушая, не пытаясь хоть немного возбудить меня или сделать попытку доставить удовольствие, а просто насаживает на себя как на кол, рывками, ритмично, напоминая мне сейчас движущийся состав поезда. Во всех его действиях примерно столько же эмоций.

Возможно, так он мстит мне. За невнимание, за то, что я плохая жена. За то, что я не люблю его, и он это чувствует. За то, что он не любит меня, и я это знаю.

Пока, наконец, не охает, останавливая свое тупое примитивное движение, обмякая на мне, подо мной, и не сползает на стул с ухмылочкой. Тут же протягивает руку к столешнице, достает из салфетницы салфетку, а я думаю только о том, чтобы поскорее принять таблетку от последствий незащищенного полового акта, и что хорошо бы прямо сейчас застирать халат. Одеваемся мы молча, не глядя друг другу в глаза.

Глава 3

В течение полета я несколько раз делала попытки выхода в интернет — безуспешно. Кажется, мистер Томпсон замечает мою нервозность.

— Вы все ещё плохо себя чувствуете, Евгения? — равнодушно задает он вопрос, наклоняясь ко мне в проход. Почему-то это очень раздражает, но я сдержанно улыбаюсь ему.

— О, все в порядке. Спасибо, что беспокоитесь, — отвечаю, конечно же, на английском. Он немного говорит по-русски, но совсем немного. А в последнее время не трудится говорить на русском даже с Катей, — меня волнует сестра, это самое главное сейчас.

— Ну, вы должны быть рады, — замечает он, — дать вам газету? Отвлекитесь же, наконец.

Чем дальше мы от нашей страны, тем меньше он напоминает нам доброго дядюшку, как вначале нашего общения. Я замечаю это. Как и цепкость взгляда его водянисто-голубых глаз, которые иногда словно следят за нами. Улыбка его все больше напоминает мне улыбку манекена в магазине, хотя, возможно, я чудовищно себя накручиваю?!

— Я рада, — стараюсь не ерзать на месте, замечая слабый сигнал интернета на планшете. Мой телефон сообщает куда быстрее! Незаметным движением кладу его в карман своей широкой кофты. Катя дремлет рядышком, — мистер Томпсон..

— Да? — он смотрит на меня.

— Спасибо вам.

Возвращаю ему улыбку манекена и направляюсь в санузел.

— Вы куда? — резковато интересуется он. Это удивляет меня.

— В дамскую комнату, — делаю лицо просителя, — будьте добры, присмотрите за Кэтрин.

— Кэтрин, окей, — кивает он.

Я уйду. Трясущимися руками набираю на почту хорошей знакомой по кафедре, моей ровеснице и коллеге, текст, который продумала заранее: «Привет, Наташа, это очень важно! Пожалуйста, зайди в офис Фонда, как только будет возможность, и спроси, делают ли они операции в Штатах тяжелобольным людям как благотворители. Скажи, что узнаешь для тяжелобольного. Отпишись на эту почту, спасибо, очень жду».

Ниже я также указала полное название и адрес фонда. Отправляю. Интернет очень слабенький, но тянет. Для письма должно хватить.

Смотрю на часы. Я всегда знала Наташу Орлову как ответственного и доброго человека. Рабочий день в разгаре, а на кафедре во второй половине дня как раз дел поменьше, да и внимания руководства, многие просто уходят домой, она вполне может успеть съездить сегодня. Дай-то Бог!

Возвращаюсь на свое место, сердце колотится. Заставляю себя выпить воды, прикрыть глаза, будто собираюсь вздремнуть, а сама думаю, думаю, думаю... Катя спит так сладко. Примерно через полчаса к нам подходит стюардесса и предлагает чай с печеньем или вафлями на выбор. Это входит в стоимость билета. Я беру два чая и две отдельно упакованные спаренные вафельки, бужу Катю.

Она в восторге! Для нее все сейчас приключение, сестренка радуется как ребёнок чаепитию в небе, рядом со мной. Я понимаю ее как никто. Если бы не моя ни чем не

оправданная глупость и ненормальная доверчивость, я летела бы на встречу с лучшим городом мира, в моем личном рейтинге, совсем с другими чувствами!

— Мистер Томпсон, приятного аппетита, — говорю я ему, наблюдая, как он заказывает кофе, прихватив также бесплатные печенье и чай. Он благодарит.

— В этой суматохе перед отъездом совсем забыла спросить у вас, — продолжаю я, — у меня есть подруга, мы познакомились в больнице, когда лечили Кэтрин на протяжении очень долгого времени. Вернее, пытались лечить, чтобы хоть как-то помочь ей... Так вот, моя подруга тоже нуждается в операции, у нее совсем нет средств, можно ли ей обратиться в ваш фонд за помощью?

И слушаю, что он ответит, затаив дыхание, как-будто от этого зависит моя жизнь. Возможно, так оно и есть. Томпсон морщится, впрочем, едва уловимо. Но у меня создается стойкое впечатление, что ему неприятен мой вопрос. Спрашивает о диагнозе подруги, выдумываю что-то на ходу.

— Да, она может обратиться.

Я не знаю, хорошо это или плохо. Но чуть выдыхаю, откидываясь на сиденье, сжимая подлокотники, и вновь погружаясь в раздумья.

Мне удаётся ненадолго отключиться от реальности, провалившись в тяжёлый, обрывочный сон. Периодически просыпаюсь, продираясь сквозь дрему как сквозь паутину, проверяя, где и чем занимается Катя. Проверяя интернет! Сейчас я уже все-равно ничего не смогу сделать.

В какой-то момент, когда почти весь наш эконом-класс погружается в сон, включая Томпсона, я, наоборот, окончательно просыпаюсь и понимаю, что немного отдохнула. Я почти ничего не ела днём, и это уже дает о себе знать — слегка подташнивает, в теле слабость. Снова много думаю, заставляя себя перекусить тем, что имеется в моей дорожной сумке. Затем аккуратно вынимаю из рук уснувшей сестры книгу, закрывая, читая ее название. «Сумерки», Стефани Майер. Улыбаюсь. Неужели я ещё способна улыбаться? Накрываю ее ноги кофтой, и долго смотрю на спящего Томпсона. Что таится в этой лысеющей черепной коробке, какие планы относительно нас?!

Пока что мы с Катей на нейтральной территории. Со своими документами на руках и небольшим количеством денег. Но это пока, что будет дальше? Контора Томпсона настояла на туристических визах для нас, уверяя, что на месте будет проще утрясти формальности и оформить помощь документально, когда Катюшке подберут и оплатят подходящего донора из базы центрального американского офиса доноров. В Америке другое законодательство, а у нас это невозможно. Я не знаю точно, не юрист, но сотрудники фонда рассказывали мне все очень доходчиво.

Нет, мне намекали конечно здесь, в наших больницах, на вероятность продвинуться в так называемой очереди за деньги, но у нас их просто нет. Я с трудом нашла деньги на билеты в Штаты и обратно, какие-то мелкие текущие расходы, а фонд обещал помочь с недорогим жильём.

Не понимаю. Что с нас взять? Ну не в бордель же нас везут? Невольно смотрю на изможденную, бледную сестру. Работники-рабы в каком-нибудь закрытом цехе из нас тоже сомнительные, и ведь не в Китай же мы едем, в конце концов.

Но тогда откуда столько мелких нестыковок, которые почему-то только сейчас лезут мне в глаза. История Катиной болезни изучалась ими достаточно скрупулёзно. Мы предоставили абсолютно все больничные записи, анализы, выводы, до последней

бумажечки, и не только ее, но и мои, плюс заключение по папе. Они хотели убедиться, что у Кати совершенно исключена возможность появления родственного донора. Меня тогда это очень успокоило, ведь их заинтересованность означала, что нам действительно могут помочь.

Где-то совсем рядом заплакал ребёнок, вырывая меня из потока мыслей. Его мама не спешила реагировать, и я подошла к ним, просто чтобы немного размяться. Двухлетний или трёхлетний на вид карапуз рыдал так надрывно, что мне пришлось разбудить его мамашу, которая, охая, засуетилась рядом с ним, жалуясь на свою усталость. Я вернулась на свое место, искренне любопытствуя про себя, к кому или куда они едут вдвоем.

У всех, кто когда-либо бывал в Нью-Йорке, сложились разные ассоциации с ним. Чаще всего это небоскрёбы и мосты, или толпа людей с кофе и телефонами, Таймс сквер, Уолл стрит, сплошные огни в темное время суток, нескончаемый поток желтых такси, вкусный уличный фастфуд, запах метро и канализации, своеобразно соединенный с ароматом индийских специй, шоколадные маффины в Старбакс, дух свободы... и этот список может быть бесконечным.

Для меня же этот город ассоциируется с человеком. Всего одним, конкретным человеком, и я бы не хотела это менять, даже зная, что он бесследно, навсегда исчез из моей жизни.

Взгляд мой невольно цепляется за белые клочки облаков причудливой формы, которые проплывают за иллюминатором на абсолютно темном, почти черном фоне неба. Я засматриваюсь.

Облачка попадают в мое поле зрения сначала маленькими, неровными кусками, затем проплывают мимо размером уже с подушку, а затем, там, ночью, через тонкую преграду иллюминатора, все становится совсем белым-бело! Удивительное, завораживающее зрелище.

Может быть, это Бог посылает добрый знак для нас?

Пятнадцать лет назад

Блаженно шурюю от яркого солнца и, вдыхая полной грудью, бреду по набережной Кони Айленда, многокилометрового песчаного пляжа. Одна. В моей руке хот-дог из закуской Nathan's Famous, как эпично. Поедаю его, кайфуя от осознания того, что я в самой что ни на есть американской Америке, по ходу выпитывая все, что вижу и слышу. Запоминаю.

Кто знает, возможно, на всю жизнь. Я абсолютно счастлива сейчас! В голове роятся какие-то бредни насчёт того, как было бы здорово все бросить и остаться здесь жить. Мне семнадцать лет, а это значит, что мне принадлежит весь мир. Ощущение, что я могу все, не покидает меня ни на минуту в этом чудном крае.

Родители сделали мне великолепный подарок на совершеннолетие! Вообще-то, восемнадцать мне исполняется только через несколько месяцев, но тогда я не смогла бы воспользоваться этим подарком, разве что в следующем году, потому что сейчас начало лета, а с сентября я, официально — студентка первого курса иньяза.

Словом, наслаждаюсь своим подарком заранее — и это самостоятельная поездка в Америку, да не просто, а на двухмесячные обучающие языковые курсы, английского языка, разумеется, при одном из местных колледжей. Он в пригороде и относительно недорогой — относительно Нью-Йорка, конечно же. Живу и питаюсь я здесь, в общежитии и столовой колледжа. В моем распоряжении почти целое лето! А лето, как известно, маленькая жизнь.

Тут стоит заметить, что кроме дара на день рождения, родители ещё и поощрили мое блестящее поступление на бюджетное место в институт, а также серебро по окончании школы, ну и первые места на многочисленных олимпиадах различного уровня по английскому языку за последние несколько лет. Инглиш — мое давнее увлечение, которое со временем переросло в страсть.

Это поистине мой звездный час — оторваться от родителей так надолго, впервые, оказавшись в неповторимой языковой среде! У меня уже появилось так много друзей в колледже, ребята из самых разных стран, очень здорово. Я чувствую себя своей здесь.

Капелька кетчупа, которым так щедро начинена моя булочка с двойной сосиской, неожиданно капает на джинсы, но я не расстраиваюсь.

Сажусь на свободную лавочку, осторожно кладу хотдог в свой пакет, а сама принимаюсь лить воду из бутылки на заляпанное колено. Не переставая энергично жевать, промакиваю мокрую ткань чистой салфеткой.

Начинаю вдруг чувствовать себя странно. Озираюсь по сторонам в поисках источника потревожившего меня чувства опасности и натываюсь на сканирующий взгляд чуть прищуренных голубых глаз. Это парень неподалёку.

Приоткрываю рот от удивления, но тут же опускаю глаза, не выдержав его прямого взгляда и вида чуть приподнявшихся в улыбке уголков губ, когда наши глаза встречаются.

Напускаю на себя независимый вид, больше уже не смотрю в его сторону, совсем, а все мысли вдруг куда-то улечиваются. Хот-дог мне тоже уже не лезет, и я с легким чувством сожаления выбрасываю его остаток в ближайшую урну, чтобы окончательно не запачкать пакет.

Чувствую — он смотрит.

Красивый, примерно мой ровесник по виду. Но одет как-то небрежно, хотя на бомжа явно не тянет.

Постепенно Америка и мой щенячий восторг ею отступают куда-то на задний план, зато я почему-то начинаю беспокоиться, что выгляжу как идиотка с полностью мокрым джинсовым коленом. Не выдержав, волнуясь, просто ухожу оттуда, будто сбегая от него. Не оборачиваясь.

И так иду до самой остановки, потом запрыгиваю в подошедший автобус, толком даже не глядя, в какую именно часть города он идёт. Какая разница, ведь я могу в любой момент пересесть.

Да что это со мной?!

И только тогда, наконец, решаюсь с интересом выглянуть в окно, на остановку. Парня нигде не видно. Что он хотел, познакомиться? Но я не знакомлюсь на улице. Со мной вообще уже очень давно никто не пытался познакомиться.

Всего через несколько дней, в водовороте затянувшей учебы и среди десятков новых лиц, которые теперь постоянно окружают меня, я забываю о таинственном незнакомце.

Рано или поздно этот момент должен был наступить! Международный аэропорт имени Джона Кеннеди, воздушные ворота Америки. Все еще не знаю, во что или кому верить, внешне собранная, но расстроенная и разбитая изнутри из-за раздираемых меня тревог и противоречий, я ступаю на американскую землю.

Осторожно тяну за собой Катю, держа за руку. К счастью, она чувствует себя хорошо. Томпсон рядом, и кажется вполне довольным жизнью. Он на своей территории.

Но все происходит не так быстро. На паспортном контроле велика вероятность застрять надолго в очереди. Это очень, очень большой аэропорт!

Первый эффект, конечно, вау. Даже если вы здесь не в первый раз. Терминалы аэропорта расположены по кругу, и для удобства перемещения между ними курсирует AirTrain — мини-поезд с двумя вагончиками. Каждый терминал как небольшой торговый центр со своими магазинами, кафе, санузлами, газетными киосками... в моей памяти живо пестрят воспоминания.

В известном смысле слова нам везет — паспортный контроль остался позади пока я постепенно приходила в себя и соображала, что здесь вообще-то есть бесплатный wi-fi.

Бесплатный, правда, в течение только первых тридцати минут пребывания, но я, моментально пряча наши документы подальше, во внутренний карман пиджака, хмурюсь, мечусь в поисках места, где можно достать телефон и проверить почту.

Томпсон, подмечаю, и не смотрит на наши документы. Он очень уверен в себе, а моя тревога только нарастает в геометрической прогрессии. Без лишней суеты забираем багаж.

— Кэтрин нужно присесть ненадолго, — сообщаю я ему, и настойчиво тяну ее к парочке свободных сидячих мест в зале ожидания. Надо сказать, что с этим здесь обычно напряженка. Томпсон недовольно косится в сторону Кати, а она, в свою очередь, удивленно таращит глаза на меня.

— Что ты ему сказала? Присесть?! Но я не хочу сидеть. Я отлично себя чувствую...

Тащу ее дальше за собой, не слушая. Нервничаю. Мне очень нужно проверить почту.

— Все в порядке, — с видом заботливой сестры продолжаю диалог с Томпсоном, — она сама не понимает этого, но в ее положении присесть просто необходимо.

Он понимающе кивает. Коротко прошу Катю не спорить.

— Куда мы двинемся дальше? — я спрашиваю его просто, чтобы не молчать. И тут он отвечает:

— За нами пришла машина, нас уже ждут!

Я замираю, всего на мгновение.

Мне известно, что между Нью-Йорком и аэропортом ходят поезда автоматической монорельсовой дороги AirTrain (те же, что и между терминалами) до станции метро. Здесь есть метро! Совсем недалеко.

А также автобусы и такси. Зачем встречать нас на машине, неужели фонд помощи инициативам иностранцам встречает их всех в аэропорту личным транспортом?

В жилах моих вдруг стынет кровь от мысли — что ещё должен сделать или сказать этот человек, чтобы я поняла, что перед нами маньяк? Достать топор из-за пазухи и зарубить кого-нибудь на наших глазах, чтобы до меня, наконец, дошло?!

Медленно выдыхаю. Усаживаю Катю на пустующее кресло из пластмассы и металла, и

уточняю у него как можно более безразлично:

— А почему мы не едем на метро? Кэтрин всегда мечтала прокатиться на метро в Америке.

Все горожане Нью-Йорка, я знаю, в их подавляющем большинстве предпочитают добираться из аэропорта до города на метро.

В такси отсюда частые пробки, и дорога может затянуться на неопределенное время, автобусы вообще предпочитают единицы. Здесь ещё есть услуга для деловых и обеспеченных, вертолёт — доставка прямо в Манхэттен за сто пятьдесят долларов, если я не ошибаюсь и правильно помню, и это занимает до десяти минут пути. Данный вариант мы откидываем, конечно, он просто для справки. Метро — вот идеальный вариант для всех, дешево и быстро!

Томпсон мог бы ответить что угодно, но он говорит:

— Метро далеко, — и сразу, будто спохватываясь, — а вы уже бывали в этом аэропорту?

Он врет.

Я вру ему в ответ:

— Да, но я тогда была ребёнком и с родителями, смутно помню, что мы ехали на такси и попали в большую пробку. Мне не понравилось ехать на авто, поэтому я спросила.

Он облегченно вздыхает, или мне кажется? И снова эта улыбка манекена.

Мне уже даже не важно, что ответила Наташа. Я кладу телефон в карман, не взглянув на него. Решение в моей голове созревает стремительно.

С дьявольской точностью до минуты рассчитываю, когда именно курсирующий AirTrain отходит от нашего терминала к следующему. Грузный пожилой Томпсон никак не успеет заскочить в него с нами, если правильно рассчитать время.

— Мы не попадем в пробку, не волнуйтесь, Джейн, — обращается ко мне снисходительно.

Катя очень недовольна. Приседаю к ней поближе, роюсь в сумочке.

— Где твои таблетки? — спрашиваю озадаченно, она показывает. И совсем тихо прошу, всего два слова, — подыграй мне.

— Что такое, болит голова? — негромко спрашиваю через секунду-другую. Она растерянно кивает, снова делая большие глаза.

— Почему ты не сказала, что тебе нехорошо? Мистер Томпсон, — начинаю болтать как дурочка, — извините нас, это сейчас пройдёт. У Кэтрин иногда бывает слабость. Ей нужны минута-две, может быть, пять, нас подождут немного? Вы не могли бы принести нам маленькую бутылку воды, негазированной, из вон того киоска, наша закончилась, — сую ему в руку два доллара, — пожалуйста! Катя, будь добра, прими таблетку, мистер Томпсон сейчас принесёт тебе воды запить...

Он кивает и отходит. Я осторожно забираю таблетки из Катиных рук, чтобы не напугать ее, и говорю следующее:

— Теперь послушай меня внимательно. Все объясню в пути, окей? Бежим от него! Просто иди за мной так быстро, как только сможешь.

— А...

— Без а, быстро! — командую и иду, взвалив на себя всю нашу поклажу. Бежать в прямом смысле слова нельзя, это привлечет ненужное внимание. Она послушно семенит за мной.

У нас очень мало времени.

Едва мы оказываемся в AirTrain, двери за нами закрываются. Между терминалами передвижение бесплатно, а за путь до метро на таком же вагончике придется заплатить. Готовлю деньги, выходим на другом, случайно выбранном нами терминале.

В каждом терминале имеется выход к монорельсовой дороге. Пока что удача на нашей стороне!

Запрыгиваем в следующий. Я отключаю свой и Катин телефоны, понимая, что от них сейчас никакого проку, зато по ним нас можно отследить. Неизвестно, насколько мощная организация у этих аферистов, раз они дают нам сопровождающих в дорогу и авто к аэропорту. У жителей этого города личных автомобилей вообще почти нет, здесь все пользуются такси!

— Жека, что происходит?! — ноет сестра.

— Все в порядке, — бодренько отвечаю, не желая слишком сильно пугать ее. Только Катя меня сейчас и держит в тонусе, я даже ощущаю себя сильной и смелой. Веду себя правильно, во всяком случае, придерживаюсь всех правил безопасности, какие только приходят на ум.

Конечно, можно обратиться в полицию. Но я оставляю этот план на крайний случай, потому что мы здесь просто туристы. О каких незаконных операциях на почках я смогу вести речь? И что я могу прямо сейчас предъявить Томпсону, его тотальное вранье? Которое ничем, кроме моих слов, недоказуемо. Пока.

Он — гражданин США, насколько мне известно. И что-то мне подсказывает, что к нему в любом случае отнесутся с бОльшим пониманием. Наверное.

В общем, в голове полный раздрай, а сердце колотится как сумасшедшее.

Заскакиваем, наконец, в метро, обещаю Катюшке рассказать все, но чуть позже. Какое счастье, что я все помню, спустя столько лет! Я очень хорошо ориентируюсь в этой подземке.

Полтора месяца назад

Департамент местного отдела здравоохранения, уныло подпираю стенку светло-серого цвета, благо вдоль нее полно пустых скамеек. Нервно посматриваю на часы. Ну сколько можно ждать эту начальственную шишку? Пошёл уже третий час. Невыразимо злюсь. На меня давно косо посматривают на кафедре из-за частых отлучек — мои личные обстоятельства там никому не интересны. Понимаю. Плевать!

Мой непосредственный начальник, заведующий кафедрой Александр Петрович Нечаев, дай Бог ему здоровья, человек почтенных лет и многочисленных регалий, обычно отпускает меня без вопросов. Правда, придётся опять разгрести работу допоздна. Гриша будет недоволен. Может, уйти? Загляну сюда в следующий раз с оказией.

Это должностное лицо возглавляет комиссию по распределению бесплатных лекарственных препаратов для отдельных категорий населения. Они недешевы, и Кате как раз очень быгодились некоторые лекарства из этого списка. Я на днях оставляла здесь письменное обращение по данному вопросу, но секретарь сказала прибыть со всеми подтверждающими документами лично. Я прибыла, и достаточно оперативно.

Решительным шагом захожу в приёмную. Ровно два с половиной часа назад девушка-референт за столом уверяла меня, что начальник отъехал всего на полчаса. Значит, попытаю счастья в другой раз.

Я только открываю рот, чтобы сказать ей, что приеду сюда в другой раз, как вслед за мной заходит грузный молодой человек в костюме с галстуком и, буркнув что-то невнятное девушке, скрывается за дверью кабинета. Смотрю на табличку с фамилией. Это он!

Перевожу взгляд на его помощницу, она кивает.

— Да-да, это Петр Венедиктович. Я вас приглашу.

Уходит-возвращается, пока я достаю из сумки ворох своих бумаг и внутренне готовлюсь толкать речь. Жестом приглашает меня, вхожу, здороваюсь с Петром Венедиктовичем.

Он со скучающим видом слушает меня, впрочем, не перебивая. Долго листает больничные тетради, выписанные рецепты, читает заключения, ксерокопии и оригиналы удостоверяющих Катину личность документов. Объясняю нашу ситуацию, ее диагноз. Долго жуёт мясистыми губами, будто раздумывая. Он молод как для начальника такого уровня, но имеет какой-то расхлябанный, обрюзгший вид. Толстый, с большим животом, мне он также кажется несколько рассеянным, человеком «не в теме». Похоже, его пристроили на эту должность родственники или друзья, хотя мне-то какая разница.

— А вы ей кто? — вступает, наконец, в диалог со мной.

Я уже говорила это, но терпеливо повторяю. В глазах его зажигается какой-то проблеск любопытства. Он разглядывает меня, и мне не очень нравится этот сальный взгляд.

— Евгения?

— Александровна, — чеканю, устало думая о том, что этот, кажется, тоже ничем не поможет нам.

— К сожалению, лимит заявок на этот год уже исчерпан, — вторит он моим невесёлым мыслям, — могу включить вас в список на следующий год. Но...

Он делает паузу.

— Но?

— Но вряд ли вам будет актуально.

— Это почему?

Петр Венедиктович вздыхает.

— Здесь настолько тяжелые диагнозы, извините, — разводит руками. Я встаю.

— Вы все же включите нас, — произношу глухо, — можно оставить заявление у секретаря?

— Вот в следующем году и оставите.

Какого же лешего ты отнял у меня столько времени, задаюсь я про себя вопросом, сухо прощаясь с ним.

— Евгения Александровна, — тихо окликает он меня уже у двери.

— Да?

— Все, чем я могу помочь вам, — чиновник шуршит бумагами в своем столе. Невольно подхожу ближе, — конечно, я не имею права... есть один фонд. Не нахожу визитку, запишите.

Достаю ручку, записываю с его слов название и адрес.

— Сходите, пообщайтесь, они иногда помогают. Предупреждаю, не всем. Это международный гуманитарный фонд, не государственный, поэтому официально я вам ничего о нем не говорил! Но там вам могут дать надежду.

— Надежду? — тупо переспрашиваю, глядя на свою только что сделанную запись, — они помогают украинцам лекарствами?

— Нет, они делают операции. В Америке. Бесплатно.

— Бесплатно? — я изумленно таращусь на него, — но как..

— Я не знаю подробностей, — он говорит теперь как-будто уже немножко раздраженно, как-будто мой визит утомил его, — пообщайтесь и примете решение сами.

— Спасибо, — мне ничего другого не остаётся кроме как распрощаться с ним, когда он начинает демонстративно разбирать бумаги на своем столе, — мы попробуем! А... вы не слышали, они помогли кому-то реально?

— Слышал, что да, — он опять поднимает глаза и наши взгляды встречаются, — но повторяю, я не знаю подробностей. Всего вам доброго, и главное, здоровья вашим близким. Приходите в следующем году за лекарствами, постараемся помочь.

— Благодарю! — отрываюсь абсолютно искренне, — и вам всего доброго.

Выхожу из его кабинета озадаченная, но удовлетворенная. В моей голове все ещё звучат его слова — они могут дать вам надежду. Петр Венедиктович прав в том, что надежда, это действительно то, в чем вся наша семья сейчас так остро нуждается. Остаток дня мысли о фонде «One more life» больше не отпускают меня, и я принимаю твёрдое решение навестить туда завтра прямо с утра.

Покинув поезд AirTrain на станции Jamaica примерно через двадцать минут пути, мы быстро пересеживаемся в электропоезд метрополитена. Если бы я была здесь впервые, то абсолютно точно бы растерялась.

Билеты для нас были приобретены мной в специальном автомате с ошеломляющей скоростью. Примерно с такой же скоростью в голове проносились мысли. Я боялась даже смотреть по сторонам, как-будто бы за нами гонится толпа вооруженных бандитов. Конечно, это было не так, но таинственная преступная организация, я знала, уже оплела нас своей мощной паутиной. Мы бились в ней как бабочки, но мы бились!

Изучаю карту метрополитена. Линия E, на которой мы оказались, может за час и пятнадцать минут довести нас до Манхэттена. Принимаю решение выйти где-то посерединке, на 34 street. Что дальше?

— Че за хрень происходит?! — капризно тянет Катя, дергая меня за руку, — Женя...

Несмотря на, мягко говоря, нестандартность ситуации, строго ей выговариваю:

— Слушай, давай без вот этих выражений? Положение серьезное, Катя, скрывать не могу и не буду. Короче! Ты молодец, среагировала быстро. И во всем мне помогла. Суть в том, что мистеру Томпсону и его конторе доверять нельзя.

— Э... а раньше ты не могла об этом узнать?

— Выходит, что не могла, — развожу руками, — так случилось, прости. Ну, дура я. Вернее, не хватило времени и сил на полный сбор информации, а сейчас выяснилось кое-что очень неприятное про их лечащих врачей. У них недостаточно опыта. Ты уже взрослая, Катя! Наша с тобой задача теперь вернуться домой, вместе. И желательно без приключений. Ясно?

— А что, нельзя было сказать мистеру Томпсону, что мы передумали? — запальчиво возражает она, — мы тупо сбежали, и все?

— Да, тупо сбежали, — я наклоняюсь к ней ближе, стараясь говорить потише. Хотя мы и в Америке, но это Нью-Йорк. Здесь многие знают русский, — Катюнь, ты ж меня знаешь всю жизнь как адекватного человека?!

— Не всегда, — бурчит она.

— Ну, просто поверь мне! Не хочу нагнетать, но это очень плохие люди. Было лучше уйти так. И будет ещё лучше, если мы им не попадемся. До самого нашего отъезда. Здесь мы чужаки, на чужой земле, за нас никто не заступится, в случае чего..

— Но не заставят же они нас? — простодушно восклицает она так, что стоящая рядом афроамериканка вдруг начинает посматривать с любопытством в нашу сторону.

— Заставят, Катя, — очень серьезно отвечаю я, — не кричи. На вот, выпей воды, — тяну ей бутылку, — мы подписали документы о согласии, им надо отмыть свои деньги, которые потратились бы на нас, и частично пошли им.

Конечно, я несу полную чушь.

Безбожно вру. А вернее, безбожно смягчаю ту правду, с которой мы столкнулись напрямую. Настолько близко, что я уже даже почти почувствовала дыхание смерти! Черные трансплантологи. Я ещё не понимаю до конца суть действия той адской схемы, которую попытались бы применить на нас, но это уже детали.

— Все будет хорошо, малышка, — подмигивая ей ободряюще, улыбаясь, хотя вовсе не чувствую сейчас такой уверенности, — мы выберемся! Самое главное мы уже сделали —

сбежали от них. Теперь только продержаться бы немного, до отлета. Я знаю, что делать.

На самом деле, это не так. Однако последнее сказанное мною было правдой.

— И что, я уеду по-прежнему смертельно больной, и в моей жизни ничего не изменится?! — в ее голосе звенят слезы.

— Ты сейчас капризничаешь, малыш, — говорю твердо, — ты вылечишься дома, и к совершеннолетию будешь абсолютно здорова! Мне говорили в горздраве, очередь на почки двигается быстро. А сейчас наше дело — унести ноги. Мы просто хотели немного ускорить этот процесс, попытка не удалась. Ты понимаешь?

— Понимаю. А почему ты думаешь, что там плохие врачи?

— Я не думаю, я знаю. Хочешь помочь мне сейчас вытащить нас?

— Да... Что я должна делать? — этот вопрос дается ей непросто.

— Не мешать. Мне нужно хорошо подумать, пока мы доедем до нужной станции. Там мы перекусим, и ты примешь лекарства, затем двинемся дальше. Нужно просто слушать меня и делать, что скажу, без лишних вопросов, окей?

Она кивает с потерянным видом.

— Эмоции и вопросы, это все потом, — продолжаю инструктировать ее, — все что ни делается — к лучшему, Кэт! Жизнь научила меня, поверь. Посиди тихонечко пока, посмотри в окно, ладно?

— Ладно, — сердито отвечает она, отворачиваясь к окну, — не волнуйся, я буду слушаться тебя во всем. Ты же моя сестра. Я верю тебе. Кому мне ещё верить?

— Вот и умничка.

В глазах начинает предательски пощипывать от непрошенных слез, но я коротко целую ее в висок, отворачиваясь в противоположную сторону.

Сейчас не время раскисать! Хоть внешне до одури спокойная, на самом деле я давно натянута как струна. Возможно, я сохраняю здравый смысл во многом именно благодаря Кате рядом со мной, и чувствую свою огромную ответственность за ее судьбу.

Убеждаю себя в том, что все идет неплохо. Чтобы отвлечься и переключиться немного, наблюдаю за тем, что кипит жизнью вокруг нас.

Если сравнивать с московскими, петербургскими или киевскими станциями, сравнение безоговорочно будет не в пользу нью-йоркского метро. Из моих воспоминаний пятнадцатилетней давности, в большинстве станции — чистый функционал и ничего более. Эстетики — ноль. Да и крысы между рельсами не такая уж редкость. Тем не менее, сами вагоны достаточно удобные, линий и пересадок великое множество. Метрополитен охватывает большую часть Нью-Йорка и, в целом, свою работу выполняет.

Среди маршрутов есть так называемые экспрессы, останавливающиеся только на крупных узловых станциях, а есть так называемые локальные, соответственно, осуществляющие все остановки. Работает метро круглосуточно. Способ оплаты — пластиковая магнитная карточка «метрокард», которую можно купить в автоматах на любой станции.

Какое-то время еще бесцельно наблюдаю за броуновским движением толпы. Люди на станциях заходят-выходят, выходят-заходят... Никакой спешки или суеты.

Почему-то это успокаивает.

Продолжаю размышлять над нашим положением. Слава Богу, деньги на обратную дорогу есть, но впритык. Небольшой запас лекарств тоже. Я могу купить билеты онлайн.

Ясно, что соваться в сам аэропорт в ближайшее время опасно. Как ясно и то, что

сегодня придётся где-то переночевать.

Можно добраться до пригорода и найти что-то недорогое. Сейчас, на станции, мы выйдем и пообедаем, потом неплохо бы вспомнить, есть ли у нас в этом городе друзья. Друзья — это, конечно, сильно сказано, скорее знакомые. Вдруг нас будут искать, или даже вот прямо сейчас идут, как ищейки, по нашему следу, и нам бы лучше где-то отсидеться пару дней? Или понадобится какая-либо информация? Посмотрим. Мучительно напрягаю память, вспоминая миссис Джонс, которая преподавала мне на курсах в колледже. Хизер Джонс. А вспомнит ли она меня?

И что я ей скажу? Что мы здесь проездом?!

В волнении кусаю губы. Приятели по колледжу, с которыми я более или менее общалась, сами были приезжие из разных стран, как правило, славянских. Хотя, мне удалось восстановить в памяти пару фамилий местных. Теперь надо придумать, как бы раздобыть их контакты. В Нью-Йорке это легко — телефонный справочник. Поищем его, как перекусим!

Выходим на искомой станции, какой-то отрезок пути бредем в общем потоке людей. Здесь неуютно и присутствуют запахи канализации, хочется быстрее подняться наверх. Выходим в город! Дышим чистым воздухом и свободой, и Катька, несмотря на ее печаль, уже улыбается, осматриваясь.

Вот что значит пятнадцать лет! Такой прекрасный возраст, когда кажется, что мир вокруг тебя играет красками, очень яркий, еще непознанный и потому удивительный.

Я была ненамного старше ее, когда приехала сюда впервые, и получила поистине неповторимый жизненный опыт! Бесценный опыт. За это маленькое лето пережив эмоций больше, чем за всю мою последующую жизнь вплоть до сегодняшнего дня.

Катя смотрит на уличные хот-доги, и глаза ее загораются — пугаюсь.

— Ну ты с ума сошла, — не очень уверенно, впрочем, говорю я ей, — ещё не хватало, чтобы тебе здесь поплохело от уличной еды! Нет и ещё раз нет. Посмотри на руки этого метиса, — имею в виду торговца хот-догами в заляпанном фартуке, — попробуешь, но в кафе, окей?

— Окей, — отвечает сестра. Мы, не откладывая это дело в долгий ящик, заходим в один из кафетериев поприветнее, и я заказываю еду на вынос.

— Нам сейчас безопаснее присесть покушать где-то в скверике, — объясняю ей, — чтоб не привлекать лишнего внимания. По-моему, приезжих всегда видно издалека.

Катя горестно вздыхает, соглашаясь. Ориентируясь на наши вкусы, заказываю. Она готова заменить хот-дог на сэндвич с салатом, ветчиной и сыром — я заказываю два, а ещё покупаю яйца всмятку, воду без газа, кофе и немного бисквитного печенья. Это самое невредное из всего, представленного в меню.

Упаковав бумажные контейнеры с едой в красивый пакетик, официантка с улыбкой протягивает его мне. Оставляю ей немного чаевых сверх получившейся суммы.

Отправляемся на ближайшую лавочку в сквер, достаём влажные салфетки. Вообще, здесь многие едят на улице, так что мы не привлекаем внимания своим ланчем. Еда оказывается вкусной!

Но расслабься ещё очень рано. Оставляю Катюшу со всеми нашими вещами, на лавочке, принять лекарство и отдохнуть немного. Сама же рыскаю по ближайшим магазинчикам, пока не нахожу книжный. Вроде бы столь многое поменялось в этом городе за те пятнадцать лет, что меня не было, хотя глобально — ничего.

Телефонный справочник Нью-Йорка стоит двадцать пять долларов.

Кручу его в руках и понимаю, что мы не можем себе позволить такую трату ради нескольких телефонных номеров. Значит, придётся пойти на "военную хитрость". Возвращаюсь в скверик, прокручивая в голове разные варианты.

— Катюня, справочник с телефонами нам сейчас не по карману! Давай так. Вернемся в магазин вместе, я отвлеку продавца болтовней, а ты быстренько сфоткаешь на телефон вот эти фамилии с номерами, — пишу ей фамилии на клочке бумаги, ручка и блокнот «живут» в моей сумочке всегда. Замираю на секундочку... В памяти всплывает ещё одна фамилия. Вернее сказать, она никогда никуда из нее не девалась. Пишу и ее, вручаю Кате, — держи! Будешь делать вид, что просто смотришь справочник. На тинейджеров в магазинах редко обращают повышенное внимание. Справишься?

— Конечно, — с готовностью откликается она. Мрачною.

— Но, придётся пойти на некоторый риск. Фотики у нас только в телефонах. Включим ненадолго твой, он для тебя привычнее, окей?

— Да.

— Сразу поставим на беззвучный режим. Если будут звонить, кто бы ни звонил, трубку не бери, хорошо?!

— Да.

— Я найду в магазин первая, ты — через минуту..

— Поняла.

— Включишь перед входом, и как только выйдешь, выключай. Встречаемся в скверике!

— Жека, ты прямо как Нат Пинкертон!

— Нат Пинкертон поневоле, — бурчу, а сама только и думаю о необходимости включать телефон, во рту аж пересыхает от волнения, — а вернее, по собственной глупости... ну что, готова?

Она кивает.

— Тогда удачи! Там продавец сухонькая старушонка, ничего не бойся. Если что, твоего английского хватит, чтобы сказать, что ты отвечала на смс, если прицепится. Я буду рядом, если что. Давай, до встречи.

— До встречи!

От переживаний покалывает пальцы, как-будто бы мы совершаем что-то очень противозаконное. Волоча за собой наш багаж, вхожу в магазин и приветливо обращаюсь к продавщице.

— Еще раз добрый день, подскажите, пожалуйста, — ставлю чемодан рядом с собой, — я уже заходила к вам недавно, но не увидела того, что искала. Прошлась немного ещё, здесь больше нет книжных магазинов! Или есть? Я выбираю путеводитель по городу, но не простой, а конкретно по достопримечательностям. А ещё меня очень интересуют музеи, и время их работы...

Болтаю, сколько хватает сил и словарного запаса! Она интересуется туристка ли я, спрашивает, откуда прибыла к ним. Достает пачку разнообразных путеводителей, смеётся.

— Вам нужно было сразу обратиться ко мне!

Краем глаза замечаю, как Катя входит в магазин. Проходит четко к описанному мной стеллажу с периодикой.

Все проходит крайне удачно, если не считать явной печали продавщицы от того, что я ничего не купила, придравшись для естественности к каким-то мелочам. Ну ничего, зато немного развлекла ее — в магазине пусто.

Как и договаривались, встречаемся в скверике. Радуюсь, хвалю Катюшку. Она вздыхает — ей очень мешали звонки с незнакомых номеров, которые она просто сбрасывала. Умничка. Мельком смотрю номера, ну конечно, американские. Мистер Томпсон и иже с ними.

Аккуратно переписываю телефонные номера со сделанных Катей фотографий, в том числе и тот заветный, крайний номер. Вообще-то их два, две одинаковые фамилии и похожие инициалы. Тут же отключаю телефон, забрасываю его в чемодан как можно дальше.

Отвожу Катю с нашими вещами в другую часть сквера, меняем дислокацию. Ищу и нахожу телефонную будку. Это второй по экономичности вид связи в США. Телефонные автоматы в Америке встречаются достаточно часто, купить телефонную карту можно в газетных киосках, на заправках, в продуктовых магазинах и в аптеках. Словом, где угодно! Покупаю такую карточку в ближайшем киоске. Захожу в будку с учащённым сердцебиением.

Но в этот раз все не то. Хизер не поднимает трубку, а одноклассница далеко не сразу узнает меня, что вполне понятно. Я не решаюсь ни о чем просить, просто говорю ей, что проездом в Нью-Йорке. Она весело предлагает мне встретиться на днях в Старбакс, вспомнить былое. Вежливо соглашаюсь, с оговоркой на то, что позвоню, если ещё буду в городе.

Вот и все. А на что я надеялась?! Не знаю сама. Хотя, знаю. С великой надеждой и смешанными чувствами, перед тем как накрутить их на диск, впиваюсь взглядом в заветные цифры номера телефона последнего в этом списке имени...

«Принцесса, пожалуйста, — беззвучно произносят мои губы, когда я это делаю, — помоги мне».

Секретная разведывательная служба Великобритании МИ-6, отдел внешней разведки

В кабинете, за массивным письменным столом сидят двое молодых мужчин, одетых по-деловому, но без галстуков и пиджаков. Даже неопытному наблюдателю сразу стало бы понятно, что оба они — оперативники высшего звена. Их стройные поджарые тела выдают недюжинную силу, но это скрытая сила, без горы мышц и прочей внешней атрибутики. Острый взгляд одного из них выхватывает несколько фотографий, лежащих на серой папке, подписанной «One more life».

— Можно? — спрашивает он, сидя напротив хозяина кабинета в кресле посетителя. Тот усмехается:

— Тебе можно все, Спенсер.

— Звучит неприлично, — его визави подтягивает пальцами фотографии, раздвигая веером перед собой.

— Знакомые лица?

— Возможно, — задумчиво отвечает Спенсер. Синеглазый, темноволосый, он представляет собой образец чистой мужской красоты, с четким, чуть резковатым профилем, очень чувственными губами и правильными чертами лица. Только пытливый взгляд может как-то выдать в нем опасного человека, — у тебя есть их имена, Хилл?

Хилл кивает.

— Можешь полистать папочку. Список прикреплен на первом листе.

— Очередная партия?

— Что-то вроде.

Спенсер справляется довольно быстро, а затем возвращает папку, аккуратно вложив в нее изученные фото стопкой.

— Поработаем вместе, — изрекает он с улыбкой, — я буду говорить с Костнером по поводу того, чтобы подключиться к вам. Сегодня.

— Это приятно! Но что тебе известно, Алекс? Это как-то может быть связано с твоими террористами?

— Да, напрямую. Если позволишь, я дам тебе информацию попозже, нужно проверить кое-что, — Алекс Спенсер поднимается, — спасибо! Извини, дела.

— Агент А?

Алекс смотрит на Хилла выжидательно, он уже у дверей.

— Тусанем вечером?

— Вряд ли, — агент уровня А улыбается, — вечером я надеюсь уже быть в командировке.

— Далекко?

— Штаты. Это ненадолго, вряд ли Костнер даст мне больше пары дней.

— Удачи!

— Вот она мне точно пригодится, — Алекс хмыкает, — и тебе удачи, до встречи.

— Ну ты держи меня в курсе дела, и все такое.

— Само собой. Будь другом, скинь мне все, что у тебя есть по этому фонду!

— Без проблем, в течение часа будет, только закончу с Мелиндой.

— Договорились.

Сорок минут спустя

— Каким образом это связано с террористами, агент А?! Вы же понимаете, что затягивать операцию по ликвидации «Алькатраста» нельзя.

— Да, я понимаю. Но надежный источник проинформировал меня, что один из руководителей «Алькатраста» может быть связан с фондом, мне нужно проверить его контакты.

— Что за фонд? Его разрабатывает Хилл, насколько я помню, он идет в связке по одному из его дел.

— Подключите меня к Хиллу. Это преступная организация, они занимаются черной трансплантацией с привлечением доноров-граждан стран третьего мира, как правило, и сотрудничают с полулегальными экспериментальными лабораториями..

— Нам это не интересно! Кто их контакт?

— Это я и собираюсь выяснить. Контакт может повлиять на ход нашей операции.

— Где?

— Нью-Йорк.

— Хорошо, — худощавый высокопарый старик устало потирает переносицу, но уже в следующую секунду он по-прежнему собран. В его кабинете с высокими потолками, которые уходят вверх и буквально теряются в темноте, царят холод и полумрак. Теплый здесь только ободок света, отбрасываемый на стол исполинского размера старинной настольной лампой. Вся мебель в кабинете старинная, возможно даже раритетная, в каком-то викторианском стиле. Зато оргтехника на столе старика ультрасовременна, — в вашем распоряжении два дня. И я жду подробный отчет.

Агент А коротко кивает.

— Вы работали больше года над «Алькатрастом», — замечает старик, — и добились разрешения на проведение операции на самом высоком уровне. Это серьезный успех! Сейчас каждый ваш шаг, даже малейший, должен быть осмотрительным, не забывайте. Без санкций не действуйте.

— Я понял, — агент А также серьезен и собран, — и очень хорошо осознаю все риски, мистер Костнер. Я могу приступить?

— Приступайте.

Глухо. Невезение. Мы совсем одни!

Стараясь не падать духом, выхожу из телефонной будки с улыбкой. Улыбка для Кати.

Сама же просчитываю варианты — что дальше? Никто не отозвался, а те, с кем довелось пообщаться, оказались или однофамильцами людей, которых я вспомнила, или не вызывающими доверия, а может быть, просто какой-то шестое чувство, инстинкт, не позволил мне довериться им хоть немножечко.

Ну и ладно, зато я попробовала. Зато мы на свободе.

Возвращаемся в метро, чтобы добраться Бронкса — один из районов Нью-Йорка, большинство населения которого состоит из латиноамериканцев. Это далеко не лучший и не самый спокойный район, но там реально найти недорогое жильё на пару дней. Скоро вечер, а значит надо поторопиться!

Конечно, душа моя стремится сейчас в крупнейший русский анклав совсем другого района этого города, Бруклина — Брайтон Бич. Остро хочется русской речи и привычной еды. Иллюзии дома. Там тоже полно недорогого жилья, но если нас ищут — а я почти уверена, что это так, то наверняка сработает стереотип, что славяне едут поближе к своим.

В любом другом случае мы бы уже были на Брайтоне.

— Катюнь, давай прикупим где-то еды и поселимся в одном симпатичном райончике, он для нас, как это ни странно, самый безопасный сейчас, — я умалчиваю, что его населяют сплошь латиносы и афроамериканцы. Ох, как бы не вляпаться в приключение, хотя нам ли говорить о приключениях! Пятнадцать лет назад я бывала и здесь, ничего очень страшного не припомню. Хотя, что вообще может быть страшно в семнадцать лет, да ещё и в компании человека, которому доверяешь не то, что свою жизнь... всю себя! Хмурюсь, отгоняя непрошенные воспоминания. Как-то не до них.

Но здесь они неизбежны, и я смиряюсь с ними, я принимаю их. Почему-то было больно, когда ни один абонент с его именем, а их всего-то два, не оказался тем самым. Только из-за невозможности помочь? Или что-то ещё? Такое давнее, забытое, что щемит сердце, — вот, кажется, на этой станции можно выйти и купить продуктов. Пойдем, Кэт!

Бредём потихоньку.

Я не хочу искать магазины в беспокойном Бронксе. Мы с нашими дорожными сумками привлечем внимание всякого сброда, это к гадалке не ходи. И без того рискуем! Стараясь максимально все сделать «на берегу». Тащу все вещи на себе, нахожу лавочку, зону wi-fi. Там быстро ищу жильё в Бронксе через Катин телефон. Черт, да, пришлось включить опять.

В Нью-Йорке днем с огнем не сыщешь интернет-кафе. Мы так устали, обе, что чувствуем опасности совершенно притупилось. Даже почти уже не испытывая страха, сбрасываю вызов с незнакомого номера. Мысленно посылаю абонента в далекое пешее.

Катя молчит, повесив нос. Равнодушно слушает, как я созваниваюсь по нескольким вариантам. Бронирую по телефону маленький номер в захудалом отеле, сейчас главное, чтоб нас взяли. Радостно направляюсь за едой в ближайший супермаркет, оставив Катю с вещами и переживаю страшно, но другого выхода нет.

Ей нехорошо. Она пьёт воду мелкими глоточками на лавочке, а я молюсь, стоя в очереди на кассе, чтобы обошлось без приступа.

Наконец, мы в Бронксе! Мои руки просто «отваливаются». Заметно вечерет. По

телефону я до мельчайших подробностей выяснила адрес у администратора отеля, куда мы держим путь. Поэтому довольно быстро находим его.

Стоит пару слов сказать и о Бронксе. Конечно, он совершенно не туристический. Огромные высотки соседствуют со старыми домами. Стоят они под миллион, однако в них еще нужно, что называется, вкладывать и вкладывать.

Русские здесь тоже проживают, и их немало. Картина вокруг нас в целом неприглядная, одна серость да мрачность. Хотя мы особо не смотрим по сторонам. Побыстрее бы добраться до номера и завалиться на кровати.

Сегодня уже можно никуда не выходить, едой и водой мы запаслись.

И мы даже почти у цели, когда я вдруг вижу перегородившего нам дорогу ко входу в отель человека. Он появляется будто черт из табакерки. А потом еще одного, рядом с этим! Сердце пропускает удар. Бледнею.

— Евгения? — спрашивает тот негромко, полуутвердительно. Останавливаюсь так резко, что сзади в меня чуть не впечатывается Катя.

— Кто вы такие? — произношу одними губами, очень тихо.

Я не знаю, что нам делать.

— Вы должны проехать с нами, — веско отвечает он, и глаза у него очень злые. Вдвоем они начинают незаметно теснить нас обоих к обочине, у которой припаркован чёрный автомобиль. В нарастающей панике, я хватаю сестру за руку, — садитесь, и без шума.

— Здесь какая-то ошибка!

— Нет здесь ошибки, — слышу злобное шипение и, невольно повернув голову, натываюсь на взгляд побагровевшего Томпсона, сидящего в автомобиле со спущенным стеклом.

— Вам нечего бояться, вы среди друзей. Присаживайтесь! — спокойно, даже как-то буднично просит неизвестный человек в черном, — и не обращайтесь на Томпсона. Он просто переволновался, пока мы искали вас. Объясним все в дороге...

Он открывает дверцу и толкает туда плачущую Катю, затем рывком отнимает у меня чемодан и сумку, чтобы забросить их в багажник при мне тут же.

Второй поделник просто стоит рядом, равнодушно наблюдая, но я чувствую, что он готов схватить меня в любой момент в случае чего. Беспомощно озираюсь по сторонам — на улице уже смеркается, на нас никто не смотрит, да и редкие прохожие отнюдь не вызывают ни малейшей надежды на помощь.

— Я сообщила в полицию! — тупо произношу, они лишь улыбаются.

— Присаживайтесь.

— Вы не имеете права...

— Садись, тварь, — человек справа одним быстрым движением больно хватает меня за волосы и, ругнувшись, затаскивает в автомобиль, бросая на сиденье рядом с плачущей сестрой.

В глазах моих темнеет от ужаса — впервые в жизни я ощущаю, насколько близка к потере сознания.

Глава 10

15 лет назад

Каждое лето жилой район Бруклина Кони-Айленд становится центром отдыха и развлечений. Местные жители и туристы стекаются на пляж, чтобы покататься на колесе обозрения Wonder Wheel, и собираются в парке развлечений Luna Park с его легендарным аттракционом Cyclone. Праздничная атмосфера дополняется выступлениями уличных артистов, а в июне здесь проводится Парад русалок. В этом районе также находится закусочная Nathan's Famous, в которой каждое 4-е июля проходят соревнования по поеданию хот-догов.

Словом, место развеселое! Обычно я с Дженни, местной девчонкой, и со своими сокурсницами китайкой Сюинь Вэй, грузинкой Лале Самчкуашвили с удовольствием проводим время здесь каждые выходные.

Но сегодня, в субботний погожий денёк, все идёт не как всегда. Для начала, с утра моросил дождь, и это было удивительно, потому что в это время года дожди большая редкость. Мы даже немного промокли, пока добежали до козырька какого-то магазина. Он прекратился так же внезапно, как и начался.

Потом у Дженнифер украли кошелёк, чему мы не очень удивились, хотя и очень огорчились. К счастью, денег там было немного. И наконец, Лале нашла билетик на один шикарный аттракцион, а мы с Сюинь докупили вкладчину ещё три, и очень лихо прокатились.

В моем телефоне накопилось уже, наверное, миллион фоток. Я как раз сосредоточенно удаляла лишние, слишком похожие, с азартом откусывая от своего рожка с мороженым большие куски холодного лакомства, когда вдруг случайно замечаю пристальный взгляд того самого наглого мальчишки с набережной.

По спине проходит легкий озноб, но это отчего-то приятное ощущение. Как-будто я встретила давнего друга, которого не видела много лет. Очень странное чувство.

Забываю про мороженое. Будто нечто во мне щелкнуло невидимым переключателем, и я думать не могу больше ни о чем другом, кроме как об этом незнакомце!

Признаться, я недовольна. Он мешает мне наслаждаться Луна-парком и этим теплым летним днём! Бешусь. Демонстративно не смотрю на него, пока меня не пронзает догадка.

Да мы же просто притягиваем взгляды местных воришек, видно же, что иностранки. Все, кроме Дженни. Она начала общаться с нами как волонтер и носитель языка, но мы быстро подружились и впоследствии много времени проводили вне стен колледжа.

А вдруг он вор? Невольно кладу руку на сумочку, притягивая ее к себе поближе. Надо предупредить девочек.

— Сзади нас один странный типчик, — говорю я им, и тут они дружно оборачиваются, таращась на него, а я краснею до корней волос. Как свекла, — не стоит смотреть всем сразу! Он может быть вором, так что приглядывайте за своими вещами..

Дженни звонко смеётся. Она выглядит как типичная калифорнийка — светлые волосы и шоколадный загар. Я тушуюсь, а каждая из них считает своим долгом дать оценку этому чудаку.

— Очень симпатный, — изрекает Лале.

— Вряд ли он вор, — добавляет Дженни, соглашаясь с ней, — но опасный. Это ж видно! Асоциальный тип.

Сюинь пожимает плечами, записывая в свой телефон за Дженни новое словечко — есть у нее такая привычка, но на всякий случай переворачивает свой плоский рюкзачок со спины на живот.

Мы как раз собираемся на последний аттракцион за сегодня. Комната страха! Встаем в длинную очередь, которая, впрочем, довольно живенько продвигается. Искоса быстро осмотревшись, убеждаюсь, что этот пацан исчез из нашего поля зрения. Наконец доедаю подтаявшее мороженое. Приветливая афроамериканка протягивает мне билетик взамен на доллар. Переходим на спецплощадку, усаживаемся в вагончики.

Суть аттракциона в том, что вагончики, рассчитанные на одного человека каждый, в сцепке в виде поезда заезжают в мрачное строение — комнату страха. И также благополучно выезжают оттуда через минуточку-другую.

Слышим визги из домика, посмеиваемся. Адреналин зашкаливает. Усаживаемся. Пристегиваю ремень безопасности покрепче, вдруг нас будет «штормить»?

Поехали! Вначале попадаем в крошечный мрак, справа и слева выскакивают куклы-зомби или переодетые актеры на фоне красноватого освещения. Сюинь впереди меня визжит. Зажмуриваюсь на секунду, и не зря — валят клубы дыма, среди которых на нас несётся что-то жуткое, утробно рычит, натурально брызгает водой. Теряюсь в этой какофонии дыма, воды и криков, как вдруг нас догоняет один из зомби, хватая за рукав каждого сидящего — тут уже кричу и я! Внезапно выныриваем на свет всем поездом, несемся по рельсам, потом замедляемся... Я все ещё пребываю под впечатлением от увиденного, машинально отстегиваясь, спускаясь с подножки вагончика, как вдруг кто-то на секунду крепко обхватывает меня за талию.

Бережно снимает с невысокого постамента, на котором расположился импровизированный поезд, чтобы поставить на землю и тут же отпустить.

— Привет, — широко улыбаясь, говорит мне тот загадочный парнище. Обалдеваю.

— Привет.

— Я — Алекс, — безапелляционно тянет руку, робко пожимаю ее, — иностранка?

— Да. Это так заметно?

— Мне да. Как тебя зовут?

— Джейн, — лепечу, оглядываясь по сторонам в поисках подружек. Так меня обычно и называют здесь, на американский манер, я привыкла. Замечаю их, они хихикают примерно в паре метров от нас.

— Ну, я пойду, — пишу. Он перехватывает мое запястье уже когда резковато стартую от него.

Что за наглость?

— Эй, Джейн, я вообще-то хотел пригласить тебя на свидание!

— Что, вот так сразу? — я откровенно шокирована.

— Ну да, а чего тянуть? Или тебе нужно письменное приглашение? Где ты живёшь? Я пришлю.

Он издевается?

То краснея, то бледнея, прошу его отстать и, если честно, моя перебежка к подругам сейчас больше похожа на бегство. Но я повисаю на Дженнифер, не оборачиваясь. И ругая себя!

Почему я так протупила, а ведь надо было всего-то улыбнуться в ответ и сделать вид, что мне все-равно. Сказать, что я не знакомлюсь на улице. Не хожу на свидания. Что у меня есть парень... В голове сто ответов сразу, один удачнее другого!

А затем спокойно удалиться, сказав на прощание «пока, удачи», ну или просто «пока». Может быть, подмигнуть. Или нет, не подмигивать.

Пока я напряжённо размышляю, подруги галдят. И даже обычно флегматичная Сюинь оживляется.

— Как красиво он поставил тебя на землю с вагончика, — мечтательно замечает Лале.

— Что он тебе сказал? — интересуется Дженни. Я нехотя признаюсь, что он представился и хотел пообщаться, но я его отшила. Девочки дружно заверяют меня, что это было круто! Я тоже так думаю.

По пути домой мы заходим в закусочную выпить по чашке чаю, и зависаем там на долгих пару часов. Мне грустно оттого, что сегодняшней поход в Луна-парк выбил меня из бюджета, по меньшей мере, до следующего месяца. Разве только подработать где-то.

Мы с девчонками обсуждаем это. Дженни уже подрабатывает в кинотеатре, но только до осени, так как она уже поступила в колледж. Она берется похлопотать за нас с Лале, которая тоже выражает горячее желание подработать. Но все мы понимаем, что это будет низкооплачиваемая неофициальная работа по типу мытья полов, и то, если повезёт. Дженни говорит, что слышала от знакомой, официантки в баре, что они никогда не отказывают посудомойкам, оплата почасовая. Я всерьёз задумываюсь об этом.

Было бы здорово приехать из Америки не с пустыми руками, накупив всей родне и друзьям подарки. Конечно, на те крохи, что имеются в моем распоряжении сейчас, я не смогу купить ничего толкового, разве что магнитики на холодильник.

Каково же наше удивление, когда на входе в закрытую для посторонних зону колледжа и общежитий при нем, охранник вручает мне длинный узкий конверт! Я немедленно распечатываю его.

В конверте лист бумаги, на нем нацарапано всего несколько слов. Записка странная, с адресом набережной и номером лавочки на ней, если считать слева от закусочной. Мне что, их считать что ли?! Это если я вообще туда пойду. Интересуюсь у Дженни, пронумерованы ли лавочки на набережной. Она качает головой и отвечает, что вряд ли. В записке также указано время — завтра, шесть вечера. Ах да, и подпись! Алекс Спенсер.

Сую конверт в карман, небрежно скомкав вдвое. Бумага хорошая, плотная. Девочки посмеиваются, выспрашивая, пойду ли я на свидание. Конечно, я все рассказала им! А что, если решу пойти? Так хоть будут знать, с кем я. Вдруг маньяк? Смеюсь вместе со всеми.

— Куда вы нас везёте? — стараюсь сохранять спокойствие. Присутствие рядом озлобленного Томпсона невыносимо, поэтому просто игнорирую его. Понимаю, что мне могут не ответить, но не хочу показывать им свой страх.

— Успокойтесь, Евгения, — вполне миролюбиво обращается ко мне господин, сидящий на переднем сиденье и, очевидно, играющий сейчас роль «хорошего полицейского». Все остальные, включая Катю, молчат, — доставили же вы нам хлопот!

Я тоже молчу, ожидая продолжения.

— Но, все хорошо, что хорошо заканчивается. Не так ли?

Он цедит слова, словно взвешивая каждое. Но, хотя бы говорит что-то!

— Куда вы нас везёте? — повторяю свой бессмысленный вопрос, возвращая его к сути нашей проблемы. К сути того, на чем сосредоточены сейчас все мои помыслы, и животный страх смерти или чего-то ужасного поневоле заставляет мое тело цепенеть.

— Туда, где мы поговорим, — он наполовину оборачивается, чиркая по мне взглядом из-за плеча.

— И советую вести себя разумно! Вы уже ничего не измените. Но можете сделать наше общение приятным, максимально смягчив условия вашего пребывания здесь, и последствия нашего сотрудничества. Все подробности позже. Я итак сказал слишком многое, из моей симпатии к вам.

Он демонстративно отворачивается и замолкает.

Я перевариваю услышанное, и в голове моей почему-то без конца прокручивается это его «последствия нашего сотрудничества». Какого сотрудничества? У нас что, правда есть шанс выбраться отсюда?!

— Что он сказал? — шипит сестра, вцепляясь двумя руками в мой локоть.

— Все хорошо, — бесцветно, с трудом произношу я, понимая, что, на самом деле, ни хрена не хорошо, — Кать. Будь сильной. Тебе-то точно ничего не грозит!

— А тебе?

Нет сил отвечать.

Моя догадка оказывается верна — на каком-то этапе пути нам закрыли лица черными платками, и привезли в некий дом на окраине.

Вокруг уже была темень, поэтому осматриваться не было смысла. И вот мы уже сидим за одним столом перед женщиной, которая вполне доброжелательно ведёт со мной диалог.

Возможно, они посчитали, что женщина больше расположит меня к себе. Мужчины, захватившие нас, тоже здесь. Все, кроме Томпсона, которого куда-то удаляют. Я наотрез отказалась отпустить Катю от себя «отдохнуть в сопровождении медсестры». Передо мной ставят стакан воды и вводят в курс дела.

Их схема достаточно проста.

— У нас для вас есть две новости — хорошая и плохая. С какой начать? — подчеркнуто приветливо интересуется женщина.

Я смотрю на нее с плохо скрытой ненавистью. Она ведь тоже чья-то дочь, возможно мать, возможно сестра... мысленно одергиваю себя! Рвать душу подобными размышлениями сейчас бессмысленно.

— Говорите уже! — отрывисто бросаю.

— Видите ли, вы — молодая здоровая женщина, мы ознакомлены с результатами всех ваших анализов. И вы можете помочь спасти чью-то жизнь! Конечно, мы обследуем вас повторно в нашей лаборатории, прежде чем... Если все будет в порядке, то вы сделаете по-настоящему благое дело.

— Какое дело?

— Мы хотим изъять одну вашу почку для ожидающего спасения больного человека. К сожалению, вы не подходите как донор для вашей сестры, и сами знаете об этом. Операция абсолютно безопасна для вас. С оставшейся здоровой почкой вы прекрасно будете жить, — она объясняет мне обстоятельно и подробно как слабоумной, — и теперь хорошие новости! У нас замечательная закрытая больница, врачи, полная конфиденциальность. Никто ничего не узнает. Вы будете жить с сестрой в хороших условиях, в специальной палате, только вдвоем. Ее безопасность теперь полностью зависит от вашего правильного поведения! Мне жаль, но ей мы помочь не в силах. Наша задача — забота об американцах. Позже, когда вы окрепнете, мы отпустим вас, приобретем вам с сестрой билеты обратно и сопроводим в аэропорт.

Молчу, глубоко шокированная услышанным. Она продолжает:

— О сестре можете не беспокоиться! Питание, проживание, медикаментозная поддержка на все время пребывания, диализ в случае необходимости — всем этим мы ее обеспечим.

— Кто это, мы? — уточняю. Во рту неприятно пересыхает от того, что я спрошу следующим, — я могу отказаться?!

— К сожалению, нет, — скорбно кивает женщина, — а мы — это очень серьезная организация. Пусть и не совсем легальная.

— Не совсем?!

— Но, — подчеркивает, — всячески поддерживаемая на самом высоком уровне некоторыми... гм... госчиновниками высшего звена! Будьте уверены, что нам ничего не грозит. Вы ничего не докажете, даже если захотите пожаловаться кому-то. Официально мы международная благотворительная организация с хорошей репутацией, а что касается вас, то вы подписали договор с нами о предоставлении бесплатной консультации и, по возможности, некоторых гуманитарных медикаментов в Украине и США. И только!

На какое-то время я просто теряю дар речи. Меня планируют сделать донором против моей воли!

— Кроме того, здесь вы с сестрой просто туристы. Еще раз, уверяю, юридически мы абсолютно чисты, — она усмехается. Мужчины, если их можно так назвать, одобрительно помалкивают, — наша организация ворочает миллионами! Вы — букашка против нашей системы. Раздавим и не заметим. Итак, будем считать, что вы предупреждены.

Повисает зловещее молчание.

— Теперь ваша жизнь и жизнь вашей сестры зависят только от вас! Ведите себя разумно. И мы сделаем ваше пребывание здесь более чем приемлемым...

— Вы не благотворительная организация, вы — бандиты! — перебиваю я ее резко и отрывисто. От истерики, от крика, от того, чтобы не врезать ей по этой ехидной самодовольной физиономии меня удерживает сейчас только присутствие сестры, — вы просто уроды... Своей почкой поделиться не хочешь?! Благотворительница...

Не выдержав, я вскакиваю с места, сжимая кулаки, тяжело дыша. И все вокруг нас вдруг приходит в движение.

Катю выводят, меня хватают за руки, а я бьюсь среди них как птица в клетке и дерусь как могу, ногами, руками, выкрикивая пустые угрозы, пока они не скручивают меня силой. Проваливаюсь как в небытие, медленно.

Равнодушно наблюдая, словно в замедленной съемке, как кто-то оголяет мое предплечье, делает укол. Тьма окутывает меня своим черным покрывалом со всех сторон сразу, и я бессильной куклой повисаю на чьих-то руках...

Пятнадцать лет назад

Иду не спеша, с ровной спиной, но легкой дрожью в коленках. Считаю про себя лавочки. До последнего я не знала, приду ли сюда! Он и притягивает, и пугает меня. Станный тип.

Между лавочками довольно много пространства... Терзаюсь мыслью, что зря напялила это светлое платье. Надо было просто надеть джинсы и толстовку, и все. А теперь он ещё подумает, что я хочу ему понравиться! Платье самое обычное, и длина чуть выше колена, но тут все так демократично одеваются. На девочках сплошь джинсы и бесформенный верх. Буду белой вороной.

В тот момент, когда думаю, что повернуть назад еще не поздно, замечаю, что кто-то машет мне с девятой по счету лавочки. Значит, не пошутил? А если бы она была занята, маячил бы рядом?

С этими мыслями, степенно подхожу. Думаю, махнуть ли рукой в ответ? Сердце начинает бешено колотиться, когда вижу широкую улыбку того самого парня.

Я не дохожу буквально двух шагов до лавочки, как он галантно поднимается мне навстречу.

— Привет, — говорит мягко, непринужденно, как будто это далеко не первое наше свидание.

— Привет, — настороженно отвечаю.

— Шикарно выглядишь, — замечает небрежно, а я краснею, — присаживайся, прошу.

Он разговаривает так, будто мы не на обшарпанном куске набережной возле лавочки, а в каком-нибудь изысканном ресторане. Невольно хмыкаю, улыбаясь.

— Вы так любезны, — отвечаю ему, и вся моя робость волшебным образом вдруг куда-то исчезает. Бросаю взгляд на его одежду: джинсы, белая футболка, — вау! Твоя футболка прямо под цвет моего платья.

Плюхаюсь на лавку, кокетливо на него глядя. Ничего не могу поделать со своей улыбкой, она просто не сходит с лица! Впрочем, как и у него.

— Это знак, — он садится рядышком.

— Знак чего?

— Того, что надо хорошо провести время.

Снова немного настораживаюсь, внутренне подбираюсь. Может, зря вообще пришла сюда? Но, я уже не в силах оторвать взгляд от его смеющихся синих глаз, и мне с ним легко. На улице заметно вечереет, хотя все ещё светло, а вокруг много людей. Бояться совершенно нечего! Поболтаю с ним полчаса и поеду в общежитие.

— Так ты и есть Алекс Спенсер? — спрашиваю, просто чтобы разорвать тишину.

Странно, совсем неподалёку от нас снуют люди, сигналият машины и гавкают собаки, а между нами — тишина. Словно очнувшись, он отрывает от меня взгляд и переводит на набережную. Ненадолго.

— Ну да, — отвечает просто. Хмыкаю:

— Как принцесса Диана?

— Что?

— Девичья фамилия принцессы Дианы была Спенсер, — я не знаю, откуда вдруг в моей

садовой голове всплывает этот факт, — ты не ее родственник?

Он искренне смеётся, качает головой.

— Нет, однофамилец. Ты разочарована?

— Может быть, немного.

— А ты и в самом деле Джейн?

— Нет, ты разочарован?

— Не буду, если скажешь свое настоящее имя, — он вдруг прерывает сам себя, — хочешь поужинать?

Перевожу взгляд на закусочную.

— Нет, спасибо, я уже ужинала.

— Тогда коктейль?

Делаю круглые глаза, немного пугаюсь. В жизни своей не пила ничего крепче пары глоточков шампанского. Он ведь не алкогольный коктейль имеет в виду?!

— Разве что молочный, — шучу, но он тут же с загадочным видом уходит, бросив мне:

— Сейчас будет!

Ну надо же! Смотрю на океан.

И он действительно возвращается с двумя бумажными стаканчиками. В одном оказывается молочный коктейль, как и обещано, в другом, судя по запаху, кофе для него. Протягивает мне стакан и запечатанную в бумагу трубочку.

— Ты ведь несовершеннолетняя?

— Да, а ты? — беру из его рук молочный коктейль, мучительно размышляя, предложить ли за него деньги. И вообще. Подозрительно кошусь на Алекса — можно ли выпить то, что дает мне, по сути, незнакомец? Вдруг он подсыпал туда наркотик, или афродизиак какой-нибудь, — спасибо. Сколько я должна тебе за коктейль?

— Нисколько. Мне восемнадцать, а тебе?

— Семнадцать. Но восемнадцать уже совсем скоро, — зачем-то добавляю я.

— И все же, как твое имя? — он отпивает кофе и пристально смотрит на меня, — и зачем соврала?

— Я не врала, меня тут многие так называют, — пожимаю плечами, медленно пытаюсь распаковать трубочку, — американцам так удобнее! Я не возражаю. Мое настоящее имя Женья.

— Женья, — задумчиво повторяет он, словно пробуя мое имя на вкус. Немного коверкая на британский манер.

— Вообще, Евгения. Женья — сокращённо. Ты тоже можешь называть меня Джейн.

— Я не американец, — он забирает из моих рук трубочку, очевидно насмотревшись на мои мучения, и одним резким движением разрывает упаковку. Возвращает мне, прикоснувшись, всего на секундочку, своими теплыми пальцами к моим. Чувствую себя странно, как будто током по коже. На губах застывает улыбка, в голове — всякий бред.

Отпиваю коктейль, он вкусный.

— Я тоже здесь чужак, — Алекс улыбается мне, — брителиш.

— А из какой ты части Великобритании?

— Из Англии.

— И приехал сюда учиться? — я полна любопытства.

— Да, — отвечает он после короткой паузы. Почему-то, — я выбрал для себя направление, но не поступил в этом году.

— Не добрал баллов?

— Не дошёл до университета, — хмыкает, — и теперь, как сказал бы мой дед, прожигаю жизнь. Набираюсь опыта.

Задумываюсь, пытаюсь понять, правильно ли я его перевела для себя. Горжусь своим английским, но, как говорится, трудности перевода всегда имеют место быть. Собираюсь задать уточняющий вопрос, воодушевленно выдав перед этим короткий рассказ о своих языковых курсах. Только интересуюсь, какое именно направление он выбрал в учебе, как к нам подходят парни.

Оборванцы, черные. Весьма гнусного вида! Я видела таких раньше, они нагло разглядывают девчонок в упор, похабно хихикая, и громко кричат вслед в попытке зацепить, или пристают. Обычно я сразу избегаю таких, даже не глядя. Примерно как цыган у нас.

Вздрагиваю, понимая, что они хотят согнать нас с лавочки. Но Алекс и не думает напрягаться — вместо этого он лениво выдает им такое грязное ругательство, что я втягиваю голову в плечи и опускаю взгляд, а парни удаляются в неизвестном направлении.

Вероятно, в том, куда были посланы.

— Если уж надо учиться, то мне ближе всего строительство и архитектура, — спокойно продолжает он.

Повисает неловкое молчание. Алекс замечает мои горящие уши и смеётся. Похоже, он искренне удивлён, что я знаю такие словечки.

— Твой английский лучше, чем я думал, — произносит как ни в чем не бывало, — понимаешь, я говорю с нигерами на их языке! Иначе бы они не ушли, а вот нам пришлось бы свалить.

Прищурившись, смотрю на него. Да кто он такой? Малолетний бандит, наркоман?!

— А если бы они нас просто побили?

— Не успели бы, — отвечает как бы нехотя, — у меня есть некоторые знакомые. Я бы упомянул о них.

— Какие знакомые?

— Эй, а не слишком ли много вопросов? — он вдруг вскакивает с лавки, поднимая и меня за руки очень неожиданно. Увлекая за собой. Внутренне возмущаясь от такой фамильярности, подрагиваю от шквала новых эмоций. Такие быстрые переходы выбивают меня из колеи! — пойдём разомнемся, покажу тебе кое-что.

— Кое-что — это что? — нервничаю, семеня за ним. Сжимаю свой почти пустой стаканчик.

Он крепко держит мою другую руку в своей, и уверенно ведёт за собой. Начинаю паниковать. Вообще-то смеркается. Скоро будет темно совсем. Куда он меня ведёт? Это чистое безумие.

Я останавливаюсь. Алекс останавливается тоже, оборачиваясь, глядя сначала удивленно, затем чуть насмешливо.

— Куда мы идём? Извини, я тебя совсем не знаю.

— На деревянный пирс, это совсем рядом, и среди людей. Боишься остаться наедине со мной?

Это звучит как-то... дразняще. Вспыхиваю. Вынимаю свою руку из его цепких горячих пальцев. Ну, уж это слишком!

Чувствую всю глубину пропасти между нами — хотя нас разделяет всего лишь какой-то условный год, но, я чувствую, что он намного опытнее и взрослее меня. Он отчего-то совсем

не комплексует и не стесняется, а я, напротив, ощущаю себя сейчас маленькой и глупой. И мне это не нравится.

Как-будто он уже мужчина, а я все ещё маленькая девочка. Разворачиваюсь.

— Алекс, мне пора домой, приятно было познакомиться! Общежитие скоро закроют. А ты ведёшь себя неприлично.

Он кажется искренне огорченным, смотрит на свои наручные часы.

— Извини, я испугал тебя?

Опять смущаюсь, а ведь так хочется казаться взрослой и независимой.

— Я провожу, Женя, в любом случае, — настаивает он, — сейчас поймаю такси.

— Откуда у тебя деньги на такси? — спрашиваю строго.

— Ты задаёшь неприличные вопросы, — он улыбается, — извини, но я так воспитан, у нас свидание. Я провожу тебя на расстоянии, если ты не позволишь мне сделать это лично!

— Свидание?

— Нет? — он изображает притворный испуг, и делает это так забавно, что мы оба смеёмся.

— Нет, — отвечаю я, — просто дружеская встреча.

— Так мы друзья? — он как-будто радуется этому.

— Знакомые! Уже. Но возможно, — и мне действительно очень хочется верить в это, — мы подружимся.

И вообще, меня накрывает какой-то кураж.

Его поведение странным образом успокаивает. Кручу головой в поисках деревянного пирса. Интересно, что он хотел там показать? Я ещё не бывала на этом пирсе.

— И окей, проводишь, но только на метро, договорились?

— Договорились.

— И... мы можем сходить на пирс, я думаю. Ненадолго, — добавляю робко, — если ты не передумал.

— А ты? — смеётся.

— Ну, а что там такого интересного? — отвечаю вопросом на вопрос, краснея от вновь накотившего смущения. Любопытство в этот раз победило меня. Алекс внимательно меня изучает — очевидно, что перепады моего настроения забавляют его.

— Что такого мегасуперинтересного может быть на деревянном пирсе? — саркастически произносит он, сражая таким длинным словечком. Запоминаю его. И сам же отвечает на свой вопрос, — ничего! Но... вечером здесь иногда крутятся стайки дельфинов. Хочешь посмотреть?

— Да, — выдыхаю в восхищении, едва не хлопая в ладоши. Наверное, на это стоит посмотреть. Расскажу потом всем своим. Пофоткаю на телефон!

— Но это не факт, — честно предупреждает, и снова нежно берет меня за руку.

Мы куда-то идем. Его жест кажется очень интимным, и волны жара снова так некстати истязают мое тело. Ладонь Алекса теплая, и касается моей, а пальцы переплетаются с моими, отчего меня всю пробирают ужас от его смелости, и приятная дрожь.

Никогда раньше не испытывала ничего подобного! Это удивительно. Правда, опыт общения с противоположным полом у меня небольшой, если не сказать ничтожный.

— А их можно покормить? Может, купить булку или какой-то рыбы типа тюльки, сельди? — простодушно интересуюсь, принаравливаясь к его быстрому шагу и очутившись к нему непозволительно близко.

— Это тебе не мартышки в зоопарке, — отвечает он, — в лучшем случае, подойдут метров за сорок до пирса! Но мы их увидим.

Немного огорчаюсь.

— А во сколько закрывается твоя общага?

Называю точное время. До закрытия ещё целых три часа! Алекс снова бросает на меня насмешливый взгляд, но комментирует коротко:

— Должны успеть.

Наконец, подходим к месту. Пирс и вправду поражает — длинный-предлинный, сплошь из дерева. Люди тут есть, но их мало. Я иду за Алексом, глаза по сторонам, испытывая восторг от криков чаек и от того, как деревянный настил пружинит под ногами.

Мы чуть-чуть не доходим до самого края, как Алекс останавливается. Садимся и свешиваем ноги к океану, через широкие прутья перил. В нос ударяет запах соли, а ветер треплет мои длинные волосы. Ощущение абсолютного счастья!

Между тем, смеркается все больше. На пирсе установлено несколько фонарей, я силюсь разглядеть дельфинов на далеком водном горизонте. Но не вижу ни одного.

Да и фиг с ними, даже если не приплывут, здесь все-равно классно. Разглядываю дрейфующую рядышком яхту. Она освещена — отсюда видны даже диванчики на палубе и накрытый стол.

— Ну что, за встречу? — он касается кончиком своего стаканчика с остатками кофе, моего. Улыбаюсь.

— Давай! Очень приятно познакомиться. Ты, конечно, не принцесса и это не шампанское, но, — одним плотком допиваю молочный коктейль, — все-равно все очень круто.

Алекс прищуривается, ставит свой пустой стакан на пирс — и его тут же уносит ветром. Осматривается. Я вдруг замечаю, что мы практически одни, только где-то у самого берега, вначале пирса маячат две фигурки, очевидно такая же прогуливающаяся, как мы, парочка. Встает, быстро снимает футболку и джинсы, остаётся в одних трусах-боксерах! Я теряюсь. Подмигивает мне:

— Смотри.

И раньше, чем я успеваю испугаться, прыгает прямо с пирса в воду! Шокированная, я вскакиваю, перевешиваюсь через перила. Алекс выныривает из черной, в сгустившихся сумерках, воды, и довольно быстро доплывает до яхты. Беспомощно мечусь по пирсу, наблюдая за этим издали.

Вижу, как он с дьявольской ловкостью забирается на нее. Пригнувшись, пробегает по маленькой палубе. Люди где-то внизу, в освещённой кают-компании, внутри.

Я пребываю в ужасе — такое впечатление, что я сама как бы внутри какого-то фильма, экшена. Замерев, вижу, как Алекс выдергивает что-то из ведерка и бросается с палубы в воду. Да он ненормальный! Псих.

На яхте ничего не замечают.

Хватаю его одежду, чтобы не унесло ветром, и прижимаю к себе, страшно волнуясь. Я не местная, но знаю, что такое холодная вода океана, да ещё и в кромешной тьме. Океан — это непредсказуемая стихия, он как живой организм, постоянные подводные приливы и течения... хоть бы доплыл!

Наши все, ребята с курсов, не рискуют купаться даже днем. Как он доберётся сюда? Или он погребет к берегу? А если не выплывет, то что, куда мне бежать? Позвонить 911?!

Я уже давно не вижу его головы над водой, но здесь темно.

Мне кажется, что проходит вечность, прежде чем слышу, как кто-то плюётся и негромко ругается, карабкаясь по деревянным балкам пирса на самый верх. Я бросаюсь к нему, протягиваю руки.

Но его рука сначала ставит на одну из деревянных досок бутылку, затем через широкие прутья-перила легко запрыгивает и он сам. Да этот псих в отличной форме! Конечно, мои попытки помочь ему взобраться выглядят смешно после такого квеста.

— Ты больной человек! — кричу ему, потому что нарастающий ветер просто не даёт возможности говорить тихо. Я очень зла на него, — ты зачем это сделал?

— Черт, там так грязно и скользко, под пирсом, — он смеётся и смотрит на свои руки, — хочу ополоснуться, но у берега! Возьми, пожалуйста, бутылку. И догоняй.

Мчит хорошей трусцой к началу пирса, видимо, ещё и пытаюсь согреться. К вечеру заметно похолодало. Свою одежду он забирает из моих рук, а я хватаю тяжелую мокрую бутылку, разглядывая ее при тусклом свете фонарей и еле поспевая за ним.

Наконец, мы на берегу! Алекс опять заходит в воду, окунается с головой, но на этот раз совсем ненадолго. Я снимаю туфлю с одной ноги и пробую воду кончиками пальцев. Она кажется мне очень холодной.

Алекс возвращается.

— Что это? — я потрясаю перед его носом бутылкой, пока он прыгает на месте, согреваясь и обсыхая.

— Шампанское. И неплохое! Ты хотела шампанское?

— Я?!

— Ну да. Забыла?

Глубоко вздыхаю, не зная, смеяться ли мне с ним или плакать.

— Я ещё хотела принцессу, где принцесса? — решаю пошутить.

Стараюсь не смотреть на его тело. У него очень красивый рельеф мышц — не перекачан, но явно очень натренирован. Вот это да!

— Зачем тебе принцесса? — хитро интересуется он.

— А зачем мне шампанское?

— Давай разопьем?

— Что?! Я несовершеннолетняя, ты забыл?

— Фу, какая ты скучная, — теперь он отжимается, и это выглядит, блин, очень завораживающе. Снова перевожу взгляд на океан.

— Я хотела уже звонить в службу спасения! Ты знаешь, почему люди не плавают в океане?

— Знаю, из-за течений. А ты знаешь, что делать, если попадаешь в течение? Никогда не плыви к берегу! Надо плыть вдоль берега, и метров через десять-пятнадцать течение тебя отпускает..

— Да что ты? — я все ещё очень зла на него, — откуда тебе все это известно? Ты что, где-то подрабатываешь спасателем?

— Нет, — отвечает как бы нехотя, — я учился в хорошей спецшколе для мальчиков. Там акцент, в том числе, на спортивную подготовку.

— Почему для мальчиков? — невольно заинтересовываюсь этим фактом его биографии. Он пожимает плечами:

— Раздельное обучение.

— Это как?

— Вообще, это норма для частных школ в Великобритании! Государственные школы почти все смешанные, а вот частные практикуют раздельное обучение для девочек и мальчиков.

— Ух ты! А зачем?

— Считается, что это благоприятно влияет на учебу в целом.

Смеюсь. Мне это кажется бредом.

— Ну, если так, тогда надо и раздельные институты, а затем и раздельную работу на предприятиях. Если уж по такой логике, то до конца... это там вас учат так лихо воровать шампанское?

— Нет, — отрезает он, подсушивая свои волосы футболкой, — такому в школах не учат.

— Но ведь частная школа, это очень дорого! Ты богат, что ли? Или твои родители?

— Я из хорошей семьи. Но не из богатой, скорее из обеспеченной. Мой дед, бывший военный, помог пристроить меня туда по своим связям, — Алекс почему-то заметно мрачнеет и умолкает.

Мне хочется поменять тему. Я чувствую, что ему неприятно говорить об этом. Интересно, почему? В голове опять столько вопросов, но не задаю ни одного из них.

Потребность подбодрить его почему-то становится острой, и я подхожу ближе. Касаюсь пальцами холодной, влажной кожи плеча Алекса. Он замирает, пристально взглянув на меня. Отдергиваю руку, как-будто сделала что-то запретное.

— Как ты, согрелся? Может, выпьешь шампанского?

— Только если вместе!

Отрицательно качаю головой.

— Тогда закопаем и отметим им твое совершеннолетие. Только на брудершафт, — улыбается, — так пойдёт?

Грустно улыбаюсь в ответ.

Я знаю, что свое совершеннолетие буду отмечать уже далеко отсюда. Очень далеко! В моей груди щемит, так странно. Кажется, этот псих уже проник мне под кожу. Мы едва познакомились, а я уже сожалею о том, что его не будет на моем дне рождения. Ну не ерунда ли?

— Я понял, ты уедешь к тому времени? — он что, ещё и читает мои мысли?! — или не хочешь целоваться со мной?

Алекс спрашивает это так простодушно-искренне, что сам разряжает обстановку! Смеемся оба.

— Ну что ты, как можно не хотеть целоваться с тобой?! — спрашиваю в притворном удивлении, — ты так мастерски крадешь шампанское...

— В этом деле важнее умение мастерски целоваться, — уместно замечает он.

Краснею. И тут он опять читает мои мысли.

— А ты целовалась когда-нибудь?

— Давай-ка спрячем бутылку, — сердито отвечаю, подхватывая ее и делая вид, что внимательно изучаю этикетку, — а когда распить, придумаем потом.

Алекс легко соглашается, одевая футболку.

— Извини, я сниму мокрые трусы, очень холодно, — говорит запросто, и я стремительно отпрыгиваю от него, отворачиваясь. Отбегая подальше.

Он посмеивается, и что-то подсказывает мне, что уж он-то, скорее всего, не только

целовался! Через минуту подходит ко мне уже полностью одетый.

Может это странно, но я действительно раньше не целовалась. Никогда. Ну, кроме простого чмока в щёчку. Непринуждённо болтая, мы идем вместе искать то место, куда спрячем бутылку.

Прихожу в себя на кровати, в комнате с обоями приятного кремового цвета. Катя рыдает рядом! Обнимаю ее, тихо успокаиваю.

— Ну, чего ты разволновалась? — задаю дурацкий вопрос хриплым, чужим голосом. Не узнаю себя. Мы обе в каких-то больничных пижамах белого цвета. Когда это нас успели переодеть? Не знаю, что мне вкололи, но голова раскалывается.

— Ты сама оделась?

— Да, — она всхлипывает, и шепчет горячо, с дрожью, припав ко мне на кровать всем телом, — потом привели к тебе, кто они такие, Жень? Они сказали, что дали тебе успокоительное. Что не желают нам зла! Что все будет хорошо. Это правда, Жень?

Ну что я должна ответить ей?

Будет ли мне легче, если она тоже будет знать, что я дура, а они преступники? Если ей станет так же страшно, как и мне сейчас.

— Они сказали, что скоро отпустят нас домой, — продолжает Катя, — что донора для меня пока нет, но они дадут мне с собой лекарства вперед на год, а там уже подойдет наша очередь на операцию в Украине! Это правда? Какие мы по счёту в очереди? Чего ты молчишь, тебе плохо?

Да. Мне плохо.

Но я сажусь на кровати, и уже лихорадочно соображаю, просчитывая выходы, не собираясь сдаваться. До последнего.

— Нормально, Катюш! Не переживай! Что они ещё говорили? С тобой общались на русском?

Слезая с кровати и роюсь в наших сумках.

— Да. Жека, они забрали телефоны, — растерянно говорит Катя, — сказали, здесь плохая связь, но мы можем воспользоваться городским телефоном...

Скриплю зубами, замираю. Черт, черт! Кажется, ловушка захлопнулась. Со всех сторон. Спасти нас теперь может только чудо. Интересно, сколько у меня времени?

Что вообще можно сделать в такой ситуации?

Дверь открывается и я вздрагиваю, оборачиваясь. К нам входит улыбчивая незнакомая женщина в белом халате, с подносом еды. Ставит поднос на стол.

— Добрый вечер и приятного аппетита, — говорит она, — я заберу посуду позже.

Тут же уходит, аккуратно прикрыв за собой дверь. Мы обе игнорируем поднос, я бросаюсь к окну, а Катя — за мной. С тоской замечаю решетки на окнах. Силы вновь покидают меня. Бороться ли? Но как? Зачем?

— Почему бы им не отпустить нас, — не унимается Катя, выдергивая меня из состояния накотившей апатии, — они говорят, что подписали с тобой договор, а ты не хочешь его исполнять! Что ты подписала?

Медленно переставляя ноги, возвращаюсь в кровать.

Падаю на нее, смотрю в потолок и нет сил даже на то, чтобы поплакать. Мы пленницы здесь, мне об этом сказать ей?! И сколько, интересно, стоит моя почка на черном рынке?

— Давай поедим? А потом ты мне все расскажешь, — требует она.

Кушать я не могу и не хочу. Однако послушно встаю механической куклой и присаживаюсь за стол.

Нет. Все не то. Должен же быть хоть какой-то выход!

Я не сдамся.

Катя двигает к нам тарелки и вилки, она голодна. Что-то болтает — я не слушаю, вяло ковыряя вилкой картофельное пюре с мясной подливой и горошком. Ем, не чувствуя вкуса, понимая, что мне нужны силы. Катерина снова тормозит меня.

— Так как? Что за договор, на операцию?

— Да, — отвечаю коротко.

— Но они же не собираются меня оперировать?

— Тебя, нет, Кать, — устало потираю лоб, — пока ещё многое неясно! Давай сейчас отдохнем немножко. Мне надо подумать. Утро вечера мудренее.

— Переночуем здесь?

Мрачно усмехаюсь. Как-будто бы нам оставили выбор!

— Да, — как ни силюсь, не могу заставить себя проглотить больше ни кусочка.

Изучаю нашу комнату-палату, обнаруживаю дверь в маленький санузел-душевую. Отправляю Катю в душ и чистить зубы, а сама долго еще лежу на кровати в позе эмбриона, подтянув к себе колени.

Передохнуть не удается! Когда мы, наконец, собираемся лечь поспать, страшно вымотанные обе, к нам без стука заходит один из тех мужиков, которые скрутили меня силой перед тем как затащить сюда.

— Евгения, вы можете позвонить семье, — говорит один из них, гадко ухмыляясь. От его улыбочки у меня мороз по коже.

— Идите за мной!

— Я не хочу, — мне едва достаёт сил, чтобы произнести это. Да что они мне вкололи?!

— Быстро, — меняет он тон, — пошла за мной.

Бросаю взгляд на Катюшу и встаю, внутренне моментально мобилизуясь. Пусть теоретически, он может сделать все, что пожелает, но пусть это будет не при ней.

От меня и вправду сейчас ничего не зависит, поэтому лучше пока не злить их.

— Катюша, я очень быстро! — акцентирую на этом, — позвоню и приду.

Она испуганно кивает.

Мне ничего другого не остается, кроме как последовать за ними. Мы недолго петляем полутёмными коридорами, пока тот мужик не заводит меня в какую-то каморку и не сует в руки мой мобильный телефон. Следом за нами входит женщина, по-видимому, из русскоязычных.

— Это для контроля за тобой, — с угрозой в голосе подтверждает он мои догадки, — одно лишнее слово, и я отключаю связь! Ясно?

— Да.

— Позвонишь мужу, или кому там, скажешь, добрались нормально. Что позвонишь на днях. Усекла?

— Да, я поняла.

— И чтоб без глупостей! — тычет меня в бок пальцем. Резко отодвигаюсь, — ну звони давай, че застыла?

Руки начинают трястись, но я набираю Гришу. Он поднимает далеко не сразу — вероятно, сказывается разница во времени.

— Привет, — стараюсь говорить бодро, — мы уже на месте. Как ты, Гриша?

— Привет, — у них сейчас утро, — хорошо! Как настрой? У меня, как обычно, — делает

драматическую паузу, — просыпаюсь сам, готовлю себе завтрак, кофе, и вообще все сам. Рубашку вот гладить собрался! Как холостяк. Боюсь привыкнуть, Женя.

— Справишься. Я позвоню тебе на днях, хорошо?

— Что значит на днях?! — его голос становится подозрительным, — ты что там, такая занятая? И вообще, почему не по скайпу звонишь? Где Катя?

— Катя в палате, — пытаюсь справиться с подступающими слезами. Меня заставили включить громкую связь, и теперь женщина рядом просто слушает, а цербер справа уже больно вцепился в мое предплечье, на всякий случай, — я позвоню тебе по скайпу на днях. Разрядился ноутбук.

Цербер встряхивает меня, а Гриша раздражается гневной тирадой:

— Да что там, розетки что ли нет, в больнице?! Зарядишь и позвонишь, мне на работу не с утра сегодня.

— Но у нас уже почти ночь, — думаю о том, что он в любом случае мне бы ничем не помог, даже если бы я и попыталась на что-то намекнуть. Но Гриша, как обычно, слышит только себя.

— Ладно, ночь так ночь, тогда завтра. Тебе по-любому в больнице целыми днями сидеть ждать, времени много! Хвостом там не сильно крути перед американскими кобелями...

— Гриш, ты в своём уме?! — повышаю голос, — ты хоть о Кате поинтересуйся для приличия.

Несмотря на всю тяжесть ситуации, мне становится стыдно перед этими преступниками. Какой же жалкой, должно быть, кажется им моя жизнь!

— Ладно-ладно, не нападай. Радуйся, что вообще отпустил тебя по заграницам, у другого бы куда не поехала. Есть папаша — вперёд! — отзывается он. Делает паузу, — и вообще... Чего молчишь? Если есть что рассказать, рассказывай.

Женщина делает мне знак говорить, а мой конвоир решает закрепить это новым ощутимым тычком в бок. Я стою, чуть не плача.

— Гриша, — мысленно умоляю себя не расклеиться прямо здесь, — давай не будем ссориться. Я очень устала. У Кати все хорошо. Хочешь завтра — позвоню завтра!

— Позвонишь, когда сочтешь нужным, — протягивает он презрительно, — ты ж у нас такая деловая! Давай, пока. Кате привет. Когда операция?

— Пока не знаю. На днях, — мой голос дрожит.

— Хорошо, — Гриша по-прежнему ничего не замечает, — только не трать на телефон наши деньги! Звони по скайпу. Пока.

— Пока. Гриша! Позвони, пожалуйста, папе, скажи, что все хорошо.

— Эсэмэску кину. Мог бы и сам Катю набрать! Папаша, блин..

— Все, пока, — мне не терпится закончить разговор.

Пятнадцать лет назад

Долго стоим возле входа на территорию колледжа, друг напротив друга. И на наших лицах дурацкие улыбочки! Я встаю на бордюр, чтобы быть повыше, и смотреть ему в глаза не снизу вверх.

Алекс улыбается чуть насмешливо, а я снова почему-то робею перед ним. Но на душе так радостно и волнительно. Бутылка закопана нами на пляже, в надежном месте.

— Значит так, конверты закончились, — деловито произносит он, — дашь телефончик?

Киваю, смеюсь. Диктую ему мой американский номер. В Америке выгоднее общаться, конечно же, через местную связь, а чтобы позвонить своим, я меняю эту карточку на старую. Но здесь, в основном, на моем телефоне стоит американская.

— А где живёшь ты? — не могу удержаться от вопроса.

— На Манхэттене, — отвечает он, и тоже смеётся.

Что, на Манхэттене? Самый дорогой и престижный район Нью-Йорка. Мои глаза округляются.

— В праджекте.

Алекс объясняет. Это странно, но в самом центре Нью-Йорка, на Манхэттене, располагается социальное жильё для малоимущих — так называемые праджекты. Многоквартирные дома.

Он говорит, что снимает комнату у одной латиноамериканской многодетной семьи, неофициально, конечно.

— Это временное жильё. Я планировал снять что-то получше, и в другом месте. Могу это сделать хоть сейчас, у меня уже есть деньги. Я вообще могу повести тебя в лучший ресторан на Манхэттене!

— Я не хочу в лучший ресторан на Манхэттене, — отвечаю со смехом и искренним недоумением, — но откуда у тебя деньги? Ты не учишься, где ты работаешь?

— Расскажу, потом, — загадочно отвечает Алекс, — иди уже, а то общага закроется. Или никак не можешь от меня отлипнуть?

— Что?! — возмущаюсь. Вспыхиваю.

Прощаюсь и быстро ухожу, не оборачиваясь.

А весь следующий день жду от него звонка или смс-ки. Время учебы пролетает быстро и вот, после обеда, я уже абсолютно свободна. Писать ему первой, естественно, не собираюсь. Размышляю, чем бы заполнить эту образовавшуюся пустоту? Не знаю, где и кем он работает, но в моем бюджете сейчас тоже, к сожалению, существенная брешь.

Решаюсь на подработку.

Звоню сначала папе, просто чтобы сказать, что у меня все хорошо. Без подробностей. Я звоню своим раз в несколько дней — у мамы личного мобильного нет, а на городской было бы очень дорого, поэтому приходится звонить отцу! Вообще, у нас с ним отношения не очень. Так уж сложилось.

Папа — это отдельная тема. Вроде бы хороший человек, однако приступы откровенной щедрости и доброты у него часто перемежаются с деспотизмом и тиранией. Дети для него — люди второго сорта, так его воспитали!

У меня, по сути, нет права на личное мнение, и никогда не было. Он ждет

беспрекословного повиновения во всем. Даже если говорит или делает бред.

Суровое воспитание и завышенные требования давно уже стали частью моей жизни. Дед сильно бил его в детстве, и теперь мне тоже частенько прилетает от него. Не нужно даже особенного повода, чтобы получить «ремня» или подзатыльник. Мой возраст, и то, что я уже взрослая, увы, ничего не поменяли в этом вопросе. стыдно признаться, но он бьет меня до сих пор.

Я не скажу, что это прямо избиения, но синяки и бесконечное унижение, моральное — норма. Да, это все остаётся в семье. Он также тиранит и маму, не бьет, слава Богу, никогда не видела — но унижает, довлеет над ней. Своим, так называемым, авторитетом. По-моему, он энергетический вампир. Я чувствовала, почти всегда, что он радуется нашим слезам, возможно бессознательно, радуется этой иллюзии контроля над нашими эмоциями и нашим поведением.

Короче, для меня это тяжелая история. Надеюсь, она когда-нибудь закончится! И хотя я уже давно сломлена или почти сломлена им как человек, как личность — я мечтаю обрести свободу.

Честно выполнив свою миссию, а именно короткий доклад об успехах в учебе и благодарность за такие возможности — это обязательно, звоню Дженни.

Предлагаю погулять, спрашиваю насчёт работы. И тут удача! Меня готовы посмотреть и дать смену прямо сегодня. Смена коротенькая, всего три часа работы и пятнадцать долларов в кармане.

Что такое для меня пятнадцать долларов, по пять за час? Да это целый один поход в Луна-парк, что называется, ол инклюзив, с десятью видами аттракционов и неограниченным количеством мороженого!

Или красивая блузка для мамы. А может, косметика, шкатулочка для всякой всячины, сумочка, да все что угодно.

Или одежда для моей малюсенькой сестрички, которой сейчас всего несколько месяцев. Кстати, ещё одна из причин, почему меня отправили сюда. Последние пару месяцев было очень тяжело нам всем — у сестры поменялись местами день с ночью, и я, помогая иногда маме по ночам, просто валилась с ног. Если бы я не оказалась здесь, то точно к первому сентября заработала бы нервный тик!

Катюшка нереально красивая, похожа на куклу, но, как бы сказать помягче, до чего же с ней бывает тяжело. Бедная моя мамочка! Сейчас ей помогает наша соседка, медсестра, так что я точно знаю, что все будет супер.

И папе я чего-нибудь привезу. И себе, и подружкам! Здесь куча шмотья на любой карман, и вообще миллиард всего интересного, что можно было бы привезти на память.

Так, вся в мечтах, я быстренько добираюсь до окраины Нью-Йорка на метро. С трудом, спрашивая прохожих, нахожу нужную мне улицу. А вот и кафешка, «У Боба».

Захожу, представляюсь от имени подруги Дженни, и дальше все происходит очень быстро. Пара формальных вопросов от девушки лет тридцати, покрытой татуировками, администратора, судя по хозяйским замашкам, и — я уже стою на неприбранной кухне среди горы посуды. Мне выдают грубые резиновые перчатки, моющее и кучу разнообразных кухонных губок не первой свежести. Весело приступаю к работе. Она так сильно увлекает меня, что я пропускаю телефонный звонок из рюкзака.

Простояв часа полтора возле раковины и перемыв невероятное количество посуды, получаю от своей кураторши Саманты новое задание — выдраить до блеска столы и

несколько кастрюль. Закончив работу, с восторгом, долго смотрю на первые в своей жизни заработанные купюры! Ноги сами несут меня к метро, перед этим на автомате договариваюсь с Сэм (она просит называть ее так) о послезавтрашней смене.

И еще, я очень благодарна Дженни.

Еду в переполненном вагоне, почти прижавшись носом к грязному стеклу. Крепко прижимаю рюкзачок к себе — хоть бы карманники не вытянули кошелек и телефон, в американском метро это нередкое явление.

Выхожу на своей станции, выживая на ходу телефон. Сердце ёкает! Пропущенный от Алекса.

Вчера он набрал и сбросил мой номер, прощаясь. Я, уже в своей комнате, внесла его в список номеров. А сегодня позвонил, видимо как раз в разгар моей работы.

Смотрю на часы — семь вечера. Конечно, я перезвоню ему, но вряд ли мы уже сегодня встретимся. Или он не собирался предложить встретиться? Заставляю себя дойти до территории общежития, и уже там присаживаюсь на одну из незанятых лавочек, чтобы перезвонить.

Восстанавливаю немного сбившееся от быстрой ходьбы дыхание. Не спешу, созерцая какое-то время телефон, чуть поглаживая корпус подушечкой пальца, и как бы предвкушая.

Затем жму вызов. Алекс поднимает с первого гудка. Ждал?

— Привет, зеленоглазка, где пропадаешь? — весело спрашивает первым.

Вообще, я ожидала каких-нибудь романтических смс от него. Переписываться, это же так интересно! Но, наверное, романтика — это не про загадочного красавчика-англичанина.

— Привет. А что, успел соскучиться? — выпаливаю, и краснею.

Счастье, что он меня не видит! Быть смелой по телефону легко.

— Да, — отвечает он просто, и от его откровенности мурашки по коже. Его голос очень низкий как для мальчика, — а ты?

Теряюсь. Зависаю. Вообще-то мы знакомы всего ничего.

Начинаю судорожно что-то выдумывать, но на остроумный ответ, как назло, мне требуется время.

— Эмм...

Алекс тихонько хихикает, и от этого я ещё злее! На себя, разумеется.

— Нет, ты никак не тянешь на роковую соблазнительницу, — говорит он, — я ещё подумал, что выживаешься немного, но вряд ли это о тебе...

— Я, прости, что?

— Ну, типа, интригуешь меня!

— В каком смысле? — неумно переспрашиваю, чувствуя себя почти оскорбленной, — да что ты вообще о себе возомнил? Я, по-твоему, пытаюсь тебя соблазнить, серьезно?!

— Не надо так буквально, Женя. Ты реально, ещё такой ребёнок...

Тихо пыхчу как паровоз, про себя, ругаясь.

Переспрашивать снова было бы смешно, а хочется. Да он просто недалекий, если считает, что я веду с ним какие-то игры. А, и вот этот его авторитарный тон просто бесит!

Мучительно молчу, выдумывая язвительный ответ.

— Занятия окончились?

— Да, давно.

— Гуляла?

Сказать ему правду? Но эта работа совсем не престижная, мягко говоря.

Алекс, видимо, толкует мое молчание по-своему, потому что насмешливо выясняет дальше:

— Делала уроки?

Ну, это уже ни в какие ворота. Сбрасываю вызов!

Англичанин, блин. Бреду домой, сердито бормоча себе под нос, что теперь понимаю, почему американцы недолгобливают англичан.

А в самом деле, почему? Возвращаюсь к себе в комнату, где мы живём втроём с Сюинь и Лале, задаю девочкам этот вопрос. Они не могут сказать ничего толкового, только смеются. В конце концов, они такие же приезжие, как я! Пишу Дженни.

«Привет, Джен, спасибо тебе огромное! Все получилось — я заработала 15 баксов! И договорилась на послезавтра, с меня ланч или что ты захочешь»

«Приветик, круто. Поздравляю!»

«Джен, стоит ли связываться с англичанином?»

«Однозначно нет! Но если ты про того красавчика из Луна-парка — однозначно да»

Ее ответ очень веселит меня.

«Почему?»

«Он выглядит очень горячим», она добавляет подмигивающий смайл.

«Он англичанин!»

«Сочувствую»

«Почему?»

«Все англичане высокомерные задницы»

«Ясно», смеюсь.

Весь мой запал давно потух, так же стремительно, как и возник. Сейчас я даже ощущаю нечто вроде грусти. Пишу Алексу: «Уроки доделала». Добавляю смайл.

В ответ мне прилетает такой же, с припиской: «Тогда встретимся?»

«Давай», пишу тут же, не задумавшись ни на секунду.

И мне снова радостно.

Да что это со мной — то сержусь без причины, то прыгаю от счастья?! Ощущаю себя ненормальной. Хотя, наверное, сказывается усталость.

«Я найду за тобой через час?»

«Хорошо, у входа на территорию?»

«Да. В 20.00»

Мы встречаемся без опозданий. Алекс сразу предупреждает, что сегодня он пришёл всего на полчаса. Шляемся по территории, пока не находим свободную лавочку.

— Потом — дела, — белозубо улыбается.

Да, правда, хорошенький. Я невольно засматриваюсь на его чувственные губы чуть дольше приличного. Смеюсь, поймав себя на этом, отводя взгляд.

— И ты добирался сюда час, чтобы пробыть полчаса?

— Ну да. Ты мне нравишься, — запросто признается, и я, увы, как обычно густо краснею, — ты такая миленькая! И маленькая. О тебе хочется заботиться.

Это самое странное признание, которое я когда-либо слышала!

— Тебе что, не о ком позаботиться? Может, возьмешь котенка из приюта?

— А ты похожа на котёнка, — продолжает он свою линию, и я перебиваю его, желая сменить тему:

— Что же за дела у тебя, работа?

— Да, — он не рассказывает подробностей, но, я вижу, вдруг серьёзнее.

— Сегодня, когда ты звонил, я тоже была на подработке, — выбалтываю, чтобы не казаться такой уж маленькой — это почему-то оскорбляет меня. К тому же, я намереваюсь немного разговорить его, — а где подрабатываешь ты?

— В казино, — отвечает он после некоторого колебания.

— В казино нельзя тем, кому нет двадцати одного года, — замечаю неуверенно.

— И что же за подработка у тебя? — отвечает он вопросом на вопрос.

— Мою посуду в одной кафешке, — признаюсь со вздохом, — в Южном Бронксе. Но платят хорошо.

— Сколько? — спрашивает он, как мне кажется, немного встревоженно, — это очень плохой район, ты в курсе?

— Ну да, — пожимаю плечами, — и что? Пять долларов в час — неплохо.

— Тебе нужны деньги?

— Да, — удивляюсь вопросу.

— Зачем?

— Затем же, зачем и всем!

Он думает еще какое-то время, потом выдает:

— Знаешь, если хочешь по-настоящему неплохо заработать, мы можем взять тебя в схему.

— В какую схему?

Действительно заинтересовываюсь.

— Но это опасно, — Алекс трет лоб, разговаривая как бы сам с собой сейчас.

— Ну, а конкретнее?

Смотрит теперь мне в глаза.

— Ладно, я расскажу, а ты решай сама. Я работаю в подпольных казино, это игральный бизнес, криминальный, понимаешь? Нас там целая команда. И у каждого своя роль. Думаю, для тебя бы тоже нашлось местечко.

— Но мы же несовершеннолетние?

Усмехается.

— Я же говорю, казино подпольные. Там не спрашивают документы на входе.

— И что, ты прямо такой великий картёжник?! — искренне изумляюсь.

— Нет, — он долго смотрит мне в глаза с нечитаемым на лице выражением, видимо, решаясь, открыться ли до конца, — я как бы на разогреве! Но играю нормально, меня кое-чему научили. Потом... выход настоящего каталы. И он, и крыша, и деньги на кон — для всего этого существует команда, одному тут не заработать, будь ты хоть трижды картежным гением, понимаешь?

— Да, — перевариваю услышанное.

— Работаем по ночам, — без тени улыбки продолжает Алекс, а я все еще думаю, возможно ли, что он просто шутит, — разводим только заезжих лохов. Местные криминальные нас знают и не трогают! Если найдётся для тебя местечко, за выход две-три сотни зарабатывать будешь.

Теряюсь. Напряжённо размышляю. То, о чем он говорит — действительно огромные деньги! Но это криминал, он прав.

— За выход — за ночь? И что бы от меня потребовалось?

— Я не знаю, — отвечает он честно, — но могу предположить. Отвлекать от команды,

подсказывать... ты подумай не спеша. Если решишься, попробую тебя предложить! Это тебе не мытье посуды за гроши.

— А кто решает, взять ли меня в команду?

— Не я, — коротко бросает он с улыбкой, — подробнее не скажу, и без того наболтал лишнего! Зато я могу тебя порекомендовать. И, кстати, тоже очень рискую. Надеюсь, ты понимаешь, что сказанное в любом случае должно остаться между нами?

Киваю, очень серьезно.

— Но откуда такие сумасшедшие гонорары команде?

— От заработка, — он смотрит так, как-будто бы я спрашиваю какие-то очевидные вещи, — у нас подъемы в десятках тысяч долларов за выход, понимаешь? Только все это идет вверх. Команда работает на одного очень серьезного человека. И я даже не знаю, кто он.

— А как ты, — голос мой становится совсем тихим, — туда вообще попал?

Понимаю, что это не моё дело. Но Алекс неожиданно рассказывает. Его рассказ короткий, но эмоции бьют через край — я чувствую это, хотя внешне он очень сдержан.

— Меня обокрали на второй же день после того, как я приехал сюда, с первым взносом на учебу! Хотел поступать в Колумбийский университет, привез все документы, — делает паузу, — дед был против Америки, изначально. Поэтому я даже не стал признаваться ему в своих неприятностях. Конечно, я мог бы вернуться и учиться в Англии, — он говорит отрывисто, — но не стал.

Я слушаю его очень внимательно. Через некоторое время он продолжает.

— Этого я ещё никому не рассказывал, — грустно улыбается, сканируя, прожигая меня взглядом своих удивительных синих глаз, — мой дед военный человек, он сразу сказал, что в Америке меня не ждет ничего хорошего, там я разболтаюсь и разве что получу жизненный опыт максимум! И он оказался прав.

— Ты так много говоришь о нем, а что же твои родители?

— Они погибли, — Алекс опускает голову, и я замираю от ужаса, — в ДТП, я тогда учился в выпускном классе. Кроме деда, у меня никого нет.

Не смотрю теперь на Алекса тоже, впиваясь пальцами в дерево скамейки, чувствуя его боль. Шепчу «извини», но он ничего не отвечает. Мечтаю сменить тему.

— А... возможно ли здесь учиться бесплатно?

— Нет. У меня неплохие баллы для поступления, но здесь нет бесплатного высшего образования, есть различные гранты и стипендии. Они оплачивают половину или даже больше от стоимости обучения, но на этом всё. А знаешь, — наши взгляды вдруг снова встречаются, — у меня уже скоро будет та сумма, с которой я когда-то приехал! И в следующем году я поступлю, обязательно. Подсобираю ещё на жизнь, туда-сюда.

Я киваю в ответ, но не удерживаюсь от вопроса:

— А как же остальное время обучения, ты найдёшь потом деньги?

— Буду подрабатывать, может даже по специальности, — пожимает плечами, — по британским законам я начну вступать в наследство, которое осталось мне от родителей, не раньше двадцати одного года. Да и то, частями. Это мне рассказал дед! Пока же он присмотрит за всем имуществом, а оно небольшое. Дом, пара машин, какие-то сбережения на счетах. Мои родители были врачи. Деньги на учебу, конечно, имеются, но дать их или нет, решать только ему. Я знаю, что он не даст мне на учебу в Штатах! А дома... мне все напоминает о них, я сбежал из Англии. Вообще, мы с дедом никогда не были очень близки, а после смерти, — он снова делает паузу и с усилием продолжает, — мамы и папы общались

мало. Я вышел из-под его контроля. Не сделал, как он хотел — а он видел для меня только военную карьеру. Мое мнение ему не интересно. Сейчас он, скорее всего, бесится от того, что я уехал! Вроде все. Если вкратце.

Сидим оба, заметно погрузневшие.

— Мне это понятно, — вздыхаю, — у меня примерно такие же отношения с отцом, сложные, короче.

Алекс с сожалением смотрит на часы.

— Может, когда-нибудь расскажешь?

— Может быть, — отвечаю очень серьёзно, — хотя и рассказывать особо нечего.

Между нами повисает молчание, которое отчего-то становится для меня волнующим.

— А ты из России?

— Из Украины, — отвечаю. Он признается, что почти ничего не знает об этой стране, а потом вдруг наклоняется и целует меня в щёчку!

— Я срываюсь, пора. Уже даже опоздал...

— Пока, — испуганно подпрыгиваю и встаю, мне бы не хотелось чтобы он опаздывал, неважно куда. Он берет меня за руки, притягивая к себе поближе.

— Не провожай, дойду сама, — я быстро болтаю, чуть заметно отстраняясь, — удачи тебе!

— Спасибо, — смотрит, серьёзно, ещё какое-то короткое время. И улыбается на прощание, — пока.

Наше утро начинается с Катиного нытья.

Я устало смотрю на нее сухими, воспаленными после бессонной ночи бестолковых раздумий глазами, и не понимаю, что именно должна ей сейчас объяснить. Наконец, хватает ума успокоить ее. Болтаю какую-то несусветную ерунду, но это работает. Она переключается.

Нам приносят завтрак.

Мой мозг работает напряжённо как старый лифт, который носится без остановки то высоко вверх, то в самый низ, рискуя остановиться в любой момент. От призрачной надежды до полного отчаяния!

Катя радуется чему-то наподобие наших сырников, только вместо сметаны к ним идет клубничный сироп.

— Класс, — набивает полный рот, — вкусно.

А я теперь совсем расклеиваюсь, со страхом ожидая, что принесет нам новый день.

После завтрака она уговаривает меня выпить какао из миниатюрного сосуда с длинным носиком. Щедро, до краев разливает его по маленьким чашкам. Я не отказываюсь, но, пока пьем, повисает такое тягостное молчание, что снова ляпаю первое, что приходит в голову:

— Катюш, мы так редко говорили с тобой в последнее время... Расскажи о своих друзьях. Может быть, о первой любви?

Господи, пусть болтает, только б не эта звенящая тишина.

Она смущается немного и смеется, размешивая ложечкой сахар в какао. Это так удивительно для меня — слышать ее смех в этой палате!

Думаю о том, что смеяться вовсе не странно, потому что, при любом раскладе, помочь нам не в ее силах. И вообще в ничьих.

Мой проводник сейчас, в этом аду, только Бог и моя вера в Его чудо. Абсолютно нерелигиозная, я вдруг начинаю мысленно, невольно и горячо просить Его защиты.

Как написано на кресте? Спаси и сохрани. Какие чудесные слова! Они действительно способны сотворить любое чудо для того, кто в них поверит искренне. Вера — вот тот фундамент всего, что происходит в нашей жизни.

Вера в себя, в свои силы, в Божье провидение, в Его любовь и поддержку. Поистине, стучите и вам откроют. Нельзя сдаваться, никогда. И бояться нельзя тоже. В Библии сказано — какие мысли его (человека), таков и он.

— А ты помнишь свою первую любовь? — вопрос Катюши заставляет меня встрепенуться.

Неужели и я переключаясь на мгновение? Глубоко задумываюсь, воскрешая в памяти лицо человека. И свои чувства. Эмоции. Ощущения. Насколько же они были тогда многогранны!

Неужели каждому суждено хоть раз в жизни испытать подобное? Не думаю.

— Да, конечно помню, такое не забывается, — произношу я тихо и мечтательно.

— Ты не рассказывала!

— Да.

— Расскажи, — требует она настойчиво, капризно.

Так странно.

Я почему-то получаю удовольствие от своих ответов об этом человеке. Быть может, оттого, что так я прикасаюсь к нему через время, или вернее, к своим воспоминаниям о нем. Поделившись ими с кем-то, облакая их в слова.

И это оказывается, больно. Но так невыразимо приятно! Будто стряхнув невидимую пыль, отворяешь старинную дверцу давно забытого шкафа.

— Да, Катюша, я все помню, — делаю глоток какао. Он и в самом деле вкусный, — и это был не банальный сосед по двору или какой-нибудь одноклассник. Это было здесь, в Нью-Йорке, представляешь?

— Серьёзно? — она удивленно таращит на меня глаза, явно ожидая подробностей.

Впрочем, договорить нам не дают.

Дверь распаивается, впуская в палату сразу нескольких людей. Как по команде, мы замираем в неподвижности.

Одна из них, медсестра, что приносит нам еду, с дежурной улыбкой собирает посуду на поднос. Двое других это уже знакомый мне хам и отталкивающего вида женщина, которая даже не берет на себя труд изобразить приветливое выражение лица. Сухо здороваются, пока мужик нагло пялится на нас.

— Евгения, следуйте, пожалуйста, за нами!

— Ты куда? — испуганно повисает на мне Катя.

Я вопросительно гляжу на них, а у самой от страха поджилки трясутся. Чувствую себя маленькой и беззащитной.

Страх — очень неприятное чувство. Они молчат, и я явственно ощущаю как холодок противной змейкой медленно скользит вдоль моего позвоночника. Как немеют руки. А еще, мне хочется пристрелить их всех! Если бы был автомат, открыла бы огонь, не задумываясь. Мне страшно, очень страшно.

— Всего лишь лаборатория, Евгения, — выдавливает из себя женщина, — успокойтесь. Сдадите кое-какие анализы и вернётесь в палату! Может быть, вы даже не подойдёте нам.

Но я вижу по ее глазам, что она лжёт. Стали бы они вызывать нас в Штаты? Эта операция только вопрос времени.

— Эй, тебя поторопить? — грубо окрикает меня мужик.

Я быстро поднимаюсь словно опомнившись, и прошу Катю подождать. Он тут же присаживается на мой стул рядом с ней — Катя в ужасе отходит к окну.

— Я подожду здесь с малышкой, пока ты ходишь, — развязно скалясь, сообщает. Внешне очень неприятный, этот грузный толстяк внушает нам только страх и отвращение, — и чтобы без глупостей там!

Мне больно оставлять Катю с ним, но выбора они не оставляют.

Ухожу вслед за женщиной. Петляем с ней длинными серыми коридорами. Изредка нам встречаются какие-то люди в синих халатах, ведущие китайцев и афроамериканцев с апатичными лицами, и в точно таких же больничных пижамах, как у нас с Катей. Это филиал ада, не иначе!

Захожу в помещение с белыми стенами, потолками, полом, и в нос сразу ударяют специфические запахи то ли медикаментов, то ли спирта. Мне становится дурно.

Поддерживаемая за локоть этой женщиной, присаживаюсь на каталку. Она подвозит меня к столу с расставленными на нем блестящими металлическими судочками.

Из-за ширмы появляется крупная афроамериканка в белом халате, равнодушно натягивающая на ходу маску и перчатки. Заваливаюсь спиной о стену, в панике глядя на нее

и на невесту откуда взявшийся шприц в ее руках! Они о чём-то негромко переговариваются, наконец, сопроводившая меня женщина выходит.

— Слабенькая, — говорит афроамериканка, подсаживаясь ко мне ближе, — вон какие синячки под глазами, и побледнела. Не бойся. Сделаем быстро!

Звенит медицинским инструментарием и я, уже на грани обморока, повинуюсь ее жесту, послушно протягиваю руку. Она больно перетягивает руку жгутом, берет из вены кровь, много.

Залепив место укола пластырем, заставляет меня открыть рот. Собирает что-то с внутренней стороны щеки и из горла длинными палочками. Закончив, снимает перчатки.

Затем достает стетоскоп, долго слушает мое сердцебиение. Меряет давление автоматическим тонометром. Сосредоточенно, не спеша делает записи в раскрытой на столе тетради. Затем сверкает в мою сторону американской улыбкой:

— Ты окей, Евгения! Сейчас придёт ещё один доктор.

Выходит. Я вскакиваю с бьющимся сердцем, бросаюсь зачем-то к окну. Везде решётки.

Смотрю в раскрытую тетрадь и ничего не понимаю в этих записях! Перевожу взгляд на стол. Вижу большой контейнер с пробирками, во всех кровь. Их много. Где моя? Кажется, самая крайняя. В отчаянии перетасовываю крайние все. Вдруг я и вправду им не подойду, если подменить анализы?!

Тем временем, ручка двери с тихим звуком опускается, но мои натянутые до предела нервы позволяют это услышать и успеть метнуться назад, на каталку. В последний момент сажусь.

Заходит пожилой мужчина с бородкой, в очках и в белом халате. Отдергивает ширму, а за ней — о ужас, гинекологическое кресло! Это ещё зачем? Натягивая перчатки, равнодушно бросает мне:

— Раздевайтесь, присаживайтесь.

Шокированная, я только отрицательно качаю головой. Он какое-то время изучает меня сквозь толстые стекла очков, как диковинное насекомое.

— Я могу позвать вашего охранника, он поможет зафиксировать вас, пока я буду брать необходимые анализы!

В отчаянии кусаю губы, а из глаз брызжут слезы. Боже мой, как все это жутко, страшно, унижительно!

Всего через пару секунд он презрительно снимает перчатки, намереваясь выйти из кабинета, и тогда я почти кричу ему вслед, что сяду на кресло. Он возвращается.

Трясущимися руками раздеваюсь, пока он жалостливо разглядывает меня, повторяя их будничную фразу:

— Не бойтесь! Это всего лишь анализы. Будет быстро.

Если я выживу когда-нибудь, то буду видеть это каждую ночь в кошмарах, думаю я, пока неловко усаживаюсь на неудобное кресло, ощущая холод металла и слушая его скрип подо мной. Вперяю застывший взгляд в белый потолок.

Здесь я не человек, а животное. Доктор, если его можно так назвать, сначала проводит неприятный для любой женщины осмотр, потом берет анализы. В какой-то момент мне начинает казаться, что ноги сейчас сведет судорогой от напряжения, когда он вдруг кивком отпускает меня. Снимает перчатки и отходит к столу, чтобы сделать записи в той же тетради.

— Спасибо за ваше благоразумие и хорошего дня, — говорит он мне на прощание.

Меня пронзает новая страшная догадка.

Что, если они врут, что отпустят нас после всего?!

Пятнадцать лет назад

Критически осматриваю себя в продолговатом зеркале. Верчусь и так и эдак, платье восторг! Наверняка, дорожущее брендовое. Смотрится шикарно без преувеличения.

Поворачиваю голову, и сердце начинает биться учащеннее: за мной наблюдает Алекс. Привалившись к дверному косяку, он смотрит странно, с каким-то даже мрачным восхищением.

— И что за бренд? — спрашиваю.

Протягивает мне узконосые черные туфли, атласные, на высоких тоненьких каблукках. Замерев от восторга, я глажу атлас, который мягко мерцает и словно переливается под моими пальцами.

— О! — только и могу выговорить. Неужели я пойду в таких? У меня никогда ничего подобного не было.

— Вообще, я уже жалею, что мы затеяли это, — свирепо заявляет он, — ещё не поздно отказать!

— Ну уж нет! Почему?

— Это риски. Большие, ты до конца не понимаешь...

— И что? — я уже в туфлях, и теперь в восхищении от самой себя хожу взад-вперед по его крошечной комнатке.

Вчера и позавчера мы уже приходили сюда, чтобы Алекс как следует проинструктировал меня, обучая премудростям шестикарточного покера. Показывая и рассказывая значение каждой карты.

Конечно, я не сяду за игральный стол. Но он, похоже, сумел убедить свою мифическую команду, что с моей помощью лучше разогреет картёжников за столом перед приходом главного «артиста», как они его называют. А попросту, шулера! Который оберет многих из этих искателей легкой наживы до нитки.

Меня же целиком и полностью захватывает придуманная нами роль то ли праздничношатающейся дочери обеспеченного человека, то ли ищущей веселья барышни, которая вот-вот готова сыграть. Моя задача — немного отвлекать их, по возможности заглядывая в чужие карты и подавая Алексу некие условные сигналы. Я в приятном возбуждении!

Все это кажется легким приключением, он же просит меня не заигрываться и быть осторожной. На самом деле, ничего такого особенного от меня не потребуется.

А ещё, я глупо волнуюсь в присутствии Алекса, постоянно ожидая флирта с его стороны, но этого нет! Когда мы шли к нему впервые, в съёмную комнатку праджэкта на Манхэттене, я колебалась и сгорала в пламени сомнений. И была уверена, что там он захочет обнять, поцеловать меня.

Иногда он смотрит так жарко, что, кажется, сердце сейчас выпрыгнет из груди, но как же это возможно, что он ещё не сделал ни одной попытки сближения?

Я с трудом сосредотачиваюсь пока он объясняет мне правила их игры. Когда он близко. А близко он всегда.

Порою дверь в нашу комнату с довольно аскетичной обстановкой — стол, кресло,

кровать, шкаф, открывалась без стука, чтобы в нее просунулась какая-нибудь озорная мордашка маленького мексиканца или двух, или даже трех, которым вдруг стало очень любопытно. Улыбаясь им, мы слышали окрик их мамы, которая, впуская нас в свою неряшливую из-за большого количества детей квартиру, смотрела с ироничным пониманием. Я думаю, она не сомневалась, что мы пришли сюда целоваться или кое-чего ещё.

Ничего не могу поделать с собой, смущаясь как дурочка всякий раз, когда мы с Алексом оказываемся наедине. Надеюсь, это все же не слишком заметно.

— В джинсах ты была похожа на малюсенькую девчонку, а сейчас — ты роскошная женщина! — произносит он, и я невольно оборачиваясь к нему, переставая ходить, вся лучась от удовольствия, — знаешь, там околачиваются разные типчики, кто-то может начать приставать. Просто игнорь, не бойся! В казино охрана, тебя не тронут. А вне казино команда не даст в обиду, ясно?

— Да.

— И я не дам! — добавляет. Вдруг подходит ближе, — сейчас это будет быстрое знакомство со всеми, в машине. За пару кварталов высадка, затем каждый добирается по своему плану до места. Ты поедешь на такси. И помни — мы все не знакомы! В казино собираются случайные люди.

Киваю, запоминая. Просит повторить адрес, который я назову таксисту, послушно повторяю. Потом адрес, куда я доеду на такси после.

— И ещё, — Алекс делает паузу, подойдя совсем близко.

Теперь я даже ощущаю его запах, что-то мятное, возможно ментоловое, вкусное, и еле уловимый аромат туалетной воды или может быть, это запах его геля для душа? Голова моя кружится.

— Я сказал, что мы вместе. Ты не против? Ну, так будет безопаснее для тебя. В нашей команде все парни и только одна девушка, мы зовем ее Стелла. Она крупье в нашем основном казино. Когда-нибудь ты сможешь увидеть ее за одним из столов, высокая брюнетка с татуировкой на шее...

Он говорит, но словно обволакивает меня. Медленно обходит вокруг. Теплое дыхание Алекса щекочет волосы — так близко от меня он ещё никогда не был.

Резковато поворачиваюсь, оказавшись с ним носом к носу. Хочу поймать в свои сети, наконец, это обаятельное, вечно ускользающее чудище, которое не могу до конца разгадать. Смотрю смело в смеющиеся синие глаза и ожидаю, с трепетом, нашего неизбежного первого поцелуя.

Я хочу этого поцелуя сейчас, даже зная, что многочисленная мексиканская малышня может ворваться к нам в комнату в любой момент.

— Знаешь, а ты похожа на француженку, — мечтательно шепчет он и касается рукой моих волос. Абсолютно неподвижная, я слушаю как грохочет мое сердцебиение где-то в ушах. Он смотрит на меня как зачарованный. Но ничего не делает, даже не двигается, — в тебе столько красоты! Я назову тебя Эжени!

— Эжени? — тупо переспрашиваю. Тянусь губами к его губам, — у тебя что, была француженка?

Усмехается, легко уворачиваясь от поцелуя.

Все наши действия такие едва заметные, невесомые, что со стороны, наверное, кажется, что мы просто тихо беседуем, склонившись друг к другу.

— Скажешь тоже. Все, пора, — он нежно целует меня в висок, и этот висок потом ещё долго-долго горит, — просто твой акцент так заметен, что для всех пусть ты будешь Эжени, иностранка! В казино можешь представляться также. Когда задают вопросы, загадочно улыбайся или говори что-нибудь незначительное. Там не принято рассказывать о себе. Кстати, команде не рассказывай о себе ничего тоже. Хотя, у нас нет болтливых.

Алекс уверенно берет меня за руку и выводит из комнаты. Я оказываюсь среди детского шума и гама, незнакомых прежде запахов еды и страшного беспорядка, а он как-будто даже не замечает всего этого. Мария, временная хозяйка муниципального жилья, всплескивает руками при виде меня и что-то эмоционально, с улыбкой произносит на испанском.

— Hermoso, hermoso, — кричат мне дети и бегут за нами до самого общего коридора. Мы с Алексом улыбаемся.

— Это означает красивая, — говорит он, и подмигивает им на прощание, — ты произвела на них впечатление!

Я вдруг обращаю внимание на то, как он одет. Впоследствии, я отметила для себя, как все они одевались — только два базовых цвета. Серый и черный. Так незаметнее.

На нем черные брюки и туфли, темно-серая рубашка. И ему безумно идёт! Алекс не дает рассмотреть себя как следует, увлекая в темный переулок. Здесь плохой район, а на часах одиннадцать вечера. Сегодня я не вернусь в общежитие колледжа.

В переулке уже припаркован черный микроавтобус с тонированными стёклами. Алекс садится первым, затем подает руку мне и я, придерживая подол вечернего платья, скольжу внутрь. Сажусь на свободное место рядом с ним. Обвожу глазами сидящих — молодые люди, все на вид примерно до тридцати лет. Внезапно во рту пересыхает.

До меня начинает доходить, что натворила! Я совсем одна среди незнакомых парней, которые могут сделать со мной все что захотят, прямо сейчас. А после просто выбросить мой труп где-нибудь далеко за городом, и никто никогда не найдет меня.

Но страшно всего только секунду-другую. Ровно до момента, пока я не перевожу взгляд на Алекса, и он начинает спокойно представлять мне их всех.

— Знакомьтесь, Эжени! Эжени, это Тень, человек, который видит все и всех во время работы. Его главная задача вовремя заметить любой нездоровый движ. Ну, и предупредить остальных.

Молодой человек невзрачной наружности кивает мне, внимательно изучая водянистыми голубыми глазами из-под тяжелых полуприкрытых век.

— Старк, наш ангел-хранитель, — продолжает Алекс, и парни усмеваются, — он всегда рядом, если какой-то замес или надо быстро уйти! А еще, общается за нас с криминальными.

Теперь на меня в упор смотрит крепко сбитый молодой человек с неровным носом, и явно поврежденными в прошлом в нескольких местах ушами. Он похож на машину для убийства и вызывает во мне какой-то безотчётный животный страх. Если представить, какой бы он был собакой, то это питбуль. Очень большой питбуль!

Жадно вслушиваюсь в новые сленговые словечки, когда они тихо переговариваются между собой, и смысл которых улавливаю скорее интуитивно.

— А вот это Кэп, наша связь с внешним миром!

Уголки губ сидящего прямо напротив меня франтовато одетого парня растягиваются в вежливой улыбке. Я смотрю ему в глаза, а там пустота и холод. Его взгляд очень расчетлив — наверное, прикидывает, могу ли я действительно быть им полезна.

— Кэп — наш бумажник, на нем задача забрать банк и выдать всем зарплату. Остаётся

Артист, который в представлении не нуждается. Он приходит и уходит сам — он одиночка, и его при любом раскладе выгоднее не знать вообще!

Алекс объясняется со мной по-доброму шутливо, и все они снова посмеиваются.

— Добрый вечер всем, мне очень приятно, — робко откликаюсь я.

— Да, Альбион умеет делать приятно, — реагирует тот, кого они зовут Кэп, и парни ржут. Все, кроме Алекса.

— Откуда такие познания? — иронизирует Алекс, — ты хочешь попробовать?

И снова общий смех, Кэп бубнит в ответ что-то матерно-невразумительное.

Ага, значит сам он — Альбион, старейшее из известных названий острова Великобритания. А они не заморачиваются с прозвищами! Наверное, Алексом во всей этой честной компании его лучше не величать.

— Кэп, заткнись и сиди тихо в присутствии леди, — продолжает Алекс, и я невольно опускаю глаза, боясь, как бы из-за меня не завязался конфликт. Но Кэп, похоже, не в обиде.

Они говорят о предстоящей работе. Я сразу понимаю, что Алекс не лидер в этой группе, но заметно, что его уважают.

Он изредка бросает в мою сторону короткие острые взгляды, и это будоражит меня. Адреналин, как шампанское, уже пузырится в моей крови.

Чувствую, что обратного пути нет, и где-то я уже пересекла некую точку невозврата. Итак. Мы "идем на дело"!

Остаток дня проходит для нас привычно тревожно, а вечером Катю забирают на диализ. Ей не было так уж плохо, но обе мы понимаем, что это к лучшему — после диализа она всегда чувствует себя прекрасно ещё как минимум неделю.

Меня с ней не пускают, и это очень неприятно удивляет нас.

Процедура обычно длится несколько часов, но я уже такая эмоционально и физически выдохшаяся, что после нескольких минут пререканий с дежурной медсестрой безропотно отпускаю Катю одну. Пусть идёт.

Ясно, что эти черти перестраховываются! Куда я сбегу или что смогу сделать против них в зале для диализа? Возможно, это просто очередной метод запугивания меня, подавления моей воли перед самым главным испытанием.

Но я не хочу, не могу через это проходить. И не буду!

Вот только как?

Промаявшись с полчаса мыслями о побеге, падаю на кровать в совершенном отчаянии. Даже у меня самой сделать это ни малейшего шанса, а уж с Катей...

Дверь отворяется. В палату заходит приставленный ко мне цербер, и его налитый кровью взгляд не обещает ничего хорошего! Вскрываю, пчусь от него к стене. Он выплевывает из себя какие-то ругательства, бессвязные матерные слова. Холодею. Мне кажется, что сейчас он схватит меня за горло и начнет душить.

— Что вам надо?! — ледяным тоном останавливаю поток его брани, внутренне концентрируюсь на том, чтобы никак не проявить охвативший меня животный страх, — что случилось?

— Ты не знаешь, да?! — он брызжет слюной от ярости, — тут везде камеры понатыканы! Мы с охраной просмотрели записи, как ты меняла пробирки в лаборатории, тварь.

Оседаю на стул — ноги уже не держат. Он подскакивает ближе, хватая меня на ворот и начинает сильно трясти.

— Сдашь анализы еще раз! — кричит, — вмазать бы тебе как следует, да не положено!

Собравшись с духом, поднимаюсь, пытаюсь освободиться из захвата огромных вонючих лап, но силы, увы, не равны.

— Отпустите, — хриплю, — убери от меня свои руки, животное!

Он отпускает, но бьет меня по лицу ладонью наотмашь. Дернув головой, чувствую на своих губах металлический привкус крови. Смотрю прямо в горящие ненавистью глаза.

Да ладно. Мне больше нечего терять! Надо дать ему отпор.

— А ты почему людей так ненавидишь? — задаю вопрос, двигаясь боком, почти незаметно, к столу, на котором стоит мой термос с водой, — твои подельники приволокли нас сюда, как мясо! Вы все делаете только силой, да? С тобой тоже так кто-то в свое время обошёлся? Ты поэтому такой нелюдь?!

К счастью, в палату неожиданно забегают двое, одетые как санитары. Убеждают его выйти.

Неизвестно, чем бы все это для меня закончилось. Ну, ударила бы я его термосом, а что потом? Лучше не думать.

О чем же думать?

Изучаю потолок и стены, но камер не вижу. Хотя, судя по всему, они здесь есть. Должны быть.

Иду в душ. Задвижки нет, но мне уже все-равно! Смываю под горячими струями воды мерзкий запах этого человека — запах его пота и какого-то дешевого спиртного пойла. Смываю его энергетику с себя! Под водой я всегда успокаиваюсь.

Стою под душем минут пять, потом переодеваюсь в свою одежду, распаковав чемодан, несмотря на то, что они запретили нам делать это. С отвращением, носком ноги отбрасываю от себя подальше больничную пижаму с порванным воротом.

Пятнадцать лет назад

На часах два часа ночи. И вот мы снова, тем же составом в микроавтобусе. В моей руке три сотни зеленых, в которые я до сих пор не верю!

Это заработок моих родителей за пару месяцев, ну примерно. Мой кураж на пределе, и сегодня я вряд ли засну. Спать с таким уровнем адреналина в крови кажется мне сейчас фантастическим.

Алекс, или Альбион, как они его называют, за руку уводит меня из автомобиля, который вскоре уезжает. Он с самого начала подчёркивал свое трепетное отношение ко мне, и это действительно успокаивает. Потому что парни пока не вызывают у меня особого доверия.

— Ты умница, — произносит он тихо, когда наше учащенное у обоих дыхание немножко восстанавливается.

Высоко над нами ярко горят звезды, а вокруг только безликие черные высотки.

Передо мной до сих пор безумным калейдоскопом вертятся события последних часов. Нелегальное казино, пестрое и шумное, оно расположено в таком неприметном сером здании, что я бы ни за что не нашла его сама, даже если бы поставила себе такую цель.

Оно состоит из огромного подвального помещения в несколько комнат. Мне было очень странно ощущать себя в этом, совершенно необычном для любой моей ровесницы месте, среди игроманов и стремных разряженных дамочек.

Я почти не смела смотреть на Алекса в тумане табачного дыма, а может, не только табачного. Однако все же довольно смело и даже с каким-то рвением играла свою роль. Впрочем, не уверена, что очень уж помогла ему.

Сжимаю шершавые купюры, которые приятно трутся о мою ладонь, возвращая к реальности.

— У тебя глаза светятся, — смеется Алекс, — как фонарики!

— Скажи честно, — хватаю его за руку. Мы стоим почти в крошечной тьме и совсем никуда не торопимся, — я оказалась полезна, ну хоть капельку?

— Капельку, — повторяет он насмешливо это словечко, — ну, а если серьёзно, то с тобой я даже кое-чего заработал за этим столом на личный карман. Конечно, самую малость. Мне обычно дают одну и ту же сумму на несколько ставок! Две-три ставки, не больше и я вылетаю! Вот артист сегодня красавчик — поднял не меньше пятидесяти штук, точнее знает только Кэп.

— Но для меня это огромные деньги! — признаюсь, вновь переводя взгляд на купюры, — я даже не знаю, что с ними делать. Мне до сих пор кажется, что они не мои.

— Поверь, твои.

— Почему твое место именно за карточным столом?

— А я наблюдательный, — делится он, — умею быстро улавливать стиль игры каждого за столом, и даю с помощью условных сигналов свою оценку игроков перед основной игрой артисту. Почти никогда не ошибаюсь, за это и ценят. Маскирующегося левого каталу вычисляю на раз. Давай назовем это даром!

Он посмеивается, но я смотрю на Алекса с нескрываемым уважением.

— И куда мы теперь? К тебе?

— Вот уж нет, ночевать в этот клоповник я тебя не поведу, — его полные губы презрительно изгибаются, — к тому же, ты видела мою кровать? Нам пришлось бы лежать друг на друге буквально, и то бы мы с трудом разместились.

Краснею.

— Я сниму номер в отеле. У меня теперь много денег, — выпаливаю, — сколько стоит самый простой номер?

— У тебя не получится, ты же несовершеннолетняя, — он улыбается, — зато получится у меня. Идём!

Уверенно берет меня за руку и увлекает в узенький переулок. Сразу за ним расположена улочка, на которой сверкает неоновой вывеской какой-то отель. Стою, раскрыв рот, разглядывая эту вывеску, пока Алекс неожиданно не передумывает, указывая мне на круглосуточный супермаркет неподалеку:

— А давай отметим чем-то очень вкусным?

— Шампанским? — неуверенно уточняю, семеня за ним.

— Хочешь торт, большой, шоколадный? — игнорирует он мой вопрос.

— Да!

Хихикая как какие-нибудь обкуренные подростки, бегаем по абсолютно безлюдному супермаркету, закидывая в тележку все, что вздумается — чипсы, соки, шоколадки... Это восторг! Наконец, долго и придирчиво выбираем в кондитерском отделе самый большой и самый шоколадный торт.

Забегая наперёд, скажу, что никогда потом — ни до, ни после я не испытывала такого чувства всеобъемлющего счастья, такой многогранной наполненности жизни, как в тот короткий отрезок времени в Нью-Йорке, рядом с Алексом.

Нашими горячими головами управляла юность, а все окружающее вовсе казалось сказочным. Я влюбилась в него точно по Булгакову — так поражает молния, так поражает финский нож...

Толстая сонная кассирша ничуть не была удивлена моему эффектному вечернему платью в пол. Очевидно, в Нью-Йорке люди ничему не удивляются.

Мы без труда зарегистрировались в номер на имя Алекса, и получили ключ из рук молодого человека с рецепции, который не преминул окинуть нас парочкой сальных взглядов.

Повиснув на Алексе как на буксире и стараясь не слишком громко цокать каблуками, с приглушённым смехом добираюсь до номера. А дальше начинается форменное безумие! Переодевшись в банные халаты, которые находим в ванной комнате, мы, босоногие, весело прыгаем на необъятной двуспальной кровати. Вдоволь напрыгавшись и насмеявшись, заваливаемся на нее спинами. Мелькает дурацкая мысль о том, что было бы, если бы меня сейчас увидели родители? Упали бы без сознания, оба. Причём папа два раза!

Несмотря на двусмысленность ситуации, в наших действиях нет никакой пошлости. Мы сейчас подобны двум детям, вдруг очутившимся на райском острове.

И пока я хватаюсь за пульт от телевизора, что висит на стене напротив, Алекс сосредоточенно распаковывает торт. Затем достает небольших размеров ножичек, и тот с тихим щелчком раскрывается в его руках. Алекс старательно нарезает торт, а я с любопытством наблюдаю.

— Откуда у тебя нож с собой, так любишь торты?

— Если я скажу да, ты ведь не поверишь?

— Нет.

Вижу, что он размышляет немного перед тем, как ответить, как-будто взвешивая каждое слово.

— Разные бывают ситуации.

— Только не говори мне, что ты им кого-то зарезал?

— Не скажу, — он не выглядит как маньяк, а его белозубая улыбка, как всегда, обезоруживает, — тем более, что это не правда! Кроме еды, этот нож ничего не касался. Выбирай кинчик.

В итоге мы выбираем кино вместе, и это суперпопулярный ужастик из современных. Спать совсем не хочется.

Садимся рядышком, с удовольствием поглощая первые шоколадные куски, изобильно украшенные завитушками из темно-коричневого и бежевого кремов. Чистое блаженство! Когда в фильме начинают мелькать соответствующие жанру жуткие кадры, я невольно прижимаюсь к Алексу и зажимаюсь, иногда, на какие-то мгновения.

Он кажется мне в эту минуту самым сильным и надежным. А еще, тепло его кожи успокаивает и волнует одновременно.

Неожиданно подмечаю, что он смотрит как я ем торт, и это немного смущает меня. Встречаемся глазами, но он не отводит взгляд.

— Ты чего? — проглатываю огромную розу из темно-коричневого крема, которую вообще-то собиралась медленно рассасывать во рту.

— Если тебе вдруг чего-то захочется — все-равно чего, не стесняйся, — загадочно просит он.

— Например, сожрать тебя? — смеюсь с набитым ртом, имея в виду происходящие в фильме про вампиров события.

— Я бы не отказался...

Кошусь на него с подозрением и медленно отодвигаюсь. В голове начинают транслировать какие-то картинки на тему того, что Алекс может неожиданно оскалиться и укусить меня.

Англия не Румыния, конечно, но все может быть... Кручу ему пальцем у виска:

— Хватит меня пугать!

— Да, походу, мы не тот фильм включили, — усмехается он в ответ, и тут только я понимаю. Привычно вспыхиваю, отворачиваясь. С ним так всегда!

— То есть ты хочешь сказать, что если бы мы включили эротику, то я бы уже приставала к тебе, выпрыгивая из этого халата?

— Было бы круто!

— Серьёзно? — я искренне шокирована его откровенностью. Да он даже ни разу не попытался меня поцеловать, хотя у него был миллион возможностей! — ну вы англичане, блин, странные люди. Ты, что ли, ждёшь от меня инициативы?

— Ну да, — реагирует без всякого стеснения.

Интересно, а он вообще, в принципе способен стесняться? Хотя да, как я могла забыть — он стесняется поцеловать меня. Вероятно. Алекс настолько уважает девушек или наоборот, настолько уверен в собственной неотразимости, что ждёт первого шага именно от меня? Любопытно. А я-то ведь даже не целовалась ни разу толком.

— А почему? — мне действительно интересно.

— Ну, во-первых, ты девушка, а для вас инициатива всегда простительна, во-вторых,

тебе еще даже восемнадцать нет.

— Можно подумать, ты сам намного меня старше, — звонко смеюсь, — прямо дядечка, приведший в номер Лолиту! А восемнадцать мне всего через пару месяцев. Так что поменьше заморачивайся на всякие условности...

— Хорошо, — просто отвечает он и раньше, чем я успеваю что-либо сообразить, резко придвигается ко мне.

Кладет руку мне на затылок, слегка запрокинув мою голову назад, поближе к своему лицу. Дыхание перехватывает. Когда наши носы почти соприкасаются, Алекс закрывает глаза и нежно, даже трепетно касается моих губ.

Тоже смыкаю веки, неловко, но горячо и искренне отвечая ему. Словно осмелев от моей реакции, он углубляет поцелуй.

Это потрясает меня. Вызывает целый фейерверк новых, доселе невиданных эмоций.

Нет, я конечно знала, как люди целуются, но знать и чувствовать — это так по-разному! Отрываюсь от него, чтобы набрать в легкие воздуха. Я будто выныриваю из глубины. Алекс тоже открывает глаза, но молчит. Внимательно наблюдает за мной, а на экране кусаются вампиры.

От этого контраста я снова начинаю смеяться как сумасшедшая.

— Ты что, раньше никогда не целовалась?! — спрашивает он в изумлении.

— Целовалась, конечно. Но так, по-настоящему, впервые, — я снова серьезна.

Он смотрит как зачарованный, и по лицу его расплывается довольная широкая улыбка.

— О, тогда у тебя впереди столько интересных открытий...

— Да? Например?

— Например, я! — он хватает с моих колен пульт и выключает телевизор. Мы оказываемся в полумраке слабого прикроватного освещения от малюсеньких лампочек слева и справа, — может, хватит уже трэша на сегодня?

Киваю. Тоже откладываю свой кусочек торта обратно в коробку. Он опять наблюдает за мной, сощурившись:

— Ещё скажи, что ты девственница?

Раздумываю, подразнить ли его. Все же решаюсь сказать правду.

— Ну да. Это разве странно?

— Нет, совсем.

— Я, конечно, видела все эти американские фильмы типа «Американского пирога», — смеюсь, приваливаясь к нему плечом и устраиваясь поудобнее, и он тут же крепко обнимает меня, — про то, что надо обязательно лишиться девственности до выпускного или на выпускном — вот уж это действительно странно! У вас тоже так?

— Американский пирог, — он тоже тихо смеется. Дышит мне в ухо, отчего немного щекотно. Я почему-то снова ощущаю этот его манящий запах тела, — нет, это же бред, комедия!

— Так ты лишился девственности не на выпускном?

— Ты забыла, что я учился в школе для мальчиков? И потом, я не был на своем выпускном, — он мрачнеет, — и не хочу это вспоминать, извини.

— Нет, это ты меня извини! — я горячо обнимаю его, крепко. Слегка укачиваю на своих руках, как маленького. Я помню, он говорил, что его родители погибли, когда он заканчивал выпускной класс, — давай не будем об этом.

— Принести тебе сока или чипсов? — Алекс слегка отстраняется, — и кстати. Ты

сможешь завтра пропустить свои занятия?

Озадаченно хмурюсь, размышляю. Я ещё ни разу не пропускала.

— А когда нужно снова, ну... в это казино?

— Не завтра, — улыбается, — и послезавтра тоже вряд ли! Обычно со мной связывается Кэп, а я — с остальными.

Ненадолго повисает молчание, все ещё нахожусь в глубоком раздумье. Ужасно не хочется никуда идти завтра прямо с утра! Боюсь даже смотреть на часы.

Если идти, то придётся срываться ни свет ни заря... Алекс гладит мои волосы.

— Хочешь ещё целоваться? — интересуется шепотом.

— Да, — отвечаю я раньше, чем успеваю сообразить.

Никаких приличных пауз.

Мы с ним одновременно тянемся друг к другу, сплетая наши руки, наши тела, но так целомудренно, просто лежа на боку лицом к лицу. Это чудесное, ни с чем не сравнимое ощущение, когда тебе кажется, что даже время вокруг замирает.

Алекс пьёт мое дыхание, медленно поглаживая мои руки, никуда не торопясь. Он максимально близко ко мне, и физически и духовно. Я тоже глажу его плечи, пока усталость неожиданно не накрывает нас подобно снежной лавине, и мы сладко засыпаем, эмоционально истощённые, забыв убрать остатки торта в холодильник, забыв почистить зубы...

Конспиративная квартира МИ-6, встреча с агентом, Нью-Йорк

В небольшой гостиной, за журнальным столиком у окна, в креслах сидят двое. Это хорошо одетые молодые люди лет тридцати пяти. Перед ними, на изящном подносе висится одинокой башенкой серебристый кофейник и две миниатюрные белые чашки, наполненные дымящимся кофе.

— Итак, что удалось узнать? — спрашивает один из них, принимая из рук своего визави нечто, похожее на микрофлешку. Прикладывает к своим наручным часам, увеличивая их экран одним незаметным движением. На нем мелькают некие схемы, цифры и тексты. Он внимательно просматривает их все.

— Интересующий вас субъект на месте. Имя — Евгения Лопихина, тридцать два года, украинка, постоянное место жительства город Киев, — докладывает агент, — обманным путём попала в организацию в качестве донора почки. Но она пребывает там не одна, а со своей младшей сестрой Екатериной, у которой очень тяжёлый диагноз. Очевидно, что приманкой стала сестра.

Повисает пауза, его собеседник продолжает задумчиво листать файлы с информацией.

— Они находятся по этому адресу?

— Да. Это что-то вроде подпольного госпиталя организации, как раз там сейчас работает наш человек. Надо сказать, госпиталь оснащен самым современным оборудованием, и это неудивительно. Я приложил схему здания, аварийные выходы и тому подобное, как вы просили.

— Отлично! Были проблемы с внедрением людей?

— Никаких. Взгляните также на графики работы охраны, и расположение камер по территории внутри и снаружи.

— Уже. Охраны почти нет, — усмехнувшись, коротко заключает заказчик информации. Поднимает тёплый взгляд ярко-синих глаз на агента напротив, — и это хорошо. Их дальнейшие планы?

— В отношении Екатерины, насколько нам известно, никаких. А реципиент для Евгении уже найден, некий гражданин Австралии, его ожидают на днях. Затем подготовка к операции обоим, это займёт ещё пару дней. По окончании реабилитационного периода Евгению с сестрой планируют отпустить на родину.

Заказчик возвращает маленькую пластину ее владельцу, закончив копирование информации, и откидывается на спинку кресла. Притягивает к себе чашку.

— Ну что ж, вы отлично потрудились, Грин! Я крайне вам признателен.

— Благодарю, — Грин делает глоточек кофе и тонко улыбается, — мы очень ценим сотрудничество с британскими коллегами!

— Поверьте, это взаимно.

— Что касается руководителей организации, то их контакты мы предоставим вам в самое ближайшее время.

— В этом нет нужды, их контакты уже у нас.

— Чудненько, будете работать напрямую?

— Да, но чуть позже, — заказчик медлит, словно что-то обдумывая, — ваш человек в

охране?

— В администрации.

— Предупредите его! Сегодня ночью мы заберем оттуда девушек.

— Конечно. Силовая поддержка будет в лучшем виде.

— Это не понадобится, — он отрицательно качает головой, — я сделаю все сам. А вот ваша помощь мне пригодится, в качестве водителя, сможете забрать нас и доставить сюда?

— Конечно. Девушек будут держать здесь?

— Пока здесь, позже они будут отправлены в более надежное место. И, Грин... личная просьба. Доложите об этом своему начальству не ранее, чем через пару часов. Это возможно?

— Да, можете всецело рассчитывать на меня!

— Буду вам должен, — заказчик смотрит на часы, — выдвигаемся через восемь часов.

— Перед рассветом?

— Традиционно! — заказчик усмехается и снова делает глоток черного, как смоль, кофе, — самое тихое время.

Уныло размазываем по тарелкам овощной, по типу гаспачо, суп с добавлением крупной нежной фасоли, делая друг перед другом вид, что едим. Вообще, кормят нас здесь очень сытно и часто, но счет за такую любезность будет предъявлен несоизмеримо дорогой!

Есть и второе блюдо, накрытое круглой металлической крышкой, с заботливо предложенными на отдельной тарелочке столовыми приборами, но обе мы даже не притрагиваемся к ним, закончив прием пищи.

— Женечка, что же дальше? — тихонько ноет Катя, — папа, наверное, с ума сходит.

Стискиваю зубы, до боли сжимаю руки в кулаки, пряча их в карманы. Надо держаться. Не сломаться — главное! Когда-то это все закончится. Чем бы ни закончилось. В голове упорно крутятся строчки из Библии: твердого духом Ты хранишь в совершенном мире, ибо на Тебя уповает он...

Качаюсь как маятник, сидя на своей кровати, пока мою медитацию и монотонные жалобы Катюши не прерывает наша постоянная уже за эти кошмарные дни медсестра. Она заходит в палату с тем самым ненавистным мне охранником, имени которого я даже не хочу знать. Вслед за ними проскальзывает та, которую я для себя окрестила как «переводчица».

Наблюдаю за ними безучастным взглядом, останавливая свое покачивание. В руках охранника ноутбук. Он принимается устанавливать его на нашем столе, а медсестра улыбается, заметив почти нетронутую еду:

— Ай-ай-ай! Совсем раскисли, девочки. Что, повара наши плохо готовят, да?

— Что вы собираетесь делать? — спрашиваю отрывисто, игнорируя ее вопрос.

Сестра тут же пересаживается ко мне и плотно прижимается, подрагивая. Обнимаю ее.

— Чего они хотят? — шепчет мне в ухо.

— Ты че, тупая?! — ухмыляется мне охранник, — ноута не видишь? Давай присаживайся. Можешь сестру взять. Мужу твоему будете звонить. Чтоб не суетился там раньше времени.

— Катюнь, позвоним Грише и папе? Мы ведь как раз хотели, — ободряюще улыбаюсь ей и беру за руку, — пойдешь со мной? Или посидишь здесь?.. Пойми, надо, котёнок.

— Сопли долго еще будете разводить? — интересуется цербер, внаглую устраиваясь сразу за ноутбуком так, чтобы его не было видно, но очень близко к моему стулу.

К горлу подкатывает тошнота. Ненавижу его.

Тем не менее, идти надо. Катя решается поучаствовать — в итоге я сажусь на стул, а она встаёт позади, положив руки на мои плечи. Цербер дает последние указания в духе «только без фокусов», и я звоню Грише.

Как же я рада, что Катя плохо знает английский и многое не понимает из того, о чем говорю с нашими похитителями. Не слышит этих угроз.

— Привет! Ты папе сообщил о нас? — сходу интересуюсь у мужа. Он выглядит слегка помятым в своей домашней одежде.

— Приветик, — бросает небрежно, — естественно! Кинул смс и даже напомнил вам позвонить. Если он сам не в курсе!

Опять до боли сжимаю кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Телефонов нас лишили, папа с ума сходит, это точно! Затем заставляю себя выдохнуть и чуть расслабиться. Если начну рыдать прямо здесь, наше положение только ухудшится.

Неприятный разговор продолжается.

— Ну что там, как? Привет, Катюх! — наконец, замечает Катю, она лепечет ему «привет», — что там, все супер? Готовишься?

Она кивает.

— Да в общем, у нас все хорошо, — я улыбаюсь подчеркнуто жизнерадостно, — как ты?

— К операции-то все готово? Когда операция?

И снова меня обдаёт то жаром, то холодом. Господи, дай мне побольше сил и самообладания. А лучше помоги выбраться из этого ада!

Какие у меня шансы выжить после такой операции, и что за врачи будут удалять мне жизненно важный орган, насколько они компетентны? Если бы Гриша только знал, что готовить будут не Катю, а меня! Хотя, разве это что-то бы поменяло?

— Точно не знаю, — отвечаю с усилием, — наверное, все решится в ближайшие дни. Рано или поздно, — запинаюсь, — рано или поздно нам скажут точную дату.

— А ты что, спросить не можешь, что ли? — искренне удивляется, — так значит, вы просто торчите в больнице и все?! А оплачивать кто будет, проживание там, питание и остальное, пока вы просто ждете?

— Не ты точно, Гриш, — горько усмехаюсь.

— А, это, типа, я виноват?

— Никто не виноват, Гриша. Вернее, я! Я одна во всем виновата, — глаза снова начинает предательски пощипывать. Если слезы хлынут сейчас мощным потоком, мне будет их не остановить! Переводчица за крышкой ноутбука начинает делать мне отчаянные знаки. Внутренне собираюсь, в который раз. И продолжаю наш диалог как ни в чем не бывало, — да все нормально, не переживай! Оплачивает фонд.

Дальше просто молчим.

Мне кажется, и тугодум бы уже начал догадываться, что у нас какие-то проблемы! Общаемся с ним, обе с Катей напряженные донельзя. Он спрашивает о погоде, об Америке, а потом выдаёт:

— Катюх, я что-то не узнаю твою сестру! А ну скажи ты, когда домой-то?

Никогда, вдруг тихо звучит в моей голове спокойный ответ.

И меня так же неожиданно отпускает. Перестаю дрожать. Невозможно дрожать 24/7! Становится ясно как день, что мне глубоко безразличен этот человек. Я бы и не вернулась к нему никогда.

Точнее, не вернусь, если выживу.

Начну все с начала, с нуля. Сама. Поселюсь в комнате мамы, пока не заработаю на первый взнос за собственную квартиру, которую приобрету в ипотеку, пусть самую крохотную, где-нибудь на окраине. Главное, чтобы свое, и плевать на недовольство новой папиной мадам.

Приеду, заберу свои вещи от Гриши и сразу же подам на развод. Уйду в науку, в преподавание. Все свободное от основной работы время — на зарабатывание денег. Буду давать уроки, буду переводить книги... И только когда меня грубо встряхивает цербер, я с удивлением замечаю, что он уже захлопнул ноутбук, и теперь, брызжа слюной, что-то шипит.

Брезгливо отворачиваюсь, достаю носовой платок и провожу им по лицу. Он отпрыгивает от меня, весь багровый от ярости.

А я снова спокойна и собрана. Даже он не сможет лишить меня этой появившейся

ниоткуда легкости. Мы с сестрой спасемся, я знаю! Не может быть никак иначе.

Нам есть, за что побороться. Смотрю на наших стражей выжидательно, чуть склонив голову, пока переводчица нервно не обращается ко мне:

— Евгения, сейчас мы снова откроем ноутбук, наберете мужа еще раз — скажете, пропала связь. Только, пожалуйста, ведите себя разумно!

Она говорит со мной по-русски медленно и вятно, и это отчего-то веселит меня.

— Я говорю по-английски, — отчётливо произношу ей на английском, смеясь. Мой смех звучит странно в этой воцарившейся тишине.

— Она — сумасшедшая! — говорит медсестра церберу.

— Поверь, детка, если бы тебе собрались удалять почку насильно — ты бы вела себя более неадекватно, — уверяю я ее.

Цербер подсакивает ко мне снова, приходя вместе с остальными в неопикуемый ужас от моего поведения, а я снова смеюсь немного истерически, да, наблюдая это броуновское движение.

Наконец, успокоившись, со словами: "Дайте мне спокойно договорить, я в порядке", открываю ноутбук.

Как ни странно, но они подчиняются, и даже дают мне возможность нажать на вызов. Гриша отвечает сразу.

Долго негодует, что он не знал, что и думать, и может ли быть такое, чтобы в Штатах была настолько плохая связь. Ворчит, но меня это уже не трогает. Наскоро закончив общение, звоню папе. А вот там меня тоже поджидает очередное испытание!

Папа принимает вызов, но явно куда-то спешит. Просит перезвонить вечером, машет Кате ручкой и отключается. У меня просто шок. Похоже, он и не дозванивался до нас особо, а если дозванивался, то раз или два.

Что это, безграничное доверие ко мне?

Или полнейшее равнодушие к судьбе своей младшей дочери? Он и со старшей-то не слишком заморачивался. А может, Гриша прав, и папа давно уже живет интересами своей новой семьи и тех детей, а эти, то есть мы, просто как ненужный придаток, от которого уже не отрестишься, вот и приходится иногда делать вид, что ему не все равно.

Так недолго и нос повесить!

Волевым усилием заставляю себя отложить мысли о папе на потом. Вижу такое же разочарование на лице Кати. Думает, наверное, куда это наш пенсионер так торопится, что не нашел для нее лишних десяти минут своего времени?

У меня лично ответа нет. Похоже, что все те, кого мы считали родными и близкими, нас бросили. Значит, придется бороться самим, даже без иллюзии моральной поддержки! Без такого необходимого ощущения, что нас где-то очень ждут. И борьба нам предстоит не на жизнь, а на смерть в самом прямом смысле этого слова.

— Молодцы, — хвалит нас медсестра, как воспитательница детей, — а теперь у меня для вас хорошая новость!

Да неужели?! Сюда едет полиция? Или нас ждёт рисовый пудинг на обед? Судя по всему, мой мрачный взгляд заставляет ее поспешно добавить:

— Можете полчаса погулять перед сном! С охраной, разумеется.

А вот это шанс, мелькает яркой вспышкой мысль в моей голове.

Буду барахтаться как та лягушка в молоке лапами, пока не сдохну. Или не выберусь отсюда.

Почему бы не попытаться сбежать? А Кате они ничего не сделают, им никакого резона. Мне даже не нужны ни телефон, ни деньги. Доеду "зайцем" хоть на чем-нибудь до российского или украинского посольства.

Примерно даже представляю, где это может находиться. Спрошу у людей, в конце концов! Язык до Киева доведёт — сейчас я воспринимаю эту поговорку буквально. Веселю.

— Малую бери, а эта не заслужила, — кивает на меня цербер, тихо приправив свое умозаключение неприличным словцом. Перевожу взгляд с него на медсестру.

— Начальство сказало обеих, — заверяет его та, — значит, обеих! Пусть воздухом подышат, им полезно.

Мы начинаем собираться почти сразу. Документов, денег и средств связи у меня нет. Но это не страшно! Нам выдают куртки поверх больничных пижам, которые таки заставили надеть, но и это ничего.

Если повезёт, буду бежать от них так быстро, как Шурик из психиатрической лечебницы, главный герой старого советского фильма «Кавказская пленница». Надо только предупредить Катюшку о моем побеге и, главное, напомнить ей о том, что все, в конце концов, будет хорошо.

Пятнадцать лет назад

Ночь, непролазная, крошечная мгла. Черный микроавтобус слился с нею в глухом закутке безлюдной улицы. Мы внутри, и здесь лютует Кэп — он орет на нас с Алексом!

Я смотрю то в пол, а точнее на носки своих изящных туфель, то на Алекса, который сидит бок о бок со мной — злой, насуспенный, с рассеченной бровью. Он смотрит на Кэпа в упор, с довольно равнодушным видом выслушивая все нелестные эпитеты в свой адрес.

— Вы, блин, полудурки, вообще понимаете своим куриным мозгом, что сорвали рабочий план?! — визжит Кэп высоким надтреснутым голосом, и мне по-настоящему страшно.

— Следи за речью, — мрачно отвечает ему Алекс. Ситуация накаляется.

Сегодня вечером в казино все шло как по маслу и ничто, как говорится, не предвещало беды. Я, вполне освоившаяся со своей ролью и даже получая иногда, каюсь, удовольствие от нее, дефилировала по залу в новом, выданном мне во временное пользование через Алекса, платье.

Все было отлично ровно до того момента, пока за мной не начал ухлестывать какой-то стремный тип неопределённого возраста. Это очень мешало работе. Я старательно шутила с парочкой игроков за столом, вполне невинно, не забывая заглядывать в их карты. Но этот тип буквально прилип ко мне, пытаюсь то приобнять, то угостить коктейлем.

Потихоньку я начинала нервничать.

Однако, я видела бесстрастные питбулевские глаза Старка где-то совсем неподалеку, и это придавало мне сил. Но чем более холодной была моя манера общения с приставучим отморозком, находящимся, судя по всему, под кайфом, тем более настойчивым он становился.

В какой-то момент отчаяние накрыло волной — он схватил меня за попу, а на нас уже поглядывали другие игроки. Алекс спокойно играл, казалось, абсолютно поглощённый тем, что происходит за столом. Ни о какой помощи ему речь уже не шла, и я, спасаясь, стремительно направилась к бару. Это и стало роковой ошибкой!

Мне показалось, что я заметила Тень за широкой колонной, но это было обманчивым впечатлением. Похоже, парни из команды не спешили ко мне на помощь, вместо этого застыв в ожидании неизвестно чего, или, быть может, ожидая чьего-то одобрения на вмешательство.

Тем временем, пугающий меня субъект перешёл к активным действиям. Не успела я приблизиться к бару, чтобы попросить стакан воды, как он грубо схватил меня и потащил в мужской туалет, что располагался совсем рядом. Было ясно — как только мы окажемся одни, в закрытой кабинке, меня уже никто не спасёт! А вокруг одни ухмыляющиеся маргиналы. Он уже зажимал мне рот рукой, приговаривая «Ну че ломаешься, красотка?» и открывал дверь в санузел — я просто физически ничего не могла поделать наперекор ему, как вдруг кто-то осторожно оторвал его от меня.

С сильно бьющимся сердцем, я резко обернулась — Алекс. Единственный, кто смог мне помочь. Он молча толкнул в санузел того типа, и дверь за ними закрылась. Я, перепуганная насмерть, только стояла и слушала глухие звуки борьбы, как уже примерно через минуту

набежала толпа — неизвестные мне люди распахнули двери настезь.

Я увидела Алекса, склонившегося над тем типом, который лежал теперь на полу с окровавленным лицом — он страшно бил его! На Алекса вдруг налетели со всех сторон, а я тоже смело ринулась в толпу, не в силах наблюдать, как его избивают, и только появившийся словно ниоткуда Старк, машина для убийства, подключившись, окончательно разрулил ситуацию. Драка довольно быстро закончилась.

Принцесса, как я в шутку иногда называла Алекса, оказалась дуболомом. Они, абсолютно все там собравшиеся, дрались так, что я боялась даже смотреть на них. Думаю, меня запросто могли бы убить, случайно, в этом кровавом месиве. Я видела, как некоторые там падали без сознания.

Охрана казино разняла дерущихся, и нас попросили уйти.

Мы с Алексом зашли перед этим в женский туалет — там меня стошнило. Он заботливо держал меня над унитазом, а после помог умыться. До сих пор помню брызги крови на выложенных плиткой стенах!

Я умывалась, глядя в зеркало на его рассеченную бровь и разбитые, улыбающиеся мне губы, и слезы мои все текли, никак не желая останавливаться. А он пытался шутить, как будто бы произошедшее было каким-то обычным, повседневным явлением. Я не могла понять этого! Кажется, именно тогда до меня впервые дошло, во что я ввязалась. Здесь не место детским играм или детскому восприятию жизни — все серьезно и по-взрослому. Мы просто марионетки, разменные монеты в руках дядечек с деньгами, которые используют нас для своих целей. И никто кроме Алекса не посмел вмешаться, чтобы защитить меня.

— Не ори так! А то я сам тебя приложу, — лениво цедит Старк, и Кэп замолкает. Тень же сидит будто в глубокой медитации, спокойно и равнодушно глядя на каждого из нас.

— Я позвоню главному! — с вызовом произносит Кэп и выходит из микроавтобуса, громыхнув дверью. Мы все начинаем тихонько переговариваться, но уже через пару минут он возвращается. Останавливает злобный взгляд налитых кровью глаз на нас с Алексом.

— Значит так, гребаные Бонни и Клайд! Виноват во всем, конечно, Альбион. Альбиону и платить по счетам. Ты сегодня сорвал нам план в пятьдесят кусков — стандартный усреднённый чек, а значит главный удерживает эту сумму с тебя. По пятьдесят процентов твоего заработка — чтоб не подох с голоду, с каждого выхода, пока не отдашь всю сумму! Всем ясно?

Пятьдесят тысяч долларов! У меня плывёт перед глазами. Эта сумма кажется мне неподъёмной настолько, что на нее, наверное, можно было бы купить самолёт. Кэп ещё бурчит о том, что и ежу было понятно, что за мной последует Старк, и поможет по-тихому.

— А если нет? — дерзко спрашивает Алекс, — когда тот урод пошёл за ней, вы все оставались на своих местах.

— Срываться резко и нельзя было! Это привлекло бы внимание. А на сегодня все по нормам, — Кэп делает знак водителю, — ну потискал бы он чуть твою девку, с нее бы не убыло.

— Ты че сказал?! — Алекс одним резким движением хватает Кэпа за ворот франтоватой рубашки и опускает его голову вниз, к ногам, — извинись! Я тебе сейчас рожу разобью.

— Ты охренел?! — визжит, извиваясь змеей в его руках, Кэп, — из-за куклы?

— Заткнись, Кэп, — вдруг подает голос Тень, — мы все протупили, значит и удерживать надо со всех! И с тебя тоже.

Кэп ругается долго, витиевато и нецензурно.

— Я готова отдавать сто процентов с каждого выхода! — встречаю робко, но решительно. Они смотрят на меня с уважением, все, кроме Кэпа, голова которого возвращается в естественное положение только после двух, выплюнутых в мою сторону с ненавистью слов: «Извини, Эжени!».

В итоге решаем, что удерживаем по пятьдесят процентов за каждый выход абсолютно со всех, и не допускаем повторения подобной ситуации! При малейшей опасности, для кого бы то ни было — мобилизуемся сразу. Кэпу остаётся только подчиниться, он такой же член команды, хоть и воображает о себе.

Вообще, несмотря на то, что я общаюсь с этими ребятами только в микроавтобусе и урывками, мы уже успели привыкнуть друг к другу и нормально поладить. А благодаря вездесущему заступничеству Алекса, я не боюсь никого из них.

Много позже, когда я засыпаю рядом с Алексом в его новой квартире, в моей голове все ещё звучат слова Кэпа, которые он бросил в порыве гнева, там, в машине: «Ты просто тупо оставил карты, оставил все, и побежал за ней!»

Значит, я для него важна и значима. Он оставил все. Оставил все...

С этой чудесной мыслью я засыпаю, сладко улыбаясь в дремоте и обнимая Алекса.

Эту квартиру он снял несколько дней назад, сделав для меня сюрприз. Мария очень сокрушалась, и мы с ним решили как-нибудь навестить ее с детьми. У нас теперь много денег, по-настоящему много! Даже несмотря на долг. Мы все равно однажды отдадим его, рано или поздно.

Квартирка совсем маленькая, но она очень ценна для нас тем, что, кроме нас, тут больше никого нет. Тут наша планета. Только я и он!

Конечно, официально я по-прежнему живу в общежитии, но навещаю его к нему с ночевкой после каждого рабочего «выхода». Может быть, поэтому я так жду их?

Наши объятия все такие же целомудренные, как и прежде. Алекс часто целует меня, постепенно пробуждая во мне нечто неконтролируемое, темное и древнее, как сам мир. Странное томление, и необъяснимо сильные желания чего-то большего. Я тлею угольком, когда мы обнимаемся, тайно мечтая чувствовать его как можно ближе к себе, и не решаясь озвучить вслух свои мысли.

Иногда мы говорим об этом. Алекс шутит, что ждёт только моего совершеннолетия, чтобы раскопать вместе и выпить ту, памятную обоим бутылку шампанского, а затем соблазнить меня. Я смеюсь с ним, но ни за что не признаюсь, что в такие минуты что-то в моем животе порхает и сжимается — сильно, сладко, почти болезненно.

А еще, мне очень горько осознавать, что на самом деле мое совершеннолетие наступит далеко отсюда, за много тысяч километров. В первые же месяцы учебы в институте, который больше меня не радует!

Кажется совершенно невыносимым, даже невероятным расстаться с Алексом хотя бы на время. Мы будто выросли друг в друга как деревья.

Я немного забросила учёбу здесь, что тоже терзает меня. Алекс в таких случаях шутливо уверяет, что это ерунда — я общаюсь с носителем языка, а это куда эффективнее! И ведь не возразишь.

Ну и вляпались же мы сегодня в долги.

Страшно переживаю, хотя отдавать деньги целой командой будет намного легче. Во всем я вижу позитив — ведь если бы не это приключение, то разве узнала бы я, что

настолько дорога ему, что на него действительно можно положиться?

Засыпая, вспоминаю, что сегодня пропустила время очередного звонка отцу. Завтра надо будет позвонить, обязательно.

Выдвигаемся на прогулку.

Выходим из здания. Унылый маленький дворик, высокий забор из шифера, взгляду не за что зацепиться... Сканирую местность зорким глазом. Подмечаю уличную камеру. Сникаю.

— Катюнечка, — шепчу, когда сопровождающие нас невыносимый охранник и медсестра чуть отстают. Обнимаю ее, — слушай меня внимательно! В палате наверняка есть прослушка и камеры, я боялась говорить. Если мне сейчас или потом предоставится хоть малейшая возможность сбежать отсюда — я сбегу. Но ненадолго. Я вернусь за тобой, очень скоро, поверь. Тебе нечего бояться!

— И куда же ты побежишь? — со страхом в голосе в ответ шепчет она.

— За помощью. Сначала в украинское консульство, потом в полицию! О нас должны знать. Нас освободят.

— Может, позвонить папе или Грише? Пусть они помогут?

— Гриша не в состоянии помочь даже самому себе, — отвечаю со злым смешком, — особенно по утрам, когда ищет чистые носки.

— Э! — слышим грубый окрик сзади, — а ну стоять!

Вдруг замечаю, что маленький дворик быстро закончился. Мы у ворот. Рядом нечто наподобие сторожки, а ещё неподалёку шлагбаум для въезда машин. Быстро прикидываю возможность шмыгнуть под шлагбаум, и затем быстро бежать улицами.

Я знаю Нью-Йорк. К счастью, они не в курсе этого.

Задерживаю взгляд на нашем тучном охраннике, тот пешком меня не догонит точно. Шанс есть! Терять нельзя.

— Разворачивай корму обратно, — лениво говорит он мне, поравнявшись с нами. Послушно бредём, куда велено.

— А ты хоть знаешь, чего они хотят от нас?! — продолжает шептать Катя.

Я замираю на мгновение, прислушиваясь к идущим позади. Снова распирает непрощенный нервный смех! Они обсуждают чечевичный суп, животные.

— Да, знаю, — коротко отвечаю, решаясь сказать ей правду, — и они знают! Эти. Уроды. Короче, Катя, тебя не тронут и это главное. А меня хотят использовать как донора.

— Донора чего?

Она в ужасе. Уже жалею, что рассказала, но решаю идти до конца. Сама терпеть не могу людей, которые не договаривают!

— Донора почки, — вздыхаю, — а потом обещают отпустить, купить билеты и бла-бла. Ну, теоретически, Катя, жить с одной почкой можно. И даже рожать. И вообще... не переживай.

Она начинает плакать, а я ругаю себя почему зря.

Строго прошу ее не делать этого, потом делюсь своим планом. Прямо сейчас, когда мы опять поравняемся со шлагбаумом, поскольку гуляем по кругу, я поднырну под него и сбегу. Она должна понимать, почему это так важно!

— Крайний круг, — объявляет охранник, и мы идем в сторону сторожки, — потом спать!

Сгушающаяся темнота — мой друг.

— Мне надо как-то их отвлечь? — Катюха дрожит. Смотрю на нее с сомнением.

— Не надо. Просто не удивляйся, что в какой-то момент я побегу и все! Я приведу помощь, верь мне.

Мы подходим все ближе к сторожке и как можно ближе, словно бы невзначай, к опущенному шлагбауму. Сердце мое колотится как у зайца! В какой-то момент решаюсь.

На самом деле, времени на то, чтобы обогнуть небольшой пяточок земли здесь, минуты полторы самое большее. Выдыхаю Кате еле слышно: «Ну, с Богом» и вижу, как она незаметно крестит меня. Ныряю под шлагбаум.

Сначала все как будто идет неплохо!

Мои ощущения — словно в замедленной съёмке. Выскакиваю из-под шлагбаума, краем глаза подмечая удивлённый взгляд охранника за стеклом сторожки. Только-только набираю полные легкие воздуха, до упора, чтобы бежать и бежать на пределе человеческих возможностей, как вдруг — электрический разряд!

Сбивает с ног. Я падаю, задевая лбом шлагбаум. Смотрю в черное небо, лежа на спине.

Не двигаюсь, а сердце бьется рваными толчками. Вокруг меня за секунды образовывается толпа. Два охранника из сторожки, наш постоянный приставленный, пышущий злобой цербер, медсестра и Катя, плачущая за шлагбаумом... продолжаю лежать. Кто-то поднимает. Провожу дрожащей рукой по своему влажному лбу, на нем кровь.

— Я же говорил, что ее нельзя выводить! — визжит цербер, — не пойдёт теперь никуда до самого отъезда!

— Ее бы надо в медпункт, — озадаченно отзывается медсестра.

Так и ведут меня, безмолвную, под руки. А мне все равно. Только привычно выдавливаю из себя улыбку, проходя мимо Кати.

— Здесь везде электрические ограничители, — медсестра явно сочувствует, — не сбежишь, милая! Даже не пытайся.

— Сегодня заночует в подвале, — злобно изрекает цербер, — хорошо подумает!

— Да ты что, — вскидывается та, — забыл, для чего она здесь?! Если простудится, операция сорвётся. Ты будешь отвечать?

Говорят обо мне так, словно меня здесь нет. Странно, что я до сих пор не привыкла.

Потихоньку отпускает. Сегодня в медпункте дежурит уже знакомая мне афроамериканка. Улыбается как старой приятельнице, меряет давление, слушает сердце... Понимаю по их реакции, что все хорошо. Она негромко, но со страхом в голосе выговаривает этим двоим, что накануне операции такого допускать нельзя.

Физически я в порядке, а вот морально совершенно уничтожена. Хочется рыдать, хочется умереть, только чтобы не достаться неизвестному реципиенту! Это ведь даже не рабство, это намного хуже рабства. Как такое вообще возможно в двадцать первом веке, в цивилизованном мире?

Когда я, наконец, снова в палате, и Катя налетает на меня с крепкими объятиями, ощущаю только одно: желание, тяжелое и непреодолимое, немедленно уснуть. А еще, не хочу просыпаться. Не хочу ни о чем говорить.

Я устала.

Я ничего не могу, это же очевидно.

И все же, крошечный маячок веры во мне, веры в чудо продолжает упорно мигать, поблескивать единственным источником света в той крошечной мгле, в которой я очутилась.

Засыпая, мысленно прошу высшие силы проявить для меня это чудо, сотворить его! А

иначе я погибну. Мы обе погибнем.

Пятнадцать лет назад

Я просыпаюсь в слезах.

Мне приснился кошмар о том, что я открыла глаза в своей постели, в родном далеком Киеве. Солнышко пробивается сквозь шторы, и я блаженно щурюсь, а мама заглядывает в мою комнату, поторапливая вставать, чтобы не опоздать в институт.

Вскакиваю, вспоминая об Алексе! Хватаюсь за свой телефон, ищу его номер и не нахожу. Выбегаю на кухню, спрашиваю у мамы, не звонил ли мне Алекс Спенсер. Она только качает головой и сердится, что я не хочу помочь ей с Катей. Просит сварить кашку, пока она развешивает постиранное белье. Реву.

И просыпаюсь — а он рядом. Всхлипываю, трясясь, удивляясь своей глупости и эгоистично, моментально успокаиваясь. Ну почему я не порадовалась встрече с мамой во сне?! Мы ведь давно не виделись. Неужели я влюбилась настолько сильно, что уже не мыслю себя без него? Улыбаюсь, а он проснулся и, шокированный мокрыми полосками слез на моем лице, неловко вытирает их ладонью. Нежно, испуганно обнимает, успокаивая.

— Эй, ты чего? — Алекс взъерошенный, побитый, но такой красивый. Смотрит пристально, в глаза, — ну что случилось?

— Мне приснился кошмар... Что я дома, в своей стране, и не могу найти твой телефон. Представляешь?

Смеётся, снова обнимает.

— И всего-то?.. У тебя есть мой телефон. А у меня твой.

Вздыхаю.

— Да!

Молчим немного.

— Ты просто очень переволновалась сегодня. Такого не должно повториться, никогда.

— Я переволновалась за тебя, — еле прикасаюсь к его рассеченной брови, неумело обработанной мною перекисью и заклеенной медицинским пластырем.

— Не нужно, — Алекс улыбается, — знаешь, это даже иногда полезно, психологически. Называется, спустить пар!

Тоже улыбаюсь.

— Странно, а вот у меня нет такого желания, от слова совсем.

— Ну, у тебя и нет такого количества тестостерона, — он шутливо заваливает меня на спину, — между прочим, повышает не только агрессию...

— Что, такой умный мальчик?

— Да, а ты только что поняла?

На мои глаза внезапно снова наворачиваются жгучие слёзы.

— Моя учеба, между прочим, только до конца августа, а потом я уезжаю, — произношу в отчаянии, затем делаю паузу, чтобы продолжить уже потише, и не таким несчастным, скрипучим от слез голосом, — я не хочу уезжать. Не хочу! И что делать?

Алекс молчит, садится на кровати. Включает лампу на тумбочке. О чём-то недолго думает, проводя рукой по своим взъерошенным волосам. Резко поворачивается ко мне, и произносит очень серьезно:

— Ты права, я как-то даже не думал об этом... Я тоже не хочу, чтобы ты уезжала!

Утыкаюсь лицом в ладони. Ну, какая любовь на расстоянии? Папа просто убьет меня, если узнает, что я нашла здесь кавалера. Он всегда, как мантру, повторяет мне о том, чтобы думала об учебе. Как-будто я какая-то гулящая, или плохо училась. Очень обидно. Да и плевать!

— Ладно, нет безвыходных ситуаций, — вытираю слезы, укладываюсь, и тяну к нему руки, — ложись. У нас говорят — утро вечера мудренее. Все нормально.

— Украина — это так далеко, — он послушно укладывается, крепко обнимая меня, — и я ничего не знаю о ней. Реально. Ничего!

— Ну, будем летать друг к другу! Потом, — тут считаю нужным пояснить, — когда мне будет побольше лет, а то мой папа очень своеобразный человек. И он считает, что отношения мне пока ни к чему.

— Нет, — отвечает он. Приподнимается на локте, нависая надо мной. Я вижу, как в темноте блестят его глаза, — выход есть, и он самый правильный! Выходи за меня замуж.

— Что? — порывисто поднимаюсь, усаживаясь. То, что он говорит — и пугает и радует одновременно.

Но замуж? Я, за него? Когда?

— Твои документы — ну, там, паспорт Украины, загранпаспорт при тебе?

— Да, конечно, — я в полной растерянности, Алекс же деловито продолжает:

— Дождемся твоих восемнадцати, и съездим в Англию, подадим документы на заключение брака! Тебе предоставят вид на жительство, а потом, со временем, получишь и гражданство — я не в курсе тонкостей. Но решаемо. Познакомлю вас с дедом! Он нам поможет. Там наш дом, Женя, и однажды мы сможем вернуться туда, — он взволнован, садится рядышком со мной — матрац пружинит под его сильным, поджарым телом. Сидим плечом к плечу, какое-то время молча, и каждый из нас думает о чём-то своём.

— Ты согласна? — разрывает тишину его голос. Алекс впивается в меня острым, напряжённым взглядом. До белеющих сквозь кожу косточек сжимаю и разжимаю пальцы, по-настоящему мучительно раздумывая.

— Да! — почти выкрикиваю, на эмоциях, — я согласна, но как? К тому же, я уже поступила в институт там, дома.

— В какой?

— Иностранных языков, — делаю неопределённый жест рукой, — буду учить английский. И французский.

— Но ведь это можно делать и здесь! Как думаешь, тебя отпустят учиться здесь?

— Исключено, — отвечаю очень грустно, — слишком дорого, а у вас бюджета нет. Ну, то есть бесплатной учебы, да ещё и для иностранцев. Меня не отпустят, нет.

— А если я найду деньги тебе на обучение?! Может, поступим вместе в Колумбийский?

Качаю головой. Во-первых, неизвестно, когда именно найдутся деньги, у него для себя-то пока нет. Во-вторых, если я скажу, что мне их дает парень — меня тут же прикуют к батарее, и тем более не отпустят! А врать я не хочу.

Делюсь с ним своими соображениями. Он соглашается, и мы оба понимаем, что брак для нас — это на самом деле единственный, хотя и очень неожиданный, выход. Ну когда и насколько он сможет приезжать туда ко мне, по сути, в страну третьего мира, без знания нашего языка, нашего менталитета? С его сумасшедшей жизнью, с его планами. О себе я уже молчу, у меня элементарно не найдется денег на билет, а просить я ни за что не стану. Это

ужасно.

Кроме того, мы не поднимаем эту тему, но я помню о возникшем на ровном месте долге, который висит над всей нашей командой, как Дамоклов меч. И я намерена честно отдавать его, вместе со всеми! Как же я помогу им, будучи там? А так, за год или два четкой, слаженной работы мы отдадим долг, я уверена.

— У родителей появилась твоя маленькая сестрёнка, — рассуждает Алекс, — так им будет легче отпустить тебя.

И я абсолютно согласна с ним! Мама полностью растворилась в Катюшке, иногда, от усталости и переизбытка эмоций от постоянного общения с младенцем, она даже не замечает меня. Отец делает успехи на ниве частного предпринимательства, и, похоже, очень горд собой. Когда он не работает, а работает он много, то предпочитает общаться с мужиками в гараже за шашлыком и рюмкой или на бесконечных рыбалках. А, и ещё «воспитывать» меня, это хобби. Ремнем и унижением, несмотря на мой возраст. Да, вырваться из-под его домашнего гнета для меня дополнительный стимул!

— Не бойся трудностей, — просит Алекс очень серьёзно, крепко обнимая меня, — честно, я не знаю никого, кто женился бы в восемнадцать лет! Мои родители, к примеру, поженились, когда им обоим было хорошо за тридцать, и я у них единственный ребёнок. У нас, в Англии — это норма. Я тоже боюсь! Но отпустить тебя — для меня невозможно.

Вот так, просто. И вместе с тем, он говорит от сердца, от души! Я чувствую то же самое.

Мы проговорим весь остаток ночи. Уже под утро, на рассвете, мои, теперь уже слезы счастья, высыхают в пылу спора о кольцах.

— Хочешь, купим тебе какое-то очень красивое, дорогое кольцо? — спрашивает он, — по типу там, Картье или Тиффани... Я видел их магазины в Манхэттене.

— Картье?! — искренне пугаюсь, — ты обалдел, что ли?

— А что, одолжу у пацанов, — он сосредоточенно морщит лоб, — я же должен подарить тебе кольцо, ну, чтоб, типа, красиво и стоя на одном колене... Хочешь?

— Пересмотрел голливудских фильмов? — смеюсь.

— Я вообще, мало что подобного смотрел, — тоже смеется, — но есть такой стереотип.

— Вот, точно! Стереотип. Правильное слово. Не хочу.

— Ну окей, тогда давай это будет самое простое золотое кольцо, но Картье или Тиффани? — он все же продолжает веселить меня.

— Простого Картье или Тиффани не бывает!

Мы пытаемся заснуть, только когда за окном уже становится совсем светло. В обнимку, как обычно.

— Ты понимаешь, что делаешь? — шепчет Алекс мне на ушко, волнуя своим теплым дыханием.

— Ищу свой путь, — уверенно отвечаю ему в сонном полузабытьи, — а ты?

— А мой путь там, где ты, — он сплетает наши пальцы, крепко сжимая мою ладонь.

Уже через минуту я слышу ровное дыхание Алекса, но сон уходит. Вглядываюсь в расслабленные черты его лица. Понимаю с удивительной ясностью, что готова отдать жизнь за этого побитого англичанина восемнадцати лет от роду, которого узнала совсем недавно! Впрочем, мне совершенно очевидно — наша встреча была predetermined свыше. Наверняка, мы уже встречались с ним где-то раньше, в какой-то из наших прошлых жизней, а быть может, и во всех...

— Женька, — слышу шёпот, и чувствую, как кто-то легонько проводит по моей руке.

Голос из прошлого, который ни с чем не перепутаешь. Распахиваю глаза, молча вглядываюсь в темную рослую фигуру рядом со своей постелью. Резко сажусь.

Щелчок — и человек включает что-то вроде микрофонарика, чтобы осветить свое лицо. Выключает, через какое-то мгновение. Мгновение, которое кажется мне нереальным. Ведь этого не может быть, потому что этого быть не может!

— Привет, я Алекс Спенсер, помнишь меня?

Полное ощущение горячечного бреда.

Провожу рукой по своему израненному лбу, покрытому испариной. А он подсаживается ко мне ближе, на краешек постели.

— Тебя что, били?! — шепчет в удивлении, смотрит прямо на мою ссадину.

Его лицо совсем близко. Спрашивает, как будто бы не было этих лет, этих событий. Едва дышу. Вижу его черты довольно отчётливо в тусклом фонарном свете, проникающем сквозь уличные окна. Свет неровный, и лежит на нас рассеянными ломаными линиями из-под толстых металлических решёток на окнах.

— Я упала, — осторожно отвечаю, все ещё боясь, что стала сумасшедшей. А что, бывает же после сильных потрясений. Он тихонько усмехается.

— Говоришь как мужик.

— А... это и правда ты?

Алекс выпрямляется.

Подскакиваю пружиной как можно ближе к нему, кровать противно скрипит. Мы синхронно поднимаемся, и я оказываюсь рядом с ним, продолжая жадно изучать. Он не отодвигается. Появись здесь даже Гриша, даже папа — я не удивилась бы так сильно.

— Ну потрогай, если хочешь, — хмыкает. Его тихий голос не тревожит Катю, которая мирно спит на своей кровати в шаге от нас, — даю полный карт-бланш. Секунд на десять!

На десять секунд? Почему именно десять? И что он делает здесь, в этой палате, глубокой ночью?! Окончательно придя в себя, порывисто обнимаю Алекса, удивляясь, принимаясь шептать всякий бред.

Он не отталкивает меня, но и не отвечает взаимностью. Это кажется мне странным. Хотя, только ли это?

— Алекс, привет, — глуповатое начало, да, — но что ты здесь делаешь?! А я, представляешь, подумала, что сошла с ума... Знал бы ты, как я рада видеть тебя! Значит, настоящий?

— Да, с этим определились. Давай ты поплачешь в машине, у нас мало времени, — он довольно холодно отстраняется и жестом обращает мое внимание на Катю, которая вдруг начинает ворочаться в постели, — разбуди и собери сестру! Я помогу вам сбежать, сейчас.

Мои щёки все ещё влажные от непрошенных слез. Начинаю заикаться от потока мыслей, сиплю:

— В какой... но как... ты что-то знаешь?!

— Женя, Джейн, — он жестко берет меня за предплечья и разворачивает к себе, — услышь меня! Все подробности после. Бери сестру, вещи, уходим.

— Куда? — все ещё туго соображаю. Происходящее в темноте, полушёпотом, до сих пор

кажется мне сюрреальным.

— Значит, ты готова стать донором почки?

Говорит спокойно, но этот вопрос моментально возвращает меня к реальности. Так он и это знает?! Откуда?

Больше не задавая вопросов, быстро бужу Катю, коротко объясняю ей, что этот мистер поможет нам, но надо бежать прямо сейчас.

Страх так велик, что бежим, не переодеваясь, в больничных пижамах и тапках, прихватив свои чемоданы.

Выходим из палаты. Первое, что бросается в глаза в слабо освещённом общем коридоре — человек, сидящий на полу, буквально в нескольких шагах от нашей двери.

Его голова неестественно запрокинута вверх, а подбородок и губы залиты кровью. Присматриваюсь — да это же наш цербер! Меня начинает тошнить, ноги подкашиваются.

Заботливо подхваченная под локоть Алексом, я слышу от него:

— Он живой, идём.

В коридорах пустынно, ни души. Так странно. Почти бежим, а Катя все ещё пребывает в полусонном состоянии. И это хорошо.

— Там везде электрические ограничители! Вдоль забора, — шепчу Алексу, когда мы ловко выходим во двор через окно санузла на первом этаже, не без его помощи, конечно.

— Наблюдательная девочка, — уголки губ Алекса чуть приподнимаются в улыбке.

А мои глаза горят, впитывая его в себя, разглядывая всего, нового, взявшегося ниоткуда, насколько это вообще позволяет ситуация и наш непрерывный бег.

Я продолжаю вспоминать. Изумляться. Спотыкаться, пытаюсь поспеть за ним, и постоянно контролирую передвижения Кати при этом.

— Получила разряд возле шлагбаума, — лаконично объясняю. Алекс с интересом смотрит на меня, секунду или две.

А он изменился! Не до неузнаваемости, конечно, но... очень возмужал. Не знаю, какое здесь можно было бы подобрать правильное слово, возможно, это слишком примитивное.

Алекс изменился, очень, и это не про внешность, вернее, не только про внешность. Раньше он был импульсивный, дерзкий, немного дерганый, что ли, а сейчас — спокойный и сосредоточенный. Четкий, быстрый, очень уверенный в себе. Мужчина с грацией хищника. И этот его взгляд, не читаемый, похожий на сканер, пугает.

Прошло много лет, да. Внешне Алекс все такой же привлекательный, зараза! Но я прямо физически чувствую ауру силы, исходящую от него, ауру чего-то неконтролируемого, опасного.

Так что же он делает здесь?! Мне сейчас очень неудобно, и даже страшно.

Хотя, одновременно с этим я счастлива, что мы почти вырвались. И безумно рада видеть его! Даже не знаю, что радует меня больше — собственная спасённая почка или наша встреча.

Алекс руководит нами так легко, как-будто мы всю жизнь у него в подчинении. Послушно выполняем все инструкции. Многочисленные вопросы буквально жгут мне язык, но я заставляю себя молчать.

Небо заметно светлеет, и на горизонте появляется, медленно расползаясь, ярко-розовая полоска рассвета.

— Перелезаем через забор, ограничители отключены, — тихо распоряжается Алекс, одним движением просто перебросив наши вещи на ту сторону, — я перенесу девушку, а ты

давай сама! Справишься?

Коротко киваю. Едва мы оказываемся за забором, как он обращает мое внимание на неприметную машину без номеров, припаркованную под раскидистыми кустами.

— Нам туда. В машине человек, при нем ни о чем не говорим, окей?

— Окей.

Садимся. Мужчина на водительском месте желает нам доброго утра, но смотрит на Алекса.

Моментально трогаемся, едем быстро. Я оборачиваюсь в сторону нашей постепенно удаляющейся тюрьмы, надолго задержав взгляд на мрачном сером здании. Солнышко уже вовсю скользит по нему своими красными лучами.

Похожих зданий здесь целый район! Заблудиться ничего не стоит. Ни людей, ни машин. Жуткое место. Меня бьет озноб. Поворачиваюсь к сидящим, ловлю внимательный взгляд Алекса в зеркале заднего вида, который он тут же отводит.

Почему он так ведёт себя, и кто этот человек за рулём?

В салоне авто играет негромкая музыка. Даже Катя не спрашивает ни о чем. Что происходит? Может быть, сейчас я проснусь в своей постели, а цербер прикажет мне собираться в операционную?

Передергиваю плечами, стряхивая с себя оцепенение, вновь переводя взгляд за окно. Заставляю себя сосредоточиться на том, что вижу.

Новый день уже вовсю набирает обороты, солнце светит все ярче, на обочинах вдоль дороги начинается зеленая зона. Постепенно я успокаиваюсь. И благодарность — теплая, пьянящая, как игристое вино, наполняет меня до краев. Улыбаюсь.

Как бы там ни было, а мы уже далеко от того места. One more life... Спасибо тебе, Алекс Спенсер!

Приезжаем в приличный по виду район многоквартирных домов. Заходим в просторную квартиру, осматриваемся, пока Алекс говорит о чём-то с водителем, а затем отпускает его.

Я нетерпеливо дожидаясь Алекса, чуть не пританцовывая на месте. Катя оживленно болтает о пережитых впечатлениях, но я сейчас не в состоянии воспринимать от нее информацию. Прошу сестру дать нам несколько минут на разговор.

— Да, но кто это?! — не унимается она.

Едва Алекс входит в комнату, бросаюсь к нему навстречу.

— Мы можем поговорить? — спрашиваю, затаив дыхание.

— Конечно, в кабинете, — он открывает дверь комнаты передо мной, и жестом предлагает следовать за ним.

В кабинете? Да хоть на крыше!

Залетаю туда как на крыльях, не отрывая от него горящего взгляда. Закрываю за собой дверь. И такое впечатление, что сердце мое просто разрывает на части.

От слишком большого потока слов, которые я должна сказать ему, молчу, упорядочивая его в голове, раздумывая, с чего начать... Пытаюсь унять учащённое дыхание.

— Присядем? — спрашивает Алекс.

Растерянно смотрю, как он неспешно усаживается в одно из кресел. Делает приглашающий жест по направлению к креслу напротив. Резко, порывисто подхожу к Алексу вплотную:

— Ты че, обалдел?! —

Он вскидывает на меня глаза.

— Слон ты толстокожий, дай хоть тебя обнять, — смеясь, бесцеремонно тащу его к себе за запястья. Он легко поднимается, позволяя мне сделать это. Крепко обнимаю его, чувствуя стальной корсет мышц через одежду, — ого! Да ты в отличной форме.

Наконец, отрываюсь от него. Снова смотрю в глаза, в восхищении глажу зачем-то его короткие волосы, уши, затем снова обнимаю, притягивая к себе, не зная, то ли мне плакать, то ли смеяться от счастья.

— Ну, чего застыл, как на приеме у королевы Елизаветы? — наконец, отрываюсь от него окончательно, — как дела? У нас говорят — сколько лет, сколько зим! Спасибо тебе огромное-преогромное! Если бы ты только знал, от какой беды нас спас... или знал?!

Пятнадцать лет назад

Я опять проснулась посреди ночи.

Мне снился чудесный сон — я, он и берег океана.

Чувствую острую жгучую потребность целиком раствориться в Алексе! Слиться воедино, впечататься в него, оставить на его теле свой след, свою метку. Может, набить одинаковые татухи? Хочу с ним взлететь вместе, взять невиданную прежде высоту. Принадлежать ему. Любить его. Подарить что-то очень ценное. Сделать счастливым...

Лежу, грезя наяву, разглядывая потолок. Плавлюсь в своих фантазиях, творю в своих мечтах! Представляю край скалы, за которым пропасть, а шагнуть — не страшно. Я не боюсь не вернуться в Украину. Не боюсь заниматься криминалом в подпольных казино.

Я вообще ничего не боюсь! Хочу парить выше облаков, с ним вместе. Хочу венки из белых пионов и простое колечко на безымянном пальце. Хочу познакомиться с английским дедушкой...

— Что с тобой? — голос Алекса чуть хриловат со сна. Вдруг проснувшись, он перекачивается со спины, лицом ко мне.

Меня это ничуть не удивляет. Молча улыбаюсь. Мы лежим почти в абсолютной темноте.

— Ничего не случилось? — гладит меня.

— А ты слышал мои мысли?

— Может быть. И о чем ты думаешь? Твои глаза горят, как звезды..

— Здесь не видно!

— Видно.

— Обещай не пугаться?

— Я попробую. Так что?

Поворачиваюсь к нему лицом и, легко касаясь кончиками пальцев, провожу ими вдоль руки. Затем они порхают по его шее, по щеке. Нарочно щекочу. Алекс вздыхает.

— И что это значит?

— Я хочу тебя.

— Что, сейчас?!

Он уворачивается от моих прикосновений, делает вид, что пытается сбежать от ласк. Какое-то короткое время шутливо боремся.

— Ты уверена?

— Да, — шепчу в ответ.

Всю веселость как рукой снимает. Я становлюсь серьезна, даже торжественна, как новобрачная перед алтарем. Алекс не торопится ничего предпринимать — просто смотрит на меня. Как-будто ожидая, что передумаю.

Уверенно двигаюсь к нему, кладу руки на его плечи.

— Давай разденемся?

Это я предложила? Удивляюсь собственной смелости. Он соглашается. Мы раздеваемся, догола. Я никогда не видела его обнаженным, впрочем, как и он меня. Ложусь.

— Не боишься? — он осторожно ложится рядом.

— Нет, — я говорю правду, — а ты?

— А я да.

Это расслабляет ещё больше, прыскаю от смеха.

— У тебя когда-нибудь была девственница?

— Я не помню, — чувствую, что он тоже улыбается.

— Это как?! — озадачиваюсь.

— Я никого не помню — мне кажется, что до тебя у меня никого не было.

Замолкаю. Это так... романтично. Целую его первая. По нашим венам течёт любовь.

Он отвечает мне. Где-то внизу живота покалывает и ноет, откуда по всему телу разносится жар. Я стыдливо сжимаю ноги, пока Алекс нежно поглаживает мою голую спину, не спускаясь ниже. Постепенно влажные поцелуи превращаются для него в пытку, и он постанывает, отрывая меня от себя. Невесомо разворачивает на спину.

— Можно поцеловать тебя, везде? — шепчет так горячо, что я полностью раскрываюсь перед ним, расслабляясь, двигаясь в такт его прикосновениям. Отбросив ложный стыд, позволяю ему перейти все границы и стереть все грани между нами. Он целует и трогает меня там, где ещё никто не целовал и не трогал...

Алекс кажется мне волшебным, невероятным любовником! Я вся в ожидании того самого, главного, которое ещё даже не почувствовала. Делаю ещё один шагочек к краю скалы — исследую его. Все-таки мужчины устроены так удивительно. И самым удивительным для меня открытием оказывается моя собственная власть над ним в эти минуты. Я всегда думала, что должно быть наоборот.

— Как будем предохраняться? — постанываю.

— Как захочешь... не бойся... я выйду вовремя..

Наконец, наступает тот самый, важный момент, когда мы больше не можем ждать. Я доверчиво раскрываюсь ему навстречу подобно цветку, позволяя сделать все, что он захочет. Позволяя войти в себя.

Это оказывается настолько мучительным и приятным, невыносимым и желанным одновременно, что я просто принимаю его, задержав дыхание.

Падаю в пустоту, как мечтала. Он проникает в меня медленно, осторожно, давая ощутить сладкую боль нашего триумфа миллиметр за миллиметром.

Я радуюсь тонкой, изысканной муке, которую дарит мне его тело. Наслаждаюсь, но хочу, чтобы он вышел. Мое собственное тело предательски двигается так, чтобы ему было удобнее войти как можно глубже! Кричу. Он выходит, но делает все, чтобы выдернуть меня из этой пустоты падения в неизвестность — прямо в небеса. Долго-долго парим вместе, захлебываясь от своих эмоций... Ой, только бы не забеременеть. Он точно вышел вовремя?

— Знал, да, — он отвечает мне с вежливой улыбкой, от которой так и веет официозом. Так улыбаются малознакомому человеку, — видишь ли, по определённому стечению обстоятельств, у меня свой интерес к деятельности этой организации. Но давай все же присядем — нам будет удобнее разговаривать! Я понимаю, у тебя вопросы.

Вхожу в некое подобие ступора, присаживаемся. Внимательно слушаю.

— Скажу сразу, сейчас у меня мало времени на беседу, но вечером мы обязательно поговорим. Подробнее. Есть много вопросов, которые нужно решить! Когда ко мне попали материалы, касающиеся деятельности «One more life», я случайно нашёл там тебя. Мне захотелось помочь. Но, к сожалению, у всего есть цена, Женя. Просто так взять и выдернуть вас из подпольной больницы черных трансплантологов и отправить в Украину не вариант. Вас уже ищут! Меня, возможно, тоже. На закон и порядок надеяться в твоём случае, тем более в Штатах, было бы очень наивно. Подобная наивность обычно стоит жизни. А значит, мы должны их переиграть. То есть сделать так, чтобы в организации забыли о тебе и о твоей сестре, и забыли навсегда, понимаешь? Черт, скажи, как вообще вас угораздило так попасться?

Он говорит почти как робот. Делаю глубокий вдох, развожу руками:

— Знаешь, я могла бы рассказать тебе очень многое... но скажу коротко — была дурой.

Алекс улыбается, в этот раз, похоже, искренне. Но уже в следующую секунду снова серьёзен и сосредоточен.

— Тебе нужно кое-что понять. То, что случилось сегодня, а вернее даже тот момент, когда я принял решение вам помочь, запустил процессы, которые мы уже никак не можем повернуть вспять. Но можем повлиять на них! Так сказать, минимизировать последствия. Во-первых, мы сейчас все, трое, включаем режим осторожности на максимум. Да?

— Да, конечно!

Он объясняет мне как дуре, как, в принципе, и было мной заявлено.

— Пересидите пока здесь немного, дальше я расскажу, как будем действовать. И второе, мне понадобится твоя помощь. Вот прямо сейчас, — он достает из пиджака айфон и маленькую коробочку, — телефоны ваши, конечно, остались там?

— Увы, как и документы, — отвечаю очень удручённо, наблюдая за тем, что он делает. Алекс протягивает мне нечто, похожее на маленькую таблеточку. Вставляет такую же точно себе в ухо.

— Пожалуйста, сделай то же самое.

Как он вежлив! Настоящий английский джентльмен, ни дать ни взять. Вздохнув, послушно кладу таблеточку в ухо, чувствуя, как она моментально прилепляется к ушной раковине изнутри таким образом, что снаружи ее совсем не видно.

— Это устройство контроля над разговором. Держи, — протягивает мне айфон, — сейчас мы позвоним одному мистеру. Говорить с ним, по сути, буду я, но твоим голосом. То есть я буду слышать ваш разговор и вести за тебя диалог, посредством того, что ты просто повторяешь за мной. Окей?

— Окей. А кто он?

С Алексом почему-то спокойно.

— Один из руководителей этой преступной организации. Твоя задача — выманить его

из логова на встречу со мной. Не бойся, он не услышит меня. А то, что буду говорить я, услышишь только ты.

Киваю. Он жмёт на вызов.

— Господин Мюррей? Доброе утро, — обращаюсь к ответившему, послушно повторяя за голосом-суфлёром Алекса в своем ухе, — это Евгения Лопахина, покинувшая утром ваш гостеприимный подпольный госпиталь. Вам уже доложили?

— Евгения?! — он крайне взволнован, — но где вы? Откуда у вас мой номер?

— От моих друзей из американского посольства.

Он, кажется, начинает заикаться. Алекс делает мне знак подождать.

— Чего вы хотите?

— Наши паспорта и телефоны. Это возможно?

— Конечно... Евгения... произошла ошибка!

— Вы расскажете мне о ней при встрече, мистер Мюррей. Приходите один. Мне не нужен скандал, я всего лишь хочу покинуть страну вместе с сестрой, чтобы никогда больше сюда не возвращаться. Вы понимаете меня?

— Да-да, конечно, — он отвечает упавшим голосом, — но, Евгения..

— Надеюсь, мы с вами хорошо понимаем друг друга, мистер Мюррей. Мне бы очень не хотелось обострять, и подключать к решению этого вопроса моих друзей. А вам?

— Да, абсолютно также.

— Повторяю, я не в претензии к вам. Просто верните документы и средства связи.

— Вам нужны деньги, не так ли?

— Нет. Всего лишь полная конфиденциальность, и то, что я уже озвучила. Будете ли вы так любезны подъехать к кафе «Корица», Фултон стрит 112, ровно через час?

— Боюсь, я могу не успеть через час..

— Господин Мюррей, вы должны понимать, что успех нашего сотрудничества зависит от вас напрямую.

— Я понимаю.

— Отлично. Итак, я жду вас одного, без сопровождения, в кафе ровно через час.

— Да, до встречи, — произносит он весьма скорбно и отключается. Вижу, что Алекс доволен.

Засовываю в ухо палец — таблетка будто сама перебегает к нему, вынимаю ее. Что это за технологии? Радуюсь.

— Умница. Будет лучше, если он увидит тебя, и ты кое в чем еще поможешь мне. Прокатимся?

— Ура, дело сделано? Прокатимся, конечно. А он успеет забрать наши документы и телефоны?

— Им нельзя давать опомниться, — Алекс встаёт со своего места, — переоденься, пожалуйста. Катя сможет побыть одна?

— Вполне, — я тоже встаю, потирая руки, — и теперь они отстанут от нас?

— Теперь, конечно, нет, — Алекс смотрит на меня с загадочной улыбкой, — они попытаются тебя убить.

— Как убить?! — сажусь обратно на подкосившихся ногах. Этот обаяшка подмигивает мне.

— Но ты не бойся, я сделаю все, чтобы этого не случилось.

— Ты? — спрашиваю растерянно, — а кто ты такой сейчас вообще, Алекс, где

работаешь? И как связан с «One more life»?

Он выдерживает небольшую паузу.

— Давай скажу так, я работаю на одно очень серьёзное сыскное агентство международного уровня.

— И я должна тебе верить?

— А у тебя есть выбор?

Наши взгляды скрещаются, как клинки.

Вообще, у меня накопилось очень много вопросов к нему.

И самый главный — почему он сам меня ни о чем не спрашивает. Ему, правда, не интересно? Мне кажется, что мы начали наше общение не с того, несмотря на всю эту, мягко говоря, нестандартность ситуации. А ведь мы совсем не чужие. Или уже чужие?

Но он прав, мне сейчас не остаётся ничего другого, кроме как подчиниться. В который раз обуздав себя, быстро собираюсь, коротко объясняюсь с Катюшей. Мне удается уговорить ее прилечь отдохнуть.

— Что я должна надеть, или джинсы с кофтой сойдут? — на всякий случай интересуюсь у Алекса.

Он скользит задумчивым взглядом по моей фигуре. И сердце мое отчего-то вдруг пропускает удар, а затем начинает биться часто-часто. Я вспоминаю, что плохо выгляжу без грамма косметики на лице, со всклокоченными волосами, в больничной пижамке. Чистый треш!

И он просто кивает мне, утвердительно.

Слава Богу, уж что-что, а фигура моя в порядке. Я плохо ела и много переживала последние пару лет — стройна как кипарис. Даже чересчур, пожалуй. Многие считают меня тощей, но это сейчас модно.

Опрямлюсь мчусь к своей сумке и в ванную, там мне удаётся в рекордно короткий срок привести себя в порядок. Собираю волосы в аккуратный хвост, красиво, но совсем немного, подвожу глаза, сделав стрелки с растушевкой. Замазываю корректором ссадину на лбу и синяки под глазами, касаюсь губ блеском насыщенного ягодного цвета. Ну вот, другое дело! Впервые за очень долгое время позволяю себе полюбоваться своим отражением.

Спускаемся в подземный паркинг. Не могу не признать — Алекс волнует меня. Мне сложно сдерживать свои эмоции, не говорить с ним... Ждать вечера. Зажимаю его возле машины, он цепенеет.

— Алекс! Фак. Ну скажи хотя бы, что случилось с Артистом?

Пятнадцать лет назад

Я уже поднимаюсь по ступенькам общежития на второй этаж, где располагается наша с Лале и Сюинь комната, когда на мой телефон поступает звонок с неизвестного номера. Мне очень неудобно принять этот звонок — руки заняты пакетами с книгами, и одеждой для сестренки с одной очень выгодной детской распродажи. Но все же, отвечаю:

— Да?

— Привет, это Старк.

Старк?

Откуда у него мой номер, мы никогда раньше не созванивались. Ставлю пакет на пол, поправляя съезжающий с плеча рюкзак. Словно отвечая на мой немой вопрос, он продолжает:

— Я не могу дозвониться до Альбиона, он не с тобой? Он когда-то давал твой номер на случай чего..

— Привет, нет, он не со мной, но я видела его ещё час назад! А что-то случилось? — быстро отвечаю, мое сердце отчего-то начинает бешено колотиться.

Старк словно колеблется, говорить ли.

— Да я и сам толком не знаю. Похоже, Артист пропал! Вместе с кушем, что вчера сняли. Наш главный рвет и мечет, собирает всех. Ну, кроме тебя, конечно. Мы все его ищем — если вдруг ты раньше с ним свяжешься, то передай!

— Окей, — я взволнована, — а... он сам сбежал, как ты думаешь?

— Это и пытаемся выяснить, — отзывается он, — может сам, а может, помогли! Он же у нас за главную скрипку. Так и передай Альбиону. Я тебе больше скажу, крыса может оказаться в команде — на вас я не думаю! Кто-то мог спецом замутить ту непонятку в казино, ну, когда долг навесили, чтобы мы все между собой перегрызлись... Короче, это как вариант, передай ему. Знаю, что он тебе доверяет очень. Давай, бывай, если что звони.

— Пока, — отключаюсь, сую телефон в задний карман джинсов.

Надо срочно позвонить Алексу! Подхватываю пакеты, захожу в нашу комнату. Ставлю их на пол, думая о том, что сказал Старк.

И просто не верю своим глазам! Девочек в комнате нет, зато посреди комнаты на стуле восседает и смотрит на меня, свирепо вращая глазами, мой отец. Нет. Пожалуйста. Пусть мне это снится!

Как же такое могло произойти?

Немая сцена длится секунду или две. Затем он вскакивает, роняя стул, а я автоматически вздрагиваю, отпрыгивая в сторону.

— Ах ты ж тварь, — он надвигается, и таким страшным я, признаюсь, его ещё никогда не видела, — ты где шляешься?!

Я не ночевала эту ночь в общежитии. О Боже, как давно он здесь? Стою, молчу, а он хватает меня за шиворот и трясёт.

— Ты оглохла?! Я спрашиваю, где ты была?

— У подруги, — быстро отвечаю, даже не пытаюсь вырваться. Отец отвешивает мне затрещину, начинаю плакать. Я знаю, что накосячила, сильно. И знаю, что за гораздо

меньшую провинность обычно получаю от него брань и побои. Это темная сторона моей жизни, о которой не знает даже Алекс. О таком не рассказывают, слишком больно и стыдно.

Начинаю молиться, чтобы кто-нибудь вошёл к нам — как и большинство домашних тиранов, он стесняется или, быть может, боится посторонних людей. Избегает огласки своих действий. Мне же папа во время подобных безобразных сцен часто приговаривает: я тебя породил, я тебя и убью! Пусть даже сяду в тюрьму.

Животный ужас начинает овладевать мной. Теперь, пока он не успокоится — что бы я ни сказала, это только ещё больше разозлит его. Впрочем, как и мое молчание.

Ну, вот что мне делать? Куда бежать? Сейчас есть куда, но отец, весь белый от злости, крепко хватает меня за волосы и не отпускает. Говорит, что мы уезжаем, немедленно.

Протестую тем, что обязательно надо зайти в учительскую колледжа, забрать документы, предупредить людей, но его бешенство только набирает обороты. Орет, что он уже все сделал, пока я шлялась. Что я не человек, а мразь. Что он звонил руководству языковых курсов, и ему сказали — иногда я пропускаю занятия и не ночую в общежитии. Что он не удивлён, потому что всегда знал, что я ноль без палочки, и каждая потраченная на меня копейка выброшена на ветер...

Он довлеет надо мной в этой ситуации, и я, абсолютно растерянная, привычно сбита с толку жестокой родительской агрессией, покорно бросаю в потертую дорожную сумку свои вещи.

Все происходит очень быстро. Хватаюсь за телефон, чтобы предупредить Алекса, но, грубо выхваченный из моих рук, он летит в урну для мусора.

Папа выволакивает меня с вещами в коридор, я в панике! Вырвавшись, бегу в женский туалет, закрываюсь там. Пока он ломится ко мне, снимаю рюкзак и вырываю лист из тетради, чтобы нацарапать записку. Передать с кем угодно! Пишу свой украинский адрес для Алекса, и о том, что папа увозит меня силой. Добавляю строчку про звонок Старка.

В конце делаю приписку, что люблю его больше жизни.

Телефона у меня больше нет, номера Алекса я, к своему ужасу, наизусть не помню. Ситуация патовая.

Выскакиваю из кабинки как безумная, не обращая внимания на проклятия и колотушки от отца. Вижу в коридоре Лале, бросаюсь к ней как бросается тонущий к спасательному кругу. Всовываю ей в руку клочок бумаги, на английском умоляя отдать Алексу, человеку, который зайдет спросить обо мне. Да, тому самому англичанину!

Папа не решается выдрать из рук Лале записку, но белеет лицом. Хуже мне в любом случае уже не будет.

А даже если и так, то все равно. Если он меня увезет, я уже умерла.

И возродить меня к жизни способен только один-единственный человек на свете...

— Тебе и правда любопытно? — спрашивает он холодно, даже высокомерно.

Затем отодвигает меня в сторону, спокойно садится в машину и закрывает за собой дверь. Равнодушно ждёт, пока я сама обойду машину и сяду. Даже не смотрит в мою сторону, играясь со своими брелками для ключей.

Любопытно — это слово коробит меня.

— Что, так трудно сказать? — зло интересуюсь, усевшись на соседнее с водительским место.

— Перебежал к тем, кто платит больше, — спокойно отвечает он, — ясно?

— Ясно. И что с ним дальше было?!

— А что обычно бывает с предателями? — взгляд острый как лезвие. Чиркает им по мне, словно это я во всем виновата. На дорогу почти не смотрит.

— По-разному, — мрачно отвечаю, обещая себе вечером поговорить с ним о нас. В прошлом.

Признаться, меня откровенно оскорбляет его холодность. Алекс хмыкает, и больше не проявляет никакого интереса к разговору. До самого кафе мы молчим, думая каждый о своём. И приезжаем туда буквально за считанные минуты. Паркуясь, он инструктирует меня:

— «Корица» через пару кварталов отсюда. Идём пешком, отдельно, я за тобой! До встречи примерно полчаса. В кафе два уровня, сядешь на первом, место не имеет значения, но избегай мест у окна. Это важно. Теперь смотри, — показывает мне фото седовласого мужчины средних лет, с крючковатым носом, в очках с толстой оправой, — Пол Мюррей, твой визави. Когда он появится в кафе, не удивляйся ему и улыбнись как знакомому. Скажи, что слышала о нем, но без подробностей. Пару минут потяни время, предложи сделать заказ, озвучь, что сначала хочешь получить документы и телефоны. Он, возможно, поломается, но даст. Тут же при нем все проверь. Затем извинись и скажи, что должна сделать срочный звонок мужу.

Вздрагиваю от неожиданности. Мужу, он и об этом в курсе?! Алекс же буднично продолжает:

— Справа от большой картины осеннего леса есть коридор. Пойдешь по нему, пока не упрешься в двери туалета. На женском будет табличка «Технические работы». Зайдешь туда, я буду ждать тебя там.

— В женском туалете? — не удерживаюсь от ироничного уточнения.

— Да, — подтверждает он, — там будь готова быстро выйти, с моей помощью конечно, через окошко. Держи ключи от машины. Запоминай, где она, твоя задача будет как можно скорее, но без привлечения лишнего внимания, дойти до нее, открыть и прилечь на задние сиденья. Дождаться меня. Справишься?

Киваю. Выходим. С сомнением осматриваю неприметный серый пикапчик тойота, Алекс настаивает на том, чтобы я сама попробовала открыть и закрыть его. Так и делаю, все удаётся с первого раза.

Садимся обратно. Он просит меня, придя в кафе и сделав заказ, сразу сходить в санузел, чтобы знать наверняка, где это. Таблички там пока не будет. Сует мне наличные, на всякий случай.

— У меня есть деньги, — отворачиваюсь от него, — можно идти?

Алекс хватает меня за локоть, разворачивает к себе лицом. Заставляет посмотреть ему в глаза. Почему-то его действие слишком интимно, невыносимо для меня.

— Надеюсь, ты понимаешь всю серьёзность операции? — наклоняется ближе. Я смотрю в серые глаза. Сглатываю.

— Операции? — отвечаю язвительно.

— Именно. Эти люди не шутят!

— Отпусти, — пытаюсь ослабить его бульдостью хватку, и наши пальцы соприкасаются. Меня трясёт, — не обязательно хватать и дергать. И так боюсь!

— Извини, — он отпускает руку, — так ты поняла?

— А если нет, то что? — огрызаюсь.

— Тогда готовься умереть, — отвечает серьёзно.

— Ну, так тебе же легче, минус одна проблема, — выпаливаю. Для меня уже давно не секрет его неприязнь, — спасатель! А Катю можно отправить на самолёте домой, она их не интересуется.

— Вижу, ты так и не поумнела, — выдыхает он, — я поговорю с тобой... вечером. А сейчас давай не будем ссориться и сделаем то, что должны?

— Ладно, — сдаюсь, — мир!

— Перемирие, — хмыкает. Сверкнув глазами, выхожу из машины.

— Удачи, — Алекс опускает стекло, — только не оборачивайся и ничего не бойся!

Знай, что я всегда рядом.

Поднимаю вверх сжатый кулачок. Улыбаюсь сама себе, решительно выходя с парковки. Не оборачиваясь, как и договаривались. Ага, рядом ты, всегда, ворчу одними губами.

Когда я захожу в кафе, сразу шокирует то, что Мюррей уже за столиком! У окна. Блин-оладь, да как же меня угораздило попасть в такую криминальную историю?! Страх липкой змейкой немедленно начинает струиться где-то между лопаток.

Что ж, придётся импровизировать.

подавив желание развернуться и убежать со всех ног, с кислой улыбкой подхожу ближе. Усаживаюсь за самый дальний свободный столик, у стены. Приветственно машу ему рукой из своего угла.

Даю себе мысленную установку не искать по сторонам Алекса взглядом. Ведь он наверняка тоже уже заметил Мюррея! Это если он здесь, а если нет? Вдруг какие-то дела, срочные звонки или что-то вроде, и он пока не в курсе?

Стараюсь не думать об этом. Алекс сейчас производит убийственно серьёзное впечатление, да. Чтобы не сказать больше — пугающее. И скорее всего, уже готовит пути моего отхода. Ведь судя по всему, я очень нужна организации.

Мюррей поднимает брови, но это всего мгновение. Затем закрывает свой ноутбук, берет его под мышку и подходит к моему столику с самой любезной улыбкой на устах. Но мне уже хорошо известно, какие острые зубы скрываются за этими лучезарными американскими улыбками.

— И ещё раз, доброе утро, — впивается в меня внимательным взглядом маленьких черных глаз за толстыми стеклами очков, — позвольте присесть?

— Конечно, — ты смотри, какие рафинированные. Перед глазами сразу и урод-охранник, и принудительные медосмотры, и то, как меня когда-то заталкивали в машину! По коже невольно проходит озноб.

Удивительно, но моя единственная соломинка сейчас, в этом океане ужаса, только

Алекс Спенсер.

— А я все думала, успеете ли, — не удерживаюсь я от замечания.

— Да, вы знаете, получилось. Но всегда разумно иметь запас времени, согласны? Вот и вы пришли раньше, — снова улыбка крокодила. Сложил руки перед собой и даже не дёргается доставать, что принёс.

— Очень хорошо, — осторожно отвечаю. Этот человек вызывает во мне безотчётный, абсолютно неконтролируемый страх, однако все же придётся поболтать с ним.

Потянуть время, хоть немного. Наверное, я должна дать Алексу это время.

— Почему вы не присели за мой столик? — спрашивает Мюррей.

— Там, вероятно, сквозит у окна. Видите ли, у меня очень чувствительная спина на сквозняки, — выдаю сходу. Усмехается. Подозрительно так, — вы с ноутбуком?

— Да, думал поработать немного. Что ваши американские друзья?

— Они волнуются обо мне.

— И совершенно напрасно!

— Я тоже так считаю. Не хотите ли сделать заказ?

— Охотно, — он жестом подзывает официанта, — честно говоря, я уже заказал кофе.

А он умеет быть честным?

— Но закажу к нему ещё и панкейки, пожалуй. Вы любите панкейки?

Панкейки? Не могу собрать мозги в кучу, все время думаю о том, почему он сидел у окна. Неужели меня и правда, теоретически мог подстрелить какой-нибудь киллер?! Что-то ещё? О, Боже. Так, панкейки — маленькие американские блинчики. Сосредотачиваюсь на этой мысли. Какие панкейки, мне сейчас и глоток воды в горло не полезет!

— Да, но пока предпочту кофе с молоком, — машинально делаю заказ подошедшему официанту.

Он пространно начинает перечислять мне пирожные, что-то рекомендуя. Вежливо отказываюсь. Надеюсь, и этот кофе мне не будет суждено выпить в столь приятной компании!

Едва официант удаляется, задаю Мюррею свой самый главный вопрос:

— Вы принесли то, о чем мы договаривались?

Он раскатисто смеётся. Ох, до чего же неприятный тип! Знакомый образ доброго дядюшки, прямо списан с незабвенного мистера Томпсона. Их там всех под копірку обучают, что ли?

— Неужели вы думаете, что я позволил бы себе не принести, — наигранно удивляется он и достает бумажный пакет, крепко завёрнутый. Немного нервничая, распаковываю его немедленно. Кручу в руках телефоны, раскрываю паспорта.

— Вы ведь не против, если я проверю?

— Ну что вы, конечно, — учтиво отвечает Мюррей, наблюдая за моими действиями.

Приносят кофе. Дрожащими руками, стараясь не спешить, забрасываю все в свою маленькую сумочку на удобном длинном ремешке. Оставляю ее на коленях.

Напоминаю себе улыбнуться и сделать глоточек кофе. Все в моем поведении должно быть максимально естественно.

— Евгения, — он виновато разводит руками, поморщившись, — я очень надеюсь на ваше понимание. Видите ли! Кое-что произошло, пока мы собирали информацию о болезни вашей сестры. Я хочу рассказать вам о том несчастном человеке, который рассчитывал стать вашим реципиентом...

Ну а я не хочу слушать! Слезливую сказочку или ещё какой-нибудь откровенный бред, который он собирается внушать мне. Поэтому вежливо прерываю:

— Простите меня, мистер Мюррей! Очень неловко, но... я бы хотела сначала перезвонить мужу. Если позволите.

— О! Муж, это святое, моя дорогая, — он делает попытку встать из-за стола, я останавливаю его жестом.

— Не нужно, прошу вас! Заодно припудрю носик. И закажите мне порцию панкейков, пожалуйста.

Делаю вид, что раздумываю.

— Ммм... с шоколадным соусом, если вас не затруднит. Кстати, ваш повар чудесно готовит!

— Конечно. Ну, хоть что-то вам понравилось! — весело восклицает он. Ещё раз очаровательно улыбаюсь, направляясь в сторону огромной картины на стене. Санузел должен быть где-то поблизости. Вижу коридор, сворачиваю туда.

Иду, пока не упрусь в две золочёные двери с характерными силуэтами мальчика и девочки на них. Возле девчачьего прилеплен лист бумаги с объявлением «Технические работы».

С трепетом вхожу. Из-за стены тут же выступает Алекс, прикладывает палец к губам, делая знак молчать. Перемещаемся к раскрытому окну — он крепко обхватывает меня за кисти рук и аккуратно спускает вниз. Мне остаётся только преодолеть в прыжке сантиметров двадцать, не больше. Мягко приземляюсь на ноги.

Жестом спрашивает, все ли окей. Энергично машу головой — да, указываю на свою сумку, болтающуюся на бедре. Поднимаю большие пальцы рук вверх. Сердце колотится! Он отвечает мне тем же, указывает на тропинку и закрывает окно.

Почти бегу по тропинке, огибая здание. Окна кафе на другой стороне. Перебегаю дорогу, и ныряю в знакомый мне переулочек. Теперь моя конечная цель — парковка! Достаяю ключи от машины, крепко сжимаю их повлажневшими пальцами. Интересно, что он задумал? И что будет дальше?!

Мне кажется, прошла вечность, прежде чем он вернулся. Настороженный, хмурый. Аккуратно снимает короткие чёрные перчатки, сует их в карман и сразу заводит машину. Трогаемся.

Только сейчас обращаю внимание на то, как Алекс одет: плотный серый гольф, прилегающий как вторая кожа, серые брюки. Невольно засматриваюсь и на его идеальный торс.

— Все нормально?! — нетерпеливо интересуюсь, усаживаясь поудобнее, — а зачем перчатки?

— Ты уверена, что хочешь это знать?

Вопрос ставит меня в тупик. Ну да. Конечно!

— Чтобы не оставлять свои отпечатки пальцев?

Его губы трогает еле заметная улыбка.

— Впечатляющие познания. Ещё версии есть?

— Ну... масса. Может, сам скажешь?

Он делает паузу, прежде чем ответить.

— Женя, все прошло удачно. Расскажи лучше о диагнозе сестры, насколько там серьёзно?

Вздыхаю. Объясняю как можно короче, вряд ли ему интересны подробности.

За этим разговором мы оказываемся в уже знакомом мне паркинге. Алекс продолжает задавать уточняющие вопросы, удивляя своим равнодушием. Хотя, быть может, так он просто отвлекал меня от Мюррея и наших дальнейших планов? Едва переступаем порог квартиры, как он говорит:

— Женя, до вечера меня не будет. Думаю, не надо говорить о том, чтобы вы не пользовались стационарным телефоном и не открывали дверь, если позвонят? Ключи только у меня, я вас закрою. В ванной и на кухне найдете все необходимое. Чистое постельное белье в шкафах спален. Продукты, книги, посуду, кофемашину, уверен, найдёшь — пользуйтесь всем, кроме моего кабинета! Телевизоры не работают. Свои телефоны не включайте, это важно. Вопросы?

— Ух ты, прямо Синяя Борода, — пытаюсь шутить, — в современном варианте. Помнишь эту старую французскую сказку?

— Да, напомни, чем там все закончилось?

— Все закончилось хорошо, — отвечаю неуверенно. Задумываюсь.

— Для кого?

— Для жертвы.

— Которая стала убийцей палача? — подмигивает, — ладно, надеюсь, ты будешь хорошей девочкой и не зайдёшь в кабинет.

— А в твою спальню можно? Кстати, где она находится?

— Ты хочешь попасть в мою спальню? С какой целью? — Алекс прищуривается. Взгляд тяжелый, недобрый такой. Тушуюсь.

— Да пошутила я, — оправдываюсь зачем-то, — ладно, извини! Считаю, что это так выражается мой посттравматический синдром.

— Значит, на ночь от тебя лучше закрываться, — резюмирует он с противной улыбочкой, — кстати, насчёт твоего расшалившегося либидо! Мужу пока не звони.

— Ладно, вали уже на свою работу, сыскарь, — сдуваюсь как шарик. Нечего ему знать о том, что я не собираюсь звонить Грише. Никогда. Во всяком случае, из Америки! — скучать не будем.

— Ладно, тогда целоваться тоже, — он улыбается, — пока.

— Пока.

Алекс закрывает дверь. Тихонько щелкает тяжелый замок, на несколько оборотов. Тупо простояв пару секунд перед закрытой дверью, плетусь на кухню.

Вообще, я не собираюсь быть хорошей девочкой, не в этой жизни! Камер нигде не заметила, а значит, таки загляну в кабинет. Попозже.

Катя тоже радостно бежит на кухню, и уже там заваливает меня вопросами. Ей удалось неплохо отдохнуть, даже подремать немного.

Мы находим навороченную кофемашину стального цвета, но я, к своему стыду, никак не могу ее запустить. Бросаю это дело, чтобы не поломать ненароком. Так, теперь холодильник. В нем много продуктов, самых разнообразных!

Решаем блеснуть кулинарными талантами, думаю, Алекс тоже придёт голодный. Составляем меню, все равно больше тут заняться нечем.

Кате неожиданно хочется приготовить салат оливье. Немного теряюсь поначалу, но в итоге ей удаётся меня уболтать. Продукты вроде все есть. Ещё нарезаем кучу овощей, отбиваем мясо, добавляем соли и специй, соединяем все это вместе в "рукаве" и ставим в

духовку.

Пока отвариваем необходимые для оливье ингредиенты, болтаем. Строго говоря, у нас будет не совсем оливье, в который традиционно нарезают колбасу, а салат «Столичный» с отварным индюшиным филе.

— И что, тебе вот так вот просто отдали наши документы? — не унимается Катя, — и телефоны?

— Да. Как ты себя чувствуешь?

— Отлично! Знаешь, у меня такое чувство как будто Новый год на пороге. Или праздник какой, — она вся лучится счастьем.

Конечно, праздник, выбраться из такого приключения! Еще не совсем выбрались, правда. Я, по крайней мере.

— И у меня тоже! Это из-за оливье, — смеюсь, — но главное, из-за нашего чудесного спасения.

— Жека, ну этот Алекс, он такой милаха! Да кто он вообще, расскажи, откуда ты его знаешь?

— Не поверишь! Мы дружили, пока я училась в Штатах, можешь себе представить? Ты тогда только родилась...

— Вау, — она в восторге. Впрочем, я в не меньшем, — а где он работает?

— Вот, — щёлкаю пальцами, — хороший вопрос. На самом деле, нам очень повезло! Алекс работает в каком-то агентстве, судя по всему, в детективном. То есть он детектив. Его агентство что-то расследовало, я так понимаю, связанное с той жуткой организацией, в которую мы угодили. По моей глупости, увы. Он совершенно случайно узнал меня и решил помочь!

— Круто!

— Да, это точно. В жизни иногда случаются такие удивительные совпадения, — я всерьёз задумываюсь. Ну правда же, мы везунчики.

— Жеенень, можно я посижу немножко в интернете? — начинает затем канючить она, — здесь есть комп? Ну можно, я в мобильном?

— Нет и нет, Катя! — сержусь, — я же сказала, ничего включать нельзя. Нас могут отследить. И тогда даже Алекс не сможет помочь..

— Но мы ведь уже убежали?!

— Ты русский язык понимаешь? Овощи режь давай, есть охота.

Секретная разведывательная служба Великобритании, МИ-6

— Агент А, Нью-Йорк.

— Соединяйте!

— Добрый день, мистер Костнер.

— Добрый, Алекс, докладывайте.

— Информация по интересующему нас объекту установлена в полном объеме. К сожалению, один из ключевых контактов потерян — именно он выступал связным с Рашидом, но это не должно повлиять на конечный исход операции. Я настаиваю на немедленной ликвидации «Алькатраста».

Седовласый старик в старомодном костюме-тройке превосходного кроя снимает очки, и задумчиво крутит дужку.

— А что случилось с контактом?

— Стал жертвой внутриорганизационного конфликта. Я не нашёл нужным вмешиваться без санкции.

— Все это верно, Алекс. Что с другими?

— Я только что выслал подробный отчет, мистер Костнер, в нем исчерпывающая информация по каждому. Повторюсь, в промедлении больше нет необходимости. Вскрылись кое-какие новые обстоятельства, которые только подтверждают наше решение.

— Хорошо. Когда вы прибудете?

— Ровно через восемь часов я буду на службе, наш борт уже заказан.

— Очень хорошо, Алекс! И свяжитесь с Хиллом. Пора начинать готовить детали операции. Я ознакомлюсь с вашим отчетом в ближайшие два часа.

— Благодарю вас.

— До встречи, Алекс.

— До встречи, мистер Костнер.

Киев, Украина

Чета пожилых супругов за обеденным столом. Мужчина долго ищет очки, с ворчанием, наконец, находит их под газетой. Надевает. Набирает номер в своем мобильном телефоне и застывает с трубкой возле уха.

Его супруга, молодящаяся крашеная блондинка с яркими бровями, внимательно наблюдает за ним. Покачивая головой, добавляет клубничное варенье в свою тарелку, щедро заполненную сырниками. С аппетитом принимается за них.

Супруг вздыхает, скорбно поджимая губы. Раздраженно откладывает телефон.

— Ну что там? — интересуется она.

— Не берут трубку, — разводит руками, — ни одна, ни вторая. Знаешь, это уже больше похоже на месть!

— Ну, какая месть, Вова? Что ты мелешь?

— Ну а что? — он начинает заводиться, — мы опаздывали в театр, Эля, когда она звонила в прошлый раз..

— Женя или Катя?

— Женя, естественно. Я видел, что она была недовольна!

— Да что же такого судьбоносного было тогда в ее звонке, если и так? — она заботливо льет варенье на золотистые сырники в тарелке мужа, — кушай пока теплое! Я не верю. Не настолько же она глупа или жестока, нет. Ты спросил о главном — операция ещё не сделана. Так в чем беда, что поговорили недолго?

— Вот, Гриша! — супруг потрясает перед ее лицом зазвонившим телефоном и Элеонора Юрьевна морщится, — что я ему скажу?

Она пожимает полными плечами, философски изрекая:

— Ну скажи хоть что-нибудь.

Супруг закатывает глаза и хмуро смотрит на телефон.

— Мне неудобно перед ним за Женю..

— Да вдруг у него новости какие?

— Алло, слушаю, Гришенька, — это становится решающим аргументом. Усталый голос, — привет, дорогой, как ты?

— Позавтракаешь тут, — тихонько сетует она, и долго раздумывает, налить ли себе чаю или все же ещё одну малюсенькую чашечку кофе. Все-таки повышенное периодически давление — это не шутки.

— Уж прости старика, ничего не знаю, где твоя благоверная... Нам тоже больше не звонила. Я думал, ты что-то знаешь, — кивает, слушая, — Катин? Есть, конечно, Катин номер. Погоди!

Цепляет на переносицу очки, долго изучает свой телефон, что-то нажимает.

— Гриша, я так не умею посмотреть прям во время разговора. Давай я выпишу на бумажечку, и перезвоню?.. Ну, добро. Только я ж звонил и на тот, и на тот несколько раз — ни одна не отвечает! Добро, жди.

Нажимает на кнопку сброса и усердно, впопыхах ищет номер.

— Ручку подай, — просит жену. Сурово сведя брови на переносице, выписывает номер на газету.

— И он ничего не знает, да как же так..

— Да погоди ты! Человек ждёт. Сейчас, — набирает смс из цифр. Отправляет, — гаджеты эти! Раньше жили без них и справлялись. Может у нее там интернет закончился?

— Да где?

— В Америке.

— Ну уж там-то он везде бесплатный! — возражает супруга.

— Чего это?

— Так он из Америки и пошёл, разве не знаешь? Там давно все по-другому живут, Вова.

— Ну хорошо, — задумывается, — а знаешь, давай-ка мы все-таки сделаем вот что! Эля, я тебя никогда не спрашиваю... сколько ты за свою квартиру получаешь?

Она делает сложное выражение лица и встает, чтобы сварить себе еще кофе.

— Триста долларов плюс коммунальные.

— Вот, надо бы девочкам выслать. Вдруг все-таки интернет. По телефону-то не наговоришься, тариф знаешь какой? Думаю, бешеный.

— Да я ж не против, — горько вздыхает, — но в этом месяце уже взяла с квартирантов. Я ж на продукты, на все, — делает жест в сторону холодильника, — и пацаны быстро растут, на школу надо, Паше ботинки новые опять нужны, все носки сбил... да что я тебе

рассказываю, не хуже меня знаешь! Ты, Вова, прекрасный отец. Нам повезло. Давай так — попрошу квартирантов об авансе?

— Хотя бы долларов сто..

— Да.

— Я там чуть с пенсии ещё добавлю! Ну не может быть бесплатным интернет, не верю я в такое.

— Ой, Вова, — качает головой, улыбается.

Оба дружно вздрагивают от телефонного звонка.

— Кто там, Катя?! — она отпрыгивает от гейзерной кофеварки поближе к нему, заглядывая в экран телефона.

— Гриша, — грустно отзывается муж, — да, зять?

Долго молчит. Смотрит на свою Элю.

— Гришенька, все понимаю. Я не вспомню название! Что-то английское. Элечка, подскажи, как фонд называется?

— Там лайф в названии! Жизнь, по-нашему.

— Что-то про жизнь, Гришенька. Лайф! Я ж английского пару слов если знаю, то хорошо. Не переведу, не помню... ну добро, поищу сейчас, где-то было точно. Женюша документы еще все по ним собирала... Эсэмэской скину! Добро.

Положив трубку, Владимир Ипполитович спешит в комнату.

— Вова, десять минут ничего не решают, позавтракай ради Бога! — кричит ему вслед жена, впрочем, без особого энтузиазма.

— Ты же знаешь, я не люблю ничего откладывать, — он уже шуршит ворохом бумаг, вынутых из комода, — представляешь, собрался съездить к ним! Вот это мужик, я понимаю.

— Съездить куда?

— Я бы и сам съездил, да здоровье не позволяет! В лайф этот.

— Ну конечно. Правильно! Пусть едет.

— Там на месте разберется, спрашивает. Сказал — разнесет их к едрене фене, если четко не ответят, что да как!

— Вот это верно!

— Нашел, — Владимир Ипполитович почти вбегает на кухню, с торжеством потрясая клочком бумаги.

После невероятного праздника живота, который мы сами себе так живенько организовали, воспользовавшись продуктами Алекса, ломаю голову, чем бы развлечь Катю.

Это оказывается непросто! Вместе убеждаемся, что ни один из двух телевизоров в этой странной квартире не работает. Провозившись с умным видом минут по десять возле каждого из них, сдаюсь. Пульты бесполезны, а никаких иных кнопок на самой плазме не наблюдается. Но, ведь Алекс предупреждал. Не забыть бы еще спросить, почему так. Не оплатил вовремя цифровое телевидение, или что у них там?

В целом, квартира не производит впечатления жилой. Все в ней какое-то... гостиничное, что ли. Не обжитое. Аксессуары, техника, даже посуда — слишком новые. Нетронутые. Может быть, это из-за того, что он все время мотается по командировкам?

Сгораю от любопытства. Чтобы Катя не мешала мне пошуршать по углам (да, я знаю, что это некрасиво!), нахожу и приношу ей какую-то книжицу с картинками, типа энциклопедии путешественника. Книг на русском языке здесь, конечно же, нет.

Она ворчит, но берет её, а я осторожно заглядываю в комнату, которую наш Синяя Борода обозвал кабинетом. По виду, никаких камер. Ну ладно, простит, если что!

В стол я заглядывать не собираюсь, а вот несколько чемоданов необычной округлой формы в настенном шкафу сразу привлекают внимание. Изучая их, вижу кодовые замки. Жаль, открыть такое не получится.

Эх, загляну-ка и в стол! Несколько бумаг, и больше ничего. Пустота. На бумагах какие-то малопонятные мне схемы. Еще ручки, карандаши, пара пластиковых карточек, похожих на банковские, но без всякой отпечатанной на них информации. Озадачиваюсь.

Идем дальше. На столе телефонный аппарат — явно стационарный, но без проводов. На нем целых двадцать цифр, очень странно. Трубка, рычаг, ничего больше. Прямо как в бункере Гитлера, только в современном варианте. На стене вижу нечто вроде сейфа, провожу рукой по его гладкой стенке. Мебель самая обычная. На этом все.

Далее перемещаюсь в место, которое кажется мне спальней Алекса. Здесь тоже все печально: никакой дополнительной информации и мизер личных вещей.

Преступно обыскиваю его жилище только по одной-единственной причине — я не верю ему.

И что делать, если я наткнусь на какое-то доказательство причастности Алекса к той организации, из которой мы так "удачно" сбежали?

В шкафу обнаруживаю смену белья, носков, несколько рубашек и брюк. На дне одного из отделов нечто вроде длинного черного чемодана, наглухо закрытого. Открыть, конечно, тоже не представляется возможным. Похоже, там оружие. Повозившись с ним немного, отступаю.

Мда, Синяя Борода, женской руки твоей берлоге явно не хватает! Если здесь и появлялись какие-то женщины, то, видимо, исчезали очень быстро.

К счастью, на этом странности пока заканчиваются.

Алекс является к нам только глубоким вечером, когда я успеваю основательно погрузиться в английскую классику, забравшись на его удобнейший диван с ногами, и уничтожив перед этим нереальное количество «столичного» салата.

Он заходит в гостиную так бесшумно, что мы обе от испуга едва не сваливаемся с этого

самого дивана.

— Приветик, как вы? — обводит внимательным взглядом, — хороший выбор, — это он о книге в моих руках, ну надо же, какой глазастый! — Я в душ.

Он уходит, не дожидаясь нашей реакции, и я опять встаю и чуть не пританцовываю от нетерпения. Прошу Катю не мешать нашему с ним разговору. Слишком многое предстоит выяснить!

Она обиженно поджимает губы.

— Да я все-равно почти ничего не понимаю из того, что вы говорите. Спроси у него про интернет! И покорми.

— Хорошо, — киваю.

Мысленно даю себе минут пятнадцать, прежде чем начинать искать его. Нет, лучше двадцать! Не хватало ещё зайти к человеку в комнату, когда он будет, к примеру, раздетым после душа.

Разумеется, я помню голым своего первого мужчину, возможно даже слишком хорошо. И вряд ли это бы его сильно смутило, но нам предстоит слишком серьёзный разговор.

Совершенно точно, что этого разговора мы ждали больше пятнадцати лет. Я, во всяком случае!

Когда Алекс заглядывает к нам снова, уже переодетый в футболку и шорты, меня первым делом бросает в жар. Признаюсь, ещё до его прихода я привела себя в порядок сначала в душе, а затем с косметичкой руках.

Мне очень хотелось чувствовать себя привлекательной — это, несомненно, придает уверенности.

Легко поднимаюсь, выжидательно смотрю ему в глаза. Он отвечает взаимностью. Мы даже как будто не замечаем Катю.

— Пройдем в кабинет?

Алекс кивает, и тут же скрывается в слабо освещенном коридоре. Я иду за ним, пытаюсь освободиться от целиком охватившего меня чувства непонятного волнения.

— Жека, лицо попроще! — смеётся Катя, когда я уже на пороге комнаты.

Это расслабляет, и я улыбаюсь вместе с ней. Эх, знала бы она, отчего я так волнуюсь, вот бы удивилась!

Я очень хочу поговорить с Алексом о прошлом.

Более того. Это самое важное для меня сейчас, даже важнее нашего теперешнего положения. Мучительно выдыхаю, остановившись на секунду перед слегка приоткрытой дверью. Биение моего сердца только набирает обороты. Вхожу...

Алекс сидит в кресле, несколько вальяжно. Нет, я конечно не ожидала, что он опрометью бросится ко мне, обнимет или что-то вроде.

Или ожидала?

Он что, все еще обижен на меня?!

Глубоко вздохнув, разочарованно присаживаюсь на краешек другого кресла. Складываю руки на коленях, опускаю глаза, не в силах выдержать холодный прямой взгляд напротив. Не может быть, чтобы я так ошибалась в нем.

— Как прошёл день? — интересуется.

Очень смешно.

— Ты есть хочешь? — отвечаю вопросом на вопрос.

— Нет, — он как-будто удивлён моей заботе. Потирает переносицу, — знаешь... мне

нужно будет уехать по долгу службы. Смотри, — показывает телефонный аппарат, — для связи со мной будет цифра один. Для экстренной, я имею в виду, а не просто поболтать! Просто нажимаешь один и все, окей?

— А если не окей? Например, случайно нажму два. Твой шеф? Или три. Букингемский дворец слушает? — неуместно шучу, чтобы сбить с него спесь немного.

Ну и тон у него! Алекс хмурится, и я посмеиваюсь.

— Все другие цифры пока просто заблокированы, — отвечает очень серьезно.

— Пока? Ну тогда окей, — пожимаю плечами с улыбкой. Да как же мне разрядить эту тяжёлую атмосферу, — а как надолго, если не секрет, ты уезжаешь?

— Я вижу, ты все-таки проверила мои вещи? — он теперь тоже улыбается, но недобро.

— Здесь где-то камеры? — моментально тревожусь.

— Только в душе, — издевается Алекс.

Начинаю злиться.

— Просто я наблюдательный!

— Рада за тебя, — парирую с кислой физиономией, — однако ты не ответил на вопрос!

— Ты тоже.

— Да, заглянула, и что? Вдруг за это время ты стал серийным маньяком, и здесь трупы штабелями... я все же с младшей сестрёнкой, если помнишь.

— Забавная фантазия! Жаль, что она ничего не подсказала тебе, когда ты приехала в Нью-Йорк на поиски приключений.

— Жаль, не спорю, — отвечаю примирительно, — и все же! Как надолго ты уезжаешь, конкретнее пожалуйста и когда, по-твоему, мы сможем вырваться в аэропорт?

— В аэропорт? Очень скоро. Я буду занят в ближайшие дни и в Штаты уже не вернусь, а вам, к сожалению, придётся провести какое-то время здесь. Через два-три дня за вами зайдет надежный человек, мой друг, чтобы сопроводить до Хитроу. Вы летите с ним, Женя..

— Подожди-ка, вот сейчас стоп! — снова начинаю нервничать, — какой ещё Хитроу?

— Аэропорт Лондона..

— Я в курсе, — перебиваю, — но в мои планы никак не входит Лондон, почему Лондон? Мне надо в Борисполь, Киев, Украина!

— Ну, не горячись так, — он улыбается и начинает объяснять мне очень терпеливо. Как душевнобольной, — это будет безопаснее! Неизвестно, сколько времени вас будут отслеживать на украинских рейсах. Мой человек сопроводит вас до Лондона, оттуда будет намного легче и безопаснее отправить вас на Украину. Видишь ли, в Британии у меня связи, а на рейсе до Хитроу вас точно не ждут! Тем более, в сопровождении мужчины. Изобразите семейную пару с ребёнком для посторонних глаз, ясно? Парики и грим немного изменят вас, а Уильям — так его зовут, человек исключительно ловкий и сообразительный, поможет быстро зарегистрироваться и не растеряться в случае, если что-то пойдёт не так...

— Не так — это как? — мрачно интересуюсь.

— Как угодно, — отрезает Алекс, — должна быть благодарна, вообще-то!

— Я благодарна, — шепчу.

Отчего же такой холод между нами?

Почему мы не можем ни о чем поговорить искренне, и прежде всего о прошлом, чтобы выяснить давние вопросы или даже обиды, а возможно погоревать вместе о том, что было и чего не было! Почему он так закрыт, а у меня никак не находится решимости или правильных слов для того, чтобы начать этот непростой разговор?

Ведь по сути, никто из нас не виноват в том, что произошло много лет назад! Мы были детьми. В любом случае.

И еще. Почему он делает это сейчас, зачем помогает нам? Вопросы, вопросы, одни вопросы — на которые Алекс дает очень скудные ответы.

— Ладно, сколько это все стоит? — спрашиваю задумчиво, прикидывая наши финансовые возможности.

Он ведь не филантроп, в конце концов. Слава Богу, деньги у нас не отнимали, но я не вполне уверена, что нам хватит на билеты в Великобританию, а потом в Украину. Кроме того, этот навязанный сопровождающий — кто-то же должен оплатить, как минимум, его билеты туда и обратно?

Конечно, есть варианты. Я могу связаться с Гришей и попросить его взять денежный займ в банке, выслать нам. Могу попросить у Алекса одолжить нам денег. Могу созвониться с одной достаточно близкой подругой, хотя вряд ли у нее найдется такая сумма сразу! Да и кто, положив руку на сердце, зная нашу ситуацию с Катей, решился бы нам одолжить?

С папы, конечно, пользы в этом плане как с козла молока. Но ничего, прорвёмся.

— А что, у тебя есть деньги? — его высокомерный тон мгновенно выдёргивает меня из пучины размышлений, и вариант «одолжить у Алекса» как-то сразу отпадает.

Мысленно подбираю челюсть. Где он, интересно, успел нахвататься этого снобизма, на своей работе?! Или все еще считает меня нищей славянкой, способной только мыть посуду за пять долларов в час, по старой памяти?

Сузив глаза, я изучаю выражение его лица. Испытываю острое желание тоже хоть чем-то поддеть Алекса.

— А сколько мне будут стоить твои услуги?

Вопрос вызывает у него приступ веселья.

— Это не измеряется материальным, — хищный оскал, — но ты можешь предложить мне что-нибудь другое.

У меня начинает складываться чудовищное впечатление, что наше общение давно пошло куда-то не туда, и чем дальше, тем больше! Теперь, вероятно, мы это даже уже не контролируем.

Глубоко вдыхаю, успокаиваясь, потирая лоб. Что вообще происходит?!

— Алекс, извини, но я считаю твой флирт совершенно неуместным. Это точно не то, что мне сейчас нужно!

— А что тебе нужно?

Очень стараюсь не злиться, и не раздражаться на его светский тон.

— Мне нужно в Борисполь, Украина, — произношу четко и внятно.

— Я понял, — он копирует мои строгие интонации, или просто дразнит, — твой путь в Борисполь идёт через Хитроу. Ты приехала в Нью-Йорк к бандитам, которые ещё не отпустили тебя окончательно, поэтому не можешь вот так просто пойти, купить билет и лететь в свой Борисполь. Вопросы?

Бешусь. Алекс прав, конечно.

Но сама мысль о том, что сейчас он уедет, а мы будем тупо сидеть в чужой квартире еще несколько дней и ждать какого-то неизвестного провожатого, чтобы лететь в Великобританию, невыносима. За свои деньги, которых у меня пока нет. Если бы мы летели хотя бы с Алексом!

Представим ситуацию. Его провожатый говорит нам уже в аэропорту, протягивая

билеты: с вас энная сумма. И вдруг нам не хватает...

— Алекс, — начинаю теребить край своей кофты, — мне очень надо связаться кое с кем, чтобы нам выслали деньги. Это возможно?

— За деньги не беспокойся.

Облегченно вздыхаю. Значит, все-таки вариант «одолжить у Алекса».

— Спасибо тебе, — горячо благодарю его, — оставь мне номер своей банковской карты, пожалуйста. Я вышлю долг сразу же, как только мы окажемся дома.

Замолкаю на полуслове — Алекс странно смотрит. Иронично, и в то же время совершенно гипнотически, так, должно быть, смотрит энтомолог перед тем, как наколоть бабочку на бумагу. Отвожу взгляд.

— Не благодари... я не такой хороший, как ты думаешь!

Снова вскидываю на него глаза, пытаюсь понять, что происходит в его голове. О чем он думает? Чего хочет?

— А какой ты?

— Я разный, с разными людьми, — следует ленивый, вкрадчивый ответ, — Как и ты, — от него будто веет холодом, — не так ли?

— И что ты хочешь этим сказать?!

— За все надо платить, ты же знаешь? У меня свои планы на тебя.

Морщусь. Вот что бы он ни говорил — а у меня плохо с фантазией! То, что приходит на ум, только пошлость. Если сейчас он скажет, что хочет меня, я умру от скуки. Или... от желания?

Смотрю на него теперь с интересом, оценивающе. Определённо, это хорошо перезагрузило бы меня эмоционально и физически. Наверняка это было бы очень приятно, даже больше чем просто очень приятно — уверена.

Хмыкаю, улыбаясь своим мыслям.

— Так, интересно, — тяну слова, сексуально закидывая ногу на ногу и внимательно наблюдая за его реакцией, — что же может понадобиться такому бравому детективу от малоимущей славянской девушки, к слову сказать, замужней?

— Такая дурочка, как ты, — отвечает он как ни в чем не бывало, — будет полезна нашей организации! Видишь ли, “One more life” все ещё у нас в разработке. Используя тебя как приманку, я смогу доделать то, что начал. Кэтрин мы отпускаем, и даже более того — употребим некоторое своё влияние для того, чтобы продвинуть ее в очереди на почку, в вашей стране. Ей ведь нужна операция?

Бледнею. Он намекает на то, что я должна остаться и работать на его детективное агентство?! Ну что за бред.

Почему все здесь от меня чего-то хотят, и выдвигают условия? Впрочем, если бы только здесь.

— Чего-чего? Повтори, пожалуйста, — уточняю, — и ты это о себе в третьем лице, или о своем шефе?

— Не суть. Так что?

— Я ничего не поняла, кроме того, что ты меня оскорбил. Конкретнее, какая помощь от меня нужна?

— Извини, в данном контексте это комплимент. Все инструкции получишь в Лондоне, работать будем вместе! А твою сестру отправим домой, готовиться к операции.

— А вдруг ты все врешь?

— А тебе есть, кому верить?! — внезапно он рывком поднимается и оказывается где-то совсем рядом. Нависает надо мной как скала, изрядно напугав бесшумной скоростью.

Запоздало вспоминаю о том, насколько мы сейчас уязвимы перед ним. Да фактически, мы полностью в его руках! Съеживаюсь, и не дыша смотрю в гипнотические синие глаза, которые находятся в каких-то считанных сантиметрах от моих.

— Тебе самой-то можно верить?

— Да успокойся ты! — выдохнув, я пытаюсь отодвинуть его хоть немного, уперев ладонь в крепкие грудные мышцы Алекса. Однако он не даёт себе труда поддаться даже на сантиметр.

Отодвигаюсь от него подальше.

— Псих. И как ты только работаешь там с такой тонкой душевной организацией?!

Алекс усмехается.

Отрывается, наконец, от подлокотников моего кресла, и засовывает руку во внутренний карман своего пиджака. Достает айфон, с виду самый обычный. Впрочем, не совсем, конечно, а из каких-то последних наверное, с красивым полупрозрачным корпусом.

— Сложно. Вкусно пахнешь! Что за парфюм? — протягивает мне его, — позвони мужу, потому что следующая возможность позвонить будет нескоро.

— Добрый дядюшка Алекс, — ворчу, соображая, как бы отказать, но быстро решаю, что созвониться с папой просто необходимо, — давай, спасибо.

— Соскучилась?! — улыбается. Наблюдаю за ним с кислым выражением лица, даже не собираясь отвечать, — наберешь сама? Номер помнишь?

— Конечно, нет, — искренне удивляюсь.

— Конечно нет? — восклицает патетически, — Женя! С твоим счастьем — просто совет, запоминай номера, пригодится, поверь... хотя бы тех, кто тебе дорог.

И мою память простреливает яркая вспышка воспоминания. Алекс, номер. Да. Вот он этот момент! Я дёргаюсь, и замираю. Гляжу на него в упор, не выдерживая.

— Мой хороший, — шепчу, — а ведь ты прав. Однажды я не запомнила номер по-настоящему дорогого мне человека, и это стоило мне... нам..

Слова вдруг заканчиваются, как и воздух. Я больше не могу произнести ни слова, но мне хватает сил встать, чтобы обнять его. Прежде чем я вновь обрету дар речи.

— Какая смена риторики! — Алекс равнодушно снимает мои руки с себя в ту же секунду.

Я изумлена, и моя просьба звучит очень жалко:

— Давай... поговорим?

— О чем, Женя? Оставим прошлое прошлому, — он смотрит на часы, — может быть, когда-нибудь. Неси свой телефон, только не включай, окей?

Мне очень сложно справиться с собой. Неужели он не нашёл и пяти минут для того, чтобы... Алекс продолжает выжидающе смотреть на меня.

Может, это глупо, но хочется разрыдаться. Вся эта ситуация, конечно, унижает, так или иначе!

Метнув в него испепеляющий взгляд, иду в гостиную. А, к черту все! Ему же просто все равно, это очевидно. Он даже не сделал вид, что готов выслушать мою исповедь, да хотя бы из вежливости!

И кто знает, возможно, он прав? Как написал однажды один бессмертный поэт — дела давно минувших дней, преданье старины глубокой. Что толку беречь наши души, ведь

прошлого не изменишь.

Возвращаюсь в кабинет, сердито смахивая непрошеные слезы. Я не буду плакать, нет! Только не сейчас, нельзя. Просто забуду, как и он. Так правильнее.

С бесстрастным видом протягиваю Алексу свой телефон, и отхожу к окну. Я все еще не готова снова взглянуть на него, но все же наблюдаю за ним оттуда боковым зрением.

Тем временем, он что-то вытягивает из телефона и вставляет в свой ноутбук:

— Не хочешь взглянуть?

Возвращаюсь к нему с опаской. Вижу в мониторе свой список контактов. Алекс протягивает мне полупрозрачный айфон, и при этом наклоняется так близко, что его тёплое дыхание касается моей кожи.

Я не готова ощущать его настолько рядом, и от этой близости почему-то по всему телу рассыпаются мурашки, а слезы недавней обиды высыхают мгновенно.

Я никак не контролирую это.

— Сможешь набрать сама?

— Подскажи, где тут эти сенсорные кнопки?

Еле уловимый аромат его парфюма кружит голову. Буквально заставляю себя сосредоточиться на том, что он показывает. И кстати, я собираюсь позвонить папе вообще-то, а Алекс просто стоит, уставившись вместе со мной в монитор. Как будто так и надо. Вот ведь любопытный!

— Нашла мужа?

— Да. Эээ... вообще-то, тут конфиденциальная информация, — резко подсаживаюсь к ноутбуку на стул так, чтобы сбежать, укрыться от наглой близости Алекса.

Меня просто парализует, когда он так близко. Мысли путаются, и это раздражает!

Пытаюсь заслонить собой экран. Не уверена, что он знает русский, но слово "папа" в телефонном справочнике вряд ли может быть похоже на имя мужа. Очень не хотелось бы, чтобы он увидел, чей номер я набираю.

Неожиданно Алекс проявляет чудеса тактичности.

— Отлично, тогда я поболтаю пока с твоей сестрицей, если ты не против! — наконец-то двигается к двери, — приходи к нам, как закончишь. Она понимает английский?

— Немного. Надеюсь, ты не выставишь мне счёт за этот звонок?

— Нет, я запишу его на твой общий счёт, — улыбается.

— Общий?! — изображаю испуганный вид, хотя мне уже тоже весело, — надеюсь, я хотя бы выберусь живой из всего этого.

— Конечно, ведь тебе нужно оплатить все счета, — подмигивает он мне уже у порога.

— Все, а сколько их? — кричу ему вслед, но Алекса уже не видно.

Набираю номер папы. Перед этим жму на крестик на списке моих контактов в ноутбуке Алекса, закрывая их.

Воровато оборачиваюсь на дверь, затем иду и тихонько прикрываю ее. Вот так-то лучше.

Как ни странно, но мне очень неприятно звонить! Вернее, совсем даже не странно — все потому, что придётся врать. И говорить покороче.

Папа поднимает трубку сразу.

— Привет! — стараюсь говорить бодро, — как вы?

— Как мы?! Куда вы пропали? Привет! — он почти кричит, должно быть думая, что если я за океаном, то надо говорить погромче.

— У нас все хорошо, — поспешно информирую, — здесь не было возможности позвонить, извини. Я пока веду переговоры с врачами! Ожидаем донорскую почку, но велика вероятность, что она так не появится. К сожалению. Будем надеяться на лучшее!

— Гриша там с ума сходит..

— Передай ему, пожалуйста, что у нас все нормально. Как там твои?

— Они и твои, Женя, тоже! Хорошо. Что у вас с деньгами?

— Хватает.

— Позвони Грише! Он в офис собрался ехать..

— В какой ещё офис?

— Да конторы этой вашей американской.

— Пап, мне все-равно, — признаюсь устало, — пусть делает, что хочет.

— Тебе на работу-то когда?

— Есть ещё немножко отпуска, — почти не вру.

— А что Катя?

— В порядке! Пап, меня уже врач зовёт. Позвоню вам, как смогу. Через пару-тройку дней, хорошо? Ну раньше просто смысла нет, может, как раз будут новости..

— А скайп как же?

— Да здесь не разрешают ноутбук ставить, — вру напропалую. Но он, похоже, верит.

— Ну, добро! Спасибо, что позвонила. Ты не забывай там про нас, звони почаще.

Катюшку позовёшь?

— Она сейчас на процедурах. Я привет передам от тебя!

— Да, Женюша. И вам от всех привет! Звони!

— Пока, целую!

— И я вас целую, ласточки, на днях вот денежку хочу переслать. Куда, скажи? Немного, но...

— Спасибо, пап, не надо, — поспешно отказываюсь, — нам пока на все хватает. Давай, до связи!

— Ну добро, тогда звони!

Кладу трубку, и опускаю свой пылающий лоб на холодный стол.

Хорошо бы немножко успокоиться, подумать обо всем. Лежу так на руках какое-то время и мне, в общем и целом, хорошо. Хотя я не знаю, что будет дальше!

Будущее окутано сплошным мраком неизвестности, жаль, операцию Катюше мы так и не сделали. Но зато выбрались, я — в особенности. Впрочем, ещё не совсем выбрались. Вот когда мы выйдем из самолёта в Борисполе, тогда я смогу, наверное, сказать себе — слава Богу, теперь все!

Картина, которую я застаю в гостинной, умирительно идиллическая. Моя порозовевшая Катя что-то щебечет на английском, а Алекс внимательно слушает ее. Невольно на них засматриваюсь.

Когда он выходит ответить на звонок, сестра делает большие глаза и шепчет мне: «Женя! Он классный».

— Смотри, не влюбись, — смеюсь, замечая как мои слова явно зарождают какие-то мысли в ее светлой головушке. Ой, нет, только не это, — не советую!

— Почему?

— Видишь ли, я сама когда-то была влюблена в него. Поэтому знаю, о чем говорю, — отвечаю честно.

— И что? — в Катиных глазах разгорается настоящее любопытство.

— И ничем хорошим для меня это не закончилось, — вздыхаю.

— В смысле?!

— В коромысле, — снова смеюсь, — не бери в голову! Глупый детский роман, первая влюблённость. Она очень редко бывает на всю жизнь. Мы просто разъехались в разные стороны, и все закончилось.

— Но он любил тебя?!

— Я думаю да, но это было слишком давно, как-будто даже не с нами.

— Но он помог нам!

— Да, но Алекс очень изменился, поверь. И я до сих пор не понимаю, какие цели он преследует. Будем надеяться, что добрые! Знаешь, к сожалению, в жизни не бывает только черного и белого, есть ещё миллион оттенков серого. Не пятьдесят, — улыбаюсь.

— А он женат?

— Не знаю.

— И тебе не интересно?

— Интересно. А ещё мне интересно, что будет с нами дальше, и как быстро мы попадём домой! Ты не забыла принять таблетки?

— Нет! Опять ты со мной как с маленькой, — отрезает она.

— Катя, не смей так говорить. Я просто очень беспокоюсь о тебе, — произношу без эмоций. Но, Боже мой, как я устала! Это, наверное, самая длинная неделя в моей жизни.

Если, конечно, забыть о времени юности, когда каждый день казался бесконечным и это было приятное ощущение.

Отхожу от нее, вглядываясь в густую мглу за окном. Отовсюду светятся огни города, и это странным образом успокаивает. Ловлю себя на мысли, что жду, когда Алекс позовёт меня.

Мне так сложно признаться в этом даже себе самой! Но время идёт, а он все не появляется в этой комнате.

Может и хорошо, что он не ночует с нами — не знаю, смогла ли бы я заснуть, зная, что он где-то за стенкой. Меня волнует его присутствие, или ожидание дальнейших инструкций?

Наконец, снова не выдерживаю. Поворачиваюсь к сестре.

— Кать, пойду, поищу его. Алекс скоро уезжает!

Катюша выглядит искренне огорчённой:

— А как же мы?

— Вот это я и попытаюсь узнать подробнее. Кстати, я звонила папе, он передает тебе привет!

— А почему меня не позвала? — спрашивает недовольно.

— А чтобы ты лишнего не сболтнула, и папа не напридумывал себе того, чего нет! — снова говорю ей правду и только правду.

Изнывая от нетерпения, иду по направлению к кабинету Алекса. Там пусто. Сердце почему-то начинает предательски колотиться, мешая думать. Передвигаю непослушные ноги в сторону его спальни, уже куда медленнее.

Темно, но дверь туда приоткрыта. Самую малость. Остановившись на цыпочках у порога, прислушиваюсь. Уйти или заглянуть?

— Смелее, — слышу голос Алекса, вызывающий во мне сладкую дрожь, потому что его самого я нигде не вижу.

Сделав шаг, всматриваюсь к темное пространство, и наконец замечаю только кончик зажженной сигареты. Судя по всему, у окна. Он затягивается, выпускает струю дыма вверх. Неловко топчусь возле входа в комнату.

— Можно включить свет?

— Нет.

Теряюсь. Похоже, диалог заходит в тупик. А как же наши инструкции?! Не наощупь же мне его здесь, в самом деле, искать. Инстинктивно оборачиваюсь в пустой коридор — что, если придет Катя?

— Если беспокоишься, чтобы нам не помешали, можешь зайти и запереть дверь изнутри, — слышу его насмешливый комментарий.

— Зачем это? — предложение кажется мне подозрительным, и я остаюсь на месте, — подождать тебя в кабинете?

— Хочешь сигарету? — отвечает он вопросом на вопрос, — могу угостить своей.

Ерзаю, переминаясь с ноги на ногу.

— Нет, спасибо. Я не курю.

— Ты такая правильная, — еще затяжка, — милая.

Я все еще не понимаю, что означает такое поведение. Разговор ни о чем?

— Когда ты уезжаешь? — интересуюсь обеспокоенно.

— Через полчаса.

— Ты... еще будешь как-то инструктировать меня?

— С удовольствием, — он неслышно спрыгивает с подоконника и приближается. Невольно отступаю.

Алекс быстро настигает меня, а я вжимаюсь лопатками в стену, удивляясь, что допятилась до нее так скоро.

— Мне это не нравится! — произношу скороговоркой, в самом деле испытывая гремучую смесь каких-то смешанных чувств и ощущений.

— Что именно? Я ещё ничего не сделал, — он совсем близко.

— Ещё? Кажется, сюда Катя идёт, — пытаюсь прошмыгнуть мимо, но Алекс легко перекрывает мне путь, снова впечатывая в стену:

— Никто не идёт, не волнуйся так! И не ври.

К своему ужасу наблюдаю, как дверь с тихим щелчком закрывается прямо перед моим носом. Мы с ним вместе оказываемся в крошечной темноте.

Я слышу беспомощно-оглушительное биение своего сердца, а низ живота сводит сладкой судорогой от невидимого, но осязаемого и теплого объятия.

— Да что с тобой?! Отпусти, — вырываюсь. Он тут же отпускает меня.

В панике, я практически бегу из комнаты. Затем, рефлекторно, по коридору в гостиную. Только там восстанавливаю дыхание.

Вдруг становится не к месту смешно. Что он хотел? Испугать? Подчинить? А может быть, поцеловать? С чего бы...

Алекс заходит сразу же, почти следом за мной и мы встречаемся глазами. Не сговариваясь, начинаем дружно давиться от смеха, а Катя недоумённо наблюдает за нами.

— И что это было?! — спрашиваю у него строго.

— Просто шутка. Честно. Может, попробуем ещё раз? — смеётся он, и добавляет уже примирительно, — хочешь, со светом и при Кате? Так сказать, финальный инструктаж.

— Знаешь, а я уже почти поверила, что ты вампир, или что-то вроде! — выпаливаю.

— Какое нестандартное мышление! Все-таки замужество отложило отпечаток на твой мозг.

— Замужество? — забавно наблюдать, как Катя с большим интересом следит за нашим диалогом, видимо, лихорадочно пытаюсь поспевать переводить.

— Посторонний мужик, который подошёл неприлично близко, это обязательно вампир, — продолжает он откровенно веселиться, — кстати, насчёт мужа! Что сказал муж?

— Что он мог сказать? Конечно, сожалеет из-за того, что мы задерживаемся! — пожимаю плечами, — но я объяснила ему ситуацию. И сколько ещё нам с Катей предстоит пробыть в твоём плену?

— Катю я не задерживаю, — немедленно откликается Алекс, — а вот тебе придётся ещё потомиться в моем обществе... немножко... закроем дело фонда и, может, заодно парочку гештальтов!

— Конкретнее, давай серьезно?! Сколько времени займет моя помощь вашей организации? — требую ответа. Тут он выдерживает паузу, и в целом выглядит задумчивым.

— Я не знаю, Женя. Думаю, управимся быстро. Надеюсь!

— Да уж постарайся! — не желаю скрывать свой скептицизм.

Часом ранее

Алекс заходит в кабинет, аккуратно прикрыв за собой дверь. Взгляд его ищет оставленный на столе айфон. Он берет его в руки, нежно и бережно, задумчиво взвешивает на ладони. Не торопясь, нажимает несколько кнопок на корпусе. Подносит к уху. Слушает последний разговор в записи, с автопереводом.

Улыбается, оборачиваясь на дверь.

— Итак, ещё раз. Уильям придёт через два дня, в полдень. Говоря полдень, я подразумеваю двенадцать дня..

— Мы не тупые, — перебиваю я его, не в силах побороть свое раздражение, — постучит и представится Уильямом от Алекса. Дальше?

— Дальше ты егопустишь. Уилл даст тебе средство связи и подождёт, пока ты сделаешь звонок родителям. Кате есть, где жить? Есть, кому ее встретить?

— Естественно. У Кати остался только папа, но дом у нее есть, слава Богу. Средство связи! — закатываю глаза.

— Окей, телефон, — мягко отвечает он, — я сожалею..

— Не стоит. Что дальше?

— Ну, ты че такая дерганая? — вдруг накрывает своей теплой ладонью мою руку, но я тут же ее забираю, разрывая прикосновение. Катя наблюдает за нами, распахнув глазищи, — волнуешься?

— Ненавижу такую благотворительность, — признаюсь честно, — и ненавижу неизвестность.

— Это не благотворительность, — спокойно поясняет он, — ты поможешь нашей организации..

— Не хочу никому помогать! Я устала, — сглотнув, все же беру себя в руки, — вернее... извини меня, пожалуйста. Давай продолжим.

— Давай. Предупредив отца, вы переместитесь в аэропорт с Уиллом, а там уже на регистрацию и в Хитроу! Прилетев, пообедайте. Затем пересадите Кэтрин на рейс до Борисполя. Все. В Хитроу ты сможешь сделать все необходимые звонки. Она выдержит дорогу?

— Да.

— Отлично. Уилл сопроводит тебя до конспиративной квартиры моей организации, где ты сможешь отдохнуть, и должна будешь дожидаться меня.

Блин, до чего же угнетает вся эта ситуация! И это его «должна», и то, что Катя дальше полетит без меня, и неизвестная работа на неизвестную организацию.

Как много времени она займёт? И насколько это может быть опасно?

Я чувствую себя беспомощной как никогда. Меня сопровождают словно почтовую посылку на какую-то квартиру, и оставят там.

Но что я могу поделать сейчас?! Да ничего. Уныло киваю, соглашаясь.

Алекс выглядит довольным, на глазах расцветая улыбкой.

Он легко поднимается с кресел, словно подбрасываемый вверх невидимой пружиной. С завистью угадываю каркас тренированных мышц под его одеждой — прекрасная форма. А сама-то я даже не вспомню, когда в последний раз делала элементарную зарядку.

Все мое недавнее прошлое промелькнуло как в тумане из апатии и усталости. Мне было вечно недосуг заняться собой. Из плюсов моей фигуры теперь разве что худоба. А ведь раньше я считалась красавицей!

— Как там у вас говорят? Посидели на дорожку?

— Присядем на дорожку, — безучастно киваю. И мне даже не интересно, где он мог это слышать.

— Уже, — весело откликается Алекс, — Катя, удачи вам! Было приятно познакомиться. Катя что-то щебечет в ответ, а я, погруженная в раздумья, просто смотрю в окно.

— Женя, проводишь?

— Конечно, — со вздохом встаю и плетусь за ним. Сложившаяся ситуация мне не нравится, ох как не нравится!

Возле входной двери он вдруг разворачивается, да так, что я чуть не налетаю на него от неожиданности. Впивается в меня внимательным цепким взглядом как бульдог в глотку. "Залипаем" друг на друге на долгие несколько секунд.

— Что? — реагирую.

— Ничего! Веди себя хорошо и, — улыбается, — пожелай мне удачи.

— Удачи! Алекс, — я не знаю, почему у меня вдруг срывается с губ этот вопрос, — а скажи. Как сложилась судьба Старка, знаешь?

— А ты? — мне кажется, или он настораживается? Снова смотрит странно, и пристально.

— Я? — удивляюсь, — почему бы?

— Старк убит! — отрывисто бросает мне, — и ты, между прочим, была последней, кому он звонил. И последней, с кем разговаривал.

— О Боже, — охаю. Мне так жаль, ведь он был действительно хорошим парнем, — нет, я не знала! Он... он искал тебя!

— Серьёзно?

— Да, — я зябко охватываю себя за плечи, вспоминая, — он позвонил мне, чтобы сказать, что ищет тебя.

— Почему же ты не сказала мне?

— Но я написала тебе об этом в записке, — отвечаю растерянно.

— В какой еще записке?!

Мы снова встречаемся взглядами. Зависаем на мгновение.

— Я передала ее с Лале! — объясняю ему быстро, взволнованно, — разве тебе не отдали записку в общежитии? Ты вообще приходил туда?

— А ты сама-то как думаешь? — теперь он смотрит на меня откровенно свирепо, — та грузинка, которая с тобой жила?! Но она мне ничего не передавала. Ни она, ни кто-либо еще.

Пятнадцать лет назад

Возвращаюсь в общагу радостная, воодушевленная. Буквально парю, едва касаясь ногами земли. Тихонько проскальзываю в дверь нашей комнаты, все-таки десять вечера, вдруг девчонки уже спят!

На губах все ещё горят поцелуи Алекса, а сама я витаю в облаках, глупо улыбаясь своему отражению в зеркале. Посмеиваясь, вспоминаю то обрывки наших фраз, которые снова и снова нашептываю губами, то наши жаркие объятия — он еле отпустил меня сегодня...

Но девочки не спят.

Сиюнь флегматично кивает мне со своей кровати в знак приветствия, и я умиляюсь картине их почти домашнего, невыразимо уютного времяпровождения. Она кажется мне такой милой сейчас. Лежит в растянутой толстовке с изображением Микки Мауса и в драных джинсовых шортах, слушая музыку из наушников.

Лале тоже рядом, раскладывает пасьянс на своей кровати. Я так искренне радуюсь им

— девчонкам, комнате, даже смешному принту на толстовке.

Внезапно острый взгляд Лале выхватывает контур туфель в маленьком полупрозрачном пакете, который я принесла с собой.

— О, привет! Покажи, — оставив пасьянс, подскакивает ко мне, сгорая от любопытства.

Я делаю это неохотно, потому что притянула их сюда вообще-то почистить — как раз накануне я заметила пару тёмных пятен на носке. Должно быть, наступила где-то в темноте в лужу.

Она жадно глядит на мерцающий атлас, модельную колодку, и зачем-то меряет пальцами бесконечный тонюсенький каблук. А потом делает то, чего я так боялась — тут же напяливает обе туфли на свои совсем не маленькие ножки! Больше моих на размер как минимум.

Их нежная плотная ткань едва заметно натягивается во всех направлениях сразу, а Лале радостно вопит, что они ей как раз впору. Невооружённым же глазом видно, что это не так! И вообще-то, они, в самом деле, не мои.

— Круто! Джейн! Бля, это же то, что надо, я как раз завтра иду на вечеринку в пиццерию, — она уже всюю скачет в моих прекрасных "рабочих" туфлях по комнате, а я только робко наблюдаю за тем, как жалобно они поскрипывают под ее весом, невольно царапая напольное покрытие.

Краснею. Отказывать я не особо умею, особенно друзьям и знакомым, и часто очень страдаю от этого.

Опускаю глаза в пол, и хорошего настроения как не бывало! Сюинь, глядя на нее, одобрительно поднимает большой палец руки вверх. Лале сияет.

— Извини, Лале, — произношу виновато, — но они не мои. Не могу дать!

Она резко поворачивается ко мне и недоверчиво прищуривается.

— Англичанин подарил?

Сюинь, вероятно заинтересовавшись происходящим, снимает наушники. Я снова мучительно краснею.

— Нет.

— Да ладно! Все видели, как он тебя провожает до входа, — завистливо тянет она, — откуда у тебя деньги на такие туфли?

— Я, — теряюсь. Лихорадочно соображаю в поисках какого-то правдоподобного объяснения, — в общем, мне их дали. На время!

— Кто? — продолжает допытываться Лале с видом дознавателя. Начинаю оправдываться как будто тем, что мне дала их подруга, чтобы сходить с ним на свидание.

— Тогда почему ты сегодня в кроссовках?! Вы целовались возле забора, я видела.

— Да потому что это будет особенный день! Ну, там, мы пойдём в кафе, например..

— Но ведь не завтра? — бесцеремонно уточняет она, — значит, завтра я вполне могу сходить в них! Я аккуратна, не бойся.

— Да они же тебе малы! — произношу уже в отчаянии, так мне не хочется их отдавать.

Всем известно, насколько Лале неряшлива с вещами. Внезапно приходит на ум смешная мысль о том, что сказал бы ей Алекс в этом случае? Я так и слышу его совет: да просто пошли ее! Набравшись смелости, коротко выдыхаю:

— Извини, но нет! И все. Без подробностей.

— Но я должна быть красивой! — заявляет Лале капризным тоном, — там будет один пацанчик, и он, поверьте, просто вау. Все, ничего не знаю! Давай, не жлобься. Размерчик

мой.

— Лале, я так не думаю. Извини, вещь не моя, правда!

Алекс бы мной гордился. Наверное.

Она смотрит на меня с нескрываемой обидой, даже злобой. Неужели какие-то туфли способны так завести человека?

— Ты сегодня опять пропустила, куратор спрашивала о тебе, — обращается тем временем ко мне Сюнь, — я сказала, что ты приболела. Дать конспект?

— Конечно, спасибо, — отзываюсь с горячей благодарностью. Она лезет в свой рюкзак за тетрадками, а я быстро переодеваюсь.

Лале сидит надувшись, как индюк.

— А как прошёл ваш день? Было интересно на занятиях? Мисс Джонсон приходила со своими ребусами? — весело интересуюсь у них, а по лицу снова расплзается глупейшая улыбка.

Какие к черту занятия, конспекты и куратор, когда у меня есть Алекс?! Да он один способен заменить мне весь мир...

— Норм. А у тебя уже больше трёх пропусков, — скрупулёзно подмечает Сюнь, — и ты вообще в курсе, что если их будет больше, то могут позвонить твоим родителям?

Тяжко вздыхаю. Ладно, разберёмся!

— Ладно, ещё поговорим об этом, — Алекс бросает взгляд на свои наручные часы, — мне пора. Держись. До встречи!

— До встречи, — стою, безучастно наблюдая за его действиями.

Клац-клац! Закрытая дверь и провернувшийся на несколько оборотов замок. Снова чувствую себя птичкой в клетке.

А у нас ключей нет. Не доверяет?

Вероятно, это один из тех английских замков, которые достаточно просто захлопнуть, уходя. Жду несколько минут, затем осторожно открываю дверь сама, проверяя. Так и есть.

Закрываю дверь, возвращаюсь к Кате. Она болтает, а в моей голове все крутится замысловатое кино из воспоминаний, мыслей и эмоций.

Ох, уж эти мужчины! Ну вот как можно было на таком остром моменте просто закрыть дверь и свалить? Выходит, он не получил записку? Неожиданно.

Неужели Лале выбросила ее, умолчала из-за гребаных туфель, которые я ей когда-то не одолжила?! Может ли быть, чтобы туфли сыграли столь роковую роль в моей жизни?

И ведь не только в моей. Я не припомню других конфликтов с ней. Выходит, детская обида Лале стоила мне поломанной судьбы. Мне, ему, и ещё многим людям, так или иначе связанным с нами!

Но, ведь если он приходил искать меня тогда, ему должны были сказать обо мне, ну хоть что-то? Или кто-то.

Снова хочется плакать от бессилия и горечи. Совсем как тогда, на обратном рейсе Нью-Йорк-Киев, когда слез уже не было, а я довольно четко знала, что жизнь моя отныне поставлена на паузу.

До нашей с ним следующей возможной встречи. Или невозможной!

Я просто будто окаменела тогда — даже отец больше не трогал меня, он тоже почувствовал, что в кресле рядом с ним в тот момент находилась лишь моя физическая оболочка.

Я не ела, не пила, не жила ещё очень долго.

Да, прошло много времени, но все равно будет больно, если так было только для меня.

До сих пор не понимаю, как я выжила тогда! Наверное, только эта призрачная надежда на встречу и удерживала меня в сознании. Но, я слишком долго жила на грани, так не могло продолжаться бесконечно.

Я жила у той черты, когда нужно было уже сделать куда-то шаг — и однажды я шагнула обратно, в нормальную человеческую жизнь. Заставила себя забыть. Убедила, что все произошедшее случайность, а не судьба.

И время притупило мою истерику, время сделало меня другой.

Тогда почему я так ненавижу его сейчас за равнодушие?! Имею ли я право на это, ведь я ничем не лучше его...

Оставшиеся пару дней пролетают для нас незаметно.

Я не звонила Алексу ни разу — отчасти из-за того, что не было нужды, отчасти из-за своей жгучей обиды от его последнего бегства из этой квартиры.

Он просто взял и ушёл, оставив меня с тем раздраем в душе, который был у растерявшейся когда-то семнадцатилетней девчонки, убитой своим горем, раздавленной

обстоятельствами.

Он ушёл и оставил меня наедине с ней, и все во мне всколыхнулось старой болью, зажившей раной, от которой, казалось, остались только одни рубцы — почему же тогда сейчас они продолжают кровоточить?

В то далекое время его не было со мной рядом, но что помешало нам договорить сейчас? Слишком жестоко.

Алекс заверил нас, что по тому стремному телефону он на связи круглосуточно. Оставил также номер мобильного Уильяма, для экстренной связи. Я страшно устала жить во всех этих детективных заморочках, и чувствую себя древней старухой, которая мечтает лишь о покое!

Мы ждали этого звонка в дверь. И вот — он раздаётся, ровно в полдень. Так кто же за той дверью, враг или друг?

Киев, Украина

— Парни, выше! — небольшой группкой молодых людей в приемной ректора руководит невысокий мужчина в сером рабочем халате. Они сосредоточенно поднимают и двигают огромную, во всю стену, картину со схематическим изображением университета, с его эмблемой, — вот так, правее...

Рядом с ним, задрав голову вверх, стоит приземистый полноватый человек неопределённого возраста, тоже в рабочем халате.

— Верунчик, когда шефа ждём? — весело спрашивает он у секретарши. Она равнодушно отвечает, не отрывая взгляда от монитора на своем столе:

— Раньше обеда не ждём.

В одном ухе у нее наушник, в руках — чашка кофе. В целом, атмосфера в приёмной расслабленная.

— Гришаня, студентов дрессируешь? — не унимается человек, которому, очевидно, особо делать нечего.

— Да вот картину надо повесить, — нехотя отвечает тот.

— Пойдем пить чай к завхозу?

— Давай. Погоди, Михалыч, — Гриша достаёт из кармана зазвонивший телефон, — алек. Здравсьте, Владимир Ипполитович... нет, не был ещё, занят! Схожу...

Поговорив ещё с минуту, кладёт трубку, ворчит:

— Старый черт.

— Что там за черти тебе названивают? — усмехаясь, интересуется человек.

— Да свекр! Задания раздаёт, проверяет. Мало у меня своих начальников... придётся не чай с тобой гонять, а смотаться кое-куда.

— Куда это?

— Михалыч, ну хоть ты не тереби! Свои дела есть или озадачить?

Уильям оказывается приятным, хорошо одетым молодым человеком и как-то сразу располагает к себе.

Мы быстро собираемся, и я удаляюсь на минутку в кабинет, чтобы позвонить. Папа не берет трубку, но это не беда — даже в самом крайнем случае взять такси из аэропорта домой, а чемодан оставить в камере хранения для Кати не проблема.

Хотя вещей у нас немного. Выдвигаемся.

С облегчением и странной тоской я покидаю это гостеприимное жилище. В голове все время крутится некий пазл, который я никак не могу собрать. Что-то важное не даёт мне расслабиться.

Наш провожатый очень мил, он болтает с нами доброжелательно и много, но не навязывается. Уилл не нарушает никаких личных границ, не задаёт неудобных вопросов и даже в какой-то момент становится как бы незаметным.

Все идёт как по маслу, и вот — мы уже в аэропорту. Регистрация тоже проходит быстро, спокойно, вопреки всем моим мрачным опасениям. От напряжения все же слегка потряхивает.

Легкая коррекция внешности в виде париков и шляпок вызывает у нас только положительные эмоции. Уилл отпускает пару довольно остроумных шуток на эту тему, что ещё больше разряжает общую атмосферу.

Зарегистрировавшись, спускаемся в вип зал ожидания. Я осторожно осматриваюсь, однако никого или ничего подозрительного не замечаю.

Решаю повторить попытку дозвониться до папы, и на этот раз удача на моей стороне! Он отвечает сразу.

Долго, обстоятельно объясняю ему, что Катя вернется в самое ближайшее время. Донор для нее, к сожалению, пока не найден. А вот мне придётся задержаться ещё ненадолго по делам фонда, в качестве волонтера. Они помогли нам медикаментами, и попросили меня переводить для другого русскоязычного ребёнка, донор которому нашелся. Конечно, они будут продолжать поиски для Кати...

Вру безбожно. Можно сказать, лишь бы что, но моя ложь воспринимается им на "ура". Хотя папа и волнуется, удивляется, задает уточняющие вопросы.

А стоит мне произнести, что деньги на телефоне заканчиваются, как он уже согласен свернуть разговор. Упоминание о том, что фонд оплатит мне проживание и питание на эти дни, тоже становится для него вполне понятным аргументом. Перестает, наконец, охать.

Вот и ладненько! Даю ему послушать Катю, и он уже вполне спокоен. Итак, вопрос закрыт.

Уилл, как он попросил называть его, предупреждает, что здесь нам осталось провести ещё минут сорок. Ровно до начала посадки на рейс. Садимся поудобнее и чуть-чуть расслабляемся.

Уилл приносит мне вкусный латте с корицей, и какао с зефиркой для Кати. В ответ на его любезность лезу за кошельком, но он всячески отказывается принять деньги. Спрашиваю о билетах — уклончиво отвечает, что все уже оплачено Алексом. Тайком изучаю его, не удержавшись от вопроса:

— А кто вам Алекс, если не секрет?

— Сослуживец, — слышу вежливый ответ.

Это вполне удовлетворяет меня. Неспешно попивая кофе в удобном кресле, возвращаюсь мыслями к Лале. Возникает безумный план разыскать ее. Ну а что, нет ничего невозможного!

Я помню, как мы обменивались когда-то телефонами, записывая их на полях своих английских тетрадок посреди рисунков цветочков, сердечек и затейливых вензелей. У меня сохранились такие тетради.

Я даже точно знаю, что они пылятся в большом шкафу на балконе родительской квартиры. Вряд ли Элеонора Юрьевна осмелилась выбросить мой саквояжик со старыми вещами. Папа же тем более этого не сделает — тот ещё Плюшкин, даже прохудившейся обуви никогда не выбросит.

Зачем мне это нужно?

Честно признаюсь себе, что до конца не доверяю Алексу. Не знаю, возможно, для меня что-то прояснит разговор с ней.

Я хочу знать, что именно она сказала ему, даже если не передавала ту записку. Раз уж Алекс избегает говорить об этом со мной, я попробую поговорить с другими участниками событий. Потому что для меня это очень важно.

Вдыхаю приятный аромат корицы из кофейного стаканчика. Почувствовав, что уже немного проголодалась, решаю пойти купить булочку. Лоточек с едой всего в нескольких метрах от нас. Скосив глаза на оживлённо болтающих Уилла и Катю, поднимаюсь:

— Я за булочкой. Кому-то что-то взять? Не стесняйтесь, пожалуйста.

Уилл с готовностью поднимается.

— Женя, я схожу сам, посидите.

— Ну что вы! — возражаю. Мне действительно неловко нагружать его ещё и этим, — не стоит, это рядом, я подойду вон к тому лоточку. Вы будете видеть меня отсюда. И потом, мне хотелось бы выбрать из имеющегося ассортимента.

Улыбаюсь, и он согласно кивает. Продолжает разговор с Катей, но, уходя, я чувствую, что он следит за мной взглядом.

Там придирчиво выбираю, и останавливаю свой выбор на симпатичной булочке-ракушке с вишней, усыпанной сверху сахарной пудрой. Она выглядит аппетитной настолько, что сразу поднимает мне настроение. Приветливая девушка в белом фартуке бережно заворачивает мою булочку в тонкую бумагу, пока я расплачиваюсь.

На низком столике для хознужд позади нее стоит миниатюрный телевизор. Поначалу почти совсем не обращаю на него внимания, пока мое боковое зрение не выхватывает картинку с экрана: Пол Мюррей.

Моментально оцепенев от неожиданности, я наклоняюсь поближе, вслушиваясь.

Местные новости. Убит, обстоятельства смерти выясняются, если кому-то что-либо известно, просим... Сердце ухает куда-то в пятки, девушка смотрит на меня вопросительно.

Выдавливаю из себя улыбку и делаю вид, что занята выбором бумажной трубочки для напитков из огромного вороха разноцветных трубочек, стоящих тут же в стакане. Интересуюсь у продавщицы, есть ли шоколад, пытаюсь уследить из-за ее спины за происходящем в телевизоре.

Она с готовностью наклоняется и перечисляет:

— Есть черный классик, молочный с орешками, молочный с изюмом и белый десертный. Какой вам?

Прошу плитку черного, снова достаю кошелек. На экране мельком — кафе, в котором мы были. О, Боже.

Неужели меня и Алекса теперь разыскивает полиция?!

Наклоняю голову пониже, стараясь не встречаться с ней глазами, и быстро кладу купюру в блюдце для налички. Поспешно отхожу.

— Шоколад! — машет мне она.

Я возвращаюсь, извиняясь зачем-то. Беру шоколадку, не глядя. Во что он опять меня втянул?!

Когда-то, много лет назад, я уже занималась незаконной деятельностью в очень плохой компании, по его милости. Законы в Штатах очень суровы — меня не то, что депортируют из страны в случае чего, меня посадят в тюрьму! Надолго. В том кафе убит гражданин США этот ненормальный вообще понимает, что натворил?

Вытираю выступившую на лбу испарину и возвращаюсь к «своим».

Присев, молча вгрызаюсь в булочку. Итак, вопрос: кто убил Мюррея? Алекс. Этот ответ напрашивается сам собой, и вот теперь мне по-настоящему страшно.

Я слишком хорошо помню, как он стягивал перчатки и помню, как интересовался, действительно ли я уверена, что хочу знать о том, что произошло. Все это легко объясняет и нерабочие телевизоры в той квартире. Он знал, что труп Мюррея будут показывать в новостях, и не хотел, чтобы мы случайно увидели это.

Но главный вопрос все же в другом. Да, безусловно шокирует то, что Алекс способен на убийство. Но — зачем он это сделал? С какой целью?!

Боюсь, у меня нет ответа. Есть, конечно, версии — одна страшнее другой.

Если это было нужно его организации, то чем они лучше Пола Мюррея и ему подобных? Да ничем. Такие же бандиты с большой дороги. И разбираются друг с другом, ликвидируя физически. Тогда Алекс никакой не сыскарь, а преступник!

Как именно он убивал — руками, из пистолета? Я не хочу думать об этом. Неожиданно мне становится дурно.

Ловлю на себе встревоженный взгляд Уилла.

Кто он на самом деле, его поделщик? А этот скольких убил, интересно?

— Женя, все хорошо?!

— Да, — улыбаюсь, хлопая глазами как дурочка, — кажется, пирожок не очень свежий. А так все в порядке! Извините, я на минутку отлучусь в дамскую комнату.

Это сейчас лучшая тактика, ничего другого все равно в голову не приходит. Он хмурится, но кивает:

— Странно, здесь проверенные торговые точки. Хорошо, идите. Но будьте осторожны!

— Ну конечно, — обаятельно отвечаю, поднимаясь. С вами будешь тут! — Катюша, я скоро.

Иду в санузел, в вип зале он свой.

Следующая версия — Алекс психопат. Его, насколько я помню, постоянно тянуло на криминальные приключения. Что, если тогда, много лет назад, он все-таки получил записку, а сейчас врет?

Откуда он знает так наверняка, что я была последней, с кем говорил Старк? Если и было какое-то расследование, полиция вряд ли посвящала в такие подробности мальчика Алекса Спенсера. Это закрытая информация.

Предположим, он получил мою записку и сам нашел Старка. Мог ли Старк знать на тот

момент что-то очень нехорошее об Алексе, то, чего я не знала? Он сказал мне тогда, по телефону, что кто-то затеял некую комбинацию.

Почему центральной фигурой в ней в какой-то момент оказалась я сама — уж не потому ли, что была ближе всех к Алексу? Артиста вывели из игры чуть позже. Из какой игры, чьей?!

Что-то не складывается. Мюррей отдал мне все документы и телефоны тогда, в кафе. Ведь можно же было просто сбежать от него, и на этом все. Зачем Алекс убил его? И где, в женском туалете? Как он выманил его туда?

В этом случае мы — в руках психопата. Весело. Что называется, из огня да в полымя!

Надо обязательно попытаться связаться с Лале. Но что же мне делать, если она подтвердит мои догадки?

Умываюсь холодной водой, низко наклонившись над массивной, выделанной под белый мрамор раковиной. Хлопает дверца одной из кабинок. Вздрагиваю.

Но это всего лишь мои расшалившиеся нервы! Из кабинки выходит обычная девушка, приближается к раковине рядом и неторопливо моет руки. Делает гримаску своему отражению в зеркале, поправляет волосы. Тайком наблюдаю за ней, промакивая бумажной салфеткой остатки влаги на лице.

Внезапно решаюсь попросить ее телефон на минуту, объяснив необходимостью срочно проверить почту. Вру, что случайно заблокировала свой.

Она удивлённо протягивает его мне, открыв выход в интернет. Я быстро пролистываю местные новости, жадно читая все, что нахожу об убийстве Мюррея. Затем закрываю окошки, удаляю историю поиска и благодарностью возвращаю телефон девушке.

Значит, все так, ошибки нет! Но я должна была убедиться.

Возвращаюсь мрачнее тучи, сохраняя по возможности невозмутимый вид. Сканирую Уилла взглядом издали, подходя к ним. Выражение его лица настолько безмятежно, что либо это очень циничный убийца, либо он вообще не при делах.

Ладно, но что мешало Алексу, к примеру, убить и расчленив нас прямо там, в квартире?

А может то, что я сейчас напридумывала, полный бред?!

Хотя, стоит ли забывать о том, что я все ещё нужна его таинственной организации. Но зачем, каким образом я смогу быть полезна им в Англии? Опять враньё Алекса, или ещё не всех неугодных ликвидировали, а я, по их планам, выступлю в качестве гарантированной приманки?

Какой бы из этих двух вариантов не имел место быть — пожалуй, лучше, если все это без меня...

Выхожу в Хитроу из самолёта абсолютно спокойной. В моей голове, наконец, созревает взвешенное со всех сторон решение.

Алекс не учел, что отсутствие Кати развязывает мне руки! Проводим ее на рейс домой, и я потихоньку улизну от Уилла.

Никаких больше конспиративных квартир, никаких секретов. Я — свободный человек. И без проблем доберусь домой из Англии, только не самолётом, а автобусом, и не из Лондона, конечно, а из какого-нибудь городка поменьше. Это необходимо, чтобы замести следы. И, что приятно, автобус заметно сэкономит мне деньги на обратный путь.

Извините, Алекс с Уиллом, но дальше наши пути расходятся. Или идите нахрен оба, если покороче. Он сам виноват, если я его не поняла — он не захотел мне ничего

рассказывать! Значит, дальше каждый сам за себя.

Втроем, мы входим в здание аэропорта Хитроу в нормальном настроении и с явным облегчением на лицах. Правда, Кате немного грустно.

— Ну как так, — приговаривает она, — называется, побывала в Америке! Ни тебе Таймс сквер, ни Централ парк, ни Статуи Свободы, даже фоточек никаких... Хотя бы! Про то, чтобы вернуться здоровым человеком, я уже молчу.

— Ну не ворчи! — миролюбиво приобнимаю ее, — не все от нас зависит. Кать, придёт время, все будет! Вот поверь. У нас с лихвой медикаментов, подойдёт очередь — сделаем подсадку почки, и тогда рванем в Штаты. Погуляем еще по Таймс сквер. Знаешь, как я хочу...

Это не совсем правда, конечно. Особенно насчёт медикаментов.

И я очень не скоро захочу снова оказаться в Штатах, в Нью-Йорке, во всяком случае! Хотя, как говорит мистер Спенсер, может быть, когда-нибудь.

Египет, заброшенная военная база неподалёку от Дахаба

В одном из отсеков базы на полу, вповалку размещены люди восточной наружности, лицами вниз, со скрещёнными над головой руками. Над ними возвышаются двое, сидящие на стульчиках. Они в военной спецовке, но без каких-либо опознавательных знаков, и в балаклавах, закрывающих лица. Листают стопки документов, сортируют их. На полу рядом, грудой — автоматы, телефоны, ноутбуки.

По другим помещениям передвигаются, неслышно переговариваясь, такие же люди в балаклавах, с оружием. То тут, то там раздаются стоны и арабская речь. За пределами здания доносится глухой шум от лопастей опустившихся вертолётов.

— Неплохо! — резюмирует один из сидящих, брезгливо выдергивая из общей массы паспортов какой-то документ.

— Как всегда, — довольно отзывается второй.

— И как ты развел его, Алекс?

— Нежно, — лаконично отвечает его визави, — отстрелил ему палец. Шучу.

— Вообще, они ссыкливые..

— Да!

Возьмется ещё какое-то время с документами, пока у обоих одновременно не срабатывают рации.

— Наблюдаем подкрепление извне! — потрескивает рация, — ориентировочное время десять минут.

— Поняли, уходим, — произносит Алекс.

Оба смотрят на часы, и одновременно приходят в движение: Хилл сгребает документы и аппаратуру в специальные мешки, Алекс жестом подзывает несколько человек из коридора. Вместе они быстро упаковывают груды оружия, и расставляют по периметру всех помещений какие-то датчики.

— Жаль, я даже не успел разогреться, — обращается к Алексу Хилл.

— Это потому что ты уже слишком профессионален.

— Заметь, не я это сказал!

— Но ты подумал.

— Алекс, Джафар у вас? — шипит рация.

— У нас, пакуем! — он подходит к лежащему со связанными руками и перемотанным черным скотчем ртом мужчине, поднимает без церемоний. Обращается к нему на арабском, — **ذهب!** (Пошёл — прим. автора)

— Потрясающе, — резюмирует Хилл.

— Спасибо и это почти все, что я знаю, — откликается Алекс и говорит в рацию, — зачищаем по традиции, девочки! Общий сбор у вертушек, ориентировочное время пять минут.

— Принято, — шипит рация.

Киев, Украина

Григорий Лопухин криво паркуется под козырьком офиса международного частного фонда помощи «One more life». Места мало, парковка неудобная. За окном автомобиля ярко светит солнце и чирикают птички, но настроение хуже некуда.

Он успевает уже взяться за ручку двери, когда звонит телефон. Чертыхаясь, поднимает. Рывкает:

— Да, але?

— Гришенька, — заискивающий голос Владимира Ипполитовича, — прости, что отвлекаю, ей-Богу! Свежие новости.

— Что за новости? — цедит Гриша.

— Звонила Женя, говорит, вылетают!

— Когда?!

— Встречать Катю надо, двадцатого вечером, а Женюша наша задерживается. Там, помочь попросили. Как переводчицу!

— Так значит, Кате операцию сделали, вас поздравить можно, что ли? — тянет Гриша растерянно.

— Ой, зять, не сыпь соль... донора так и не нашли. Чего-то там не срослось у них! Не знаю точно. У Жени спросишь..

— А Женя-то когда прилетает?! И почему мне не звонит?

— Не звонила? Ну, не знаю... говорила, вроде деньги на телефоне закончились.

— Что-то это все нечисто, Владимир Ипполитович! Зачем летали-то? Вам так не кажется?

— Я не знаю, Гриша.

— Ну вы-то ясно, не в курсе! Как обычно. А что же дочь ваша, не хочет мужу лично позвонить, объяснить? Вот я сейчас пойду в эту контору мутную, и задам им несколько вопросов. Я как раз здесь уже.

— Гриш, ну ты хоть перезвони мне потом!

— Зачем это?

— Ну, я же должен знать, что да как.

— Некогда мне, Владимир Ипполитович, вы меня, между прочим, в рабочее время с места сорвали! Если вам так нужно, позвоните им сами..

— Зачем хамишь, Гриша? — усталый голос.

— А затем, Владимир Ипполитович, что жены у меня давно уже все равно, что нету! Все Катей вашей занимается. Я, конечно, понимаю все. Понимал. Входил в положение! Но годы идут — нам, может, уже своих деток охота, а она вся в Катиных проблемах вечных. С работы пришла, че-то там на скорую руку мне состряпала, и давай бегать по фондам за лекарствами. То сидит, уроки дает частные, чтоб Кате день рождения сделать. То на диализе надо с Катей посидеть, ей плохо. А мне хорошо, спросил кто-нибудь?! Семья по швам трещит давно, понимаете вы? Женя вот не понимает. Вам с вашей женой тоже все-равно!

Тишина.

— Да ты что, Гришенька?! Как у тебя вообще язык повернулся сказать, что мне все-

равно... да разве ж я мало для Кати делаю? Я все для нее..

— Ладно, некогда мне с вами лясы точить, — грубовато обрывает его Гриша, — знаю я наперёд все, что вы скажете! Давайте без подробностей. Если б кто помогал, Женя сидела бы дома после работы, а она там только ночует. Все. Всего вам хорошего!

В сердцах, мужчина кладет трубку в карман и выходит из машины. Решительно ступает внутрь помещения с козырьком. Колокольчик на входе, предупреждающий о посетителях, мелодично звякает.

Он осматривается, замечая приветливо улыбнувшуюся ему за стойкой девушку. В зале еще пара консультантов — судя по всему, да старушка, раскладывающая перед ними какие-то бумаги со скорбным видом.

— Здравствуйте! — девушка за стойкой, в деловой одежде и с бейджем на лацкане пиджака, прямо-таки лучится доброжелательностью, — что привело вас к нам?

— Кто. Лопахина Евгения, — сурово отвечает он, подходя ближе, — здравствуйте. Объясните мне, какие услуги переводчицы потребовались от моей жены в Америке?! Она полетела туда на операцию для своей сестры Екатерины Колосковой, в качестве сопровождающей. Что там произошло?!

Девушка вытягивается лицом:

— А вы, простите, кто?

— Я муж Евгении, я уже сказал. Так я жду объяснений?!

— Прошу вас присесть, одну минуту, — она куда-то тут же звонит по стационарному телефону.

— Вы понимаете, что все это незаконно?! — Гриша настроен очень воинственно, нависая над ней. Он не уйдёт отсюда без объяснений, подробных! Опирается на стойку локтем, и буравит ее, разговаривающую по телефону на английском, тяжелым взглядом. Наконец, она заканчивает разговор. Смотрит на него растерянно.

— Скажите, вы можете как-то связаться с Евгенией?! Произошла ошибка.

— Нет, ее телефон не отвечает! Какая ещё ошибка?! Сюда летит Катя, а Евгения осталась там. Почему операция не была сделана?

— Сюда летит Катя, вы уверены? — ее взгляд вдруг становится остро-заинтересованным, — когда она будет в Киеве?

— Двадцатого, кажется, — произносит Гриша крайне раздраженно, — а что, вы совсем не в курсе?! Что ж у вас за контора такая? Звоните, выясняйте, почему операции не было! Мы деньги тратили, на одни только билеты в одну сторону, между прочим, около двух тысяч долларов ушло! Это что вам, так просто, прокатились и всё? Вы ответите, по закону... компенсируете..

— Присядьте, пожалуйста, сейчас будем выяснять, — суетится девушка и, взволнованная, выбегает из-за стойки, предлагая ему стул. Бабуля неподалёку смотрит на них с интересом, и это явно тревожит консультантов, — вас как зовут? Каким рейсом прилетает Екатерина? Насколько мне известно, обратный билет фонд оплачивает. Успокойтесь. Так бывает, что донор вдруг не подходит по каким-то параметрам..

— Да что вы? — скептически отвечает он, перебивая ее, — значит, я чего-то не знаю! Григорий. Насчёт рейсов не подскажу, я встречать не собираюсь, у нее отец есть...

Секретная разведывательная служба Великобритании, МИ-6 Кабинет агента А

Алекс аккуратно снимает прозрачный корпус над циферблатом старинных часов на цепочке, при помощи микроскопической отвёртки, когда мягкая вибрация стационарного телефона на столе отвлекает его. Он немедленно отвечает на вызов.

— Алекс, привет.

— Привет, Рон, дружище, рад тебя слышать.

— Взаимно, есть информация по дяде Бенджи!

— Рассказывай, — Алекс откладывает отвёртку.

— Я там кое-что переслал тебе по почте, глянь. Немного фото и видеоматериалов по объекту.

— Супер!

— Да. Справка: долгое время скрывался неизвестно от кого, передвигаясь по Африке. Сейчас находится и постоянно проживает в Эфиопии, район Бахр-Дар.

— Род деятельности удалось установить?

В кабинет заглядывает Хилл, и Алекс делает приглашающий жест рукой. Хилл проходит, удобно устраиваясь в кресле возле стола.

— О да. Теперь это довольно уважаемый гражданин, род занятий — производитель кофе.

— Кофе? Ты уверен?

— Абсолютно, у него своя плантация, и не одна.

— И даже никакой наркоты на плантациях, к примеру, или там нелегальные подпольные картишки, казино?

— Карты, наркотики? Нет. Во всяком случае, мне о таком ничего не известно.

— Кстати, насчет кофе, — шепчет Хилл вопросительно, наклоняясь к столу, — я приготовлю себе чашечку?

— Будь как дома, — улыбается Алекс, прикрывая трубку рукой, — имя?

— Дядя Бенджи в прошлом на данный момент Боб Ласти, гражданин Эфиопии. Официально.

— Хм... ожидаемо. Семья?

Хилл, мурлыкая какую-то песенку себе под нос, варит кофе в сложной кофемашине, скрытой в недрах встроенного в стену шкафа. Такие здесь почти в каждом кабинете.

— Нет.

— Друзья, связи?

— Только рабочие, насколько мне удалось установить. Живёт отшельником на одной из полудиких плантаций, в глуши. Стремный тип, по отзывам местных.

— Ещё какой!

— Знаешь его лично?

— Увы, довелось. Спасибо, Рон! Дальше я сам. Все расходы по расследованию..

— Ни слова больше, мой друг. Сочтёмся информацией!

— Золотой стандарт!

— Точно.

— Спасибо, удачи. Надеюсь, скоро увидимся.

— Я тоже. Тебя затащишь порыбачить, Алекс... Но я все-равно настойчиво приглашаю!

— Видишь ли, хватает рыбалки на работе, — Алекс смеётся, — но порыбачим чуть позже, не сомневайся.

— Сомневаюсь, но все же... знаю одну чудную рыбную ферму, тебе понравится! А пока ловите свою рыбу, наша-то помельче будет.

— Ну, не скажи.

— И, кстати, прими мои искренние поздравления по «Алькатрасту»!

— Как, ваше ведомство уже в курсе?

— Слухами земля полнится.

— Ну да, ну да... спасибо. От нас от всех. Держимся, на связи!

— На связи, звони.

Алекс кладет трубку, с улыбкой наблюдая за тем, как Хилл бесцеремонно крутит его сверкающую, начищенную до блеска цепочку от часов на столе, попивая кофе.

— Что, часовых дел мастер, уже поздравляют?

— Нас всех. Сколько литров кофе ты проглатываешь за день?

— Много, определенно, — Хилл закуривает, — дружественное ведомство?

— Ага, — Алекс снова берется за отвертку.

Хилл знает, что это часы его деда, которые, в свою очередь, достались тому по наследству. И знает, что Алекс любит чинить часы на досуге, такое вот чудаковатое хобби. Особенно, когда нервничает.

Однако делает это столь умело, что старинные часы до сих пор исправно отсчитывают время. Только теперь уже время Алекса.

— Ты у нас сейчас — местная звезда, — лениво продолжает Хилл, выпуская струю дыма вверх.

— На полтора дня, не больше, — коротко реагирует Алекс.

— Не идут?

— Останавливаются иногда. Редко.

— Давно ты за них не брался... нервничаешь?

— Да.

— Что так?

— Да вот... начинаю копать одно старое дело, из прошлой жизни. Давно пора было разобраться.

— Старое?

— И очень криминальное.

Хилл усмехается.

— Думаю, здесь у каждого из нас за душой парочка таких дел из прошлой жизни. Помощь?

— Пока нет, но все может быть.

— Думаю, не нужно говорить, что можешь рассчитывать на меня как на себя?

— Думаю, не нужно благодарить, и все же — благодарю! Приятно.

— Годится. Мне тут птичка на хвосте принесла, что ты попросил у Костнера отпуск?

— Что-то вроде, — Алекс сосредоточенно и бережно, с ювелирной точностью касается часового механизма крохотной иглой, — в качестве награды! Шучу. Мне нужно время, чтоб

разобраться со своим делом, а я не хочу никуда торопиться.

— Он, конечно, не посмел тебе отказать после «Алькатраста»? Ты давно не был в отпуске. Кстати, Костнер хочет, чтобы ты лично допросил Джафара. Вместе с Мелиндой.

— Уже!

— Вы раскололи его?

— Нет. Но в процессе. С Джафаром нужно обращаться нежно, во всяком случае, пока. На первом допросе он пытался достать из зуба и принять цианистый калий.

— С... ка.

— Да. Но мы с тобой и не такого насмотрелись, Хилл, верно?

— Правду говоришь.

— Как твои успехи по Рашиду?

— Есть. Поздравлять, конечно, пока рано, но стратегическую базу террористов он уже сдал.

— Чудненько!

— Вот и я так думаю. Слушай, нах... тебе вообще эти расследования, не хочешь просто отдохнуть?

Алекс отрицательно мотает головой. Замерев на секунду, смотрит куда-то мимо часов. Поднимает взгляд на Хилла.

— Знаешь, просто пришло время. Один мудрый человек сказал мне когда-то, что я получу знак, когда нужно будет во всем разобраться! Конкретно в этом деле. В себе. Покопать прошлое... и он оказался прав — я получил этот знак.

(Здание МИ-6, Лондон — прим. автора)

Пятнадцать лет назад

Алекс

Сажу на полу, закрыв глаза, привалившись боком к стене камеры. Скрюченный, тупо смотрю в соседнюю стенку. Лежать на нарах нам не разрешают, только ночью, строго с десяти вечера до шести утра. После полувоенного режима моей закрытой школы это вообще не проблема.

Я в следственном изоляторе, и буду находиться здесь до решения суда.

Временные соседи не особо лезут с расспросами, ибо у меня уже сложилась репутация неразговорчивого. После пары драк навязчивых поубавилось — я просто выбил себе это право не общаться с сокамерниками от слова совсем.

Не с кем и не о чем! Да и желания никакого нет или, может быть, уже сил.

Здесь, в изоляторе, я очень занят. Я пытаюсь выжить, занимаясь этим каждый день, каждый час и пока что проигрываю. Мне трудно дышать и трудно мыслить из-за невидимого, неосязаемого отверстия в моей груди, зияющей раны в том месте, где когда-то билось сердце и через которую утекает сейчас вся моя жизненная энергия вместе с жалкими остатками здравого смысла.

В мою память навсегда врезался тот день. Я отсыпался почти до вечера, проведя с ней вместе целое утро на дурацкой детской распродаже.

Проснувшись, включил телефон и удивился валу неотвеченных звонков от самых разных людей, но, конечно, сперва отзвонился ей. Я переживал, не случилось ли чего.

Но тот день и после она больше не отвечала.

Я звонил Старку, добираясь до ее общежития и Старк не отвечал тоже, а главный, как выяснилось, в это время собирал нас всех. Всех, кроме нее, разумеется.

Я был готов ехать на общий сбор, связанный с чем-то очень важным, но после того, как мы повидаемся или я хотя бы ее услышу.

Консьерж на входе сообщила, что Женя Колоскова здесь больше не проживает, и я не поверил. Сто баксов не убедили злобную старуху, а я так хотел зайти и проверить все сам, или хотя бы поговорить с ее соседками!

В итоге мне пришлось уйти — бабка вызвала охрану. А еще, пришлось ехать на встречу.

Там всем нам было сказано, что если начнется какая-то заварушка, то мы не при делах. Ни одного контакта не сдавать под страхом смерти, и в целом теперь каждый за себя.

Выяснилось также, что Артист кинул главного на большие деньги, скрывшись в неизвестном направлении!

Старка среди нас не было, что удивило меня. Я никак не мог дозвониться ему и боялся, что главный теперь возьмётся за него как следует, ведь был один секрет, который связывал его с Артистом напрямую, и о котором я узнал случайно.

В тот день главный рвал и метал из-за отсутствия Старка, но у меня все же был шанс предупредить его первым. В итоге я вернулся под общежитие почти на рассвете, и потом долго поджидал девчонок, которых неплохо запомнил.

Мне удалось увидеть их и поговорить с ними, они подтвердили слова старухи. Китайка добавила, что ни одной из них не было в комнате в тот момент, когда Женя собирала вещи,

покидая общагу. Однако, по слухам, ее увез мужчина!

Я попросил описать его. Сказали только, что он был средних лет, но не старый и симпатичный. А еще, было похоже, что это кто-то близкий для нее.

Земля буквально ушла из-под моих ног. Насколько я знал, никого близкого, кроме меня, в Нью-Йорке, да и вообще в Америке у нее не было! Как раз с того момента все поплыло как в тумане, включая треш последующего задержания и первых допросов в застенках...

Я давно потерял счёт времени. Помню только, что месяцы, и на этом все.

С трудом сосредотачиваюсь, разговаривая со следователем, но все мои аргументы против его обвинений разлетаются как стекло о бетонные плиты.

По его словам выходит, все, что у меня было раньше — иллюзия. И все, что есть сейчас, просто попытка удержаться в сознании.

— Мистер Спенсер, каковы мотивы вашего преступления? — задает он мне вопрос сходу, и это первое, с чего начинается каждая наша встреча.

Говоря он, я имею в виду человека, который приходит почти каждый день, чтобы проводить допросы со мной, и иногда это растягивается на часы, а мой помутневший рассудок никак не в состоянии запомнить его имя.

Сегодня он сообщает страшное: Старка больше нет, а в его доме было совершено двойное убийство посредством организации кем-то взрыва. Найдено ещё одно тело, личность устанавливается.

— Понимаешь ли ты, сынок, что натворил? — сегодня он говорит со мной по-отечески мягко, почти ласково.

— Почему вы думаете, что это я? — искренне изумляюсь.

Я был уверен, что нахожусь здесь из-за криминальных делишек главного, возможно возни с работой нелегальных казино, как свидетель, ну или что-то вроде того. Кому понадобилось убивать Старка, зачем?!

Он театрально вздыхает.

— Покайся, сынок, и поверь — будет легче. Скостим срок за содействие следствию, не сомневайся! — я почти физически чувствую, как вокруг меня начинает сжиматься адское кольцо чьей-то намеренной подставы, и весь ужас моего положения, наконец, потихоньку доходит до меня окончательно, — твои сокамерники рассказали, что ты грустишь, не общаешься ни с кем. Не спишь ночами... жить с нечистой совестью ведь тяжело, правда?

— А вы считаете, я должен радоваться здесь?

— Ну, здесь ещё не самый худший вариант, Алекс. Есть места похуже, вроде тюрьмы. Смотри, — он ловко поворачивает ко мне монитор своего раскрытого, выдавшего виды ноутбука.

Вижу чуть смазанную картинку-видео с какой-то уличной камеры. Не сразу понимаю, что это край дома и окно ветхого одноэтажного домика в Южном Бронксе, который снимает Старк.

На видео парень в капюшоне и темной одежде, лица не видно, но комплекцией тела очень напоминающей мою, цепляет что-то за край полуприкрытого карнизом окна. Он возится довольно долго, а затем достает из кармана часы, смотрит на них.

Узнаю эти часы, сглатываю. Молчу. Следак жадно ловит все мои реакции.

На самом деле Старка зовут Томас Вуд, и я один из немногих, кому это известно.

— Итак, вы дружили с Томом, — тонко улыбается следователь, и я замечаю, что он пишет наш разговор на диктофон, впрочем, особо не скрываясь, — это правда?

— Да.

— Узнаете ли вы эту девушку? — кладёт на стол фото Стеллы. Метнув быстрый взгляд на него, решаюсь ответить «да». Нас могли где-то видеть вместе.

— Алекс, чем занимался Том? — продолжает менять темы следователь.

— Не знаю точно, — стараюсь говорить уверенно, — мы были больше приятелями, чем друзьями. Так, виделись иногда. Вроде бы он собирался поступать в Колумбийский, и где-то подрабатывал, кажется, охранником в супермаркете..

— Вроде бы, кажется, — он ехидно ухмыляется, — вижу, вы и в самом деле были просто приятелями, ты так мало знал его! Значит, и эмоциональной связи у вас особой не было. Том сирота, Алекс. Он кое-как окончил среднюю школу, и никакой Колумбийский ему, естественно, не светил. Скажи, ты не был бы сильно огорчён, если бы он исчез из твоей жизни, не так ли?

— Был огорчён, сильно, — задыхаюсь от эмоций, — когда узнал.

— Но не очень-то удивился, верно?

— Нет... я... удивился. Как же может быть иначе?!

— Может, Алекс. Вы ведь конфликтовали в последнее время, да? Вспоминай.

— Мы не конфликтовали!

— А ваши друзья свидетельствует об обратном!

— Какие еще друзья?

— Ну, в частности, девушка, которую ты опознал.

— Этого не может быть, — шепчу одними губами.

— Не веришь, Алекс? Могу даже показать, — он аккуратно достаёт из узкого портфельчика бумаги. Крутит у меня перед глазами какие-то от руки исписанные листы с показаниями, с подписью Стеллы. Но я не знаю ее подписи, я вообще едва ли видел хоть однажды ее почерк. Следак удовлетворенно кивает, — итак, теперь, когда ты убедился, я задам тебе важный вопрос. Из-за чего именно был ваш основной конфликт, я бы даже сказал, вражда, по свидетельствам очевидцев?

— Но я не припоминаю такого! — отвечаю, чуть не плача от бессилия, и это является правдой, — какая нахрен вражда?

— Бывает, Алекс. Ты подзабыл. А может быть, тебе стыдно! Я подскажу. Из-за девушки.

— Из-за какой девушки?! — взрываюсь, — у нас никогда не было конфликтов из-за девушки.

— Спокойнее, Алекс. Объясни.

— У Старка, вернее, у Тома, была своя девушка, у меня — своя.

— У Старка, значит? Прозвище, да? — он что-то помечает в своем блокноте, — и как же звали его девушку, кто она?

— Бритни, фамилии не знаю, — вытираю покрывшийся испариной лоб. Я вообще почти ничего не знаю о девушке Старка, зато очень явственно ощущаю, как меня все глубже засасывает в эту адскую трясиину вопросов-ответов.

Как удавка на шее, все туже и туже. Кто убил Старка и почему Стелла лжесвидетельствует против меня?!

— Где она работает, может быть, учится? Как ее найти?

— У меня нет ее контактов, честно, — развожу руками. Следак понимающе качает головой.

— Ну хорошо, Алекс. А чем занимаешься ты? Как вы познакомились со Старком?

— В закусочной «Берри», — называю наугад. Мы и правда часто бывали там, — я англичанин, приехал поступать сюда учиться, но мне не хватило денег — меня ограбили почти сразу после приезда. Я могу показать свои документы, доказать вам, — запинаясь.

— Допустим. Но на что ты живёшь? Где работаешь? Нам нужны контакты твоего работодателя.

— У меня были кое-какие сбережения, украли не все... и я находил иногда разовую работу по объявлениям, обычно это было участие в рекламных акциях. Телефоны не сохранились.

— У вас был конфликт из-за этой девушки, не так ли? — он снова поднимает со стола фото Стеллы, — из-за Алисии Эванс! Ты признаешь, что у вас с ней был роман?

— Признаю, — отвечаю беспомощно. То, что у нас было, это, конечно, сложно назвать романом. Я бы сказал, разовый переписхон где-то на заре нашего знакомства. Кажется, она даже одно время запала на меня, но вряд ли серьёзно. Мы несколько раз бывали в барах, разных, и нас могли видеть, отрицать это было бы опасно, — но... скорее, короткие отношения. Мы были больше как друзья.

— А вы знали, что у них с Томом тоже был роман? — его переходы ко мне то на «ты», то на «вы» тоже немного сбивают.

— Нет, — отвечаю абсолютно искренне, — вряд ли это возможно.

— Почему? — тут же задаёт он вопрос, и я понимаю, что у меня нет на него ответа. Он прищуривается, пока я мучительно размышляю, а почему, собственно, так сказал.

— Ну хорошо. Не можешь ответить. — Он опять разворачивает передо мной ноутбук с тем видео на паузе, и кладёт на стол простые часы. Такие, как на видео. Холодею, — это механические часы старого образца. Их сейчас не купишь в современных магазинах, — он говорит медленно, намеренно растягивая слова. Режет взглядом, — но можно купить на маленьких стихийных базарчиках, которых хватает в Южном Бронксе. Впрочем, их не так уж и много. И на одном из таких базарчиков тебя опознали по фото, Алекс. Как покупателя вот этих самых часов! А ведь действие самодельной взрывчатки, унесшей жизни Тома и еще одного человека, запустили именно они. Это доказано экспертами.

Цепенею.

— Что скажешь, Алекс?

Меня лихо закручивает в воронку леденящего кровь ужаса и, поскольку я продолжаю молчать, потому что эти его слова — правда, он произносит:

— Я понял, Алекс. Обрати теперь внимание на дату записи, — слежу за его пальцем взглядом, — пятое августа две тысячи пятого года. Итак, теперь скажи мне, где ты находился примерно с десяти вечера и до пяти утра шестого августа две тысячи пятого года?

Я точно знаю, где я находился в это время, но ответить получается не сразу. Из-за кома в горле.

— Я был в своей съемной квартире, — называю ему точный адрес, — со своей девушкой, будущей женой, Женей Колосковой. Если вы найдёте ее, то она сможет это подтвердить!

— До самого утра?

— До самого утра.

Он с сосредоточенным видом берётся за блокнот и ручку.

— Адрес, телефон девушки?

— Телефон не отвечает, — сглатываю, но диктую номер, который выбит наизусть в

моей памяти, а затем адрес общежития, — но она уже не живёт там! — Добавляю.

— А где живёт? — с интересом уточняет следователь.

— В Украине, — крепко сцепляю руки, так как меня уже начинает пробирать неконтролируемая дрожь.

— Конкретнее, адрес?

— Я не знаю, — моя беспомощность в этой ситуации очевидна даже для меня самого.

— И это будущая жена?! — он недобро прищуривается, усмехаясь. Закрывает блокнот, небрежно бросая ручку.

Я вздрагиваю от этого звука и просто безучастно жду, что он скажет дальше.

— Как-то она очень уж вовремя исчезла, не находишь? А может быть, она существовала только в твоём воображении? Думаю, я уже могу сказать тебе, Алекс. Твои дела очень плохи.

Я молчу, глядя на стол перед собой. В голове вдруг складывается какая-то комбинация, как щелчок. Он уже сворачивает свои бумаги в портфель, когда я говорю, что знаю, кто мог убить Томаса Вуда.

В его тусклых глазах загорается интерес. Он снова садится за стол.

— И кто же?

— Том был не совсем сирота, у него есть дядя, — выдаю торопливо. Мне очень не хочется садиться в тюрьму, загубив на корню всю свою жизнь, — Бенджамин, он называл его дядя Бенджи, фамилии не знаю! Том рассказывал мне когда-то, что он зарабатывает на жизнь играми в карты, официально он вряд ли где-то работает. Это все, что я знаю, но убийство Тома может быть как-то связано с ним..

— Зеро, Алекс, — следак устало усмехается и встаёт, снова взявшись за ручку своего портфеля. Таких, как я, у него, наверное, десятки, а может быть, сотни, — у него действительно был дядя! Это его труп был найден рядом с трупом Тома. Мне очень жаль.

Международный аэропорт Хитроу, Лондон

Проводив Катю до зоны вылета и дав последние ценные указания, испытываю радость и прилив бешеного адреналина одновременно! Как бы половчее сбежать от нашего предупредительного провожатого?

Я уже начинаю лихорадочно обдумывать планы и планчики — один изощреннее другого, как вдруг он сам даёт мне повод задержаться немного в аэропорту.

— Женя, хотите кофе? — И добавляет, — Алекс просил проследить, чтобы не было никаких проблем с вылетом. Давайтеждемся объявления о посадке по громкой связи и на табло. В момент, когда самолёт оторвётся от земли или, говоря поэтичным слогом, воспарит ввысь, мы с вами сможем абсолютно спокойно двинуться дальше! — Улыбается.

Мне подходит! Просил, значит, проследить, надо же, какой внимательный. Или очень любит поруководить?

— О, с удовольствием, — кокетливо возвращаю улыбку Уиллу. Я вообще почти все время нашего знакомства изображаю этакую дурочку, чтобы было полегче сбежать, когда наше короткое общение подойдёт к своему логическому финалу, — мне тоже так будет намного спокойнее, спасибо вам.

Впрочем, стараюсь не перегибать. Сам-то он не производит впечатление дурака. Играю как могу и, кажется, произвести на него приятное, расслабляющее впечатление вполне удастся.

Стоит ли говорить о том, что я убедила Катю не живописать папе всех подробностей нашего приключения. Ясно также и то, что воспользоваться своим телефоном мне не удастся, поэтому я сдала его в Катин багаж.

Ее же телефоном, мы договорились, она воспользуется только в Украине, ну а мне на электронку отпишется сразу по прилёту.

Вообще, связь мы пока будем держать исключительно через электронную почту — удобно и безопасно. Надеюсь скоро оказаться в Киеве, где наши мытарства, наконец, закончатся. И для меня все произошедшее станет печальным уроком на всю жизнь.

Это странно, но я вдруг с удивлением подмечаю, что вовсе не боюсь Алекса, хотя должна бы.

Мысль об ещё одной встрече с ним почти приятна. Была бы. Как ни крути, но этот побег по уровню адреналина даже близко не то, что было в аэропорту Джона Кеннеди!

И тем не менее.

Садимся. Немного спорим о том, кто платит за кофе, и искренняя щедрость Уилла даже огорчает меня. Ведь очень скоро я должна буду по-тихому сбежать от этого милого человека, не прощаясь.

Он краснеет, когда я безапелляционно заявляю, что сама оплачу наши кофе и пирожные, а он угостит меня как-нибудь в следующий раз. У лоточка с кофе Уилл заказывает эспрессо, я флэт вайт, пирожных никому из нас не хочется. Решительно достаю купюру и расплачиваюсь. Цены здесь, конечно, кусаются.

Хотя вряд ли мне выпадет ещё когда-нибудь возможность попить кофейку в Хитроу, да еще так неспешно. Поэтому просто наслаждаюсь, или вернее, пытаюсь сохранить этот момент в памяти.

Выбираем столик. Я с интересом глазею по сторонам первого по пассажиропотоку в Европе международного аэропорта. Он, безусловно, необычен.

Например, в каждом терминале здесь присутствует комната для молитв для любой религии или конфессии, а также функционирует Часовня Святого Георгия, которая расположена в подземном бункере на территории аэропорта.

Я прошу Уилла рассказать мне о Лондоне, что-нибудь не туристическое. Он заметно оживляется и начинает болтать, не забывая, впрочем, поглядывать на информационное табло. На время объявлений мы оба прислушиваемся.

Кажется, я выбрала правильную тактику для общения и оставшееся, впрочем, довольно непродолжительное время до получения нужной информации мы проводим спокойно и даже расслабленно.

Когда наступает час икс, встаю. Он поднимается вслед за мной.

— Уилл, сориентируйте меня, пожалуйста, где здесь может быть дамская комната? — прошу.

Он охотно делает это.

Уходя, предлагаю подождать меня неподалёку, вручая свой пластиковый пакет, но это «пустышка» для отвлечения внимания — я собрала его, когда занималась багажом Кати. Там пара моих кофт, которых не жалко лишиться, и ксерокопии некоторых, теперь уже никому не нужных бумажек для «One more life» в файлах.

— Вы не подержите пару минут, пока меня не будет? — интересуюсь как можно более непринужденно.

— Конечно, — отзывается он.

— Я скоро!

Удаляясь, оглядываюсь украдкой. Уилл послушно садится на один из стульчиков и даже не проверяет, в какую сторону я ушла.

Сердце начинает биться учащеннее.

Плохую же няньку подобрал мне Алекс, думаю с усмешкой. Например, приставленная женщина могла бы пойти за мной в санузел под предлогом помыть руки или поправить макияж. Мужчина, конечно, такого себе позволить не может. А этот добряк ещё и подпал под мое «наивное обаяние» и, похоже, что просто доверяет.

В санузле, поддавшись порыву, торопливо выдираю лист бумаги из блокнота, который всегда лежит в моей сумочке. Беру ручку, пишу: «Извините, не ищите меня, наилучшие пожелания А.».

Быстро, чтобы не передумать, кладу записку на видное место, за один из кранов умывальника. Уилл потом наверняка заглянет сюда.

Если кто-то заберет записку раньше, значит — не судьба. Но я хотя бы попыталась извиниться. Все-таки он, вероятно, неплохой человек. И скорее всего, слепое орудие в руках Алекса. Так он хотя бы сможет что-то предъявить этому великому начальнику с тем, что я сбежала сама и со мной все в порядке!

Надеюсь, Алекс отстанет и не будет меня искать. Пусть дежурит в аэропорту сколько влезет, людей на все автобусы страны его детективное агентство не найдёт все-равно. Плюс поезда, и так далее!

Довольная собой, я стремительно и максимально незаметно выбираюсь из терминала. Кажется, удача благоволит мне сегодня.

Однако не расслабляюсь. Выражение «язык до Киева доведёт» здесь срабатывает как

«язык доведет из аэропорта Хитроу до вокзала Паддингтон». Прямым рейсом из почти любого терминала на безостановочном поезде «Хитроу экспресс» и, конечно, не без помощи парочки вопросов, заданных отзывчивым местным.

Я очень тороплюсь, потому что моя цель — обойти мистера Спенсера, если он вдруг все же вздумает меня искать. Теперь я не позволяю себе даже перекусить, даже полюбоваться на этот бьющий ключом, окружающий меня со всех сторон чужой мир.

Когда-то я хотела стать его частью, что сейчас кажется мне далеким и нереальным, несмотря на дикую боль воспоминаний. Как будто бы все это было не со мной... Удивительно.

Откуда эта боль, столько лет спустя?! Кто знает, возможно, на самом деле она появилась из-за того, что я скучаю по себе той, маленькой и глупой девочке неполных восемнадцати лет, мечтательной идеалистке, живущей почти беззаботной жизнью? У этой девочки была мама и не было Гриши, которому я вечно должна, и вечно испытываю чувство вины, которое убивает меня каждый день понемножку.

Гриша давно уже стал для меня тем пресловутым чемоданом без ручки, который тяжело нести, и выбросить никак.

Наверное, мне это было просто необходимо — чтобы жизнь буквально взяла за шиворот и вышвырнула из зоны комфорта, если, конечно, ее можно сейчас так назвать. Чтобы я переосмыслила все заново и посмотрела на себя со стороны. Спасибо, жизнь!

Оказавшись на вокзале и внимательно изучив расписание поездов, решаю отправиться в Бристоль. Ещё какой-нибудь месяц назад я бы ни за что на свете не подумала, что окажусь одна в Англии, на Паддингтонском вокзале! И буду одиноко стоять, глядя на проходящих мимо людей совсем как медвежонок Паддингтон из одноимённой, известной на весь мир сказки английского писателя Майкла Бонда.

Его история начинается на Паддингтонском вокзале, и это история о маленьком медвежонке, приехавшем из дремучего Перу. Там он стоит и ждёт, пока кто-нибудь обратит на него внимание.

Некие мистер и миссис Браун принимают решение позаботиться о смелом скитальце, и вскоре Паддингтон становится полноценным членом их семьи. Поскольку Паддингтон воспитанный медвежонок, он старается быть полезным в доме. Однако его затеи часто оборачиваются проказами и шалостями. Там, где находится медвежонок Паддингтон, не бывает скучно.

Мне не скучно тоже, но про меня, как и про медвежонка, можно сказать с абсолютной уверенностью — характер это судьба! К тому же, мои приключения закручены намного более лихо, чем у Паддингтона.

Улыбаясь своим мыслям, бреду в направлении касс. Начинается дождь.

Понимаю, что мне очень нужен интернет, чтобы узнать, на чем и когда в Бристолье реально отправиться в путь. А также, что для этого может понадобиться.

Великобритания — страна с довольно жёсткими правилами. Здесь все соблюдают закон. Жаль, этого очень не хватает в моей стране. Даже для того, чтобы просто сесть с билетом в пригородную электричку, здесь нужно предъявить при входе в вагон оригинал удостоверения личности.

С тоской бросаю взгляд на свои наручные часы — смотрю сегодняшнее число. Моего отпуска осталось «кот наплакал», всего несколько дней. Опаздывать на работу никак нельзя. Вообще, я очень рассчитываю на то, чтобы окунуться в ближайшее время в работу с головой,

ведь так у меня останется меньше времени на глупости. И на грустные мысли, что важнее.

Покупаю билет. Время пути всего лишь полтора часа. И вот — мой поезд отправляется четко по расписанию, минута в минуту. Он скоростной, довольно комфортабельный, но в целом самый обычный поезд.

Вообще, несмотря на красоту архитектуры, вокзал кажется мне мрачноватым. Возможно, это все из-за того, что на улице сейчас дождь и серость. Нельзя не отметить также, что на вокзале чисто, много кафешек, и я даже наблюдаю какие-то отельчики и магазины неподалеку. Невольно ежась от холода, достаю тёплую кофту.

В вагоне все по типу нашей электрички, вот только проходы между спаренными местами шире и напольное покрытие почти идеально опрятное. Сиденья мягкие. Уютно устраиваюсь на обитом велюром сиденьи у окна. Есть, как ни странно, совсем не хочется.

Рядышком со мной усаживается рыжеволосая приятная дама средних лет, этакая пышечка. Разворачивает газету. Эх, жаль! А я так надеялась на какую-нибудь соседку или соседа помоложе, может быть, тинейджера, у которого можно попросить на минутку телефон.

Вай фай в Англии есть практически везде, но вот с какого гаджета посмотреть нужную информацию, это вопрос. К сожалению, ноутбук я тоже отправила в Катин багаж, чтобы таскать за собой в процессе очередного побега вещей поменьше. Вздыхаю.

Соседка приветливо улыбается, обратив на меня внимание. Болтаем немного ни о чем — она оказывается довольно разговорчивой.

К кому вы приехали, или местная? Задаёт вопросы вполне доброжелательно, и я таки чувствую себя мишкой Паддингтоном. Похоже, мне тоже повстречался прототип миссис Браун.

На том этапе общения, когда мне становится известна добрая половина ее многочисленных ирландских родственников поименно, я считаю вполне возможным преодолеть свое смущение и спросить, нет ли у нее телефона, чтобы найти какую-то информацию об автовокзале Бристоля. Или, может быть, она сама сможет сориентировать меня, как его найти?

Черт, Алекс! Из-за тебя мои уши горят, как у нерадивой школьницы. Ненавижу просить, особенно малознакомых людей.

Хотя, он спас меня, мягко говоря, от гораздо более неприятной ситуации, за что я буду благодарна ему всегда! Даже если он сумасшедший маньяк.

Воткнуть бы прямо сейчас наушники с музыкой в уши, и погрузиться в свои воспоминания...

— Мой телефон старый, без интернета, — выдёргивает меня из потока мыслей миссис, — извините. Но меня встречает Пат, а у него-то точно смартфон из современных, — подмигивает, — может, и проводит вас до автовокзала! Вы ведь в городе не ориентируетесь совсем? Я помню, где это, но на словах не объясню, давненько же я там не бывала.

Пат? Продолжает болтать. Выясняется, что Патрик это один из ее младших сыновей. Сколько их у нее? Озадачиваюсь. Миссис работает кондитером в одной из пекарен Бристоля, и приезжала в Лондон к двоюродной сестре на выходные.

Кажется, в любой точке мира можно встретить вот таких, простых людей, которые совсем не прочь поболтать, и всегда готовы прийти на помощь к ближнему.

— Пат сделал мне заказ на книги, — смеясь, показывает увесистый сверток запакованных в бумагу и перевязанных специальной бечёвкой книг, — неделя распродаж на

Charing Cross Road (улица Лондона, славящаяся самым большим количеством книжных магазинов — прим. автора)! Еле дотащила до вагона.

Приходится рассказать немножко о себе. Я очень осторожно подбираю слова, говоря, что приехала сюда в рабочую командировку из Украины. Она понимающе кивает и искренне удивляется, когда узнает, что мне тридцать два года.

— А я думала, где-то двадцать с небольшим! — восклицает, — да у вас ещё и почти нет акцента.

Во многом благодаря ей, время нашего пути пролетает быстро. На перроне, действительно, прохаживается взад-вперед некий рыжеволосый краснощёкий юноша, про которых говорят "кровь с молоком".

Решаю, что раз уж я в Бристоле, то нет смысла искать в интернете нужный рейс автобуса по чужим телефонам. Все узнаю на месте. Вежливо интересуюсь у Патрика, не будет ли он так любезен объяснить мне, как доехать до автовокзала.

Он явно озадачивается и пытается очень подробно рассказать, что вокзал расположен на Мальборо-стрит, неподалёку от торгового района Бродмид. С готовностью вытаскиваю из сумки блокнот, записывая.

— Мы живём пешком примерно в двадцати минутах отсюда, — вдруг говорит мне его мамаша, — если вы подождёте здесь на скамеечке, Пат поможет мне с книгами, а затем вернётся и проводит вас. Девушка не местная, Пат..

— Ну что вы! — перебиваю я ее поспешно, — не затрудняйтесь, прошу вас..

Они начинают уверять меня оба, что это абсолютно не затруднит парня. В конце концов, сдаюсь под мощным напором аргументов, и с самой искренней благодарностью остаюсь ждать его на лавочке перрона.

Стоит признать, что на душе моей сейчас страшно «скребут кошки» и капелька живого человеческого общения точно согреет меня. Пат возвращается довольно быстро.

Мы садимся в какой-то местный транспорт и едем, весело переговариваясь. Он застенчив, но я замечаю, что нравлюсь ему. Это немножко развлекает необычностью ситуации, и даже где-то льстит мне. Сама не замечаю как начинаю смеяться над всякой ерундой с ним вместе.

Настаиваю на оплате билетов при выходе из транспорта, что естественно. Пат, как и Уилл, при этом очаровательно краснеет, и я решительно не понимаю тех, кто не любит англичан. По-моему, они классные! Есть исключения, конечно. К примеру, Алекс Спенсер.

Патрик провожает меня до самого автовокзала с пересадками. Сама бы я, скорее всего, в два раза дольше петляла по городу. Затем, заметно смущаясь, интересуется, есть ли мне куда поехать, если вдруг на сегодня моего рейса нет.

Деваться мне и в самом деле некуда, но недорогая гостиница или даже зал ожидания в самом автовокзале решит этот вопрос. Конечно, я не произношу этого вслух.

— Спасибо, Патрик. Мне очень приятно и я очень благодарна вам, и вашей маме! Вы действительно помогли мне. Но дальше я, пожалуй, сама.

— Не за что, Еухения! У вас такое красивое имя, — он опускает глаза. Вообще-то Пат немного коверкает его, — но вы запишите мой номер, на всякий случай. Вдруг что понадобится, а вы не ориентируетесь в городе?

Тепло улыбаюсь, благодарю. Записываю его номер в блокнот — он наблюдает за этим немного удивлённо, но ни о чем не спрашивает. Наконец, прощаемся.

— Еще раз спасибо, Пат, — неожиданно для себя самой тяну ему руку на прощание. Он

горячо пожимает ее и снова густо краснеет, — передавайте привет маме! Она у вас очень хорошая.

— Передам. Не хотите ли в паб, перекусить перед дорогой?

— В другой раз, — смеюсь и чувствую себя той ещё кокеткой, как раз на двадцать с небольшим, как сказала мама Патрика. Ах, давно забытое чувство.

Даже очутившись в длинной очереди у касс, я все ещё улыбаюсь своим мыслям. Пату удастся внушить мне надолго хорошее настроение!

Но дальше меня ждёт неудача, по принципу зебры, видимо.

Флегматичная кассирша говорит, что в моем загранпаспорте нет визы на пребывание в Великобритании, а есть только отметочка о пересечении границы. Я это знаю. Объясняю ей, что только проездом здесь, показываю корешки от билета и посадочного талона на самолёт, и от билета на поезд из Лондона в Бристоль. Она отвечает, что как раз это не нужно, так как все мои передвижения есть в их электронных базах. Но, чтобы продать мне билет на автобус до Украины, она должна видеть в моем загране специальный штамп-разрешение на выезд. И выдаёт его украинцам исключительно украинское консульство, которое — ура, находится в том числе в Бристоле.

Сникаю, благодарю. Отхожу от касс. Что ж, хотя бы не надо возвращаться в Лондон! Теперь ясно, что необходимо попасть и как можно скорее в консульство, вдруг мне повезёт быстро поставить штампик и уехать уже сегодня?

Ну, или завтра. В крайнем случае.

— Ты ох. л? Где объект?!

— Я, гм, допустил ошибку, — Уильям начинает заикаться. Он знает Алекса больше пяти лет, но нецензурную лексику слышит от него впервые, — я позволил себе предположить, что девушки сами заинтересованы в нашей защите. Я немедленно начинаю поиск..

— Учись слушать задания, Уильям! — Алекс в бешенстве, — это поручение ты провалил. Сейчас возвращаешься к работе по делу Блеквуда. Пока все, — отключается.

Пятнадцать лет назад

Меня заводят в кабинет начальника следственного изолятора прямо в наручниках, и аккуратно прикрывают дверь. Несколько раз моргаю отвыкшими от яркого солнечного света глазами, а затем, прищурившись, осматриваюсь.

В дальнем углу кабинета, у окна — высокая фигура человека в форме. Он поворачивается, идёт ко мне. Обомлеваю. Ощущение такое, как будто выстрел в упор! Мой дед.

В своей военной парадной форме с нашивками, с наградами на груди. Их немного, но яркие полосы золота на светло-сером фоне режут глаза. Смотрит пристальным, немигающим взглядом, сам весь уже хоть и сухонький, но внушительный, прямой как аршин. Военная выправка! А я сразу замечаю, как он постарел. Опускаю глаза.

— Как смеешь ты позорить память своих родителей?! — спрашивает вместо приветствия. Шмыгаю носом.

Он подходит ближе.

— Спину ровно, смотреть в глаза, — моментально выпрямляюсь, встречаясь с его холодным презрительным взглядом, от которого меня бросает то в жар, то в холод. Смотрит как на диковинное насекомое.

— Не думал, что скажу когда-нибудь такое, но я рад, что твои родители не увидят этого! Был уверен, что твой максимум — оказаться где-то под мостом, среди бомжей, без денег, но... я ошибался.

— Дедушка, я не убивал никого, честно! То, что я здесь — это случайность, поверь! — выпаливаю.

— А то, что ты оказался в банде, тоже случайность?

— Меня ограбили! Сразу, как только приехал, — почти плачу, — потом я познакомился с парнем, которого убили, ну, то есть позже, и ещё с одним... дед... они предложили подзаработать. Я втянулся. Ну а дальше, — дыхание мое перехватывает от эмоций, и я уже больше не могу сказать ни слова.

Он тоже молчит какое-то время.

— Почему не позвонил мне?

— Было стыдно.

— А воровать не стыдно?

— Откуда ты все знаешь, — снова, не выдержав, опускаю глаза, — как тебя пустили сюда... дед, я правда не убивал никого! Не понимаю..

— Сопли подбери, — жестко обрывает он, — и не канючь. Говори связно, учись четко формулировать свои мысли! Надо было выпороть тебя как следует тогда, и оставить дома. А я пустил твое воспитание на самотёк. Решил, что тебе можно доверять — и вот результат. Я знаю, что ты не убивал!

Вскидываю на него горящий, исполненный благодарностью взгляд, но он останавливает меня жестом.

— Иначе бы я с тобой по-другому разговаривал! Или не разговаривал вообще, — продолжает, — видишь ли, Алекс, так случилось, что у меня, кроме тебя, никого на этом свете нет. А потому я встал с лежанки, начистил форму, закрыл свой старый дом и поехал на поклон к кое-кому очень важному в столицу, — делает паузу, чтобы перевести дыхание.

Я вижу как он волнуется. Что неудивительно.

— Когда-то я был специалистом, и специалистом известным в определенных кругах! Даже твои родители всего не знали. Я эксперт-баллист, как ты помнишь, правда, больше по военному профилю. Но могу даже навскидку сказать, что ты не смог бы организовать ту взрывчатку, которую тебе приписывают! Хотя об этом после.

Снова ненадолго замолкает, словно раздумывая.

— Так вот, когда я еще был в теме, меня привлекала к сотрудничеству иногда, по договоренности, одна очень серьёзная организация. Думается, не единожды я оказывался им полезен, а они не забывают об услугах, даже если таковые были оказаны давно. Мощная организация, внук, уж поверь мне, с вековой репутацией! Вспомнили и меня. А я за тебя слезно попросил. Они таких, как ты, иногда берут маленькими, под крыло, под шефство, так сказать, и дают выучку под себя, чтобы потом на работу пригласить. Только там работа такая — она на всю жизнь! И человек входит в систему, получая защиту пожизненную. Сотрудников они с улицы не берут, Алекс, и преступников тоже. Ценят людей проверенных, из хороших семей, с приличным образованием, с рекомендацией. С талантом! Главным образом, в работе и самодисциплиной как в космосе. Это, конечно, пока не про тебя. Но, предварительно по тебе сюда запрос сделали. Похоже на подставу, да. И погибший вместе с твоим другом, знаешь, совсем случайный ему человек по их информации.

Услышанное шокирует меня. Стою каменным изваянием, а дед спокойно мерит шагами пространство вокруг. Я слушаю его, затаив дыхание.

— Так вот, мой дорогой, я готов сделать тебе предложение, какое делают только один раз в жизни, и то единицам! Тебя без адвоката допрашивали, я узнавал, а значит допросы эти сегодня — пыль. Я найму лучшего адвоката страны, найду деньги.

Пауза.

— Помогу очиститься. Но только в обмен на то, что ты станешь человеком и не просто человеком, а верой и правдой будешь служить тому, к кому приведу! Кто будет курировать твою учебу, где скажет, а после — даст работу. Престижнее в Британии нет, а может быть, и в мире. Но, повторяю условие, с момента принятия тобой судьбоносного решения забудешь обо всем, что было раньше, забудешь прежнюю жизнь и прежних друзей, беспрекословно подчинишься. Сначала мне, а после — им. Я хочу тебе лучшей судьбы, внук.

— Дед, — произношу осторожным шепотом, — а ты не думаешь, что здесь, в следственном изоляторе штатов могут писать наш разговор?!

Он усмехается. И я вдруг вижу, как он меняется, и в глазах его будто загораются прежние тёплые солнышки, согревающие меня, как в детстве.

— Мне нравится, что начинаешь соображать, — подмигивает, — это дружественная

нам организация. Да я и не сказал ничего секретного. Более подробный разговор нас ждёт, если примешь решение, — неожиданно для меня он подходит к двери, широко распахивает ее, — конвой! Увести.

Измучаюсь резкому окончанию разговора, но, похоже, дед куда-то торопится. Тут же к нам заходят двое, те самые, что привели меня.

— Умойся, приведи себя в приличный вид, — бросает он мне на прощание, — дашь знать, как подумаешь.

Меня уводят раньше, чем я успеваю возмутиться или что-то переспросить. На диком адреналине, возвращаюсь в камеру.

Я понял все, что дед хотел сказать. Но не тороплюсь. Хочу подумать, осмыслить сказанное! Если я подпишусь — не отступлю, и он об этом знает.

Наверное, странно, но под каким бы углом зрения я ни крутил его предложение, все возвращает меня к Жене. Смогу ли я хоть что-то узнать о ее судьбе, если буду служить этой организации? Или раньше, общаясь со своим куратором?

А что, если это не она бросила меня, ничего не сказав, а ее увезли силой, может быть, даже сам Артист?!

Но зачем тогда было выдергивать ее из общаги, при свидетелях. Можно же было просто подкараулить где-нибудь на улице. Не сходится.

Разве только, если бы она пошла сама, добровольно.

А могла ли она просто испугаться трудностей, нашего долга главному, да наконец, передумать бросать своих друзей, родных, страну, все такое привычное?! Или не поверила, что смогу завязать с криминальными, что женюсь. И кто же тот мужчина? Возможно, попросила кого-то помочь с вещами. Она тогда звонила мне, а я не ответил. Хотела попрощаться?

— Все не то, — слышу насмешливый голос из темноты. Поворачиваю голову. Старк!

Первая реакция — радость. Вскликаю на ноги, подхожу к нему, близко. Нас освещает только рассеянный свет луны, проникающий из узкого окошка, расположенного почти под потолком камеры. Но это он, я вижу. Покрытый тонкой сеточкой красной влаги, придерживает осторожно свою руку... Вспоминаю. Интересно, каким его нашли?!

Он не отступает в сторону, когда я подхожу, а у меня — холодный пот, градом по коже. Оглядываюсь на сокамерников, все спят.

— Ну, че разлегся тут? — спрашивает он, и присовокупляет к этому крепкое выраженьице в своем стиле, смысл которого можно передать как "губишь свою жизнь».

— Ты же знаешь, че, — отвечаю, — у меня столько вопросов, Старк! Где найти ответы?

— Ищи — найдёшь, — говорит он.

Я подхожу к нему максимально близко и вдруг подкашивает ноги, падаю. Открываю глаза — меня трясёт за плечо сокамерник, ворчит, что я заснул в кои-то веки, и то не даю поспать своими стонами. Осматриваюсь безумным взглядом, Старка нигде нет!

Сажусь и, больше уже так и не заснув, едва дожидаясь рассвета. С первыми лучами солнца бегу, стучу в двери камеры. Сонный охранник подходит далеко не сразу.

— Чего тебе?! — рявкает, отодвинув заслонку.

— Мне надо позвонить. Это срочно.

— Кому?

— Моему деду, Максимилиану Спенсеру.

— Жди.

С чувством невероятного облегчения облакачиваюсь спиной о стену. Улыбаюсь, глядя на ворочающихся, как сонные мухи, сокамерников.

Я уже знаю, что время моего пребывания здесь заканчивается, может быть, даже идёт на часы. Боль от потери Жени никуда не делась, но голова моя, наконец, начинает проясняться.

Аэропорт «Борисполь», Киев

— Лилечка, зайчик, и бумагу ему эту подсунь, не забудь! Ну, та, которая об отсутствии любых претензий. Ты точно всех опросила?

— Конечно, Людмила Марковна! У меня она наготове уже! Да, всех пожилых, кто может быть папой-встречающим, — девушка с телефоном возле уха, в деловом костюме и с ворохом бумаг подмышкой, огорчённо вздыхает, — представляете, двадцать минут до выхода пассажиров, а Колоскову никто не ждёт.

— Так ты всех поспрашивай, а не только пожилых, может планы поменялись и не папа встречает! Это хуже, конечно.

— Хорошо! Ой, — девушка резво отпрыгивает за внушительный информационный стенд у стены терминала.

— Что такое?

— Да этот скандалист объявился, Людмила Марковна, — девушка явно напугана, — помните, который был в офисе, Григорий. Что делать?

В телефонах повисает недолгая пауза.

— Ладно, просто понаблюдай пока за ними, — шефиня в раздумьях, — кто прилетит, обе ли. Отзвонись сразу!

— Конечно, Людмила Марковна, — девушка не скрывает своего облегчения.

Сует телефон в карман и, осторожно перемещаясь между стендами, выбирает для себя максимально незаметное укрытие. Оттуда она долго наблюдает за сутуловатой фигурой молодого человека, то присаживающегося на стульчики для ожидающих, то нервно расхаживающего и беспрестанно поглядывающего на часы.

Полчаса спустя

— Людмила Марковна.

— Да, Лиля?

— Прилетела девочка, одна! И папа приехал, минут за пять до ее выхода примерно, с женщиной какой-то — они опоздали просто. Я не могу подойти, никак, этот Григорий с ними! Он ругается, или что-то вроде того. Как будто допрашивает эту девочку, у меня такое впечатление..

— Гм! Интересно. Куда же делась ее сестра?! Не хватало ещё, чтобы на нас решение этого вопроса повесили.

— А из главного офиса ничего не говорили? — простодушно интересуется Лиля.

— Не твоего ума это дело, Лилечка... Давай так. Уезжают они?

— Похоже, что да!

— Вместе?

— Да, уходят вроде вместе все.

— Возвращайся в офис. А сделаем-ка мы вот что! Скандалы нам не нужны. Сегодня быстренько закрываемся, и продолжим работу пока по другому адресу. Временно. Которого Колосковы не знают. Давай, ты приезжай, и я подтянусь через часик. Предупреди там всех.

— Я поняла, Людмила Марковна! Выезжаю.

Англия, Бристоль

Раннее утро. На часах восемь тридцать, а я уже под воротами консульства.

Вообще-то они работают с девяти, поэтому прогуливаюсь, ожидая. Консульство традиционно охраняет полиция, и я сразу узнаю вчерашнего полицейского. Решаюсь поздороваться с ним. Он приветливо улыбается мне в густые пушистые усы, коротко кивнув в ответ.

Вчера меня страшно утомили бюрократические "заморочки" украинского консульства. Я сумела пробраться туда после только обеденного перерыва и проторчала до самого закрытия, сперва высидев длинную очередь в одном зале, пока удостоверили мою личность и присваивали номерок для другой, и после, высидев в коридоре под кабинетами с этим номером очередности, попала, наконец, в кабинет к нужному должностному лицу.

Меня выслушали вполне дружелюбно, но сказали прийти завтра, когда за окнами уже было темно.

Ух! Вымотанная до предела, но так и не осмелившаяся спросить прямо там о каком-то недорогом отеле, я бродила некоторое время по городу в сгустившемся мраке словно бомж, со своей дорожной сумкой, в поисках жилья. До чего же охота было принять горячий душ, и завалиться спать! Да и мой желудок то и дело напоминал о себе неприятным голодными спазмами.

Телефона у меня не было, зато был номер Патрика, и я буквально повсюду натыкалась на телефоны-автоматы. Что, если позвонить?

Не пугать же прохожих подобными вопросами в столь поздний час. Решив, что на крайний случай поеду на вокзал, я легко обменяла монету на жетончик прямо там, у автомата. Дозвониться до Патрика удалось сразу.

Было очевидно, как он рад помочь! Не откладывая, я задала вопрос о каком-то хостеле или отеле и попросила подсказать, как туда добраться. Пат любезно предложил переночевать у них. Конечно же, я отказалась. Тогда он оперативно сориентировал меня по ближайшему от точки моего теперешнего нахождения жилью.

Рассыпавшись в благодарностях, я попрощалась с ним и поспешила в хостел «Rock n Bowl», как раз в двух шагах от меня, на Нельсон стрит.

Там оказалось чистенько и тепло. С радостью и облегчением, оплатила койкоместо в четырехместном женском номере. Хостел мне понравился: я заметила камеру видеонаблюдения на входе, объявления о бесплатном вай-фае и ежедневной уборке. Также в оплату оказались включены чай и печенье на общей кухне.

Конечно, чая и печенья на ужин было бы маловато, поэтому, оставив в своей тумбочке дорожную сумку, я сгоняла в ближайший супермаркет. Мне повезло и с крышей над головой, и с тем, что в тот день целых два места рядом пустовало, а девушка-шведка по соседству оказалась очень приятной.

Поужинав с ней вместе нехитрой магазинной едой из одноразовой посуды и наскоро приняв душ, я крепко уснула.

И вот, сегодня я вновь в украинском консульстве. Ровно в девять утра усатый страж в полицейской форме позволяет мне войти в числе первых посетителей.

Отмечаю, что сегодня все проходит чуть быстрее, но знакомая уже барышня из кабинета, созвонившись с кем-то, неожиданно просит зайти через два часа. Озадачиваюсь. Это что потом, опять в очередь?!

Но не спорить же мне с ней?

Лишние вопросы здесь чреватые тем, что могут просто выставить за дверь. Плечусь на выход, глядя на часы. Ругаюсь про себя, одновременно с этим нашаривая в сумочке кошелек, чтобы купить какой-то пирожок на завтрак, как вдруг, спустившись с уличной лестницы почти наполовину, я вижу его! Алекс.

Стоит у подножия лестницы, небрежно облокотившись о перила. В легком тонком свитере с v-образным вырезом, в брючках, в сверкающих от чистоты туфлях.

А вокруг — лужи и грязь. Сама же я в ветровке, холодно. Не знаю, почему сейчас вдруг все это бросилось мне в глаза? Значит, где-то поблизости его машина, проносится в моей голове стремительно.

Останавливаюсь как вкопанная, озноб по коже. Но как он нашел меня так быстро, откуда узнал, что я в консульстве Бристоля?! Стоим и смотрим друг на друга долгие пару секунд.

Пячусь назад. Поддавшись панике и больше не оглядываясь, почти забегаю в здание обратно. И только здесь немного перевожу сбившееся дыхание.

Нет, ну каков наглец. Не боится ни полицейского, прогуливающегося в десяти метрах от входа в здание, ни камер вокруг! Мне страшно.

Он не должен узнать об этом.

Как назло, я даже без телефона, без денег, без всего! В чужой стране. Промаявшись минут двадцать в бесплодных попытках найти окно, откуда можно было бы выглянуть на улицу, я все же понимаю, что в этом все равно нет никакого смысла. Снова выхожу из здания.

Алекс стоит на том же месте, не сдвинувшись ни на сантиметр, и улыбается, глядя на меня.

Попробую игнорировать его. В конце концов, ну что он сделает?! Не посмеет же он затолкать меня в машину силой среди бела дня, среди людей? А мне ничего другого не остаётся, не торчать же в консульстве до закрытия.

— Привет, — мягко произносит Алекс, стоит мне поравняться с ним.

— Привет и прощай! — отвечаю, не глядя, и быстро иду дальше.

Он идёт за мной — я чувствую это по запаху изысканного мужского парфюма, доносящего до меня резкими порывами ветра. Ёжусь то ли от холода, то ли от ужаса происходящего. Иду нарочно возле самых грязных луж, пусть заляпается по уши!

— Привет и прощай, как сурово! — он опережает меня и загораживает собой выход из территории консульства, довольно узкий.

Чуть не упираюсь носом в этот его v-образный вырез на свитерке, отскакиваю. Стараюсь смотреть на этого человека спокойно и холодно, без намека на приветливость и такого прочего.

— Пропусти, пожалуйста.

Он достаёт мое послание, оставленное Уиллу. Ага, нашли, значит.

— Сбегаешь и оставляешь записки, ты всегда так?! Что это, милая привычка или серьёзное психическое расстройство?

Молча, снова пытаюсь обогнуть его. Конечно, эта скала никуда не двигается.

— Ладно, Алекс, как ты бы сказал — карты на стол! — усмехнувшись, отвечаю непринуждённым тоном, стараясь при этом унять дрожь в коленках. Он слушает меня с интересом, — я очень благодарна, и так далее. Но, — делаю паузу, — мне надоело, знаешь ли, быть пешкой в чужих играх! Так что больше я в этом не участвую. Извини. И, кстати, мне давно пора домой, в Украину, поэтому... всего хорошего.

— К мужу, — подсказывает он участливо.

— Да, и к мужу в том числе! — я смотрю на него с вызовом.

— Сожалею, но придётся задержаться. Ты мне кое-что должна, Женя.

— И что же именно, свою жизнь?

— Может быть, не только свою, — отвечает задумчиво, — может быть, еще и мою!

Вот теперь я не сомневаюсь, что имею дело с психопатом.

— И как же я должна вернуть тебе долг, по-твоему? — интересуюсь осторожно.

— Всего лишь помочь мне восстановить некоторые события прошлого! Я расскажу. Но не здесь.

— А если я не хочу?

— Тебе придётся. Это вполне в твоих силах, Женя..

— Мне это не интересно! — перебиваю его, — почему ты шпионишь за мной, как ты вообще нашел меня?! Я знаю, что Пол Мюррей убит. И больше не хочу ничего слышать про «One more life», не хочу быть приманкой..

— Забудь о Мюррее, забудь про «One more life»! — он делает шаг ко мне, слишком близко, и даже кажется взволнованным. Отпрыгиваю от него подальше.

— Ты больше не услышишь о них. То, что я хочу узнать, касается только меня! И ещё, тебя. Именно поэтому..

— Я никуда с тобой не пойду! Это ты убил Мюррея? — вырывается у меня вопрос.

— Мы будем говорить об этом здесь? — уточняет зачем-то.

Значит, правда. Холодею. Ну уж нет. Пусть разбирается со всем, что его интересует, сам!

— Предупреждаю, если не отпустишь меня по-хорошему, то очень пожалеешь, — говорю ему тихо, но угрожающе. Настолько угрожающе, насколько получается, — все. Игры закончились, Алекс! Я не шучу.

Он молчит, не двигаясь, просто наблюдая за мной.

— Я тороплюсь. Пропусти! — добавляю.

— Нет, — отвечает негромко, но в бархате его голоса ясно чувствуется сталь. Дает мне понять, что не отступит.

Ну, что ж. Резко разворачиваюсь на каблуках, возвращаясь в сторону консульства. Там есть ещё один выход, за воротами. Этот дурачок идёт за мной.

Придётся, видимо, обратиться к полицейскому! Алекс окончательно достал меня. Пусть теперь страж правопорядка вызовет патруль, и его отбуксируют куда следует.

Например, в обезьянник на пару часиков, а лучше на сутки. Я как раз успею закончить все дела и уехать отсюда! Хорошо бы.

Но, возможно, Алекс сбежит сам? Подхожу к полицейскому, оборачиваюсь. Нет, он тут как тут. Еще и ехидно ухмыляется! Сам напросился.

— Офицер, — обращаюсь к полицейскому, — прошу вас, помогите. Этот человек преследует меня!

Он удивлённо поворачивается к Алексу, но тот уже и сам подходит к нам. Показывает

маленькое удостоверение в красной обложке и что-то негромко говорит полицейскому, буквально пару слов.

У стража правопорядка вытягивается лицо. Он очень проворно защелкивает на мне наручники, до того болтающиеся на ремне рядом с кобурой пистолета, и практически толкает меня к Алексу!

Угодливо интересуется, необходимо ли его содействие. Докладывает и подробно, что я появлялась здесь вчера и о времени моего появления.

Стою, глубоко шокированная, слушая их обоих с открытым ртом. Что происходит?

Алекс, явно наслаждаясь ситуацией, отпускает полицейского и, зацепив пальцем цепочку моих наручников, ведет за собой. Как овечку. Пройдя за ним несколько метров, я пытаюсь затормозить.

— Эй! Ты как проделал этот фокус? — спрашиваю в изумлении.

Он оборачивается ко мне, довольно улыбаясь.

— Скажу, чтобы впредь тебя не посещали глупые мысли сбежать от меня, — достаёт ключи от машины. Недалеко от нас, на парковке автомобилей с дипломатическими номерами, весело подмигивает фарами какое-то весьма элитное авто серебристого цвета.

— Я сотрудник секретной разведывательной службы Великобритании. МИ-6, слышала о такой?

Мы идёт к машине, и я послушно семеню за ним.

— Это типа как Джеймс Бонд, что ли?! — верю и не верю ему, на время забыв даже с консульстве и своих проблемах.

— А Джеймс Бонд, это круто, да? Сексуально, — он подмигивает мне, усмехаясь, и открывает заднюю дверь авто. Зависаю, — прошу!

— Может, снимешь наручники? Он хоть дал тебе ключ?

— Я подумаю.

Выдерживает загадочную паузу.

— Вижу, тебе все это очень нравится, да? — злюсь.

— Да, — не скрывает он.

Стоит близко, и я просто вынуждена вдыхать головокружительный аромат его парфюма. Это что, какая-то спецразработка МИ-6 с эндорфинами?

— Может, все-таки присядем и снимем наручники? Или тебе тоже нравится?

Демонстративно отворачиваюсь от Алекса, сажусь. Нервничаю.

Наручники на удивление тяжелые и холодные, царапают кожу. Я, конечно, никогда не задумывалась, каково это по ощущениям — быть в них, но это реально очень некомфортно физически! Про морально уже молчу. Он неспешно присаживается за руль, зараза. Выдергиваю из его пальцев протянутый мне ключ.

Не с первого раза!

— Справишься, или помочь? — хитрый прищур.

— Слушай, я вот не понимаю этого твоего шутливого тона, честно, — пыхчу, открывая первый наручник. Ключ старый и проворачивается в замке туго, — ты знаешь, что ровно через два часа мне надо быть в консульстве?! Хорошо, давай поговорим. Присядем в кафешке, или где там. Но что ты сказал полицейскому, как он теперь будет на меня смотреть?

— Никак, — Алекс смеётся, — ты ещё не поняла? Консульство подождёт, у нас есть более важные дела, Женя. Теперь действуем по моему плану. Где твои вещи?

Замолкаю ненадолго, рассматривая его в упор.

— Зачем тебе мои вещи?

— Затем, что мы с тобой прокатимся! В одну экзотическую страну. Не волнуйся, это безопасно.

— В какую ещё экзотическую страну? — снова впадаю в легкий ступор.

— Я все расскажу, подробно, — он посматривает на меня в зеркала заднего вида, трогаясь, — так подробно, как только захочешь! Мы встретимся там с одним человеком, к которому у меня накопились вопросы. Думаю, тебе тоже будет интересно.

Пятнадцать лет назад

Алекс

Сидим, развалившись в старых протертых креслах в доме Старка, перед телеком. Что-то смотрим под пиццу с бутылочным пивом. Болтаем о том-о сем.

С нами Артист, и мне некомфортно. Ерзаю, поглядывая на друга.

— Может, пойдём шары покатаем? — тихо спрашиваю у него, подразумеваю любимый им бильярд в клубе неподалёку.

— Ребятки, я с вами! — тут же отзывается Артист, пружиной подскакивая со своего места.

Мне он не нравится и, уверен, это взаимно. Когда он встретил меня здесь в первый раз — я видел, разозлился, не ожидал! Спустил всех собак на Старка за то, что тот не предупредил его, что не один. И очень долгое время потом здесь не появлялся.

Но со временем Старк убедил его, что я надёжен и вообще, хороший парень, а мне открыл их общий секрет о том, что они кровные родственники. Артист приходится ему дядей. Я был удивлён, да.

Они просили меня не рассказывать никому об этом, так как кто-то может потом использовать эту информацию против них.

Вообще, стоит отдельно упомянуть об этом человеке! Он странный, и совсем не похож на Старка.

Уже немолодой, но без семьи и детей, не считая племянника, что, конечно, понятно при его образе жизни, Артист ещё и необыкновенно угрюм, даже мрачен. Злобный тип. Ему постоянно мерещатся какие-то заговоры и враги! Внешность же у него самая непримечательная, что только помогает ему в работе.

Я никогда не говорил Старку, но у меня присутствует такое стойкое подозрение, что он не вполне нормален. Возможно, у человека вялотекущая шизофрения или какой-то другой вид паранойи, я не разбираюсь в этом.

И вот эти его перепады настроения — то откровенно ненавидел меня, я чувствовал и замечал, когда Артист каждый раз при моем появлении сжимал свои тонкие губы в одну узкую линию, то вдруг задружил со мной, таскаясь с нами вместе по барам и на пляж.

Правда, в покер он играет гениально.

— Ко мне Бит-Бит хотела забежать где-то через полчаса, — Старк потирает свою короткостриженую голову с виноватым видом. Так он называет Бритни, свою девушку, — так что я сегодня пас.

— Ну и ладненько, сыграем без тебя, — Артист весело подмигивает, чиркая по мне взглядом своих цепких, водянисто-голубых глаз. Я офигеваю. Вообще-то моей целью как раз

было сбежать от него! — полетели?

— Я... э, — мучительно ищю повод отказаться, — да, с удовольствием. Артист. Но я ненадолго, хорошо? У меня тоже сегодня встреча, с Эжени.

Он гаденько хихикает, набрасывая свою косуху и звеня ключами от выдавшего виды пикапа тойота, который всегда при нем.

— Кобельки вы! А Эжени хороша, да... у тебя отменный вкус, малец... Зачетная детка.

— А ты сам-то чего без девушки? — вдруг спрашивает Старк.

Ему не нравится вопрос, я вижу. Во взгляде вдруг полыхает что-то, но смотрит он на меня. Почему-то. Неужели и вправду запал на Женю?!

— А они все мои, Том, ты не знал? — снова этот идиотский смех, — любая. Какую захочу! Стоит только показать им мой чемоданчик, туго набитый Франклинами.

— Не все такие, — тут же осуждающе отзываюсь я.

— Это сказка для маленьких мальчиков, — Артист уже открывает входную дверь, и я прощаюсь со Старком до завтра. Ехать с этим неменяемым никуда не хочется, — подрастёте, узнаете! Мне никто не нужен. Разве что зацепит... как раз такая куколка, хорошая и правильная. Зачетная. Которую очень захочется купить..

Но мы уже не слушаем его. Когда садимся в выдавший виды пикап, он вдруг уговаривает меня заехать на один блошинный рынок «как раз по пути, чтобы купить одни маленькие часики одному хорошему человечку на подарок».

— Знаешь, я б с удовольствием покаталась и по экзотическим странам, и куда-нибудь к морю, — вздыхаю, глядя на свои наручные часы. Я еще очень даже успеваю в консульство! — Но, к сожалению, у меня нет для этого ни времени, ни возможностей! К примеру, на работу мне пятнадцатого, то есть уже меньше чем через неделю. А я планирую приехать и хотя бы день адаптироваться, понимаешь?

Он останавливает машину у какой-то обочины, и поворачивается ко мне.

— Нет, извини, это слишком важно. Итак, куда едем?

— В консульство? — робко предлагаю, — а потом, конечно, где-нибудь поболтаем.

— Где твои вещи? — терпеливо уточняет Алекс. Отрицательно качаю головой.

— А что за страна? — спрашиваю, просто чтобы немного переключить его.

— Эфиопия.

Закатываю глаза:

— Оригинально!

— Весьма. Так что?

Он ждет. Ерзаю, все ещё пытаюсь побороть наручники. Одна моя рука уже на свободе!

— Алекс, ты ненормальный. Несмотря на то, что сотрудник спецслужб! Кстати, а не поддельный ли у тебя документец? А ну-ка, покажи удостоверение поближе.

— Я не обязан показывать его гражданским, — смеётся.

— Как ты меня нашёл? — строго продолжаю свой допрос.

— Очень легко, дал на тебя ориентировку в посольство. Они спустили на консульства, и те сами мне перезвонили из Бристоля. Я знал, что ты не уедешь никуда из страны без разрешения. Кстати, как тебе Англия?

— Так себе, — отвечаю вполне искренне, — дай сюда документ.

Он протягивает мне удостоверение.

Беру освободившейся рукой, долго вчитываюсь в текст. Всматриваюсь в печати на нем, недоверчиво кручу на свету вставки с водяными знаками и муаровой полосой (спецзащита для бумаги — прим. автора).

Алекс внимательно наблюдает за этим, и улыбка не сходит с его лица.

— Ну как? — интересуется он, — все в порядке?

В какой-то момент мне не остаётся ничего другого, кроме как вернуть ему удостоверение. Пожимаю плечами.

— Как-будто бы ты поняла без спецсредств, поддельный ли он, — веселится.

Мрачнею. И все ещё борюсь со вторым браслетом, но не прошу у Алекса помощи принципиально.

— Так как? — спокойно спрашивает он снова, — где ты остановилась?

— В хостеле, — покорно называю адрес, понимая, что он не отстанет.

Но надо срочно что-то придумать! Я не хочу в Эфиопию.

— В хостеле?!

— Да. По твоей милости.

— По своей! — он вновь становится серьёзным, — ты очень разочаровала меня своим побегом..

— Я это как-нибудь переживу! — перебиваю.

— Хорошо, — вижу на секунду напрягшиеся желваки на его скулах, и то, как сильно он сжимает руль.

— Но, Алекс, повторяю — у меня работа! — все еще не верю, что он вот так просто может меня взять и забрать с собой в какую-то далекую Эфиопию.

— Мне все-равно, — просто отвечает он, — и повторяю, — копирует мое словечко, — я уже сказал, это важно! Для меня.

— Ты меня этим не купишь, — возражаю запальчиво, — пусть ты кто угодно, Алекс, даже если сотрудник, да хоть директор МИ-6 или принц Уэльский! Это не дает тебе никакого права похищать человека и принуждать ездить с тобой, куда тебе вздумается. Приди в себя. Я могу в любой момент обратиться в полицию. Не забывай!

— А чем тебя купишь? — мне кажется, он еще больше мрачнеет. И добавляет, — хотя у меня есть, что тебе предложить. Давай заключим сделку, Женья?!

В пылу ссоры я и не замечаю сразу, что навигатор в машине уже «довёл» нас до хостела. Алекс, несмотря на градус накала страстей в салоне, паркуется очень плавно. Ловит мой взгляд в зеркале заднего вида.

— Что?

Я смотрю на уютно устроившегося на скамеечке возле входа в хостел Патрика. Он пьёт кофе из бумажного стаканчика, а рядом лежит раскинувшая листья шикарная, длинная роза. Белая.

Онемев на секунду, хлопаю глазами. Решение приходит мгновенно.

— Кто это? — интересуется Алекс, проследив за моим взглядом, но я уже ловко выпрыгиваю из машины, пряча болтающиеся на одном запястье наручники в один карман, а ключ — в другой.

— А это мой муж, — сообщаю, и захлопываю дверь.

Патрик сразу же вскакивает с лавочки, когда я подхожу, хватая розу. Расплывается в улыбке.

— Какой он у тебя романтик, — слышу голос Алекса за своей спиной. Принимаю розу с ответной улыбкой, целую немного обалдевшего Патрика в щёку, и шепчу ему:

— Подыграй мне!

— Но как? — глуповато шепчет он в ответ.

Уже в следующую секунду к нам подходит Алекс.

Я бы даже сказала, врывается в наше пространство, поскольку мы с Патриком в этот момент оказываемся слишком близко друг к другу. Напористо вклинивается, подойдя вплотную так, что мы и сами быстренько отпрыгиваем друг от друга как два олененка Бэмби, застигнутые врасплох охотником. Глядим на него с одинаковым удивлением.

И Алекс, надо сказать, меняется. В манере держать себя, смотреть и разговаривать — он начинает говорить как мент, как высокопоставленный мент. Сухо, коротко, по-деловому. Наблюдаю за ним с опаской. Таким я его еще не видела!

— Так значит, вы муж Евгении?

Пат, неуместно улыбаясь и явно не понимая до конца, что происходит, все же подтверждает это своим коротким «да».

Кусаю губы, чувствуя, что Алекс нас, скорее всего, раскрыл в ту же секунду, ведь Патрик не забывает то и дело бросать на меня вопросительные взгляды. Он оказывается слишком плохим актёром, увы.

Однако Алекс больше не улыбается. Достает удостоверение и коротко представляется

Пату, чтобы затем спросить его имя и фамилию.

— Патрик О'Коннел, — ошарашенно отвечает тот.

— Ирландец?

— Так точно, сэр.

— Ваша жена подозревается в контрабанде дикого пушного зверя, в особо крупных размерах! Вы знаете, что из Великобритании за границу, по нелегальным каналам уходят целые партии шкур лесостепной рыжей лисицы? — спрашивает он.

Рыжий Пат теряет дар речи, а я от неловкости ситуации постепенно начинаю покрываться красными пятнами. Что за чушь?!

Но Алекс так суров, что вкупе с его удостоверением все это вовсе не кажется шуткой. Пат беспомощно округляет рот буквой «о».

— Я провожу задержание Евгении. Мы также устанавливаем круг ее сообщников, а это и вы, не так ли?

Повисает молчание. Я понимаю, что просто обязана его прервать.

— Алекс, успокойся, пожалуйста, — произношу сердито, и объясняю Пату, так как мне очень не хочется пугать его и дальше, — это неудачная шутка моего знакомого, извини..

Но Алекс ловко сует руку ко мне в карман, и с силой достаёт мою руку в болтающемся браслете наручников.

— Сначала попытка сбежать от представителя правоохранительных органов, а теперь еще и неадекватное поведение? Вам это не поможет, будьте уверены. Только что вы усугубили статьи, по которым вас привлекут к ответственности.

На Пата больно смотреть. Решительно поворачиваюсь к Алексу и, вцепившись обеими руками в рукав его свитера, прошу:

— Пожалуйста, отпусти парня! Давай закончим это. Он не мой муж. Мы... вернее, я просто пошутила!

Алекс молчит, будто оценивая ситуацию. Бессовестно тянет время, пока Пат переводит то на него, то на меня теперь уже совершенно обезумевший взгляд.

— Пожалуйста, — тормошу Алекса.

— Хорошо, — он вдруг сменяет гнев на милость, вновь превращаясь в спокойного и улыбчивого парня.

Смотрит на меня. Впечатление такое, как будто над нами пронеслась добрая фея и коснулась его головы своей палочкой! Фух. А то я уже успела порядком испугаться.

— Но вы точно не муж Евгении? — зачем-то строго интересуется у Пата. Тот мычит, отрицательно мотнув головой.

— Тогда я вас больше не задерживаю, — выносит свой вердикт и Пат, неловко развернувшись от нас, падает коленом в уличную грязь, чтобы затем вскочить довольно резво и ретироваться быстрым шагом, не оглядываясь.

Алекс ржёт, пока я перевожу дыхание.

— Ну вот, он итак живёт с мамой синим чулком в свои примерно тридцать! А теперь и вовсе не посмотрит в сторону девушек в ближайшие лет десять, ну или пять, как минимум, — огорчённо выдаю я.

— Тридцать? Это почти младенец по нашим меркам, — Алекс продолжает веселиться, нюхая мою розу, — не переживай, мама выдаст его за дочурку какой-нибудь соседки, и это будет намного лучше для парня чем, к примеру, связаться с тобой.

— Я, вообще-то, уже замужем, — напоминаю, насупившись. Все-таки ситуация с

Патом, прямо скажем, получилась патовой.

— Что не мешает тебе принимать розы?

— РозУ, — подчёркиваю, — но что такое одна роза в сравнении с тем, что посторонний мужчина везёт меня в Эфиопию?! Кстати, зачем ты организовал этот цирк с лисами?

— Не я, а ты, — Алекс небрежно бросает розу на лавочку, — своим очередным побегом! Хотелось тебя повеселить. Где ты успела познакомиться с этим идиотом?

— Он не идиот, — возражаю тихо. И что дальше? Он сейчас пошлёт меня за вещами в хостел, или пойдет со мной? — сними наручники, прошу.

— Будет вот так, — вдруг защёлкивает свою руку в свободный браслет одним движением, вместо того, чтобы освободить меня, — всегда. Если будешь бегать. Понятно?

— Да, — его близость почему-то волнует меня. Алекс ловит мой взгляд, и я опускаю глаза.

— Расстегни немедленно! — требую.

— А то что? — прищуривается. Подтягивает свою руку в наручнике к себе, вынуждая таким образом и меня сделать к нему шагочек, — твой муж тоже идиот?

— Не твое дело. Он... очень хороший человек, — вспыхиваю, — я люблю его, — зачем-то добавляю. Наверное, чтобы ранить Алекса. Хотя как-то поддеть... не знаю.

Достаю из другого кармана ключ, и начинаю сосредоточенно открывать свой браслет. Он легко отнимает его и, наконец, снимает с нас обоих ненавистные наручники.

— Такой хороший, что отпустил тебя одну, с больной сестрой к бандитам в Америку?!

— Я же сказала, не твое дело, Алекс, — потираю ноющее запястье, а сама думаю только о том, что мне на электронку уже должно бы прийти письмо от Кати.

Я не до конца в курсе, что он там собрался расследовать, но дома меня точно ждёт Армагеддон! Во всяком случае, если не позвоню своим в самое ближайшее время.

Но что я должна сказать, ведь даже не знаю, где могу очутиться завтра — в Эфиопии или, может быть, на Марсе, если это взбрет в голову одному неуправляемому агенту секретной британской спецслужбы?

И что по срокам моего отсутствия? С ним точно не соскучишься!

— Мой муж, естественно, не знал, что к бандитам. Как и я. Слушай, мне очень надо проверить почту! Ты не подскажешь, где в Бристоле есть интернет-кафе?

— В смысле, тебе нужен интернет? — Алекс смеётся, протягивая мне свой модный полупрозрачный айфон. Смотрю на него так, как будто он предлагает мне взять живую змею, — держи.

— Ну уж нет! Знаю я эти твои штучки... Сразу и почту вскрыешь, и все мои запросы в поисковике за последние лет десять, да?

Киев, Украина

В квартире Колосковых пахнет валерьянкой. На кухне за небольшим столиком примостились трое — папа, Катя и Элеонора Юрьевна.

— Ну, что ты как партизанка на допросе? — горячится мужчина, — да что вам там сказали, конкретно?

Катя сидит, понуро опустив голову и размазывая пальцем по клеенке упавшую за край тарелки капельку варенья.

Элеонора, наблюдая их диалог со стороны, как бы не вмешивается. Она увлечена

поеданием зефира за кофейком, но не забывает при этом скорбно кивать иногда в знак согласия с репликами супруга.

— Донора не нашли, — равнодушно отвечает отцу Катя, — вернее, нашли, но не подошёл в итоге.

— Да я уже не об этом, Катя! А о том, когда Женя возвращается домой! Ей хоть оплатят ее помощь? Ты вообще в курсе, что Гриша собрался идти в полицию, если она в ближайшие же дни не перезвонит?

— Не кричи, пап, — Катя устало откидывает темную кудрявую прядь волос со лба, — я тебя прекрасно слышу. Хочет идти, пусть идёт! Я не знаю ничего, Женю попросили помочь — она согласилась.

— Не дерзи, пожалуйста!

Он воздевает руки кверху в немом протестном жесте, а Элеонора громко вздыхает, помешивая ложечкой в чашке.

— Боже, о чем только Женя думает, — осуждающе произносит она, — такой парень Гриша! И отпустил, и все... дождётся..

Замолкает.

— Чего дождется? — Владимир Ипполитович делает сложное выражение лица.

— Что разведётся!

— И что?

— Что-что, Вова... Ты рассуждаешь типично, как мужчина. Вот кого она потом в свои тридцать плюс найдёт?

— Ты у меня спрашиваешь?

— Ой, это риторический вопрос, — снова делает глоток кофе. Супруг молчит, — знаешь ли, мужчинам как-то попроще. А женщина уже никого толкового не встретит после тридцати, ну после сорока так точно!

— Ну ты же встретила?!

Кате становится противно. Пользуясь тем, что на нее уже не обращают никакого внимания, она тихонько, как мышь, выходит из кухни. Такое поведение для нее привычно, ведь они даже не замечают ее ухода.

Застаю Алекса облокотившимся об авто и задумчиво изучающим здание хостела, когда возвращаюсь оттуда со своим нехитрым скарбом в очень плохом настроении. На душе тревожно и пасмурно.

— Куда смотришь? — интересуюсь.

— На крышу! Был уверен, что увижу тебя с чемоданчиком наверху, перепрыгивающей на соседнее здание.

— Очень смешно, — вяло откликаюсь, и без приглашения плюхаюсь на место рядом с водителем. Компактную дорожную сумку ставлю себе в ноги.

Он немедленно садится следом за мной на место водителя, и вдруг спрашивает:

— Ты не обедала?

— Даже не завтракала! — признаюсь честно. Алекс почему-то радуется.

— Вот и отлично, заедем в один рыбный ресторанчик, — восклицает с энтузиазмом, — как раз в Бристоле..

Но я перебиваю:

— СъезДИШЬ.

— Почему? — он искренне удивлён.

— По кочану и кочерыжке.

С удовольствием понаблюдав за озадаченным выражением его лица секунду-другую, объясняю:

— Это у нас так говорят, когда вопрос глупый! У меня, видишь ли, нет лишних денег ходить по ресторанам. За твой счёт не собираюсь. Конечно, билетки в Эфиопию и назад оплачиваешь ты как заказчик мероприятия, если не передумаешь, разумеется, на что я, кстати, все ещё очень рассчитываю. Ну, там, вдруг на тебя снизойдёт прозрение... тормози!

Реакция у Алекса, надо сказать, отменная. Паркуется он быстро, с интересом проследив за моим взглядом. А смотрю я на ларёчек с фастфудом, хотя вообще-то обычно такое не ем. Но, сегодня все не как обычно это раз, и денег у меня на свои нужды в обрез это два! Значит, выбирать не приходится.

Не дав ему опомниться, выхожу к ларьку и там уже выбираю себе еду неспешно и обстоятельно. В этот раз везёт — помимо каких-то вполне симпатичных пирожков с самой разнообразной начинкой здесь продаются еще и расфасованные по маленьким прозрачным контейнерам овощные салаты.

Как правило, я быстро наедаюсь, поэтому беру один маленький пирожок с мясом и один большой салат. В хорошем кофе решаю себе не отказывать и, повернувшись к печально наблюдающему за мной Алексу, интересуюсь:

— Прокатимся до Старбакс?

Он кивает, и покупает себе несколько таких же пирожков.

— В знак солидарности, — поясняет. Как будто мне не все равно!

Решаю «троллить» его по возможности. Пусть не воображает, что я счастлива оказаться в его компании и исполнять его прихоти.

Старбакс — кафе-бренд отличного кофе, и до него мы поначалу едем молча. Наблюдаю за тем, как Алекс задаёт курс навигатору бортового компьютера в автомобиле. Достает влажные и сухие салфетки. Вытирает руки влажными, чтобы затем выхватить один пирожок

из пакета сухой салфеткой.

— Все еще злишься? — спрашивает, с аппетитом принимаясь за него прямо за рулём.

— Много чести, Алекс Спенсер, — поворачиваясь к окну. Я не желаю ему приятного аппетита.

— И что, так будет все путешествие?!

— Путешествие, — улыбаюсь, — ну, ты сказал! Нет, — подчеркиваю, — это лучшая его часть.

Дальше молчим. С удовлетворением подмечаю, что испортила ему аппетит — Алекс перестаёт жевать и откладывает пирожок. Задумчиво покусывает свои красиво очерченные, чувственные губы. С ужасом отвожу от них глаза, понимая, что в какой-то момент слишком засмотрелась.

— Жень, знаю, что должен озвучить план и свои соображения, да? Ты ведь этого ждёшь?

Молчу, осмысливая сказанное.

— Ну, как бы да! Желательно, — хмыкаю.

— Окей. Я уже говорил тебе, что мне есть, что предложить взамен на твою любезность! Ну, чтобы ты не смотрела на меня как на врага. Хотя, я предложил бы это в любом случае.

Жду продолжения.

— Сколько времени у Кати? — задает он вопрос, и мы больше не улыбаемся друг другу, даже язвительно.

Настроение мгновенно меняется — между нами как будто возникает временное перемирие. Встречаемся взглядами.

— Мало, — признаюсь как есть. Катя — это моя боль, — точнее не могу сказать!

— Даже приблизительно?

— Приблизительно... полгода, может год, — мне самой становится страшно от того, что я озвучила это вслух. Прячу вмиг похолодевшие руки в карманы.

— Не переживай, — Алекс останавливает машину под Старбаксом, и всем корпусом поворачивается ко мне, — я помогу! Сегодня же начну переговоры насчёт того, чтобы Катя была в числе первых в вашей стране на плановую операцию. Замена одной почки, да?

— Да.

— В числе реально первых, Жень. Я знаю нужных людей, и даже лично знаком с теми, благодаря кому вам пойдут навстречу. Все будет хорошо. Поверь.

Тоже поворачиваюсь к нему, чувствуя, как начинает предательски пощипывать глаза. Я не хочу расплакаться прямо здесь, но моя вконец расшатанная нервная система может в любой момент дать сбой.

— Это... это должно стоить больших денег. Что потребуется от нас?!

— Только от тебя, — Алекс говорит серьёзно, и смотрит пристально, так, что мурашки по коже, — и только одно. Просто помоги мне разобраться с тем, что важно для меня! Без попыток к бегству и прочих глупостей. Договорились?

Я киваю, плотая слезы. Конечно, да. К черту работу и Гришу, и вообще всех, если Кате сделают операцию, если Катя будет жить!

— Договорились! — произношу твёрдо, с благодарностью глядя ему в глаза. Для меня нет ничего важнее в данный момент. В груди щемит. Алекс протягивает мне руку. С готовностью вынимаю из кармана и вкладываю в его твёрдую ладонь свою.

Он сжимает мои холодные пальцы своими, обволакивая теплом и бархатом кожи.

Держит крепко. Отчего-то мое дыхание учащается.

Ясно, что это из-за волнительности момента. Мы вдруг застываем в тишине как два каменных изваяния, глядя в глаза друг другу. Робко улыбнувшись, я слегка отстраняюсь, разрывая зрительный контакт. Он тоже, но не отпускает мою руку.

— Разреши угостить тебя кофе? — смотрит вопросительно, разговаривая так тихо, что мне приходится чуть-чуть наклониться к нему снова, чтобы расслышать.

— Что?

— Кофе, — Алекс смотрит на мои губы.

Замираю, всего на миг. Заставляю себя перевести взгляд за окно, откидываясь на спинку сиденья.

Если он думает, что теперь я буду беспрекословно подчиняться ему, а может и кое-чего ещё, то очень ошибается! Конечно, ради Кати я постараюсь впредь выбирать выражения и, в целом, быть полубезнее с ним, но не более того.

Однако, я могу ошибаться в своих предположениях! Возможно, так он просто поддерживает меня. В любом случае, важно сохранять дистанцию. Я постараюсь помочь, и только.

— Буду благодарна! — не резко, но уверенно отнимаю у него свою руку, — пожалуйста, маленький латте без сахара, с нежирным молоком. Попьем здесь или внутри?

— Где захочешь. В идеале, в машине по пути в Лондон!

— В Лондон?

— Да. Я предлагаю сегодня переночевать там, а завтра двинемся в аэропорт и дальше, навстречу приключениям! — усмехается, — сегодня же тебе просто необходимо отдохнуть и выспаться. Ну а мне заняться решением Катиного вопроса. Идёт?

— Идёт, — легко соглашаюсь, — но, Алекс, мне нужен самый простой телефон с номером и выходом в интернет. Заедем по пути в какой-то недорогой магазинчик?

— Здесь ты уже можешь пользоваться своим телефоном.

— Я оставила его в багаже Кати, — признаюсь со вздохом, — я просто не думала, что...
гм, в общем, мне надо в магазин.

— Что я найду тебя, — произносит он и замолкает.

Мне немного неловко.

— Бери мой телефон, если надо, — продолжает Алекс, — я не буду никуда лезть и ничего выяснять! Хочешь, поклянусь? Я про почту.

Недоверчиво хмыкаю:

— Только про почту, да?

— Да, — смеется.

— Ясно. Поехали искать магазин с телефонами!

Киев, Украина

Катя сидит в своей комнате, плотно зашторенной, на стульчике за письменным столом. Чему-то загадочно улыбается, глядя в монитор старенького компьютера.

Вообще-то, сейчас это не только ее комната, временно. Катя делит ее с Пашей, одним из сыновей Элеоноры Юрьевны, но это пока в гостиной, где они живут с братом Лешей, идёт ремонт. Ремонт мелкий, можно сказать, косметический, но Паше из-за стройматериалов там места не нашлось. Обычно он, если не в школе, любит погонять во дворе мяч, чему Катя

несказанно рада. Особенно сегодня.

Она сидит, собрав сразу несколькими заколками-крабиками свои густые длинные кудри, чтобы не мешали, и что-то азартно печатает. На мониторе открыто сразу несколько окон — Фейсбук, гугл-переводчик и программа-переводчик яндекса. Рядом с клавиатурой, видимо для верности, лежит также раскрытый англо-русский словарь.

Катя ведёт активную переписку с неким пользователем фейсбука У.У на английском языке.

«Привет, как дела, вижу я твой единственный друг здесь?:)» (Катя).

«Привет, да:). Я зарегистрировался только вчера и ты права. Единственный и скорее всего, так и будет. Здесь:)» (У.У.).

«Это приятно. Неужели зарегистрировался специально для меня?»

«Может быть. У меня все хорошо. Как ты?»

Она немного раздумывает перед тем, как ответить. Произносит вслух, шёпотом, оглянувшись на дверь:

— Очень хреново, Уилл.

Затем быстро пишет: «Отлично! А ты?» и «Ой, извини, ты же ответил».

«Не стоит извинений. У тебя хороший английский!».

«Спасибо. Но это только потому что я обложила словарями, в том числе электронными».

«А у Жени английский идеальный. Она не учит тебя?».

«Нет, но она учит людей».

«Она преподаватель?».

«Да».

«Это заметно. Очень правильный и свободный английский. У нее все хорошо?».

«Да. А почему ты спрашиваешь?».

«Просто спросил. Чем занимаешься?».

«Пишу тебе...:)»

«Нам нельзя больше общаться. Если твоя сестра узнает, мне несдобровать...».

«Но почему?».

«Потому что ты маленькая девочка:(я просто хотел убедиться, что ты уже дома и все ок)».

«Не такая уж я и маленькая, мне почти 16!».

«Это слишком мало...».

«Мало для чего?».

«Даже для того, чтобы я мог просто написать тебе. Я думал почему-то, что ты старше».

«А сколько же лет тебе, У.У.?».

«Много. 26. Это пропасть между нами!».

«Не так уж и много. К примеру, мой папа старше своей жены, моей мачехи на 9 лет».

«И они счастливы?».

«Думаю, да. Это не от возраста зависит, ты же понимаешь».

«Понимаю. А что случилось с твоей мамой?».

«Ее больше нет. Давно...».

«Мне очень жаль».

«Спасибо».

«Как к тебе относится мачеха?».

«Очень хорошо».

«Классно».

«Да».

«Если бы ты только знала, чем я рискую, общаясь с тобой... Но не спрашивай меня ни о чем, я все равно не смогу сказать тебе правду, а неправду не хочу».

«Только одно — ты женат?».

«Нет, мимо:) Можно... я напишу тебе через 2 года?».

«Почему через 2?».

«Тогда тебе будет хотя бы 18. Мне придется удалиться отсюда. И самое лучшее сейчас, после нашего разговора. Я смогу найти тебя снова здесь?».

«Через 2 года?!».

«Да».

В дверь комнаты с озабоченным видом заглядывает Элеонора Юрьевна. Она в объемном теплом кардигане, черном с розами, и в темных уличных брюках-клеш.

— Лапочка, ты здесь?

— Да, — Катя испуганно вздрагивает, неловко прикрывая всем корпусом монитор компьютера. Элеонора заходит в комнату.

— Мне нужно выйти в магазин, а я там тесто раскатала. Поможешь с пельмешками? — подходит ближе.

— Помогу..

— Миску с фаршем я возле теста оставила, надо бы налепить, пока тесто не подсохло. Справишься? Что тут у тебя? — с любопытством заглядывает.

— Я уроки делаю, английский, — встрепенувшись снова, отвечает Катя.

— Ой, да какие тебе уроки, — вздыхает, качая головой, Элеонора.

— Мне тут очень надо доделать, кое-что, — поспешно говорит Катя, сгребая свои тетрадки, — и потом я сразу налеплю!

— Хорошо, — мачеха кивает, — ты только не затягивай, ладно? — не торопится уходить, — так Жене перешли задания, она тебе вечером все сделает.

— Хорошо, Элеонора Юрьевна!

Когда та, наконец, покидает комнату, Катя приникает к клавиатуре, набирая текст: «Пожалуйста, не удаляйся. Просто побудь ещё в фейсбуке».

У.У. не отвечает. Но Катя видит, что он в сети.

И она пишет снова: «Ты тоже не спрашивай меня ни о чем, обещаешь? Тогда я открою тебе одну тайну».

«Да».

«Может случиться так, что мне всегда будет 16 лет».

Напившись кофе и купив самый простенький смартфон, который только мне удалось найти в магазине, еду в компании Алекса в Лондон.

Первым делом, конечно, проверяю почту. Два письма от Кати: коротенькое сообщение о том, что доехала нормально, и второе, побольше, про Гришу, который притащился в аэропорт и скандалил там. Не соизволил даже подвезти их домой, но, как пишет Катя, на общественном транспорте без Гриши ехать было очень приятно.

Хмурюсь. Смотрю на Алекса искоса — он слушает музыку, видимо, давая мне возможность погрузиться в себя. Решаюсь позвонить папе при нем, все равно он не знает русского. Буду говорить коротко.

Немного нервничаю, бросив взгляд на часы. К тому моменту, как мы будем на месте, из-за разницы во времени звонить будет уже поздно. Не поднимать же их среди ночи. А завтра так вообще, полет в неизвестность! Эфиопия, о Боже. Мне страшно, и вместе с тем интересно. Выходит — страшно интересно. Улыбаюсь своим мыслям.

Отвечаю Кате бодрым и позитивным письмом с призывом держаться, и отмечая, что у меня все в полном порядке. Есть ещё пара писем от коллег, незначительных. Так, рабочие вопросы. Торопливо отвечаю одной по поводу каталога студенческих работ на конкурс, и другому по вопросу планирования методичек на этот год.

Ещё читаю письмо от Наташи Орловой, той самой моей коллеги и близкой приятельницы, которую я когда-то попросила письмом навеститься в Фонд «One more life» с вопросами. Вижу по дате, что она добросовестно отнеслась к моей просьбе, и коротко отписалась обо всем, что мне уже сегодня неактуально. Отвечаю ей несколькими строчками с благодарностью.

Выдохнув, решительно набираю номер отца. Он поднимает трубку почти сразу:

— Слушаю?

— Привет, пап. Это Женя.

— О! Женюсик.

— Да, это теперь мой номер, на всякий случай запиши! Как у вас дела, как Катя?

— Все хорошо! Там Гриша в панике..

— Это ничего, — обрываю его фразу, мучительно соображая, как бы мне соврать половчее, и вдруг папа сам даёт удобную площадку для манёвра:

— А чего ты там застряла вообще, тебе хоть заплатят за содействие?

— Ну конечно, — произношу вполне уверенно, — и даже более того! Мне предложили работу, краткосрочный контракт на услуги переводчика, — кошусь в сторону Алекса, подмечая, что он смотрит исключительно на дорогу, — платят хорошо. Я задержусь ещё на несколько дней.

— А как же твоя работа?

— У меня ещё отпуск, успею.

— Ну, добро, — слышу, как он вздыхает, — молодец. Но тут Гриша нам житья не даёт, перезвони ему сейчас. Не звонила ещё, или уже?

— Папа, — говорю твёрдо, и отворачиваюсь поближе к окну. Понижаю голос, — эта информация только для тебя. Чтобы ты мне не делал каждый раз дырку в голове этим Гришей... Послушай. Я развожусь с ним. Сразу, как только приеду!

— Ээ... да как же это?!

— Да вот так!

— Это из-за поездки, что ли..

— Нет, папа. Это случилось давно, мы с ним чужие люди..

— Это я во всем виноват! — перебивает он меня с горечью в голосе.

— Папа, ты здесь не причем. Расскажи лучше, как Катя! Ей на диализ скоро, держи на контроле, пожалуйста.

— Ой, ладно, — отец крикает и снова тяжело вздыхает, — как же так получилось-то? Ну, ты с ума сошла. Чьё это решение?

— Пап, мы не слышим друг друга. Мое! Я разберусь сама, — решаю побыть жесткой, — извини. Ты проследи, чтобы Катя не забывала о диализе, а то она всегда затягивает с этим до последнего — процедура-то ведь не из приятных, а потом ей плохо. Договорились?

— Что ты меня, как маленького, учишь, — начинает он заводиться, включая «авторитетного» отца семейства. Видимо, очень недоволен моим нежеланием сделать подробный доклад на тему развода. Но его это действительно не касается, — делаете из меня монстра какого-то, то ты, то Гриша! Я что, мало Катей занимаюсь? Ты это хочешь сказать?

Теперь уже вздыхаю я. Иногда он становился просто невменяемым. И в этом случае самое лучшее — просто закончить разговор, не вызывая излишней агрессии.

— Просто напомнила, — отвечаю почти кротко. Ну не перевоспитывать же этого тяжелого, странного человека?! Тем более, что мне не по плечу эта задача, — пора вернуться к работе. Всего хорошего, привет Катюше и Элеоноре Юрьевне!

Кладу трубку. Меня всю трясёт. Как обычно, после подобных диалогов с ним.

Пытаясь переключиться, перевожу взгляд сперва на серую ленту дороги с желтой разметкой, а затем на тощую зеленую растительность вдоль неё. Какие-то сплошные длинные кусты.

Начинает капать мелкий дождик. В салоне машины играет негромкая музыка, одна из песен группы «Scorpions». Я вслушиваюсь, и узнаю ее. «Still loving you». В груди что-то сладко и страшно замирает, заставляя забыть обо всем, кроме строчек песни.

Строчек и слов, раздирающих сейчас мою истстрадавшуюся, так и не нашедшую своего места в жизни и своего человека, душу. Они ранят меня в сердце, скребут по нему острыми осколками воспоминаний.

И в моей памяти немедленно всплывает тот поздний вечер, в окутанном сигаретным дымом танцклубе «Тыква», Нью-Йорк. Я, семнадцатилетняя, танцующая под эту самую песню в тесных объятиях Алекса.

Молча, бросаю взгляд на его напряжённый профиль. Интересно, он думает о том же?

Пятнадцать лет назад

Обнимаемся, тесно прижимаясь друг к другу. Двигаемся в такт музыки. Целуемся без остановки, все равно здесь так дымно и темно... а ещё, такие же парочки вокруг, что уже ничего не имеет значения. Вибрирую от счастья на каждое его прикосновение, теряя всякий стыд.

С нами в клубе Старк и его девушка, Бритни. Вот никогда бы не подумала, что этот громила способен на такие нежные чувства! Мы оставляем их за столиком распивать легкие

алкогольные коктейли и наслаждаться друг другом, а сами снова и снова ускользаем на танцпол.

Сегодня все медляки наши, и моя голова кружится. Руки Алекса невесомо соскальзывают с моей талии на попу. Смеясь, пытаюсь вернуть их обратно и он смеётся тоже.

— Поаккуратнее с барышней, — разрывает наш зрительный контакт чей-то голос, — здесь приличное место! Доброй ночи, Эжени.

Вздрагиваем, оба. Артист!

Он подошёл к нам совсем незаметно, и теперь просто стоит истуканом рядышком, среди танцующих. Улыбается мне. Музыка сменяется, но в этот раз снова звучит медленная композиция.

— Я сам разберусь, каким мне быть со своей девушкой, — грубовато отвечает ему Алекс. Я же почему-то смущаюсь.

— Доброй ночи, — отвечаю ему.

— А, так ты собственник! — усмехается он, — жаль. Я только хотел попросить один танец у Эжени. Конечно, барышня, вы можете отказать мне, ведь едва ли такой взрослый мужчина смог бы обратиться... - обращается Артист ко мне, но Алекс вновь прерывает его.

И снова очень грубо, как мне кажется, я даже с удивлением смотрю на него. Меня всегда воспитывали в уважении к старшим, а это человек старше нас вдвое как минимум. К тому же он член команды.

— Она не танцует, — отрезает Алекс, задвигая меня куда-то за свою спину, — с вами! А со мной — да.

— Искренне вам сочувствую, барышня! — отзывается тот так насмешливо, глядя мне прямо в глаза, что я вдруг краснею и говорю зачем-то, что вообще не против потанцевать с ним один танец.

Возможно, тут сказывается излишняя самоуверенность Алекса, который ведёт себя и в самом деле как собственник, а может быть, мне просто хочется как-то сгладить ситуацию.

Но — Артист мгновенно подхватывает меня, вполне вежливо, соблюдая дистанцию, и вот мы уже танцуем, а я вижу бешенство в глазах Алекса. Он резко разворачивается и уходит с танцпола.

Кручу головой, пытаюсь разглядеть в толпе его спину.

— А вот это было мудро, девочка, — сладко жмурясь, наклоняясь ко мне, жарко шепчет Артист, — никогда не позволяй мужчине поработить тебя, принимать за тебя решения! Иногда только делай вид, что он главный, это полезно для отношений. Но, знаешь... эти щенки не способны оценить тебя в полной мере, ни один из них. Только такой взрослый мужчина как я знает истинную ценность твоей чистой красоты, твоей свежести..

— Что вы такое говорите?! — возмущённо перебиваю его. Он что, клеит меня?

— Да, девочка, — Артист сжимает мою талию крепче, и на меня накатывает приступ тошноты. Наклоняется к моему уху ближе, — ведь ты — бриллиант чистой воды, который я мог бы очень хорошо огранить. Подумай. Я открою тебе один важный секрет — тот парень, с которым ты сейчас, не имеет перспективы на будущее. У него вообще нет будущего!

Я решительно сбрасываю его руки со своей талии и бегу, не оборачиваясь, искать Алекса.

Артист мерзок! Как все-таки Алекс был прав, что отказал ему за меня.

Нахожу его аж на крыльце у входа в клуб и тихонько подкрадываюсь сзади, со смехом

закрывая рукой глаза.

— Угадаешь? — удерживая одну руку на его глазах, выдергиваю другой у него из пальцев недокуренную сигарету. Бросаю далеко в урну, не попадаю.

Она описывает короткую светлую дугу в темноте, мигнув нам еле тлеющим кончиком. Алекс курит редко, но эти сигареты очень крепкие.

— Было бы странно, если бы не угадал! — отзывается, улыбаясь. Отнимает мои руки, разворачивая к себе, — и что он тебе сказал?

— Всякую фигню, — впиваюсь в его губы жарким поцелуем, — фу, ты невкусный, не кури больше!

— Не буду.

Отделение № 8 РОВД Святошинского района, Киев, Украина

На часах семь вечера. Гриша просовывает голову в один из маленьких кабинетов, рассчитанных на несколько человек.

— Разрешите, товарищ майор?

— О, Гришаня! — ему навстречу из-за слегка обшарпанного стола тут же поднимается грузный улыбчивый мужчина в форме, — проходи, одноклашка.

Тот заходит, весело позванивая чем-то в объемном супермаркетовском пакете. После рукопожатия и бурных приветствий, оба усаживаются.

— Я тут с ужином, — потрясает Гриша пакетом. Майор оживляется, и вскакивает снова, закрывая дверь кабинета изнутри на ключ.

— Давай тогда закроемся, — с энтузиазмом сгребает папки с бумагами в сторону и расстилает газетку, — когда б мы ещё так встретились! Ну, рассказывай, Гриша. Как ты?

— Да по-разному, — Гриша делает сложное выражение лица, — в работе весь. Как и ты. А что ж коллеги, уже все по домам? — косится на три письменных стола в кабинете, живописно заваленные рабочими материалами и мониторами.

— Кто где, но сегодня уже никого не жду, — машет рукой в сторону столов майор, — да и начальство на выезде. Я ж не зря тебя сегодня позвал. Так что расслабляемся, — хмыкает, откидываясь на спинку стула и наблюдая за тем, как быстро его старый знакомый раскладывает по одноразовым тарелкам уже порезанные хлеб, сыр, колбасу. Затем достаёт яблочный сок в пакете, одноразовые стаканчики и маленькую бутылку коньяка. Глаза майора радостно загораются. Они пьют по первой. Закусывают.

— Давай, Гришка, колись, с чем пришёл, — блаженно улыбаясь от удовольствия при виде того, что друг не затягивает со второй и уже разливает, говорит майор. Уставшему стражу правопорядка такое окончание рабочего дня кажется идеальным, — ко мне ж редко кто просто так заходит, на поболтать. Да ещё и посреди рабочей недели.

Гриша горестно вздыхает и поднимает вверх свой стаканчик.

— Зришь в корень! Давай за тебя, Гена. За твою проницательность.

— Работа такая, — грустно отзывается майор и, выдохнув, тоже пьет, — но спасибо.

Снова закусывают.

— Ох, хорошо пошла... Погоди, у меня тут ещё кое-чего есть, — достаёт из огромного напольного сейфа банку шпрот и открывашку. Ловко открывает, и по всему кабинету вмиг разливается острый, пряный запах рыбки в масле.

Мужчины дружно сооружают из этого нехитрые бутерброды, которые великолепно идут под третью стопку. Наконец, Гриша поднимает на приятеля бесконечно печальные глаза.

Тот, не выдержав, призывает «не быть как пионерка на совете дружины».

— Ну, так что за беда у тебя?!

— Беда, Гена.

— Конкретнее.

— Надо адресок один пробить!

— Какой адресок?

Гриша с готовностью достаёт клочок бумаги с адресом и полным названием

международного благотворительного фонда «One more life».

— Вот этой конторы. Где они сейчас?! Офис свой закрыли, жена моя пребывает благополучно в Америке, в их главной организации — работу ей там, видите ли, предложили, по последней информации. Мне-то она не звонит! И с ними связаться не могу. Подозреваю, что...

Гриша замолкает, и наливает следующую. Майор внимательно слушает, разглядывая клочок бумаги.

— Что?

— Худшее.

— Конкретнее?

Гриша выпивает стопку, и тут же выдыхает:

— Что у нее там любовник завелся.

Майор сочувственно выдерживает короткую паузу, чтобы затем спросить:

— Ну и что тебе это даст? Или ты думаешь, что они тебе прямо доложат по поводу любовника?

Гриша задумчиво чешет затылок.

— Что посоветуешь?

— С женой поговори. Как она в Америке-то очутилась?

— Долгая история! Отпустил я туда ее сам, в общем. Отношения, скажу тебе как есть, у нас последние пару лет были не очень. Папаша ее пургу какую-то гонит, она с ним регулярно созванивается! Что, мол, то телефон у нее глючит, то батарея села, то денег на звонок нет. Короче, как с лохом, — задыхаясь от возмущения, кладёт в рот целую шпротину и наливает по новой, — может, на него как-то надавить?

— Как?

— Ну, там, чтобы заставил перезвонить мне!

Майор со вздохом придвигает к себе стаканчик.

— Я не психолог, Гриша, тут не подскажу. Имеет он на нее влияние? Я, как бы, по другим вопросам. Могу разведать, где они сейчас разместились — я про украинский филиал. Но ты придёшь, и что? Пошлют тебя куда подальше, и все дела.

— Но это же контракт моей жены, на работу, — горячится Гриша, сверкая глазами, — они обязаны дать мне по ней информацию! Со мной никто не согласовывал эту ее работу, — запинается, — может, дадут копию контракта почитать, сроки там, оплата. А то от нее ведь ничего не добьёшься. Я про нее все только через папашу узнаю!

Замолкает. Майор усмехается, коснувшись края Гришиного стаканчика своим.

— Давай, за стойкость и мужество, Гриш. У нас тут не мусульманская страна, разрешения твоего никто спрашивать не будет! Захочет она, и разведется без твоего ведома. И в филиале том быстрее всего пошлют тебя на х, — опрокидывает стопку. Закусывает ломтем сыра, — с твоими копиями контрактов и прочей лабудой.

Гриша сидит каменным изваянием, плотно сомкнув губы.

— Вот так, — продолжает майор, с сожалением глядя на почти опустевшую бутылку, — суровая правда жизни.

— Так что же делать?! На тестя надавить?

— И что с того? Он, что ли, тебе за нее супружеский долг исполнять будет? Или ремня ей всыпет? Ну, ты как ребёнок, Гриша, ей-богу.

Гриша белеет лицом и разливает остатки коньяка по стаканам.

— Гена, херово все. Рогатый я, по ходу. Как узнать?!

Майор усмехается.

— Узнаешь рано или поздно.

— Мне бы пораньше.

— Всем бы... ты квартиру свою на нее не оформлял?

— Бог миловал, — мрачно отвечает тот, сооружая четырёхэтажный бутерброд из двух кусков хлеба, и еще двух из колбасы и сыра вперемешку, — все на мне! Вот если бы через Америку как-то узнать, чем она сейчас занимается после работы и где хвостом метёт... Выйду я, Гена, за еще одной.

— Погоди! Не коньяк, конечно, — майор лезет теперь куда-то в недра высокого, почти до потолка, ветхого шкафа, набитого миллионом папок, — но, - выдёргивает оттуда чекушку водки, — пить можно! А квартира в браке приобреталась?

— До брака, — буркает Гриша, — на меня.

— А вот за это грех не выпить! — восклицает майор и, наклонившись к внутреннему телефону, нажимает на нем пару кнопок, — Бевзюка ко мне.

Гриша смотрит вопросительно, майор подмигивает.

— Считай, что это наш спец по международным связям! Сейчас уладим твой вопрос.

Вопросительное выражение на лице Гриши сменяется уважительным. Оба уже хорошо навеселе. Подмигнув еще раз, майор открывает дверь и возвращается за стол. Разливает водку в три стаканчика.

Спустя буквально несколько минут, в кабинет заглядывает низенький мужчинка лет сорока, с проплешинами на голове.

— Звали, товарищ майор?

— Заходи, боец.

Майор коротко представляет их друг другу, и все трое с удовольствием «тяпают по рюмке» в воцарившейся приятной тишине. Закусывают.

Гриша снова порывается сбегать в магазин за закусью, но майор с хитрым видом достаёт откуда-то вторую банку шпрот. За столом — идиллия.

— Тут такое дело, Аркаша. Вот у Григория беда, жена уехала в Америку и ни слуху ни духу..

— В консульство обращались? — с готовностью отзывается Аркадий.

— Не то, — поясняет майор. Гриша же, с видом оскорблённого достоинства, переводит кроткий взгляд с одного на другого, — у него, это... как бы сказать помягче. Загуляла она, в общем. Информация нужна.

Плешивый сочувственно кивает головой.

— Это не факт, Гена, — строго вставляет свою реплику Гриша.

— Дай Бог. Вот у нашего Аркадия родственник — помощник шерифа в Штатах, и вообще родственники по всему миру раскиданы!

— Так точно, штат Висконсин, — докладывает Аркадий, — жена где территориально?

— Нью-Йорк. Далеко это оттуда?

— Далеко, да. Город или штат? А что конкретно узнать надо?

— Город. Есть фамилия девушки и название организации, где она сейчас работает. Интересует информация, работает ли, — при этих словах майора Гриша испуганно вскидывает на него глаза, — и как проводит досуг. Реально пробить?

— Реальной и даже легко, — кивает Аркадий, — при наличии денег. Можно сделать

заказ на информацию. Родич мой запрос на юридический адрес организации сделает, и человечка найдут, чтобы съездил-поспрашивал. Но, вы же понимаете, недёшево обойдётся.

— Сколько? — пересохшими губами спрашивает Гриша.

— Прикинуть надо, созвониться с нужными людьми.

— Ну ты прикинь, созвонись, — отвечает за Гришу майор, разливая по новой, — и сообщи. Вы контактами обменяйтесь и в добрый час, как говорится.

Квартира Колосковых, Киев

На кухне снова стойкий запах валерьянки. Немая сцена. Крайне расстроенные Владимир Ипполитович, Элеонора Юрьевна в мягком уголке и трое детей за столом.

Катя торопливо доедает свою гречку с сосиской. Мальчики тоже кушают быстро, но не потому, что куда-то торопятся, а потому что голодны. В тихий диалог родителей никто из них не вмешивается.

— Господи, да за что нам все эти испытания?

— Ты Бога-то не гневи, Эля.

— Я знала, что этим все закончится!

— Ну, знала и знала. Чего ж не сказала?

— Вот тебе бы все только шутки шутить.

— Да ты-то чем недовольна?!

— Я переживаю за Женечку, как мать.

— Или за то, что она может к нам жить попроситься?

— Ну как тебе не стыдно, Вова, — супруга вздергивает вверх тонкие крашеные брови, — да и где у нас тут разместиться?

Катя наклоняется к Паше, чтобы негромко поинтересоваться у него:

— Тебе комп не нужен пока?

Семиклассник пожимает плечами.

— Пока нет. А тебе надолго?

— Нет, не очень. Давай час я, час ты?

— Давай, — охотно соглашается он, уже предвкушая поиграть в стрелялки и стратегии.

— Павел, а уроки ты сделал?! — раздаётся резкий окрик его мамы. Он виновато втягивает голову в плечи, замолкая.

— Спасибо, все было очень вкусно, — поспешно говорит Катя и поднимается, чтобы первой помыть за собой тарелку.

— А что у тебя с уроками? — недовольно спрашивает у нее Владимир Ипполитович.

— Все в порядке, — бодро отвечает она, — я к себе.

— Будешь писать Жене, попроси ее подумать как следует, — ядовито бросает ей вслед супруга отца, словно читая мысли Кати.

Когда Катя, наконец, оказывается одна в своей комнате, то сразу включает компьютер и заходит в почту. Пишет Жене короткое, но содержательное письмо, в основном о том, что «Элеонора теперь все время ругается с папой, с тех пор как узнала о твоём предстоящем разводе» и с кучей вопросов о том, как дела и правда ли это? Отправляет.

Затем, обернувшись на дверь, быстро заходит в фейсбук. У.У. в сети. Сердечко Кати ёкает. Она выжидает пару минут.

«Привет, — пишет он первым, — как прошёл твой день? Рад видеть тебя онлайн».

«Привет, и я! Все хорошо, как ты?».

«Ещё работаю. Знаешь, у меня не выходит из головы то, что ты написала мне тогда».

«А где ты работаешь?».

«В службе вроде полиции, на очень маленькой оперативной должности:). Я не спрашиваю, почему ты так написала. Но могу ли я как-то помочь тебе?».

Катя немного медлит перед тем, как ответить:

«Нет, ты не можешь. Но спасибо».

«Возможно, ты ошибаешься».

«Возможно. А как дела у Алекса, он твой друг?».

«Скорее, мы работаем вместе. На одну организацию. Если ещё точнее — он мой шеф. А кто он вам?».

«Ух ты:). Он знакомый моей сестры. А ты не знаешь, Алекс женат?».

Катя слышит, как Элеонора ругается с Пашей за дверью, пытаясь запретить ему сидеть в интернете. Тот жалобно интересуется у нее в ответ, почему Кате можно, а ему нельзя.

Между тем, от У.У. приходит новое сообщение.

«Это интересно тебе или Евгении?».

«Евгения наверняка знает. Мне:). Он красивый, но такой серьёзный. Строгий шеф?».

«Да:). И женат».

Катя удивлена. Хотя с чего бы это, думает она. Неужели все ее домыслы насчёт Алекса — всего лишь плод подросткового романтического воображения?

Ведь ей казалось почему-то, что Алекс иногда так странно смотрит на Женю, с каким-то даже тайным обожанием. Она сразу подумала тогда, что он влюблён. А уж когда узнала от сестры некоторые подробности, то и вовсе пребывала в уверенности, что он до сих пор не остыл к ней!

Но все так просто и даже банально — сестру задержала в Америке необходимость помочь ему по работе, в знак благодарности за оказанную им услугу. А дома его ждёт любимая жена, может быть, дети. Хотя, в любом случае, Жека должна знать о его статусе! Если ещё не знает.

Катя решительно придвигает к себе поближе клавиатуру, и заходит в почту, но тут ее ожидает жестокое разочарование — интернета нет.

Она выходит из комнаты, чтобы проверить вай-фай роутер и обнаруживает, что его кто-то вообще снял! Выясняется, что Паша «нагрубил маме» и она не придумала ничего лучшего, кроме как наказать всех, отключив интернет.

Катя немедленно идёт к папе! Но он, с виноватым видом просит ее «обождать до завтра, пока Эля воспитывает мальчиков». Кате обидно до слёз. И горше всего то, что ей не удалось попрощаться с Уиллом.

Алекс подъезжает по выложенной мягким светлым гравием дорожке к высокому монолитному забору. Створка ворот плавно отодвигается в сторону, пропуская машину внутрь к одноэтажному, уютному на вид коттеджу из красного кирпича.

Я с любопытством осматриваюсь, выходя из авто. Здесь явно чувствуется дух минимализма и стиль — в этих аккуратных, геометрически правильно остриженных кустах, густом газоне сочно-зелёного цвета, толстых столбиках и нескольких ступенях у входа в дом, заканчивающихся на площадке возле массивной двери из тёмной породы дерева.

Несмотря на холодный воздух и непрекращающуюся морось, дышится легко. Иногда проглядывающее из-за сизых туч солнце золотит окна и влажную зелень, окутывая дом и прилегающую к нему территорию рассеянным светом, делая их почти волшебными.

Засматриваюсь на небольшую террасу, и в голову тут же лезут неуместные мысли о том, как здорово на ней, должно быть, пить кофе по утрам. Или по вечерам.

Алекс подходит сзади, близко и неожиданно. В какой-то момент мне даже чудится, будто он касается моих волос. Резко оборачиваюсь.

— Нравится?

— Да. Чей это дом?

— Мой. Проведём ночь здесь.

Как-то это звучит... уж очень интимно. Передергивая плечами, делаю от него шаг в сторону.

— Извини, Алекс, но мне будет комфортнее переночевать в гостинице!

Он молчит, изучая меня.

— Я замужняя женщина, знаешь ли, — добавляю.

— И что это значит?

— Если для тебя ничего, то для меня кое-что значит, — после тёплого салона машины я начинаю зябнуть на холодном ветру. Сую руки в карманы своей тонкой ветровки.

— Ты беспокоишься о своей репутации или о том, что буду тебя домогаться? — насмешливо интересуется Алекс.

— Ну, допустим, о репутации, — прищуриваюсь.

— Здесь тебя никто не знает, — смеётся, — если увидит. А если нет, то я унесу эту тайну с собой в могилу!

— Какую тайну?

— Значит, перспектива быть изнасилованной тебя не пугает?

— А она реально есть?

— Реально нет. Идём в дом? Ты замёрзла, — подступает ближе, а я отступаю снова. Размышляю. Сдаюсь.

В конце концов, как представляю, что надо ехать искать гостиницу, тратить деньги на нее, затем искать супермаркет, чтобы сообразить себе что-то на ужин... Пусть лучше он этим заморачивается! Одна ночь в доме Алекса — она ничего не значит. Мы будем в разных комнатах, и я закроюсь. Вздыхаю. Обогнув его, решительно иду к дому, он за мной.

Внутри дома все изысканно и строго, но, несмотря на подчеркнутую аскетичность, подмечаю, что роскошь присутствует в мелких деталях. Алекс показывает мне мою комнату и где можно помыть руки, а сам идёт разжигать камин.

Мне нравится этот дом, он не может не нравиться! Небольшой, но функциональный, декорированный изнутри в светлых тонах, с ультрасовременной техникой по типу «умного дома».

Вдыхаю его тонкие ароматы. Это и мебель из натуральной древесины, и приятные запахи лимонного дерева в горшке на окне, мраморная крошка камина, какой-то еле уловимый шлейф то ли мужского парфюма, то ли ароматических свеч... стою, погружённая в атмосферу дома. Очаровываюсь ею, забыв про Алекса.

Он весело интересуется, не против ли я классического английского ужина «фиш энд чипс». То есть, рыбы и картофеля. Вообще, я неприхотлива в еде, да и ситуация как-то не располагает к капризам, поэтому согласилась бы и на горбушку хлеба с чаем. Словом, соглашаюсь.

— Или можем заказать что-нибудь? — уточняет.

С улыбкой, я отрицательно качаю головой.

Иду за ним на кухню из чистого любопытства. Да и, пожалуй, решив не обременять себя напускной скромностью. Зачем? Веду себя естественно. Мне даже отчего-то легко с ним.

Свою помощь Алексу не предлагаю, потому что знаю по опыту — на своей кухне самому сподручнее организовать еду на двоих, это куда быстрее и легче, чем кому-то рассказывать и показывать, где что лежит и чем заняться. Во всяком случае, для меня так.

Он действительно очень быстро управляется с двумя огромными кусками белой и розовой рыбы, по-видимому морской, помыв и засунув их с солью и специями в какую-то сверхсовременную штуковину по типу аэрогриля. Затем, как заправская хозяйка, чистит и красиво нарежает картошку, отправляя ее в духовку в интересной посудине.

Ужинаем мы на стульчиках с мягкими спинками в комнате, которую уместно было бы назвать столовой. Я смотрю на вазу с цветами посередине нашего стола, на изысканную посуду, слушаю, как потрескивают всего в нескольких метрах от нас дрова в камине, наслаждаюсь вкусной пищей и — думаю о своей однушке в Киеве. Вернее, о Гришиной.

Впечатление такое, что я здесь случайно и не к месту.

Впрочем, так оно и есть. Как будто бы сейчас выскочит откуда-то из-за тяжёлой портьеры кинооператор, и скажет нам: «Стоп, снято». Захватывающе-остросюжетный фильм о Джеймсе Бонде! И я, девушка Бонда. Ну, или там, личный секретарь.

Вдруг вспоминаю о Кате. Смешные мысли исчезают, уступив место нечаянной радости. Если он поможет мне, вернее нам, я буду век благодарна Алексу. Всегда. Сколько буду жить, столько буду помнить...

Его телефон звонит. Алекс смотрит на меня, видимо, колеблясь, брать ли при мне трубку. Откладывает вилку, прикасается к губам тканевой салфеткой. Я отвожу взгляд в сторону, и он говорит:

— Але! Привет, Хилл, — смеётся. Делает паузу, — ужинаю, наслаждаюсь вечером, — скашивает на меня глаза.

Я встаю, изящно промокнув губы салфеткой и аккуратно собирая за собой грязную посуду, чтобы, так сказать, соответствовать. Чувствуя, что уже наелась, и давая ему возможность поговорить, иду с этим всем на кухню. Слышу, как он говорит кому-то:

— Макс Талер, ты уверен?.. Я понял. Обращу внимание. Но, Хилл, мне кажется, это все издержки твоего чутья. Неудивительно, что ты до сих пор не женат. А может, просто завидуешь моему отпуску? — посмеиваясь, сгребает тарелки и, кажется, идёт за мной. Начинаю мыть посуду.

— Ладно, убедил. Я вообще-то планировал лететь общими авиалиниями, но полечу нашим бортом. Какая смена завтра, не знаешь?.. Надеюсь, Костнер не обидится, — улыбается, облакачиваясь спиной о столешницу и наблюдая за мной, — как там вообще?.. Отлично. Спасибо, пока.

Он кладет телефон на столешницу, и я благодарю его за вкусный ужин. А он благодарит меня за чистую посуду, но говорит это с таким весёлым лукавством, что я чувствую наигранность, или некую натянутость общения, словно мы ведём себя как два актёра на сцене, с заранее отрепетированными репликами. Не знаю, откуда вдруг это появилось. Не потому ли, что мы не говорим вслух и половины того, о чем думаем на самом деле?

— Кстати, Тень, — будто небрежно, произносит он. И я вздрагиваю.

— Тень?

— Да, помнишь его?

— Помню.

— Макс Талер. Мне удалось пристроить его на хорошую работку. У него оказались неплохие аналитические способности и феноменальная память.

Вытираю руки очень мягким кухонным полотенцем. Разговаривая, мы перемещаемся обратно в столовую, к камину. У меня наступает почти эйфория, такое великолепное ощущение сытости и тепла. Я, наконец, согрелась.

— Что, неужели он тоже агент? — спрашиваю с любопытством, разглядывая фотографии в тяжелых серебряных рамках на камине. Алекс в детстве, Алекс в компании стройного седовласого мужчины, красивая пара с младенцем...

— Не совсем, но близко. Есть службы, давай назовём их так, которые обеспечивают деятельность нашей организации. Например, служба ищеек, служба отрядов быстрого реагирования, всякие спецлаборатории... ну, и так далее. Каждый ведущий агент Ми-6, согласно своему профилю, курирует одну из таких служб. Талер работает у ищеек, ну, мы их так называем между собой, — наши взгляды встречаются, — думаю, он совсем скатился бы в криминал, если бы не эта работа.

— Он, наверное, благодарен тебе?

— Наверное. Может быть, десерт? — резко меняет тему Алекс, — например... шоколадный торт?

Прожигает меня насквозь взглядом. Я так некстати вспоминаю тот далёкий вечер, и совместное поедание шоколадного торта... Где-то внизу живота все скручивает узлом. Поцелуй... Как юны и беззаботны мы были тогда!

Я была тогда по-настоящему счастлива, ну или так чувствовала.

Интересно, Алекс специально вернул меня мыслями в прошлое? Чтобы хоть как-то сгладить неловкость затянувшейся паузы и переключить нас на что-нибудь другое, хватаю первое попавшееся детское фото Алекса в компании приятного пожилого мужчины.

— Нет, спасибо, я наелась. Это твой дед?

— Да.

— Помню, как хотела познакомиться с ним, — улыбаюсь, разглядывая фото.

— Поехали, познакомлю, — отвечает Алекс запросто, — ему будет приятно. Я давно у него не был!

С сомнением смотрю сначала на него, после на окна. Ещё совсем светло. Но он серьёзно?! Зачем? Алекс трактует мое молчание по-своему.

— Поехали, тут недалеко.

— Но, что я ему скажу... Как его зовут?

— Ничего говорить и не нужно. Максимилиан.

Все это кажется, наверное, очень странным, но я иду за ним и надеваю свою ветровку.

Когда-то я действительно хотела познакомиться и пообщаться с этим человеком. Будет интересно на него взглянуть, в любом случае.

Сначала заезжаем в цветочную лавку, стеклянная витрина которой уставлена также открытками и книгами. Алекс просит меня подождать в машине. Это удивляет.

Надеюсь, цветы не мне? Если дедушке, то тоже как-то необычно. Но, возможно, это даже мило, трогательно. Может быть, книга в подарок деду? Мне бы тоже хотелось купить ему что-то приятное!

Пока я раздумываю таким образом, Алекс уже выходит с плетеной корзиночкой в руках и с чем-то ярким в ней. Кладёт ее в багажник, а я вытягиваю шею, стараясь разглядеть незаметно, что там. Неужели фрукты?

Пока едем дальше, невольно думаю о том, что у него ведь, кроме деда, никого из родственников нет. Или есть? Алекс кажется таким погружённым в себя сейчас, что я не решаюсь задавать вопросы.

Вероятнее всего, из-за загруженности по работе он редко бывает у деда и, наверное, оттого чувствует себя виноватым. Интересно, как давно они виделись?

Наш путь пролегает мимо большого и старого, если не сказать заброшенного, парка, который вдруг за одним из поворотов дороги резко заканчивается высокой каменной аркой-сводом. Очень древней, судя по ее виду. Неспешно выходим из машины.

Пока я с открытым ртом созерцаю арку и уходящее вглубь нее некое подобие каменного коридора, Алекс достаёт корзинку. Перевожу на нее взгляд.

— Амарант, — отвечает он на мой немой вопрос тут же. В корзинке удивительной красоты малюсенький куст с крупными сочными листьями и ярко-красными гроздьевидными цветами, — символ веры и бессмертия. Они нравились ему, в его дворе до сих пор растут такие.

Только в этот момент я окончательно понимаю, что Алекс привез меня на кладбище.

В горле застрекает ком, молча иду за ним. Он усмехается, видимо заметив ошарашенное выражение моего лица. Пытается «скрасить» мрачность этого места своим рассказом о нем:

— Хайгейтское кладбище, одно из старейших в Лондоне. В его восточную часть каждый день водят туристов за деньги, там преимущественно захоронения девятнадцатого века. Как по мне жуть, ни за что не ходил бы по кладбищу просто поглазеть. Но о вкусах не спорят, как сказал, английский, кстати, классик...

Алекс болтает и ещё что-то. Но я ясно вижу, что за всей этой пространной речью он прячет от меня свою пронзительную тоску.

Мы бредем посреди тишины и умиротворения. Это не похоже ни на что виденное мною раньше, и я начинаю понимать, почему туристов тянет сюда — страшное и прекрасное место, готическая романтика, как говорит Алекс.

Со всех сторон сразу нас обступают плотными стенами буйные зеленые заросли. Одна бы я точно заблудилась здесь.

Мы долго петляем извилистыми тропками среди каменных ангелов и кельтских крестов, пока он не останавливается, наконец, перед ухоженным памятником. На нем толстый католический крест из белого мрамора и контур портрета с полным именем, датами рождения и смерти.

— Привет, дед, — произносит Алекс и ставит цветы, а я замираю в неподвижности.

Пусть Бог простит меня, но я ведь тоже почти сирота. С отцом нас давно уже ничего не связывает, кроме кровных уз и забот о Кате. Мой отец живет в каком-то своём, далеком мире, в котором для меня нет места. И если вдруг не станет сестры, то останусь совсем одна.

Алекс молчит. Я чувствую, как в уголках моих глаз вскипают слёзы, и чувствую его боль, почти физически. Хочу поддержать, но не знаю как. Подхожу ближе, касаясь рукава его куртки.

Его тёплые пальцы находят мои, и переплетают их. Так и стоим, взявшись за руки. Почему-то это происходит органично и естественно.

— Как это произошло, почему? — спрашиваю шёпотом, глядя на крест с благоговением.

— Больное сердце.

— Он прожил девяносто два года, почтенный возраст, — стараюсь говорить бодро.

— Да, — соглашается Алекс, — но я бы отдал жизнь за то, чтобы он прожил ещё хотя бы несколько лет.

— Ты так любил его?

— Любил, — задумчиво отвечает он и поворачивается ко мне, глядя в глаза, — это слово неспособно выразить мои чувства к нему! Я обязан ему всем, что у меня есть. Всем хорошим.

Я киваю, думая о маме. Мне понятно и близко то, о чем он говорит сейчас.

— Знаешь, а я ему рассказывал о тебе, — с улыбкой продолжает Алекс.

— Правда? — вскидываю на него глаза.

— Да.

— И что он сказал?

— Сказал, что я ещё ничего не понимаю и принадлежу к поколению, которое не готово поручиться за свой завтрашний день, не говоря уже о том, чтобы взять на себя ответственность за семью.

— Ну, он был прав, — пожимаю плечами, — если ты пришёл к нему с рассказом обо мне в восемнадцать лет.

— Может быть. А ты, — впивается в меня острым взглядом, — рассказывала кому-нибудь о нас? Кому-нибудь очень близкому?

— Нет, — не хочу врать. И с удивлением понимаю, что я действительно никому не рассказывала! Скупой рассказ Кате, без подробностей, столько лет спустя не в счёт. Мне просто некому было рассказывать.

Тогда я приехала совершенно разбитая, и собирала себя ещё много лет по кусочкам после него. Уставшей от ухода за младенцем маме были бы неинтересны детали моей первой серьёзной влюбленности, да она бы и не одобрила многое, а общение с подругами я надолго прекратила.

Что касается Лале, Джен и Сиюнь — то они видели только то, что было на поверхности наших встреч, там я тоже особо не живописала.

Замечаю почти шок в глазах Алекса, но он тут же напускает на себя равнодушный вид. Никак не комментирует, однако я вижу, что ему неприятно. Улыбаюсь, пытаюсь перевести все в шутку:

— Ну а что здесь такого?! Или это, наверное, тоже один из видов психического отклонения?

— Не волнуйся, ты вполне нормальна, — холодно отвечает он, и наши пальцы

размыкаются, — если не любила.

С деловитым видом срывает ветку с низкого раскидистого дерева рядом, и начинает сосредоточенно смахивать ею невидимую пыль с памятника.

— Я любила, Алекс! Ты не прав, — отзываюсь со всей горячностью, но тут у него звонит телефон. Он немедленно отходит на несколько метров в сторону, извинившись.

Несколькими часами ранее, Лондон

Невзрачного вида молодой человек, одежда которого хотя и тусклых оттенков, но хорошего кроя, на вид примерно лет от тридцати пяти до сорока, входит в закусочную «Прэт а Мангер».

У него есть деньги, но ему нравится, что здесь можно поесть быстро и недорого.

Он бывает здесь раз в две недели или чаще, в зависимости от обстоятельств. В такие дождливые дни, как этот, чашка горячего и наваристого супа спасает его от простуды.

Молодой человек делает заказ, не глядя в меню, и достаёт телефон. Юная официантка кокетливо улыбается ему, пряча блокнотик и карандаш в объёмный карман униформы нежного кремового цвета. Он переводит ленивый взгляд за окно, по стеклу которого струится дождь. А внутри так тепло и сухо...

Подносит трубку к уху, нажимая вызов. Приятный женский голос с сексуальной хрипотцой отзывается почти сразу:

— Привет, Макс.

— Привет, Женевьева!

— Набери меня в шесть.

— Эм... неудобно говорить?

— Удобно. Но, — она хмыкает или просто медлит, — я люблю тебя слушать под черный кофе с сигаретой.

Молодой человек улыбается.

— Давно он тебе не звонил? У меня кое-что срочное.

— Говори.

— Он ушёл в отпуск, да ещё так неожиданно, что я об этом только узнал!

— В отпуск? — его собеседница явно взволнована, — ты уверен, что это не какая-нибудь операция под прикрытием?

— Дорогая Дженни, я не могу быть уверен ни в чем, что касается твоего мужа! У меня не тот уровень доступа к секретной информации, ты же знаешь. Но официально это так. Я пробовал выяснить подробности у одного из тех, с кем он близок, у Хилла, но после первого же ненавязчивого вопроса нарвался на его пристальный интерес. Пришлось делать глупое лицо. И это еще самый общительный из его друзей, Дженни!

— Знаю. Выясни, что он теперь собирается делать!

— Я не понимаю как, прости. Все, что я мог — это собрать почти официальную информацию для тебя.

— Макс, это важно! Я кое-что чувствую, — она колеблется или раздумывает, — что, возможно, это наш второй шанс! С ним что-то происходит сейчас, я уверена. Наконец-то, он хоть немного выпадет из своей вечной круговерти и в этот момент рядом должна оказаться я. Узнай, летит ли он куда-нибудь на отдых, это был бы идеальный вариант!

— Но как, я не в курсе, полетит ли он одним из личных бортов МИ-6 или обычными

авиалиниями, и если да, то под какой из фамилий, я даже не знаю их все..

— Макс, — она перебивает тоном, не терпящим возражений, — послушай меня. Умножь на два ту цифру, которую я переводила тебе в последний раз. И ещё на два за срочность, если информация будет у меня в течение суток!

Он молчит, но недолго.

— Хорошо! Я очень постараюсь, Дженни, но ничего не обещаю..

— Обещай, Макс, — отрезает она безапелляционно, — считай, что для меня это вопрос жизни и смерти.

— Хорошо, — ворчит он, — до связи.

— До связи!

Молодой человек кладет телефон на стол и усмехается чему-то, понятному ему одному.

— Ну, если вам ТАК нравится тратить ваш семейный бюджет, — произносит он негромко, наблюдая за группкой людей, столпившихся у барной стойки.

У англичан это особая традиция — встать всем вместе у одного столика и пропустить по пинте пива за разговорами о том, как прошел день. Они не присаживаются за столики, не используют барные стулья, а просто потягивают свое пиво стоя, за добродушным общением, ничуть не мешая при этом другим посетителям. Минут через двадцать, обменявшись новостями, все расходятся по своим делам.

Назад едем в молчании. Алекс почему-то нервничает, я чувствую. Но не думаю, что это как-то связано с дедом, нет.

Что же его беспокоит? Работа? А может, он уже не уверен, что удастся помочь с Катей? Впрочем, со мной он ведёт себя более чем предупредительно.

Однако стоит нам зайти в дом, как Алекс тут же сообщает, что ему нужно уехать и, возможно, ночевать мне здесь предстоит одной.

— Ты же так хотела, — добавляет с улыбкой.

Облегченно вздыхаю. Да, это чужой дом.

Но я не боюсь оставаться в нем одна, потому что весь дом начинен какими-то датчиками, а во дворе я заметила камеры наблюдения. Если Алекс и вправду агент на службе безопасности Ее Величества, то, думаю, охрана тут на высшем уровне.

Честно признаться, я гораздо больше опасаясь увидеть его на пороге моей спальни с... бокалами и бутылочкой вина, к примеру. Или с подобным глупым предложением. Подозреваю, что он вполне способен выкинуть что-нибудь эдакое.

Неуместный флирт Алекса иногда бесит! Ему, возможно, хочется веселья или необременительного приключения, даже секса. Мне же, в любом случае, скоро придется возвращаться в свои серые украинские будни и настроение мое далеко не такое радужное.

Хотя главная причина, конечно, в другом.

Для меня это было бы слишком больно. Это просто как обесценить все то, что у нас было, пошлым романчиком во время деловой поездки!

Погруженная в невеселые мысли, я гляжу на него холодно и строго. Нужно постоянно помнить о дистанции между нами.

Много позже, дома, которого у меня, кстати, больше нет, поскольку от Гриши нужно будет съезжать в срочном порядке, я так и быть, позволю себе расслабиться и отпустить эмоции. Может быть, поплачу о несбывшихся мечтах в подушку. Позволю себе расклеиться!

Слишком много времени мне приходилось быть сильной, без права на слезы и обиды. Так и неврастеничкой стать недолго. Если я не уже...

Не хочу беспокоить его сегодня данным мне обещанием по поводу Кати, но обязательно напомню о нем позже. Бездумно киваю в ответ на болтовню Алекса.

И все же, я не могу не сказать, проведив его до входной двери:

— Алекс, тогда, то, что ты сказал... на кладбище. По поводу моих чувств, свое мнение! Так вот, это не так. Ты обидел меня.

— Я, тебя?! — он неожиданно меняет курс на сто восемьдесят градусов и возвращается, резко приблизившись ко мне. Невольно отступаю, удивлённая его реакцией.

Мне-то казалось — он знает, что для меня тогда тоже все было серьёзно! И что я никак не заслуживаю ни того высокомерного тона, который иногда у него «проскакивает», ни странных шуточек на тему нашего расставания. Как будто бы страдал только он один.

— Да. Я очень виновата перед тобой, это правда! — признаю, отодвигаясь от него на безопасное расстояние, но он незаметно следует за мной, — но я любила тебя. Что за дурацкая привычка подсказывать ко мне вплотную, ты плохо видишь? Или слышишь?!

— Я плохо чувствую, — вместо того, чтобы отодвинуться, он кладет руки мне на талию и подтягивает к себе.

Трусливо подрагивая, замираю, но все же пытаюсь его контролировать.

— Ты часто врешь, изворачиваешься, — продолжает Алекс уверенно, — и снова сбежала бы, если бы не Катя, не так ли?! Знаешь, если бы ты любила меня, уверен, я бы это почувствовал... а так. Все ложь.

У меня начинает кружиться голова. Он наклоняется ниже.

— Алекс, перестань! — протестую, отталкивая его. Он отпускает меня. Отпрыгиваю на шаг в сторону, — и в чем это я соврала, скажи, конкретно?! — я действительно в искреннем изумлении.

Откуда в нем такая агрессия, подозрения? Ну да, я сбежала, и что? Неужели он думал, что буду рада его приказу помогать в ликвидации неугодных?

— Например, в том, что касается твоего мужа! Я знаю, что ты разводишься.

В моих глазах темнеет от ужаса происходящего.

— Я только не понимаю, зачем, — спокойно напирает он с вопросами, — итак, зачем же?

— Затем, что, — мучительно раздумываю, — да как ты вообще узнал об этом? Подслушивал?

Алекс вздыхает.

— У меня не простая машина, ты же в курсе моей работы? Там есть устройство, которое автоматически информирует меня обо всем, что происходит в салоне. Программа-переводчик в нем присутствует тоже... тебе интересны тонкости или не хочешь отвечать на вопрос, Женя?!

— Но, — произношу почти в отчаянии. Боже, как неприятно, что он слышал тот разговор с отцом, — ты должен был сказать мне. Что слушаешь.

— Я должен был вмешаться в разговор? После это уже не имело смысла.

Молчу, и он тоже. Но упорно ждет продолжения. И, судя по всему, уже никуда не торопится.

— Так зачем врала, что любишь мужа, ждешь встречи, спешишь к нему?!

— Ну... в конце концов, — я мнусь как школьница, — потому что... это в какой-то мере обезопасило бы меня от твоих возможных приставаний. Все же так попроще выстраивать общение, согласишься! После всего, что было.

Он смеётся, и это почему-то очень задевает.

— А что было? Если ты думаешь, Женя, что мое возможное желание соблазнить тебя мог бы остановить какой-то там мифический муж, то ты просто дурочка, — выдаёт без церемоний.

Багровею. Только собираюсь съязвить что-нибудь в ответ о его непорядочности, как вовремя вспоминаю о Кате. Не время и не место. Я должна быть умнее его. Хитрее... я много чего должна!

— Ладно, извини, — быстро меняю риторику. Хмыкаю, — давай мир? Будем считать, что оба погорячились. Никаких соблазнов, мужей и взаимных оскорблений! Я пошутила. Просто это очень личное, понимаешь? Потому не рассказала. Я знаю, что мы друзья, и оба порядочные люди. Предлагаю закончить на этом.

— Нет, ты не дурочка, — он холодно улыбается, и в глазах его мелькает что-то странное. Опасное. Или давно забытое, возможно, — беру свои слова обратно! Мир, — протягивает руку.

Мне не остаётся ничего другого, кроме как пожать ее.

Алекс уходит, пожелав мне спокойной ночи, и бросив на меня украдкой короткий пристальный взгляд. Обессиленная после наших словесных баталий, возвращаюсь в свою комнату. Мое временное пристанище.

Конечно, я не собираюсь ничего тут осматривать, тем более, что все здесь явно наштиговано техникой, которая тут же «доложит» об этом Алексу. Бесцельно попереключав каналы на телевизоре минут двадцать, я выключаю его совсем.

После иду в душ. Стоит отметить, что несмотря на крайне напряженные отношения с Алексом, в его доме мне спокойно и комфортно, и дело здесь не только и не столько в обстановке или технике. Мне просто хорошо. Уютно.

Скорее всего, это связано с появившимся после всех моих злоключений чувством безопасности. Относительной безопасности, разумеется.

А ведь раньше все было наоборот — именно Алекс приносил в мою жизнь экстрим и опасность!

Однако это он спас меня от потери почки. И спасает сейчас Катю.

Искупавшись, иду на кухню попить воды. Не в силах побороть неуместное любопытство, заглядываю в холодильник. Содержимое меня не слишком удивляет — много всякой всячины, включая консервацию, красную икру, экзотические фрукты... Шампанское? Да он гурман! Когда это он собирался его тут распивать, пока я сплю, что ли?

Возвращаюсь к себе, чтобы укутаться в одеяло и немедленно погрузиться в сон.

Я так устала.

Засыпая, вспоминаю о том, что надо бы написать Наташе с просьбой сообщить от меня руководству кафедры, что я приболела. С больничным потом как-нибудь разберусь.

Конечно же, сразу возникнет вопрос, почему об этом сообщает не Гриша, но мне становится дурно при одной только мысли о подобном разговоре с ним, это раз, и два, он ведь назло не сделает так, как я прошу, и тогда меня попросту уволят. А этого нельзя допустить, никак нельзя...

Государственная медицинская клиника Брэдфорда, Йоркшир

В закрытой ординаторской молчат две женщины в белых халатах, там же находится эффектная брюнетка лет тридцати или чуть меньше, в модном брючном костюме. Она сидит, красиво скрестив свои длинные стройные ноги и сложив руки в умоляющем жесте.

— Женестьева, ты сошла с ума, — наконец, раздраженно произносит та из двоих, что помладше, — нас могут лишить по твоей милости лицензии, навсегда! И потом, это подсудное дело.

— Господи, да знаю я, — восклицает Женестьева, — мне должна помочь не ты, конечно, а Шарлот, — кресло делает плавный полуоборот от движения ее каблуков и вот уже она прожигает взглядом Шарлотту, — милая, если ты не придумаешь мне диагноз, любой, и не откроешь больничный, я просто прямо сейчас возьму машину и уеду, все! Я вам клянусь.

— Но куда?!

— В Лондон, Лиза, — спокойно отвечает брюнетка своей двоюродной сестре.

Женщины-врачи надолго замолкают, переглядываясь.

— Если ты не расскажешь нам обо всем, что стряслось, мы не будем помогать тебе! — заявляет Лиза, нервно прохаживаясь вокруг ее кресла, — не понимаю. Если так нужен отпуск, почему бы просто не переговорить с начальством? Я знаю, что тебя очень ценят, и

хотя бы несколько дней за свой счёт..

— Ты не знаешь всего, Лиз, — отрицательно мотает головой девушка, — что такое наша лаборатория? Все отпуска, даже срочные, планируются минимум за год, а сейчас у нас в разработке и на тесте две серьёзные вакцины одновременно. И я одна из ведущих разработчиков! Меня не отпустят. Ни под каким предлогом. Только болезнь или смерть. Точка.

И снова пауза.

— Но, ради Бога, Дженни, ты можешь объяснить, что случилось?! В чем срочность?

Она отвечает не сразу. Вздыхает.

— Я еду к Алексу, девочки! — ее немного удивляет, что обе они, вместо того, чтобы порадоваться за нее и поддержать, вдруг замолкают со странными лицами, — ну да... мы не жили вместе последние несколько лет. Вы прекрасно знаете причину. Но он все ещё мой муж, надеюсь, вы не забыли об этом? Алекс взял отпуск, впервые за очень долгое время, понимаете? Это как знак! Я хочу быть там, хочу быть с ним! Я поеду в Лондон, сегодня, и останусь..

— Но как же твоя карьера, Дженни?

— Плевать мне на карьеру, переведусь обратно в Лондон. Куда угодно. Или вообще, оставлю все, если он захочет! У нас есть более важные дела. Планы..

— Дженни, — Лиза очень встревожена. Она касается плеча Женевьевы, ласково поглаживая, но та только раздраженно смахивает ее руку, сверкнув укоризненным взглядом, — а... он звал тебя?

— Почему он должен звать меня, Алекс мой муж.

— Вы не созванивались? — спрашивает Шарлотта.

— Не беспокойтесь, я не поеду сразу к нему домой, я же не сумасшедшая. Сначала... остановлюсь где-нибудь, приведу себя в порядок, затем... у нас будет как бы случайная встреча, возможно, я даже позвоню ему..

Женщины дружно вздыхают, а Дженни закатывает глаза.

— Ну какой же ты ещё ребёнок, Дженни, несмотря на то, что химик с научной степенью! — произносит Лиза, — я не знаю, что тебе сказать..

— Я сделаю ей больничный, — вмешивается Шарлотта решительно.

Они снова встречаются с Лизой взглядами, но она только упрямо качает головой, несмотря на предостерегающий взгляд подруги. Дженни, счастливая, душит ее в своих объятиях.

Когда она, рассыпавшись в благодарностях и с обещанием быть постоянно на связи, уходит, Лиза закуривает, приоткрыв окно.

— Шарлот, на твоём месте я бы не стала этого делать, — признаётся по-честному, — хотя бы оформи все так, чтобы к тебе потом было поменьше вопросов! Джен может подставить тебя, ненарочно, но..

— Я все понимаю, Лиз! Но она бы уехала в любом случае, это же очевидно. Кстати. Ты обратила внимание на этот лихорадочный румянец, блеск в глазах... она все еще принимает антидепрессанты?

— Нет, давно нет, впрочем, я не уверена. Дженни хорошая талантливая девочка, но когда речь заходит об Алексе, то она становится совершенно экзальтированной. У нее какая-то болезненная страсть к мужу. Знаешь, — Лиза глубоко затягивается сигаретой, и медленно выпускает в окно струю дыма. Шарлотта внимательно слушает ее, не перебивая, — боюсь,

что их брак остался только на бумаге, а она так и не поняла этого! Как думаешь, стоит мне позвонить Алексу?

Киев, Украина

Катя уже старательно зашнуровывает кроссовки в прихожей, когда Владимир Ипполитович замечает, что дочь куда-то уходит, и откладывает газету.

— Ты куда, Катюш?

— Четверг, папа, — она вздыхает, улыбаясь. Кончики пальцев неприятно покалывает, и Катя немного встряхивает руки, — художка!

По четвергам в это время она всегда занимается изобразительным искусством в художественной школе неподалёку от дома, а папа никак не запомнит этого.

— Ааа, ну да, — одобрительно кивает он. Хмурит брови, — кстати, Катя. А что там с твоим диализом, скоро?

— Да, — настроение ее сразу падает. Она уже предвидит следующий вопрос.

— Когда?

— У меня там календарик есть, я отмечаю, — и это правда. Но Катя решила в этот раз чуть сдвинуть график, благо, Жени нет, никто проверять не станет. Ей очень нужно пообщаться с Уиллом, да и Жене написать, а если ехать на диализ — это потеря целого дня, а то и на ночь оставят. Элеонора Юрьевна обещала сегодня после обеда включить вай фай роутер! Так что никакой разницы, делать ли диализ завтра или после выходных. Поэтому она отвечает уверенно, — в понедельник! Пока, пап.

— И ты молчишь, — ворчит он, — пока.

Катя закидывает рюкзак за плечи, выходит во двор и радостно вдыхает свежий весенний воздух. Здоровается с соседской девочкой. Нарочно замедляет шаг, чтобы насмотреться вдоволь на оживающую после затяжной зимы природу, и удивляется кудрявым толстым листочкам на каштанах, которые уже пробились из почек, и всюю начинают разворачиваться.

Ей вспоминаются строчки из стихотворения Агнии Барто «Весна, весна на улице...» о весенней Москве, но здесь же все то же самое, думает она, и трамвайные звонки, и птицы, и шумный, веселый, зелёный Киев! На душе становится легко и солнечно.

Она идёт так неспешно, то наблюдая за скачущими в луже воробьями, то погружаясь в собственные фантазии, что совсем не замечает машины, которая едет за ней на небольшом расстоянии.

На удобном для широкого красного опеля участке дороги, он вдруг делает резкий вираж и, обогнав бредущую по тротуару Катю, паркуется. Оттуда выходит Гриша, с букетом ромашек в красивой полупрозрачной бумаге.

Он идёт напрямиком к Кате, расплываясь в улыбке, крокодиловой, думается ей. Есть слезы крокодила, а у Гриши — улыбка. Развернуться и убежать, к сожалению, не вариант. А жаль.

— Цветы для красивой девушки, — произносит он с фальшивым восхищением, и она морщится, останавливаясь.

— Привет, Гриша, — прячет руки в карманы, не принимая цветы, — извини, но мне их некуда деть! Я иду на занятия.

— Прогуляй, — бодренько говорит он, подмигивая, — ну же! Бери. Пойдем в кафешку,

кофе угощу? Как дела?

— Нет, — отвечает она с неприязнью, — мне нельзя кофе. И я не прогуливаю уроки!

— А мороженое?

— Спасибо, нет, — качает головой и пытается обойти его.

— Что ты, что сестрица твоя! — восклицает он злобно, открывая машину и бросая букет на задние сиденья. Поворачивается к ней, — ну извини за тот раз, в аэропорту. Я ж не оскорбил никого? Просто поспрашивал. Ну, согласишься, имею право — ты приехала, моя жена нет, как так?

— Гриша, — Катя поднимает на него взгляд и говорит неожиданно твёрдо, — я опаздываю. Дай пройти!

— Ты что же, и пять минут со мной поговорить не хочешь?!

— Мне некогда и не о чем.

— Вот так?

— Вот так, — она делает быстрый шаг вправо и огибает его, чтобы затем, скользящим сердцем, перейти дорогу и скрыться из виду в переулочке. Но он бежит за ней. Хватает за плечо.

— Стой!

Катя пытается снять его руку со своей куртки, чувствуя, как по всему телу волной прокатывается озноб — верный предвестник скорого приступа.

— А ну, говори, что вы все скрываете, — беснуется Гриша, — кто там к ней яйца уже подкатывает?

— Вызови скорую... Гриша, — Катя оседает на его руках, бледнея, — мне очень плохо. Он замолкает, в растерянности глядя на нее, и помогает опуститься прямо на землю.

Лондон, Великобритания

Сладко жмурясь, просыпаюсь от негромкого стука в дверь. Распахиваю глаза. Эта комната такая светлая, она уже вся залита солнечным светом! Я проспала?

Дверь открывается, и в ее проёме я вижу Алекса, свеженького и подтянутого, в чем-то синем. Красавчик.

— Привет, соня, — он улыбается, но, к счастью, не заходит дальше в комнату, — до чего же крепко ты спишь! Кофе в постель не предлагаю, — скользит по мне взглядом, а я автоматически натягиваю одеяло до подбородка. Смеётся, — не старайся, я помню каждый сантиметр твоего тела... Завтрак почти готов! Жду тебя в столовой.

И закрывает дверь, не дожидаясь моей реакции.

— Так уж и каждый, — ворчу, поднимаясь.

Бегу в ванную и быстренько привожу себя в порядок. Эфиопия — это сегодня? Кажется, да. Вся дрожу от волнения. Что ему там надо, интересно, и для чего понадобилась я? Попробую аккуратно выведать в дороге.

Спускаюсь, полностью одетая к вылету. Стараюсь не думать о том, что это может быть не самолет, чтобы зря не расстраиваться. Время дорого. Тащу и свою дорожную сумку, ставлю ее на пол в столовой. Алекс поднимается из-за стола при моем появлении, бросив критический взгляд на сумку.

— Прощу, — отодвигает для меня стул. Он — безупречный джентльмен.

— Привет, спасибо, — сажусь, обозревая завтрак. Яичница-глазунья с беконом, тушенная

фасоль, тосты и накрытые фарфоровыми крышечками тарелки с овсянкой, кофе, сливки, фрукты, — ого! Я как будто в Букингемском дворце на завтраке. Или ты хочешь, чтобы я съела все и не влезла в самолёт?

— Ну, может это наша последняя возможность поесть нормально в ближайшие, — Алекс делает паузу, смеясь, — скажем, несколько дней. Как ты относишься к ынджеру?

— К чему?

— Национальная эфиопская рыхлая лепешка из травы, — искренне веселится, — приятного аппетита!

— Спасибо, — отвечаю без энтузиазма, принимаясь, однако, за еду, — начало ободряющее! Только не говори, что это все приготовил ты сам, лично?

— Не скажу, — загадочно отвечает он, — сегодня тебе предоставится уникальная возможность лететь бортом, принадлежащим МИ-6, так что ничему не удивляйся. Время полёта — семь часов! На этом удобства временно заканчиваются. Дальше нам предстоит увлекательное путешествие с рюкзаками, по равнинным саваннам и распаханым плато, — явно наслаждается встревоженным выражением моего лица, — но недолго.

— А потом что, нас пристрелят местные плантаторы?

Он замолкает. Не могу понять, о чем он думает, изучая меня. Наливает себе кофе, медленно. Я же «уписываю» за обе щёки — все очень вкусное, чего мне теряться.

— Как считаешь, опасность есть? — это он меня спрашивает?! — кофе?

— Спасибо, да, — киваю. От хорошего кофе я никогда не отказываюсь, — надеюсь, нет, а что, мне уже нужно начинать бояться? К кому мы туда едем вообще? — решаю, что пришло время спросить «в лоб». И он отвечает.

— К Бобу Ласти. Знаешь такого?

— Нет, — говорю абсолютно искренне. Немного стесняясь, кладу на тарелку добавку из тушёной фасоли. Не припоминаю, чтобы я ела когда-нибудь настолько нежную. Переворачиваю ее вилкой, пытаюсь распознать дополнительные ингредиенты. Наверное, леди из его окружения столько не едят!

— Кстати, — продолжает Алекс, — знаешь ли ты, что средняя температура воздуха там сейчас 26 градусов со знаком плюс? И это нам ещё повезло, сухой сезон. Поэтому будет не лишним заехать прикупить тебе чего-нибудь летнего и шляпу.

— А что за место? — нервно ерзаю на стуле.

— Бахр-Дар.

Ну что ж, он ничего от меня не скрывает, уже хорошо. Может быть, стоит написать Кате на всякий случай, где я? Воображение услужливо рисует яркую картинку нашего бегства от чернокожего местного населения по распаханым, как он изволил выразиться, плато.

Снова смотрю на Алекса с нескрываемым беспокойством.

— А зачем нам этот Боб?

— Вот, я ждал этот вопрос, — он отвечает почти с удовлетворением. Наблюдает за мной, — вижу, что это имя тебе ни о чем не говорит. Это не настоящее имя человека из нашего с тобой общего прошлого. Но теперь он Боб Ласти.

— Из нашего прошлого? — вздрагиваю. Откладываю вилку, аппетит пропадает напрочь, — но кто он на самом деле? И как связан с «One more life»?

— Никак, — Алекс выглядит очень спокойным, — я уже говорил, что про «One more life» мы забываем раз и навсегда. Ты не помнишь?

— Помню. Вернее, — снова ерзаю, — ты говорил, что это дело нужно тебе лично? Этс

правда?

— Да. Исключительно мне. Но, может быть, и тебе тоже будет интересно.

— Мне?

— Да. Боб когда-то обманул тебя, возможно. Это плохой человек.

— Насколько плохой?

— Нельзя быть одинаково плохим для всех, Эжени, — философски изрекает он, а на меня вдруг накатывает прошлое от одного этого имени из его уст. Замираю, — для кого-то он плохой, а для кого-то, может быть, хороший.

Повисает пауза. Мы оба сидим, не двигаясь, а в моей голове бьет набатом всего один вопрос, который давно не давал покоя. Задаю его, хотя, возможно, это будет стоить мне очень дорого.

— Скажи, Алекс, — смотрю на него в упор, — зачем ты убил Пола Мюррея? Это же был ты?

Я вижу, как напрягается его челюсть, но он не отводит взгляд.

— Наверное, я не должен отвечать, но отвечу. Я убил его ради тебя.

— Это как? — холодею.

— Мне пришлось. Когда ты попала в беду и я случайно узнал об этом, у меня совсем не оставалось времени на более обдуманные действия. Поэтому пришлось срочно «связать» его с одной международной террористической организацией, которую мы ликвидировали в тот момент. Я подтасовал факты таким образом, чтобы подозрение пало в том числе и на него. Если бы он выжил, наши все равно раскололи бы его, и стало бы очевидным, что он непричастен. А так, его след затерялся, и я сумел незаметно вытянуть вас с сестрой. Если тебе станет легче, скажу, что это был редкий мерзавец, на счету которого много загубленных жизней.

Алекс замолкает, а я чувствую себя на грани обморока. С одной стороны — он действительно сделал это ради нас с Катей, а с другой... пытаюсь унять дрожь в руках. Эти люди, в МИ-6, жестокие убийцы!

— А скольких людей убил ты? — вырывается у меня вопрос.

— Я не считаю, — жестко обрубает он в ответ. Смотрит на меня, потом встаёт и наливает в стакан воду, бросает туда что-то из шкафчика на кухне, — держи, выпей. Там успокоительное.

Послушно делаю несколько глотков, но мои пальцы по-прежнему неконтролируемо дрожат, и потому он сам держит стакан возле моих губ, стоя рядом. Приходится пить из его рук. Вспоминаю, не к месту, как он заботливо удерживал меня над унитазом, когда меня рвало после драки в казино, тогда, много лет назад.

Отпив, легонько отталкиваю стакан, машинально благодарю. Затем провожу рукой по лицу, успокаиваясь.

— Кому-то надо это делать, пойми, — говорит он и отходит, усаживаясь за свой стул, как ни в чем не бывало. Берет салфетку, — бывает, что приходится. Но мы — воины света, Женья. Сравнение пафосное, да, но вот к примеру, те террористы, которые были ликвидированы недавно, планировали теракт, сопоставимый по масштабу с последствиями теракта 11 сентября 2001 года в Штатах... понимаешь?

Киваю. Сглатываю.

— Прости. Я, наверное, должна сказать тебе спасибо! Не наверное, точно. Спасибо..

— Не нужно. Достаточно будет, чтобы не смотрела на меня с таким ужасом, — отвечает

тихо. Смотрит на свою чашку, крутит ее в руках.

— А, — я кусаю губы, — насчёт Штатов. Мы, наверное, теперь в розыске, да?

— Нет. Расслабься. Ваша встреча произошла в кафе, с владельцем которого мы, скажем так, сотрудничаем. Видеозаписи в тот день не велись ни в кафе, ни на улице возле, по техническим причинам, — улыбается, — так что мы даже можем позволить себе спокойно съездить в Нью-Йорк и разыскать ту бутылку на пляже, помнишь?

Не знаю, как ему это удаётся, но я действительно расслабляюсь, совсем. А может, это успокоительное Алекса так действует? Улыбаюсь тоже, и даже съедаю ещё один тост с джемом. В конце концов, он прав. Во всем, что сказал. И я на самом деле очень благодарна ему!

— Да, ты — воин света, Алекс! — говорю ему вполне серьёзно, повинуюсь порыву, — я очень уважаю тебя, поверь. То, что вы делаете, это правда, по-настоящему круто.

Но он почему-то мрачнеет, и дальше мы пьем кофе в тишине, недолго. Меня распирает от эмоций, но я молчу, пытаюсь уложить все сказанное им в своей голове «по полочкам».

— Ещё кое-что, — говорит он, когда наши чашки пустеют, — пойдём, покажу.

Мы встаём, и Алекс приводит меня в какую-то комнату-сейф, в которую попадаем не сразу, а после его определённых манипуляций с введением кодов на нескольких дверях.

Заходим в прохладное помещение, выделанное в белых тонах, со множеством шкафов и шкафчиков, с длинным высоким столом под мощными, как в операционной, лампами, и удобной кушеткой посередине.

Подмечаю, что все замки за нами защёлкиваются автоматически.

— Надеюсь, ты не оставишь меня здесь для опытов? — пытаюсь шутить.

— Заманчиво, но нет, — отвечает он, — это что-то типа моего личного медкабинета. Здесь я зализываю раны, если ничего сложного. И делаю себе инъекции. У тебя есть аллергия на что-то? Может быть, какой-то медпрепарат?

— Нет, — говорю удивлённо.

— Гостям Эфиопии рекомендуется сделать прививку от желтой лихорадки в качестве профилактики. Остальное не так страшно, если не будешь пить местную воду. Я взял две вакцины для нас, — открывает холодильник, вынимает две дозы, упакованные в длинные узкие коробочки, — ты как, готова сделать? Доверишься мне?

Алекс

Стоим-молчим, как двое тугодумов. Смотрим друг на друга. Тишина здесь привычна — толстые стены. Боятся инъекции, или меня?

Если меня, то поздновато как бы. Усмехаюсь. Я мог бы сделать с ней все, что захочу! Но не сделаю. Правда в том, что на самом-то деле все как раз наоборот. Это она может вытворять со мной, что захочет. Просто как факт.

Против фактов не попрешь, и меня во многом держало на плаву по жизни именно умение принимать любые факты быстро. Даже когда не нравится — особенно, когда не нравится. Вся моя жизнь, сука, это принятие фактов. Я, было, решил даже, что меня уже ничто не пробьет на настоящую, живую эмоцию! Толстокожий слон, как она правильно сказала. Я ошибался.

Читаю сомнение на лице Жени, и еще какие-то смешанные чувства, которых так сразу не разобрать. Повернувшись к столу, начинаю распаковывать дозы, они должны немного нагреться. Инъекцию себе сделаю в любом случае. Ей можно не делать, если упрется, но это все равно, что проблема на ровном месте — зачем? Желтая лихорадка, просто плюс один риск.

А зачем я вообще беру ее с собой? Знаю ведь, почти наверняка, что не Бенджи забрал ее тогда из общаги. Значит, весь вопрос только в этом маленьком «почти». Или хочу взять ее с собой, чтобы она была рядом, когда я буду встречаться со своим прошлым лицом к лицу? Нашим, совместным прошлым, неважно нравится ей это или нет.

Женя снова вторглась в мое жизненное пространство и как-то очень незаметно начинает забирать все больше места в моей голове, вытесняя оттуда остальное. Я дурею от этого, но просто плыву по течению, как соломинка, не сопротивляясь. Что, если они все же были любовниками, и она знала о его планах?

— Почему ты разводишься? — задаю вопрос, ответ на который действительно жду. Я знаю лучше многих, что брак это часто просто бумажка, которую легко аннулировать. Но любопытство гложет меня. Кто этот человек, которого она выбрала — почему, какой он? Большой соблазн узнать о нем больше, и в том числе от нее.

Я стою к Жене вполоборота, делая привычные перед любой инъекцией манипуляции. На автомате, меряю температуру тела, давление, при этом жадно впитывая внутренним чутьем ее реакцию на вопрос.

Дёргается, вздыхает. Волнуется? Смотрю на приборы — даже мои собственные жизненные показатели почему-то скачут. Это что, заразное?

— Мы оказались разными людьми, вот так просто, — и снова вздыхает, — просто до смешного!

— Разве это смешно? — поворачиваюсь к ней, заканчивая свои манипуляции. Проверяю температуру вакцины, — похоже, не сошлись характерами — самая распространённая причина разводов и расставаний, да?

— Да, — соглашается, внимательно наблюдая за мной, — вам эти медицинские познания в МИ-6, что ли, дают?

— И эти тоже, — подмигиваю. Женя знает, как разрядить напряженную атмосферу

вопросом ни о чем. Не уверен до конца, делает ли она это специально, или это умение всех женщин в принципе, — я умею колоть без боли.

Натягиваю кожу пальцами левой руки, быстро ввожу иглу на глубину пяти сантиметров, подтягиваю поршень для исключения попадания иглы в сосуд и только после этого медленно ввожу вакцину. Извлекаю иглу быстро, одним движением. Обрабатываю место инъекции и ставлю пластырь.

— А как передаётся желтая лихорадка? — она полна любопытства. С готовностью закатывает рукав своей рубашечки. Замираю от ее простого действия, с удовольствием прислушиваясь к себе. Боюсь спугнуть эмоции, как бабочек, случайно севших на одежду. Не знаю, как это действует, но оно работает, точно.

— Не так быстро, — осторожно приближаюсь к Жене, прочищая горло тихим покашливанием. Мой голос ломает, как у подростка, от ее близости. Будь она продуманной сукой, давно бы заметила. И воспользовалась! А так, ничего. Ведёт себя, как будто мы едва знакомы. Как чужая добродетельная жена, подчеркнуто. Или играет, быть может, — мне нужно тебя осмотреть. Вирус желтой лихорадки передается инфицированными комарами. Единственное надёжное средство от этого — вакцина. Она безопасна, ставят даже шестимесячным. Одна доза обеспечивает пожизненный иммунитет. Так что нам повезло!

Отвечаю чисто машинально, а все мое хищное внимание теперь фокусируется на ней одной. Испытываю болезненную тягу прикоснуться к Жене.

— Э... осмотреть?! — у нее ступор.

— Ну да. Температура тела, сердцебиение, легкие, пульс, — это я перегибаю, конечно. Осмотреть Женю важно, но не критично, и сделать это реально за минуту. Я же собираюсь растянуть удовольствие, — есть необходимость, понимаешь? Чтобы точно знать, что ты здорова и готова к вакцинации.

Она заметно нервничает, пожевывая нижнюю губу, отчего у меня все обрывает внутри. Как у несдержанного подростка! Наконец, кивает мне.

— Ну, хорошо. Стоя, сидя? — спрашивает растерянно.

— Как тебе удобнее, — бросает в жар от постановки вопроса. Посмеиваюсь про себя, хотя боюсь всерьез слететь с катушек и повести себя неожиданно.

— Тогда я присяду, — решительно садится на кушетку. Бесы внутри меня ликуют, получая иллюзию свободы.

Дезинфицирую руки. Затем придвигаю к кушетке низкий стульчик на колесиках, на который сажусь сам. Женя наблюдает за мной с явной настороженностью, даже не пытаюсь скрыть ее. Улыбаюсь ей. Подъезжаю на колёсиках ближе, толкнувшись ногой от пола. Теперь наши лица почти на одном уровне. Я чувствую ее запах.

Мне нужен один тест, через минуту.

Изумляет даже не то, как Женя действует на меня физически, хотя и тут очень приятно, а то, как она влияет на мой мозг в целом.

С ней мне снова восемнадцать. Это острое ощущение! Неизведанное, где-то дикое для меня. Потеря контроля, частично. Я ополоумел настолько, что тащу ее с собой в Эфиопию, и совершаю другие не самые умные поступки. Что дальше? Не могу сдержать себя в желании изучить это глубже.

Я уже и не вспомню, как давно настолько сильно хотел женщину. Уверен, секс помог бы мне восстановить полную картинку того, что со мной происходит. Со мной и между нами, если она даст нам такую возможность.

Женя обреченно молчит. Беру ее запястье, нежно. Нахожу пульс вручную, невесомо поглаживая теплую кожу пальцами. На столе валяется техника, которая считала бы все ее параметры за секунды.

Шелковистость кожи Жени, ее запах снова немного сбивают ритм моего дыхания. Фак. Чувствую себя животным!

— Так. Теперь послушаем сердце, — легко раздвигаю ее ноги, подъезжая к ней на стульчике максимально близко, — ты позволишь? Это удобнее.

Она подпрыгивает от неожиданности, возмущается:

— Ты обалдел, что ли? А если бы я была в юбке?!

— Что-нибудь придумали бы, — отвечаю уклончиво, — уложили бы тебя на кушетку, например, — расстегиваю ее рубашку на пару пуговиц сверху. Женины глаза округляются. Хватает меня за руку, — ну хорошо, давай сама. Ты в лифчике?

— Думаю, эту часть осмотра можно пропустить, — вдруг заразительно смеется, — что там у тебя ещё? Давление, температура?

— К осмотру перед вакцинацией нельзя относиться легкомысленно, — напускаю на себя строгий вид, и она перестает улыбаться. Задумывается. Сижу, не двигаясь, в ожидании ее подчинения.

— Снимай рубашку, — нахожу предмет, напоминающий стетоскоп. Сойдет, Женя не производит впечатления человека, хорошо разбирающегося в медтехнике, — мне нужно послушать твои легкие. Если есть хоть какие-то сомнения, процедуру лучше отложить.

Она верит. Но все же замечаю, что робость и сомнения буквально грызут ее изнутри. Просит отвернуться, что я и делаю. Сглатываю. Так трудно быть послушным ей!

— Готово, — слышу и оборачиваюсь. Женя сидит ровная, как палка, старательно прикрыв ладошками грудь, которая и без того упакована в лифчик из плотной ткани. Выглядит забавно.

Самое время для моего теста! Не касаясь ее тела, наклоняюсь вперед, к лицу. Затем беру его в свои ладони, фиксируя Женю в одном положении и наблюдая ее зрачки. Они резко расширяются — эмоциональное возбуждение налицо. Это возможно как от страха, так и от желания. Второе, конечно, куда предпочтительнее. Хотя вряд ли она думает, что я привел ее сюда убивать. Итак, останавливаемся на варианте желание!

— Посмотрим, — отпускаю ее лицо, опасаясь нового приступа стыдливости. Женя почти не дышит, пока я, склонившись над ней, неторопливо слушаю ее дыхание, заставляя то дышать, то не дышать. С любовью, неспешно закрепляю тонометр на ее теле и исследую жизненные параметры. Которые свидетельствуют о ее необъяснимом, сильном волнении! Похоже, это уже очевидно даже для нее. Нам просто нельзя быть так близко, когда мы касаемся друг друга, если не хотим взрыва.

Он неминуем, но я, в отличие от Жени, принимаю его как неизбежное. И нас накрывает, обоих.

— Все?! — Женя срывает с себя тонометр, едва он успевает пискнуть о том, что снял показатели. Отодвигается вместе с кушеткой, со скрипом. Быстро отходит от меня подальше.

— Что с тобой? — упорно иду за ней, включая непонимающего. Как она. Помещение небольшое, бежать некуда. Хотя, сейчас я догнал бы Женю везде.

Загоняю в угол, чтобы задать свой вопрос, когда мы снова оказываемся очень близко благодаря моей настойчивости:

— Ты что же, неровно дышишь ко мне, до сих пор?

— Что? — Женья то краснеет, то бледнеет, — я не поняла...

Ее близость приводит в действие спусковой крючок моего неадекватности. Стараюсь выровнять дыхание и унять бессвязный поток пошлых мыслей. Мне уже пох на результаты нашей поездки. На здравый смысл. В глазах темнеет от желания впиться в нее поцелуем и раздеть с максимальной скоростью! Войти без резинки и долго-долго двигаться вместе, проникая в мозги друг друга. И она уже делает это, в моей голове.

— Женья, — просто предлагаю, — ведь ясно же как день, что мы оба хотим... Надеюсь, не станешь отрицать?! Давай снимем напряжение вместе? Пойдем в спальню, — протягиваю ей руку, ладонью вверх. Прошу, — пожалуйста.

Ее просто парализует, судя по выражению лица.

Не может же она быть такой ханжой? Женья почти не изменилась внешне, но вот характер поменялся, и сильно. Я помню ее другой — смелой и свободной.

— Только не говори мне о неземной любви к мужу. Все равно не поверю. Я хочу тебя!

— Ты больной человек, Алекс, — произносит в ужасе. Вжимается в стенку, как будто могу ее принудить. Мне больно видеть это, поэтому отвожу взгляд. Туплю, стоя истуканом несколько секунд.

Потом беру себя под жесткий контроль. Мне больно, но, в общем, волна безумия откатывается. Понемногу прихожу в себя. Отхожу, стараясь не выдать, что изнутри рассыпаюсь на атомы, занимаясь подготовкой шприца и вакцины. Можно колоть.

— Нет так нет, — говорю ей, — потом не проси, — пытаюсь шутить, — если готова, подходи для инъекции.

В груди давит и жжёт невыраженными, глубоко загнанными внутрь чувствами. Это крах! Мне в принципе уже ничего не нужно проверять, и даже очень желанный секс с Женей ни при чем. Я итак все знаю.

— Ладно, извини, сорвало с катушек немного, — приходится признать. Нельзя, чтобы она боялась меня, — все в порядке?

Park Terrace Restaurant, Лондон

Ненавязчиво, тихо играет рояль. За роялем — приятная девушка. Звуки музыки, льющиеся из-под ее пальцев, призваны создавать идеально расслабляющую атмосферу ресторана. Так и есть. Все вокруг, кроме быстрых, расторопных официантов в форменной одежде, золотисто и сонно. Время кажется застывшим.

На террасе, за столиком с великолепным видом на Кенсингтонские сады, расположился невзрачный, тщедушного вида молодой человек в отличном костюме-тройке и сверкающих дорогой кожей туфлях. Развалившись в кресле, он смотрит на буйную зелень с загадочной полуулыбкой на лице, глубоко погруженный в свои мысли. Но стоит на террасе появиться привлекательной, стройной брюнетке, направляющейся к его столику быстрым шагом, как он моментально поднимается со своего места. Застывает в немом восхищении и, отодвинув стул для нее, терпеливо ждёт. Брюнетка, недовольно осмотревшись по сторонам, присаживается.

— Дженни, ты великолепна! Впрочем, как всегда.

— Привет, Макс, — она морщит нос, — спасибо, это лишнее. Я не нуждаюсь в твоих комплиментах. И, кстати, не собираюсь оплачивать шикарный заказ в подобном месте, поэтому обойдешься чаем!

— Здесь его, между прочим, двенадцать сортов, — замечает он ей, смеясь, — детка. Ну

как ты могла подумать, что я хочу пообедать за твой счёт? Более того. Я угощаю!

— Как это щедро, — ядовито отзывается она, хмыкая, — Макс, а я ведь даже обижаться на тебя не могу. Ты очень чудной.

— Чудной — не самое плохое слово!

— А кто сказал, что плохое? — она даже не прикасается к меню, целиком увлеченная своим собеседником. Потирает руки, — ну, рассказывай, что ты узнал?

— Почему ваши пути разошлись, Дженни? — неожиданно спрашивает он, — ты никогда не говорила мне. Ну, кроме там стандартных отговорок для любопытствующих?

Она чертыхается.

— Макс, не будь любопытствующим! И не испытывай мое терпение, пожалуйста. Итак?

— Хорошо, но я всегда знал, что он тебя не стоит, — заявляет Макс, прежде чем приступить к своему отчету. Он даже не скрывает своего нервного возбуждения, — итак, что мне удалось установить. Кажется, на сей раз это что-то очень необычное! Чую крупное дельце. Алекс не просто так ушёл в отпуск. У него появились какие-то свои интересы, конечно, пока неясно, какие именно. Но либо кто-то серьёзно прищемил ему хвост и он теперь занимается личным, возможно, безопасностью, либо... он что-то нарыл такое, на чем хочет нелегально заработать.

Глаза Макса Талера горят воодушевлением. Он даже закуривает, чего обычно не делает никогда, Дженни же внимательно слушает дальше, не проронив ни слова. Когда услужливый официант подходит, чтобы принять заказ, оба, общаясь с ним, уже изнывают от нетерпения продолжить разговор.

Тем не менее, собеседник Дженни заказывает за двоих, и заказывает роскошно. Вначале он просит принести им чай Royal, к которому автоматически прилагается по бокалу шампанского, а затем — ланч из трёх блюд, включая десерт. Уговаривает Женевьеву попробовать мраморное мясо с латуком и анчоусами. Ей настолько все равно, что она соглашается, не дослушав.

Макс с довольным видом отпускает официанта, продолжая повествовать.

— Стало известно, что Алекс спешил с отпуском! Он очень быстро закрыл рабочие вопросы, в том числе, одно из его крайних дел — ты слышала, конечно, о ликвидации «Алькатраста»? Он расколол всех, кого ему поручили. И даже покалечил на допросах одного из лидеров группировки, — барабанит пальцами по столу, — значит, он очень спешил. Ты же знаешь его стиль, он всегда очень мягко раскалывает. Но не волнуйся — мы найдём его.

— Хорошо, и что же? Где он сейчас?

— По моей информации, Алекс будет выдвигаться куда-то нашим авиабортом. Во всяком случае, он пока никуда не летал общественными, через Хитроу, а это его любимый аэропорт, когда он не передвигается нашим транспортом. Вряд ли он останется в Лондоне! Но это уже мои домыслы, милая, назови это чутьем, если угодно.

— Не называй меня милой, — Женевьеву передергивает, — слишком мало информации, одни домыслы. Ты не пробовал приставить к нему наружку?

— К агенту А первого уровня?! Ты шутишь, должно быть, — нервно отзывается он, — может выйти себе дороже, знаешь ли. Я итак кручусь, как могу, Джен! Не хочешь сама позвонить ему и спросить о планах?

Она звонко смеётся.

— Это было бы проще всего, да?

— Да. И вправду, — он берет вторую сигарету. Предлагает ей — Дженни

соглашается, — как ты себе представляешь вашу встречу?

— В идеале, — она смеётся, но тут же иронию в ее взгляде сменяет мечтательность, — я останавливаюсь в том же отеле, что и он, где-нибудь возле океана. К примеру, мы встречаемся после завтрака, у бассейна... Знаешь, как бы я хотела, чтобы он послал всех к черту и решил просто отдохнуть!

— Узнать о его планах такому маленькому человеку, как я, непросто, — в его словах сквозит плохо скрытая зависть, но Женевьева не замечает этого, — мне никогда не стать агентом первого уровня! Алекс же у нас особь голубых кровей, легко идёт по карьерной лестнице, перепрыгивая через ступеньку. А я так, болтаюсь среди ищек под ногами... Но есть реальная надежда на информацию от одного пилота нашего борта! Я кручу шашни с его сестрой, не без пользы для себя. Так, ничего серьёзного — не ревнуй, дорогая..

— Прекрати обращаться со мной фамильярно! Почему я должна ревновать? Мне все равно, Макс, но ты должен отработать свои деньги. Ничего большего от тебя я не жду..

— Ну конечно, я не такой красавчик, как наш доблестный агент А, — он хитро прищуривается, и осторожно кладёт свою руку поверх ее руки. Женевьева не отнимает ее, но смотрит на Макса с откровенной неприязнью, — так жаль. Но я помню твой маленький грязный секретик, Дженни...

Едва мы выходим из потайной комнаты с медикаментами, где Алекс устроил мне такой штурм головного мозга, как слышим звонки своих телефонов. Бросаюсь к сумочке, вдруг Катя? Роясь в ней, прислушиваюсь к своим ощущениям в области предплечья. Он не обманул, сделав инъекцию молча, быстро и безболезненно. Теперь все мои тревоги по поводу вакцинации свелись только к чувству легкого шероховатого трения пластыря об одежду.

Смотрит на меня долгим взглядом, прежде чем поднять свой телефон первым. Нахожу, наконец, мой — и это папа! Что случилось? Едва поздоровавшись, он сразу переходит к тому, зачем звонил. Катя попала в больницу, встретив на улице Гришу, который, видимо, собирался ее «поспрашивать». Багровею. Но все уже в порядке, заверяет меня папа, Катя на диализе. Интересуется, когда я собираюсь домой.

— Продиктуй или пришли мне телефон Гриши, пожалуйста, — чеканю. Ах ты ж, собака бешеная! Нелегкий сегодня у меня выдался денёк, а ведь он только начинается. Сначала Алекс, который шантажом полностью подчинил меня себе, и вдруг решил, видите ли, снять напряжение. Снять ему напряжение я, конечно, не смогу — силёнок не хватит, а вот Грише вполне!

Наплевав на все условности, набираю Григория, номер которого папа прислал достаточно оперативно. Отхожу чуть в сторонку от разговаривающего по телефону Алекса, а тот мгновенно реагирует на это вопросом: «Что собираешься делать?».

Надо же, страдающий заметил и мои растрёпанные чувства.

— Собираюсь звонить, включай подслушивающие устройства, — отвечаю ему. Не дожидаясь ответа, подхожу к высокому окну красивой, закруглённой кверху формы. Мой горе-муж поднимает трубку далеко не сразу.

— Здравствуй, Гриша, — стараюсь говорить ровно, без лишних эмоций. Удивительно, но я больше не чувствую ни вины, ни страха перед ним, — это Женя.

Жду. И ожидаю! Начинает вопить.

— Ооо, неужели соизволила позвонить мужу?!

— Значит, так, муж, — понижаю голос. Если бы он разговаривал со мной не в привычной своей хамской манере, а как с человеком, мне было бы намного сложнее сказать сейчас то, что скажу, — это правда, что из-за тебя Катя попала в больницу?

— Правда-неправда... ты где шляешься, лучше расскажи? Это что за номер, чей? Любовника?

— Не смей разговаривать со мной в таком тоне. Я задала вопрос, — произношу спокойно. Начинаю осознавать, что даже рада поводу позвонить ему! Все равно мысли о Грише так или иначе постоянно крутились в моей голове, отравляя жизнь.

— Ух ты! Вопрос. И я задал тебе вопрос! Дай трубку любовнику, — он явно шокирован моей манерой разговора с ним.

— Ты идиот, Гриша. Предупреждаю — если ещё раз осмелишься близко подойти к Катюше со своими вопросами или по любому другому поводу, пожалеешь!

— Опа. И что ж ты мне сделаешь?

— Найду на тебя управу, не волнуйся, — вообще-то это неправда. Мне особо нечем ему пригрозить, и он знает об этом. Зато я говорю уверенно и чётко, — и ещё, Гриша. Это чтобы

ты не тратит свой пыл понапрасну. Я с тобой развожусь! Сразу по приезду.

Квартира Колосковых, Киев

Паша ест бутерброд с колбасой за столом, увлечённо при этом играя в очередную «стрелялку» на своем мобильном телефоне. Элеонора Юрьевна смотрит на него с неодобрением. Она уже собирается сделать ему замечание, когда телефон ее мужа, оставленный тут же на столе, начинает звонить. Проворно хватает его, попутно надевая очки. Номер незнакомый!

Почти бежит в комнату, где Владимир Ипполитович смотрит по телевизору футбол, удобно расположившись на выдавшем виды диване.

— Вова! Подними.

Он с неудовольствием отрывается от просмотра:

— Але!

— Добрый день, Владимир Ипполитович? — женский голос, — Департамент охраны здоровья Киевской городской государственной администрации беспокоит. Вам удобно говорить?

— Да, конечно, — он обомлевает.

— Я секретарь начальника Департамента, Щербицкого Константина Эдуардовича! Он хочет поговорить с вами лично, и это срочно, Владимир Ипполитович. Вы могли бы приехать к нам сегодня?

— А... что, — он начинает заикаться. Первая мысль, конечно, о Кате. Уж не собираются ли ему попенять за то, что его хронически больного ребёнка увезли по скорой с улицы? Но начальник, сам? Не может быть. В голове уже крутятся картинки визита представителей органов опеки и попечительства, — у нас уже все в порядке! Вот, вечером Катюшу забираем с диализа.

Женщина внимательно выслушивает его, не перебивая.

— Ваша Катя на диализе? Константин Эдуардович хочет переговорить с вами как раз по поводу вашей дочери! Вы ведь стоите в очереди на операцию по замене одной почки, по госпрограмме помощи населению за счёт бюджетных средств?

— Да, все верно, — он вытирает испарину, выступившую на лбу. Выключает телевизор.

— У Константина Эдуардовича для вас есть очень хорошие новости! Приезжайте. Я запишу вас на приём в 16.30, сегодня, это удобно?

— Да, да, — говорит он, делая отчаянные знаки супруге принести ему бумагу и ручку. Она понимает его моментально.

— Тогда сегодня, в 16.30, - терпеливо диктует адрес и номер кабинета приёмной. Владимир Ипполитович все записывает, — мы ждём вас. У поста охраны на первом этаже вам выпишут пропуск, я предупрежу. Встречу вас там лично, в 16.20, договорились?

— Да! Спасибо, — растерянно произносит он.

— Приезжайте, пожалуйста, с небольшим запасом времени. У Константина Эдуардовича очень плотное расписание, нельзя опаздывать, — предупреждает она, — всего вам доброго и до встречи.

Лондон, Великобритания

Я удивляюсь, когда мы въезжаем на территорию международного аэропорта Хитроу. — Да, — Алекс за рулем улыбается, заметив мою реакцию, — почти Хитроу.

Мягко заворачивает по направлению к каким-то самым дальним служебным ангарам, минуя кордоны шлагбаумов и охраны. Его узнают.

Вообще, мне приятна манера езды Алекса — он едет не быстро, плавно, но вместе с тем очень уверенно. Должно быть, так передвигаются хищники в дикой природе, с подобной обманчиво-сдержанной грацией.

— А ты думала, я завяжу тебе глаза черной лентой и привезу на какую-то секретную базу? — он продолжает шутить, но голос низкий, бархатный. Кошусь в его сторону.

— Я бы не позволила тебе завязать мне глаза черной лентой, — ворчу, — не знаю, если честно, ничего не думала. Есть о чем другом подумать, знаешь ли!

Алекс паркуется в одном из полутемных ангаров, а потом поворачивается ко мне. Уже с серьёзным видом, изучает секунду-другую.

— Я не спрашивал... не хочешь поделиться?

— Нет.

— Скажи... могу я как-то реабилитироваться?

— Ты о чем?

Мне неуютно в густом сумраке автомобильного салона, рядом с ним. Продолжаем сидеть.

— Это я так прошу прощения, — объясняет Алекс, — за то, что шокировал тебя.

— Ах, это, — машу рукой, вздыхаю, — все нормально. Забудь! Я думала вообще о другом.

И это правда. Я сокрушалась о бумажной волоките с разводом, и много думала об ипотеке последние полчаса. Не знаю, понадобятся ли банку какие-то залоговые или финансовые гарантии, поручители, может быть? Некие люди, которые смогут поручиться за мою платёжеспособность, где их взять? Придётся искать среди знакомых. Уверена, что ввяжусь во все это минимум лет на пятнадцать, а то и больше! Но зато свое жильё, пусть крошечное, пусть пока очень иллюзорное. Хотя, все потом! После. Зачем я думаю об этом сейчас?

Алекс мрачнеет.

— Чего сидим? — вопросительно поднимаю бровь, — мы уже приехали, так?

— Так, — выходит из машины, передразнивая меня. Я тоже выхожу, раньше, чем он успевает открыть мне дверь, — как себя чувствуешь? Место инъекции не болит?

— Все в порядке, и придётся поверить на слово, — смеюсь, — потому что ещё одного осмотра я не переживу! Мои нервы без того расшатаны.

Но ему не смешно, я вижу. Деловито рассказывает мне, что именно отсюда летают правительственные самолеты и самолёты, принадлежащие их организации. Выслушиваю Алекса с интересом, пока мы куда-то долго идём.

— Ого! Отдельные взлётные полосы, хранилища, ангары... Да, такое в Лондоне просто так не спрячешь, — живо отзываюсь, — а тебе язык не отрежут за то, что разбалтываешь мне все тайны?

Не знаю, как это происходит, но своей непринуждённой манерой общения мы как будто снова возвращаемся в далекое прошлое! Говорим так, словно не было всех этих лет, словно нам опять по восемнадцать. Без напряжения, как говорит Катюха, вот так просто. Мне легко шутить с ним, даже легко говорить гадости. И легко — ключевое! С той разницей лишь, что теперь мы не влюблённые друг в друга идеалисты, а умудрённые жизнью или, правильнее сказать, стреляные воробьи. Он убийца, я бомж. Весело.

— Ну, те, кто мог бы заинтересоваться этим, думаю, уже в курсе, — хмыкает, — и потом, я доверяю тебе.

— Ой, зря.

Смотрит на меня с интересом, прищуривается. Снова почему-то выглядит довольным, как объевшийся сметаной кот.

— Зря признаешься в этом.

Мои волосы подхватывает и швыряет мне прямо в лицо резкими порывами ветра, когда из тёплого ангара мы неожиданно выходим на взлётную полосу. Вижу ряд припаркованных маленьких машинок для перевозки людей, по типу гольф-каров. Алекс садится в один из них и весело зовёт меня:

— Запрыгивай!

У него в руках наш дорожный саквояж, который выглядит довольно стильно. Да, в прямом смысле слова наш, потому что Алекс заставил меня собрать в дорогу только самое необходимое, сложив мой тощий пакетик прямо туда! По дороге мы также заехали в местный большой универмаг, где я подобрала одежду для себя самостоятельно, оставив его ждать меня в машине. Сам же он одет невероятно элегантно, даже строго. Не понимаю, зачем так вырядаться в полёт?

Подъезжаем к красивому темно-серому самолёту небольшого размера, с уже спущенным белоснежным трапом. Нас встречают улыбчивые люди в форме. Проходим внутрь, дверь закрывается. Все вдруг куда-то исчезают, и мы остаёмся совсем одни в небольшом светлом салоне с удобными креслами и столом. Стою, осматриваясь.

— Добро пожаловать на борт Airbus Voyager, — Алекс нежно приобнимает меня за талию и увлекает за собой, — пойдём, все покажу.

Иду за ним как зачарованная, не забыв снять его руку с моей талии. Но теперь он ведёт меня за руку, неторопливо, как ребёнка.

— Люблю это борт, — интимно признается мне Алекс, — большое внимание отведено безопасности: он оборудован системой «свой-чужой» и противоракетной защитой. Также у самолёта есть дополнительные баки для горючего, так что он может без дозаправки пролететь... мм, не скажу, сколько, это засекреченная информация. На борту душ, спутниковая связь, интернет. Маленький конференц-зал и, — затягивает меня в какой-то отсек. Спальня! Восхищенно выдыхаю, — здесь ты сможешь отдохнуть. Позже.

— Блин, круто! — качаю головой, — спасибо за экскурсию.

Возвращаемся в салон с креслами, удобно усаживаемся рядом. Я — у иллюминатора. Будто проваливаюсь спиной и попой в мягкую, пружинящую подо мной кожу сиденья, что очень расслабляет.

Пока глазею на бегущую взлётную полосу, самолёт на удивление резко стартует, и скорость быстро набирает обороты. Как в истребителе, должно быть. Ощущаю мягкий толчок, подрагивание и — вуаля! Мы в небе.

Алекс нажимает какие-то кнопки на выехавшей сбоку от него панели, и в салоне

начинает звучать тихая музыка. Она нравится мне. Это тягучие томные звуки саксофона, и вторящее ему фортепиано. Заслушиваюсь.

Он встаёт неслышной тенью, чтобы ускользнуть куда-то. Возвращается с кофейником и графином воды на подносе.

— Кофе?

— О да, с удовольствием! — протягиваю к нему руки. Благодарю, принимая чашку. Я приятно поражена тому, как быстро он запомнил любимые мною пропорции молока и кофе, а также то, что пью я его без сахара, но обязательно с ложечкой в чашке.

Мне нравится иногда помешивать кофе, остужая. И чтобы не образовывалась плёночка сверху. Все-таки профессиональная внимательность Алекса накладывает свой отпечаток даже в мелочах! Улыбаюсь.

— О чем думаешь?

— Думаю о том, какая очаровательная у нас сегодня стюардесса. Вернее, стюард!. Извини. Это просто шутка.

Алекс смеётся.

— Ну, это комплимент для меня! Прошу только поосторожнее с этим. Не распалай мое воображение.

— Боже упаси, — делаю большие глаза в притворном ужасе. Пьем кофе, молчим немного.

— А кто этот человек из прошлого, которого мы ищем? Мы не договорили, — решаюсь сказать.

— Давай пока не будем о делах? — мягко отвечает он. Музыка продолжает действовать на меня самым расслабляющим образом. Алекс жестом фокусника кладёт на стол большую темно-коричневую коробку.

— Окей, — смотрю на нее с интересом.

— Расскажи о себе? Мы так мало говорили с тобой.

— Что конкретно тебе интересно? — чуть-чуть напрягаюсь.

— Все.

Встречаемся взглядами. Быстро отвожу свой в сторону, на коробку. Алекс открывает ее. Боже! В глазах рябит от цветов, форм и размеров шоколадных конфет. Неимоверное количество, не меньше полутора килограмма.

— Ого! Теперь я понимаю, за что еще ты любишь этот борт... Спасибо.

— Вообще, я не сладкоежка, но в твоей компании мне хочется попробовать всего, — отпускает он с улыбкой какую-то довольно двусмысленную шуточку, и берет конфету. Я же, в тайном восхищении от красоты и объёма коробки, долго не могу выбрать, — расскажи, чем ты занимаешься? Работаешь?

— Конечно. Преподаю в университете, английский язык и литературу, — усмехаюсь, вкушая восхитительно-шоколадное нечто с многогранным вкусом. Наверное, бельгийские или швейцарские, — все, как и планировала! Жизнь моя, в целом, довольно скучна. Детей нет, рассказывать о муже не имеет смысла. Этот человек, действительно, скоро уйдёт из моей жизни, и надеюсь, навсегда.

Я ещё не думала о том, как мы будем работать в одном месте с Гришей. Хотя это будет, уверена, очень неприятно, но точно разрешимо. Привыкнем. Достаяю телефон, открываю свою почту. Письмо от Кати, письмо от Наташи, коллеги. Решаю начать с Катиного.

— А как тут вообще, в полёте с интернетом? — интересуюсь у Алекса, делая очередной

глоточек кофе, — мм, как вкусно. То есть, то нет?

— Лучше чем на рейсовых, но да, так, как ты сказала, — задумчиво отвечает он.

— Я посмотрю почту, ты не против? Пока есть, — произношу машинально, уже пробегая глазами Катино письмо. Слава Богу! Она в порядке. В конце письма приписка, которую, не поверив вначале глазам своим, пробегаю дважды: «Кстати! У Алекса есть жена, ты знала?:). Передавай ему привет. Я очень по тебе соскучилась!»

Обомлеваю. Мне даже в голову не могло прийти, что Алекс женат.

Почему? И почему я сама не спросила его об этом? Ответов у меня нет. Вернее, есть, но... Какая теперь разница. До боли закусываю губу. Пишу Кате о своих делах, коротко, попутно интересуясь — откуда она, собственно, узнала об этом? Мой палец замирает над алфавитом в телефоне на секунду. Повинуясь порыву, все же пишу ей дальше о том, где окажусь через считанные часы. С ним. Бахр-Дар, Эфиопия. Я запомнила.

Мое состояние сейчас можно описать одним словом — потерянное. И я не имею никакого права на эти чувства! Алекс просто женатая скотина, цинично предложившая заняться сексом. Как жаль. Это оскорбляет, сводит на нет все, что было между нами когда-то.

И что могло бы быть — дружба, благодарность... Кажется, шмыгаю носом, уйдя в себя, и тут же ощущаю на себе его внимательно-острый взгляд.

Сосредотачиваюсь на письме Наташи, заставив себя игнорировать этот обжигающий взгляд. Алекс пьет своей кофе молча, не мешая мне.

Быстро строчу ей о том, что у меня подозрение на ангину и я была бы очень признательна ей, если она передаст эту информацию нашему заведующему кафедрой. Больное горло, не могу разговаривать, а так бы позвонила ему сама — поясню я ей. Нахожу нужным добавить в конце, что серьёзно поссорилась с Гришей, поэтому совсем не полагаюсь на него в этом вопросе, да и во всех остальных тоже. Обещаю писать о своём состоянии, и что она может переслать мне часть своих студенческих работ на рецензию. Ну а что, попробую! Наташа, как и я, преподаватель, она жалуется на сумасшедшую нагрузку последних дней — ей поручили проведение конкурса студенческих работ помимо основной работы. Если бы я была на кафедре сейчас, то к гадалке не ходи, разделила бы с ней эту участь. На самом деле, эта работа очень интересна, но доплаты за нее никакой, а бумажной нагрузки тьма. Плюс изучить работу каждого студента на предмет большей или меньшей степени творчества, хотя большинство из них, увы, как под копирку или где-то «сплагиачены». Мало кто из них хочет или может думать о предмете по-настоящему самостоятельно.

Закончив, кладу телефон на стол, чтобы перевести свой тоскливый взгляд в иллюминатор.

— Все окей? — интересуется Алекс.

— Ага, — холодно киваю, — благодарю. Есть ли здесь журналы, газеты, может быть, чтобы как-то убить время?

— А не хочешь просто пообщаться?

— Нет, извини, — встаю. Сидеть здесь все семь часов под пронизательным взглядом этих синих глаз, было бы то ещё испытание! Я верю Кате и не хочу ничего уточнять у него, зачем? Это только накалит обстановку, — мы вроде поболтали уже. Что-то голова разболелась, я лучше пойду, посплю, хорошо? Мне ведь можно воспользоваться спальней?

Я прямо вижу, как он бледнеет. Но не может же отказать? Пусть сам себя развлекает.

Или позвонит жене. Не дожидаясь его разрешения, просто иду в спальню, задвигая за собой дверку, которая здесь как в купе поезда.

Неслышно ступая, прохожу внутрь и снимаю туфли. Ворс светлого напольного покрытия очень мягкий, бархатистый на ощупь. Ступни моих ног утопают в нем. Медленно сажусь на кровать, осматриваясь, прислушиваясь к тихому гулу работающих в самолёте двигателей. А здесь так спокойно, даже сонно. Симпатичная обстановка. Перепады давления в небе только склоняют ко сну. Впрочем, засну ли?

Дверь открывается. Алекс! Подпрыгиваю от неожиданности.

— Знал, что ты не спишь, — нагло заходит ко мне.

— Что-то я не припоминаю, чтобы слышала стук в дверь, — произношу осторожно, во все глаза на него глядя. Усаживается рядом на кровать.

— Ну и что, если бы и слышала?

Пытаюсь встать, но он хватает меня за запястье, цепко. Одним ловким броском-движением. Как кобра!

— Ты охренел? — не стесняюсь в выражениях, пытаюсь высвободить руку из захвата. Он вдруг отпускает.

— Присядь, не беги. Скажи лучше, что произошло, — в тусклом свете иллюминатора вижу горящий, пристальный взгляд Алекса, от которого непроизвольно бросает в дрожь. А светильники-то здесь я не включила. Зря.

— Где произошло? — кручу головой в поисках выключателей.

— В твоём телефоне.

Закатываю глаза, вздохнув.

— Послушай, Алекс. Ты меня притомил своими шпионскими страстями! Всюду разговоры мерещатся? Да все нормально. Выйди и закрой, пожалуйста, дверь. Я просто хочу отдохнуть!

— Если не скажешь, то я тоже ничего не буду говорить тебе, — произносит отрывисто, со жгучей обидой. Смотрю на него в изумлении — неужели он способен на такие эмоции? — и использую вслепую, ясно?

— Да мне все равно, — пожимаю плечами, — и знаешь что? Иди-ка ты, занимайся своими делами.

Я прямо вижу, как воинственно раздуваются его ноздри, и чувствую, как медленно Алекс выдыхает. Но, смиренно опустив глаза, меняет свой привычный командный тон на просительный:

— Жень, ну пожалуйста! Это что, так сложно? Я же видел, как ты поменялась в лице.

Смотрю на него с улыбочкой, раздираемая сомнениями.

— Все просто, у меня неприятности по работе! Но спасибо, что беспокоишься, — отвечаю уже доброжелательно. Я интересно устроена — если человек обращается ко мне вежливо, с уважением, то я никогда не смогу говорить с ним грубо, даже если ситуация конфликтная, — я же не смогу выйти на работу вовремя. Ну, ты помнишь!

— Я что, похож на придурка? — спрашивает жестко, насмешливо.

— Нет, — отвечаю вполне искренне. И снова вздыхаю, — вот на кого угодно, только не на придурка, конечно. Хотя, это твое дело, верить мне или нет! Я устала, извини. Выйди, пожалуйста, и оставь меня одну.

Он в одно движение поднимается из положения полулёжа. Ух и форма! Лёгкий, поджарый — в Алексее очень хорошо чувствуется скрытая сила. Невольно засматриваюсь.

Однако вовремя одергиваю себя, и неторопливо укладываюсь на подушки, накинув на ноги покрывало.

Боковым зрением подмечаю, что Алекс стоит, не двигаясь. Я чувствую это, даже не видя его. С притворным равнодушием рассматриваю ободок иллюминатора. Нет, я не задам этот вопрос, ни за что на свете! Что значат слова? Разве его поступки не сказали мне главного?

— Я уйду, если, — он говорит странно. Глухим, сбитым голосом — как будто ему тяжело даётся каждое слово. Поворачиваю к нему голову. Алекс выглядит побледневшим, даже осунувшимся, словно от переживаний! Он что, переживает? — ответишь честно. Почему ты бросила меня тогда, не сказав даже последнего «прощай»? Я не заслужил?

В страшном волнении, поднимаюсь. Ноги не хотят слушаться, но я все же делаю два шажочка по направлению к Алексу. Он по-прежнему стоит, недвижимый.

В этот момент, наверное, впервые за все время нашего «второго» знакомства, с нас слетают все маски. И снова мы близкие люди, которые могут разговаривать обо всем, о самом сокровенном. Мы люди, судьбы которых покалечила расставанием сама жизнь.

— Я не бросала тебя! — произношу порывисто, отчаянно, — это отец приехал забрать меня, прямо в общагу, неожиданно! Помнишь, я как-то рассказывала, что с ним все сложно? Хотя вряд ли ты помнишь. Так вот, знай, он был деспотом, который мог вот так запросто приехать, взять за шкуру как котёнка и увезти... Без моего согласия, заставить. Ему постоянно докладывали из колледжа, что я пропускаю занятия, связалась не с той компанией..

Останавливаюсь, чтобы вдохнуть воздуха в легкие. И понимаю, что мои глаза заволакивает пелена слез, а я-то думала, что все уже выплакала. Тогда.

— Алекс, он увез меня примерно за полчаса, едва я собрала вещи! Мы даже не заходили в учительскую, — продолжаю, подойдя к нему совсем близко. Он просто смотрит на меня, потрясённый моим рассказом, — папа выбросил мой телефон. Почти сразу! Я ничего не успела, не помнила твой номер. Только написала записку, но она, как видно, не дошла до тебя.

Беру его за руки, заставляя посмотреть мне в глаза, но Алекс отрицательно мотает головой. В эту секунду у меня даже сердце сжимается от жалости к нему.

— Нет, Женя! Я не могу в это поверить. Не могу понять.

— Не можешь понять?

— Да. Как тебя можно было просто увести?! Так не бывает. Зачем ты врешь мне? — в его взгляде полыхает глубокая затаённая боль и разгорается настолько адское пламя, что я пугаюсь, отступая от него. Отнимаю свои руки.

— Я не вру! Не смей так говорить, Алекс. Я была слаба, да! Я была дурочкой. Отец бил меня.

Он садится на кровать и закрывает лицо руками. А я сажусь прямо на пол, у его ног. Кладу руки на его колени, продолжая сбивчиво объяснять ему:

— Ты мужчина, тебе сложно понять это, я знаю, — перехожу на шёпот, присаживаясь рядом и обнимая его. Тихонько укачивая в своих руках, как ребёнка, — тебе кажется, что это так просто — не пойти с кем-то куда-то. Что разве может быть по-другому, если ты не хочешь? А мне было семнадцать лет. Всю мою короткую на тот момент жизнь папа был домашним тираном, бил меня по поводу и без, прессовал маму... хотя, знаешь, это прозвучит дико, но он, в общем неплохой человек, Алекс, и очень изменился. В лучшую сторону! Я его простила. Давно. Но тогда... тогда мне казалось, что я умираю! И очень долгое время потом.

Клянусь тебе, если бы время повернуло вспять, даже час, даже полчаса спустя после того, как он уволок меня — я бы сбежала, не раздумывая! Тогда же папа просто налетел на меня силой, сбил с толку, просто уничтожил. Кричал, что я шлюха, что он забрал мои документы и увозит меня домой. Мне не хватило духу ему противостоять, — я опускаю голову и вытираю со щек горькие, абсолютно неконтролируемые слезы.

Алекс отнимает лицо от своих рук. Молча, легонько поглаживает мои волосы, не перебивая меня. Я снова вдыхаю полной грудью, чтобы закончить свою исповедь:

— Я очень виновата перед тобой! Прости. Если сможешь.

Он тоже выдыхает, и смотрит куда-то мимо меня, сквозь меня.

— Женя, ты исчезла, и это чуть не разрушило всю мою жизнь!

— Я заплатила за это своей, поверь!

Мы снова молчим, больше не касаясь друг друга. И просто сидим рядышком, как два каменных изваяния. Я не знаю, сколько это продолжалось по времени — наверное, для нас время просто остановилось.

— Пожалуйста, не плачь, — просит он, наконец, разрывая тишину. И я с готовностью пытаюсь улыбнуться ему, — мне не за что тебя прощать!

— Я знаю, что ты женат, — отвечает мое сердце.

Произношу это, даже не подумав. Алекс смотрит на меня каким-то диким, неверящим взглядом.

— Откуда ты узнала об этом? — и быстро поднимается с кровати, — Женечка. Я принесу кое-что сейчас, хорошо? Подождёшь меня?

Квартира Колосковых, Киев

Заглянув в комнату Кати, Владимир Ипполитович застаёт ее, бледную и ослабевшую после диализа, сидящей за компьютером.

— Ну ты с ума сошла, — мягко журит он ее, — какие сегодня уже могут быть уроки?

Катя заразительно смеётся, и даже он сразу замечает, как ярко лучатся счастьем ее глаза. Улыбается, качая головой. Да ведь и сам он как будто помолодевший сегодня, а по всей квартире разносится душистый аромат ватрушек со сладким творогом, которые Элеонора Юрьевна испекла только что, и как раз вынимает из духовки.

— А ты считаешь, за компьютером только уроки можно делать?

— Ах ты, шалунишка, — шутливо грозит ей пальцем, — давай, заканчивай свои игры и приходи к нам чай пить! Мне сегодня мама даже смородиновой наливочки плеснет по случаю, — смеётся тоже, — до Женьки вот никак не могу дозвониться! Черкнешь ей пару строк?

— Ага, — кивает Катя, все ещё посмеиваясь тому, что папа думает, будто она играет в компьютерные игры, как мальчишки. Владимир Ипполитович закрывает дверь.

А ей все слышится, что за окном поют птицы, а окружающее кажется расцветшим новыми, невиданными доселе красками. Это удивляет, восхищает ее! Катя уже мечтает о своем «прекрасном далёко», которое вот совсем близко, на пороге.

Совсем скоро настоящее чудо войдёт в ее жизнь, и она тоже получит свой шанс прожить ее как все, не хуже других. Нет, даже намного лучше, ведь она научилась ценить каждое мгновение.

Катины пальцы проворно бегают по клавиатуре компьютера. Она пишет Уиллу,

который теперь почти все время в сети.

«Я волновался. Очень. А ты даже не попрощалась со мной... Где ты пропадала?»

«Там, где меня уже нет:). Извини, так получилось. Но все уже прекрасно, просто поверь!»

Как ты?»

«Я хорошо. Не пропадай так больше:(«

«Я постараюсь. Скоро пропаду еще один раз надолго, только один, а потом всегда буду на связи, обещаю...»

«Почему ты не хочешь рассказывать подробности?»

«А ты?»

«Спрашивай, о чем захочешь! А я бы хотел иметь с тобой дополнительное средство связи, на всякий случай. Например, номер телефона. Можно?»

«Да» — Катя улыбается. Пишет ему заветные цифры.

«Спасибо» — мгновенно приходит ответ. Она же немного медлит.

«А ты и правда работаешь с Алексом?»

«Все, что я говорил тебе, правда»

Катя решает, что немножко обидела его. Исправляет ситуацию следующей записью: «Просто хотела уточнить, все ли хорошо у Жени? Папа что-то не может дозвониться до нее:))»

«Почему я могу это знать?»

«Разве Женя не помогает вам сейчас по работе?»

«Если и да, то я ничего об этом не знаю»

«Это странно»

«Не соглашусь с тобой. Во-первых, Алекс никогда не докладывает мне о своих делах, скорее наоборот:))»

«А во-вторых?»

«Во-вторых, насколько мне известно, сейчас он в отпуске»

«В отпуске? Ещё более странно (крейзи смайл)»

«А я думаю, нет. Возможно, она помогает ему в каком-то личном деле? Они в Лондоне? Давно сестра не выходит на связь?»

«Да нет, в общем, недавно. Они собирались в Эфиопию, район Бахр Дар» — Катя очень горда тем, что в курсе всего. Это помогает ей почувствовать свою значимость. Ведь она давно уже взрослая, у нее даже «почти парень» наклеивается, и какой! Катя улыбается собственным приятным мыслям.

«Тогда все ясно, скорее всего, они в полёте, а это не быстро и там редко бывает связь:))»

«Наверное, ты прав»

«Можно теперь мне спросить?»

«Конечно!»

«Ты должна кому-то что-то серьезное? Деньги?»

«Нет, почему ты так думаешь?»

«Исходя из некоторых твоих ответов... Ещё вопрос, можно?»

«Да»

«Чем ты больна?»

Катя замирает, как зайчонок перед опасностью. Это такой сложный вопрос. Но она решает написать ему правду.

«Мне требуется срочная замена почки, а иначе мне осталось жить не больше года,

может быть, двух максимум. Хотя от меня скрывают эту информацию:) Не хочу грузить тебя диагнозами. Но как раз сегодня, Уилл, в моей жизни произошло Чудо...»

Два часа спустя, Лондон, из телефонного разговора

— Дженни, я нарыл контакт! Алекс уже летит в Эфиопию.

— В Эфиопию? Что ему могло там понадобиться?

— Мы это выясним, вместе. Мне нужно немного времени на подготовку, — нервный смешок, — необходимо все предусмотреть, в случае чего, Алекс не подарит мне этого! Нам. Полетим вместе.

— Но вдвоём, зачем? Тебе достаточно просто назвать место.

— Нет, милая, вдвоём! Мне же нужно отработать твои деньги. И потом, одна ты никак не разберёшься, Алекс не просто агент первого уровня. Я попробую выяснить на месте, что он там задумал! Во всяком случае, с большей степенью вероятности, чем ты одна, дорогая. Давай поможем друг другу?

— Я все же не очень понимаю..

— Не спорь, Дженни! Я знаю Алекса намного дольше, чем ты. У меня сработало чутье. Это что-то важное.

— Ну хорошо, — она вздыхает, — отзовись мне, сразу.

— В самое ближайшее время, куколка! Целую.

Алекс возвращается так быстро, что я не успеваю даже, что называется, дух перевести! Зависает в проёме двери с загадочным видом:

— Угадаешь?

— Не думаю, — отвечаю осторожно. Он смеётся счастливым смехом и выглядит совершенным мальчишкой, включая свет и заваливаясь на кровать с бутылкой виски в руках!

— Женя, пьешь виски? Шампанское мне показалось неуместным, — и тут же, при мне открывает бутылку.

— Ты ходил за виски? — у меня шок.

— Ну да, — отпивает из нее с явным удовольствием, — боюсь, что смогу живописать о прошлом только с виски! Тебе ведь интересно, как я жил все эти годы? Будешь?

Неожиданно для самой себя, я беру протянутую тяжёлую бутылку за горлышко и тоже делаю глоток. Вот так, да, без рюмок и закусок. Прозрачная жидкость цвета темного янтаря мгновенно обжигает, прокладывая горячую дорожку через мое горло к желудку. Кружит голову. Эх, как бы не напиться!

Интересно. Насколько иначе сложилась бы моя жизнь, если бы я сбежала тогда от отца? Если честно, то кроме Кати, ничего особо ценного в моей теперешней жизни нет.

И Алекс, действительно, начинает «живописать». Его обстоятельный рассказ повергает в ужас. Боже, сколько невероятных, трагических совпадений произошло в тот злополучный день. Слушая его, я пытаюсь осознать, как такое вообще возможно — Артист планировал «повесить» на Алекса двойное убийство!

— Вместо себя он подсунул в дом бомжа своего возраста и комплекции. Тела были изувечены взрывом настолько, что никто уже не стал проверять более детально, — Алекс произносит это с презрением и горечью, — для американской машины правосудия мы и сами были все равно, что бомжи! В следственном изоляторе со мной, понятно, никто особо не церемонился, — он снова делает глоток, — копы были очень рады такому подозреваемому. Женечка, если бы ты только знала, как мне было плохо...

И я замираю, вся внутренне сжимаясь, глубоко шокированная. Перед глазами живо встают картины прошлого, где иногда я, по своей крайней глупости, даже заигрывала с этим человеком на глазах у Алекса, только чтобы заставить поревновать!

Молча, забираю бутылку из его рук, чтобы тоже хорошенько приложиться. Испытываю такой стыд, как будто все это было вчера! И сказать в ответ, в общем-то, нечего. Но как мы могли знать о том, что перед нами — монстр?

— Почему ты?! Я не понимаю, — говорю, прокашлявшись от новой, обжигающей порции спиртного. Алекс прав, с виски легче!

— Вот это я и спрошу у него лично, — мрачно отвечает он, — Артист ныне живет и здравствует, представляешь? Только сменил имя и гражданство. Он теперь солидный бизнесмен в Эфиопии, владелец кофейных плантаций, купленных известно за какие деньги. Я, конечно, догадываюсь, почему он решил поломать именно мою жизнь, прикончив заодно племянника. Но не лишу себя удовольствия задать ему несколько вопросов!

Потираю покрывшийся испариной лоб.

— Слушай, а мы не упьемся тут этим виски?

— Пей смело, дам тебе специальную таблеточку для быстрого восстановления, —

смеётся.

— Вы там, блин, то на инъекциях, то на таблеточках постоянно, что ли? — улыбаюсь тоже.

— Специфика работы. Но ты можешь просто перестать пить, — отвечает Алекс, попивая из бутылки и дальше. Я же, абсолютно непривычная к такому крепкому алкоголю, начинаю, наконец, соображать, что меня уже немного штормит. И да, пора останавливаться, — кстати, была мысль, ну как вариант, что ты могла сбежать с ним!

— С кем?! — я гневно смотрю на него, — с Артистом?

— Ну да.

— С чего бы это?

— Так.

Чувствую, что даже краснею от возмущения. Как можно было предположить такой бред?

— Вариант с твоим отцом мне в голову как-то не приходил, — Алекс улыбается, видимо наблюдая, как меня всю распирает от эмоций. Ну не умею я в критические моменты жизни сохранять «бесстрастное лицо»!

— Но как ты спасся?! Ты ведь не сел в тюрьму? — продолжаю спрашивать.

— Не сел, — смотрит загадочно. И мне становится как-то щекотно, что ли, под этим его взглядом. Или тут виноват алкоголь?

— Почему? — глупо интересуюсь, чтобы как-то поторопить его с развитием темы. Хотя, не суть! Искренне радуюсь тому, что в жизни Алекса тюрьмы не случилось.

— Мне помог дед, вытащил оттуда и дал путёвку в жизнь, в самом прямом смысле этого слова, — он болтает виски, глядя через него на светильник.

— Повезло тебе с дедом! Но чем я могу помочь твоему расследованию в Эфиопии? Неужели ты думал, что, — запинаясь немного, размышляя своим захмелевшим мозгом, — мы с ним признаемся тебе там, вместе, что сбежали, и я помогала... ему? Во всем этом?

— Ну, так плохо о тебе я не думал, — Алекс максимально расслаблен и улыбчив. Очевидно, что своим признанием я сбросила камень с его души, — но я думал, что, возможно, ты просто сбежала с ним, а потом он обманул тебя.

— Зачем ему это? — пожимаю плечами.

— Назло мне, и чтобы лишить меня алиби, например. Но вообще-то, он ведь был равнодушен к тебе, если помнишь! — недобро прищуривается.

— Не помню, — отвечаю тоже почти со злостью, — этот человек всегда был никем для меня... И какое ещё, нафиг, алиби?

— Забудь! — Алекс играет бутылкой, не обращая на меня никакого внимания, — дядя Бенджи выстроил фактаж для обвинения. И тогда это было простое совпадение — твое исчезновение, удобное для него, как понимаю я сейчас. Но копы интересовались моим алиби в ту ночь, когда произошёл взрыв. А был я с тобой! То есть подтвердить мое алиби могла бы только ты.

Переводит взгляд на меня, а до меня еще только-только доходит.

Как назло, начинается икота. Набираю полные лёгкие воздуха, чтобы прекратить это. Безуспешно.

— Знаешь, что сказал мне следак, который вел дело?! Что ты — плод моего воображения. Сказать честно, я и сам был готов поверить в это...

— О Боже, прости, — икаю и тяжело вздыхаю. Так недолго и до пьяных слез дойти!

Неловко глажу его по спине, но Алекс почему-то отодвигается.

Коротко просит не гладить его. Ага, гордый значит. Ну и ладно, оставляю в покое его спину. Он же не собачка, в конце концов, чтобы так проявлять свое сочувствие.

— Ну хорошо, а если он не признается?

— Признается, — в тоне Алекса сухая уверенность. Делает ещё глоток, — я заставлю его рассказать мне все! Намочить штанишки, — усмехается. Говорит это даже, как мне кажется, с каким-то удовлетворением, — понимаешь, из-за жажды наживы он убил единственного своего кровного родственника, который был ему как сын.

— А что потом? — шепчу в ответ. К счастью, проклятая икота заканчивается.

— Потом сдам его интерполу! Я уже это делаю... Он числится в международном розыске много лет.

Надолго замолкаем. Алекс с вопросом в глазах протягивает мне бутылку. Беру ее ослабевшей рукой, хотя не должна бы! Но сейчас все равно.

Я пью за любовь, втайне от него. За чистую любовь той семнадцатилетней девочки, и за себя сегодняшнюю, проживающую никчемную, неинтересную жизнь. Пью за то, чтобы колесо, в котором давно кручусь белкой, хоть немного замедлилось, а лучше остановилось совсем, дав мне возможность вдохнуть, наконец, настоящей жизни.

Сижу и раздумываю — жалея себя, жалея Алекса. То погружаясь в воспоминания, то заставляя себя встряхнуться и чуть не смеясь от жуткой каши в голове. Мысли гудят в ней роем непослушных пчел! Последняя эмоция — веселье от сравнения.

— Чем занимаешься? — неожиданно спрашивает Алекс.

— А?

— Я смотрю, ты как-то уж очень ушла в себя...

— Да так, — отвечаю весьма уклончиво, с широкой глупой улыбкой на лице, — радуюсь, что все хорошо. Забери-ка бутылку. И больше не давай! Даже если попрошу, окей?

— Окей. Итак! Тебе стало известно, что я женат, только что. Откуда? — он смотрит внимательно, поставив бутылку на тумбочку. Но, тоже широко улыбается мне.

— От верблюда, — хихикаю.

— От верблюда?

— Ну, так у нас говорят, когда информация засекречена, — мне смешно, но стоит сказать, что узнала об этом я от Кати, как он преображается! Вижу ясные, абсолютно трезвые глаза Алекса. А не притворяется ли он, что пьет? Хотя, бутылка-то почти пуста.

— Я ничего не говорил Кате об этом.

— Ну, а если, — сосредоточенно размышляю, — она что-то на той квартире, в Нью-Йорке заметила?

— Исключено. Это квартира организации, перевалочная база для любого агента. Там почти нет моих личных вещей. Думай ещё!

Чешусь. Ерзаю.

— Тогда не знаю, Алекс! Я спросила у нее в письме, но она пока не ответила.

— Так, ясно, — он откидывается на спину, заложив руки за голову, и вперяет взгляд в потолок, — значит Уилл, мать его.

— Уилл?! — туговато соображаю, и очень сейчас, кстати, страдаю от этого.

— Да, — я вот чувствую, что Алекс зол на парня.

— Ну-ну, — зачем-то успокаивающе хлопаю его по руке, и снова смеюсь. На смену икоте неожиданно приходят приступы смеха, которые мне сложно контролировать. Смотрит

косо, странно, — не нужно так расстраиваться. Это ж не государственная тайна? А может, расскажешь о жене? Ну, как бы для справки, или для общей информации..

И снова я давлюсь от смеха, ругая себя за это почем зря, а Алекс, вздохнув, поднимается и садится по-турецки. Отодвигает от меня бутылку подальше, которую я ловко пытаюсь схватить с тумбочки. Смотрит печально и строго.

— Тогда мне придётся сделать еще один большой глоточек, — говорит он, уведя ее из-под моего носа в самый последний момент, когда я уже видела ее своей, и нагло делает глоток, — а лучше два!

Смеемся.

— Нам еще по косяку не хватает для полной картины, — выдаю, переведя дыхание после смеха и возвращаясь в свое обычное спокойное состояние.

— Неа, косяк ты не потянешь после виски. Убьет, — на этом подвисает.

— Так что там жена? — напоминаю.

— Давай, лучше, ты первая?

— Это в каком смысле? — неслабо озадачиваюсь.

— Расскажи про мужа, пьяная Женя! — подтрунивает Алекс, усмехаясь.

Раздумываю — обидеться или нет? Не так уж я пьяна. А еще, мне ужасно не хочется ничего рассказывать! Но, таки приходится отозваться скупым обещанием быть второй. Мне слишком интересно послушать про его жену, а он ведь тоже имеет право задавать вопросы.

— Тема для меня, на самом деле, больная, — признается Алекс. Он немного напряжён, я чувствую, — и вместе с тем, как ты сказала, все до смешного просто! Мой брак — это про несбывшиеся надежды. А вообще, никакого брака давно уже нет.

Дальше он опять замолкает. Мне даже приходится потормозить его немного вопросом «И что за надежды?» — в ответ смотрит до жути пронзительно. Почему-то смущаюсь. В свою очередь, изображаю сочувствие на лице, которого на самом деле не испытываю.

— Надежда на любовь оказалась химерой, и вот это было большее всего, — несколько пафосно произносит Алекс, и отдирает одним движением этикетку с бутылки. О, символично!

— Ну, а конкретнее? — требую конкретики. И, так как язык мой чуть-чуть заплетается, произношу медленно и со значением, — ты Толстого читал?

— Кого?

— Лев Николаевич Толстой, — объясняю подробнее, чтобы он все понял, как следует, — «Анна Каренина» — вот очень хорошее произведение, рекомендую. Но, конечно, оно больше для тех, кому за тридцать — как раз для тебя! Итак... Ага. На чем я остановилась? Толстой писал в нем, что все счастливые семьи похожи друг на друга, а каждая несчастливая семья несчастлива по-своему. Теперь скажи-ка, почему ты был несчастлив в этом браке? И любил ли ты вообще?

— А ты сама-то любила? — задиристо отвечает он, терпеливо дослушав мой спич до конца, не перебивая. Но со сложным, надо сказать, выражением лица, — нет, не любил. В принципе, это все!

Дальше разговор несколько стопорится. Пока Алекс не произносит, интимно привалившись ко мне:

— Ну, а теперь ты.

Отодвигаюсь, вдруг обращая внимание на то, что мы до сих пор лежим в одной кровати! Это ненормальная ситуация, определённо.

— Я?! Да ведь мы ещё с тобой не закончили. Женился-то тогда зачем? Если без любви.

— Затем, что, — он смотрит куда-то в область моей шеи и ключиц, и от этого почему-то мурашки по коже волнами, — доходило долго.

С тоской ощущаю уже подступающий, новый приступ неконтролируемого смеха. Однозначно, несколько последних глоточков виски были лишними.

— Вообще-то, не смешно.

— Да и мне тоже, — вздыхаю, на удивление, легко сумев справиться с собой. В этот раз, — аналогично. И я думала, любовь. Ан нет! Такая история.

— Никакая это не история! Всего пару слов? Очень мало. Так нечестно... как ты говоришь — конкретнее, — хищно требует, вновь тесно приваливаясь ко мне и буравя взглядом.

— Но тогда и ты, — слабо протестую.

— Договорились! — отвечает решительно, и даже без пауз, — знаешь, у моей жены есть всего один недостаток, но важный для меня, и который перечеркнул все. Если хочешь интимных подробностей — будь готова и к моим интимным вопросам, на которые я тоже захочу ответ, — добавляет с таинственным видом.

Меня распирает от любопытства, да, но, поразмыслив немного, понимаю, что не хочу рассказывать от слова совсем что-то сокровенное о своем браке с Гришей. Алекс ждет реакции. И, не дождавшись, усмехается, со странным, лихорадочным блеском в глазах:

— Ага, так я и думал! Ну ладно. Есть ещё кое-что... Мы с ней пережили трагедию. Потеряли неродившегося ребёнка... Забеременеть — это было ее идеей-фикс, одержимостью, но стало в итоге лакмусовой бумажкой для нашего брака. Все проблемы в тот момент оголились, обнажив до самого нутра нас обоих. Мы увидели, оба, что слишком разные, и разного хотим от жизни. Я не оправдываю себя, наоборот — сожалею о многом, но мне не нужен этот человек, Женя. Это точно.

Он замолкает, а я округляю глаза, переваривая услышанное. Испытываю к нему, и к ней самое искреннее сочувствие! К ней даже больше.

— А... на каком сроке? — задаю этот не самый умный вопрос. В конце концов, разве сей факт имеет какое-то значение?

— На каком-то раннем, не скажу точнее, — отзывается Алекс устало, — я не успел ничего почувствовать, для нее же это стало концом света... Очень скоро ее депрессия по поводу потери, и маниакальное желание попробовать снова, стали сводить меня с ума. Я не смог попросить развод, на фоне этих вечных разговоров о любви, на фоне слез... Ушёл с головой в работу, сутками не бывая дома. Наш дом превратился для меня в тюрьму. На самом деле, я понимаю, что просто не любил ее! Жить вместе и дальше, мучая друг друга, не имело никакого смысла... Женевьева, почуяв неладное, приняла решение вернуться туда, откуда родом, это в Йоркшире. Она уже почувствовала неизбежность развода, и только расставание, как будто бы временное — чтобы прийти в себя, стало поводом отсрочить наш развод.

Алекс снова пьёт виски, а я слушаю его, затаив дыхание. Даже не двигаясь.

— Женевьева, — произношу задумчиво, медленно, словно пробуя это имя на вкус, — красиво.

— Да! Похоже на твое...

Я долго вглядываюсь в четкий профиль сидящего в неподвижности Алекса, прежде чем снова «потормозить его немного».

— А что было потом? — возвращаю вопросом к диалогу.

— Потом... она хотела отыграть назад. Но, я уже делал все, чтобы она не вернулась! Поспособствовал ее карьере там — Женевьева очень талантливый химик, это было не сложно. Переслал ее вещи, под предлогом большей адаптации к новому месту, организовывал долгосрочные командировки для себя... Да много всего, Жень, и это поведение слабого! Мы не живём вместе давно, почти не созваниваемся. Жалеть нельзя, но я жалею, что допустил эту беременность, без любви к женщине, жалею, что вообще ввязался в брачные отношения. И, резюме. Закончим с нашими делами — я свяжусь с ней, оформим развод. Самое время поставить точку... Теперь все! Твоя очередь.

Алекс улыбается уже довольно и поворачивается ко мне, протягивая бутылку для символического глотка. Я только слегка пригубляю. Язык на мгновение обдает жаром — коротко выдыхаю, совсем как заправский алкаш!

— Ну, я, — тут взгляд мой, вероятно, затуманивается. И я действительно, не представляю, с чего начать! У Алекса печальная брачная история, но ведь и моя невесёлая тоже, — в общем, как и ты, жалею, что ввязалась в брачные отношения. Вот нафига? Можно же было просто встречаться. Пока не стало бы ясно то, что уже ясно — я тоже не люблю этого человека! Мы познакомились на работе, и это неплохой человек. По-своему. Знаешь, — начинаю философствовать, что всегда помогает мне легче сформулировать свою собственную основную мысль, — неплохой — своеобразная характеристика для человека! Это вроде как и не хороший, но и не ужасный. Гриша для меня оказался именно таким неплохим мужчиной. Сейчас, думаю, мы поженились просто от скуки и от привычки быть вместе. Да и так называемое мнение окружающих сыграло свою роль — это когда каждый встречный-поперечный считает своим долгом спросить, а когда же свадьба? Про родных, друзей уже молчу. Хотя, вряд ли ты поймешь, — смотрю на внимающего мне Алекса с сомнением. Уж для него-то это едва ли стало бы весомым аргументом, — ну, это типа, когда вы встречаетесь больше года. На самом деле, такой бред. И так живут миллионы людей, я уверена. Без любви и вот этих всех высоких материй.

Замолкаю, оттого, что накатывает как цунами приступ жалости к самой себе. Пытаюсь забрать из его рук почти опустевшую бутылку, но Алекс не отдаёт, ограничившись коротким комментарием:

— Тебе хватит, Жень!

Но я остервенело тащу ее на себя, настаивая, что только один глоточек, крайний! И все. Алекс только посмеивается, играя со мной в кошки-мышки — в итоге, борьбу за бутылку я проигрываю. Сижу, насупившись, впрочем, не долго, потому что он требует продолжения моего увлекательного повествования.

— Да я уже и не помню, на чем остановилась, — вяло произношу, позёвывая.

— Нет! Не спи, — он хватает меня за локти и легонечко трясёт, что, впрочем, вызывает во мне только смех, — так что там стало для тебя в этом браке точкой? И почему ты решила все закончить с ним именно сейчас?

— А ничего, собственно! У тебя, что ли, есть прямо такая конкретная причина, точка, после которой — все? Тумблер перешелкнул, — говорю, и в голове какая-то каша. Решительно высвобождаюсь из медвежьего объятия Алекса, чтобы добавить, — а вообще, да, ты прав! Была такая точка. Это неспособность моего мужа разделять со мной горести, а не только радости, что очень изменило его. Я имею в виду, заботы о Катюше, у которой, кроме меня, никого нет! Отец не в счёт, он занят своей новой семьей, а Катя там постольку-

поскольку, — прокашлявшись, чтобы не сорваться в сопливые жалобы скрипучим голосом, спокойно продолжаю, — Гриша ненавидел это. Он считал, что я должна принадлежать ему и только ему.

Делаю небольшую паузу.

— Представляешь, за короткий срок на моих глазах он вдруг превратился в гнусного, жалкого, мелочного человечешку. То ли он всегда таким был, то ли так неожиданно «испортился» на фоне предлагаемых жизненных обстоятельств, не знаю.

— Был, — философски изрекает Алекс. И я абсолютно согласна с ним!

— Короче, развод, — зачем-то резюмирую. Не знаю всех нюансов, как именно это работает, но я чувствую реальное облегчение, высказавшись о наболевшем.

— Давай за два развода? — оживляется Алекс, потрясая бутылкой, — на брудершафт!

— Нет, постой, — я его даже не слышу сейчас, чуть-чуть привставая в кровати на коленках. Меня осеняет, — мы не договорили! Ведь это не они плохие или какие-то не такие, Алекс! И не мы. Просто они не подошли нам, а мы не подошли им, вот и вся разгадка! А это потому, что...

Но, как не силюсь дальше — не могу закончить фразу. Ох и виски! Рубит жестко. Алекс снова внимательно меня выслушивает.

— Потому что они не наши половинки, — и подсказывает, видимо, сжалившись надо мной. Сижу как выброшенная на берег рыбка — то открывая, то закрывая рот с крайне озадаченным видом.

— Вот! Точно, — радостно подпрыгиваю, чуть не хлопая в ладоши. Сказанное им кажется мне гениальным.

— Тогда давай выпьем по последней не за развод, а наоборот, — воодушевленно предлагает он, — за то, чтобы все люди умели разглядеть своих половинок. Вовремя. И не упустить. На брудершафт!

Наконец, это уже до меня доходит. Ну и ну!

— Ты забыл главное правило шутки, Алекс, — при этом смеюсь, противореча самой себе, — шутка должна быть смешной!

— Ты про брудершафт? А я не шутил. Можем вообще не пить, — тихо говорит он, и в воздухе, всего в нескольких жалких десятках сантиметров между нами вдруг повисает такое токовое напряжение, что впору начинать искрить, — если хочешь. Все — как захочешь!

Алекс ничего не делает. Но смотрит так, что меня и саму начинает неконтролируемо потряхивать. Да он же неадекватен! Мне вдруг кажется, что сейчас только чиркни спичкой, и...

— Ты пьян, — досадливо морщусь, — ты понял вообще, что произошло?! Мы напились в стельку, оба. В дрова. Как будем выползть из самолёта?

— Не суетись. Ты в порядке, — Алекс смотрит на свои наручные часы, — до дров ещё очень и очень далеко. Я принесу воды и поспим пару часов, а потом посмотрим на тебя, окей?

— Что значит, — чувствую, как мягко покачиваюсь, словно водоросль в воде. И это приятное ощущение, — вместе?!

— То и значит, — спокойно отвечает он мне, вставая, — и да, целовать тебя пьяную не самая удачная идея! Так что можешь не волноваться. А спать за столом на диване, только из-за твоей девственной стыдливости считаю нецелесообразным. Извини.

Алекс исчезает за дверью, пока я мучительно размышляю над каким-то очень

остроумным и едким ответом.

Неожиданно просыпаюсь от того, что кто-то укладывает меня на подушки и укрывает, в крошечной тьме. Как, я заснула, когда?! Подпрыгиваю на месте. Начав метаться, утыкаюсь прямо в грудь Алекса и улавливаю его такой уже знакомый, тонкий аромат парфюма с древесными нотками. И запах его кожи... Успокаиваюсь, что-то бормоча спростонок.

— Тише, тише, — отзывается он, аккуратно опрокидывая меня на подушки, — я всего лишь устраиваю тебя поудобнее! Легкая, как перышко. И больно колешься своими выпирающими косточками, надо бы тебя откормить. Давай снимем брюки?

— Чьи? — сиплю не своим голосом.

— Ну не мои же, — вздыхает с притворной усталостью в голосе, — свои я уже снял. Жарко в таких плотных под одеялом.

— Свои, что? Снял? — в ужасе, шарю руками по его голому торсу.

Да он везде голый! Не обманул. О неет. Натыкаюсь на мягкую ткань трусов-боксёров, фух. И торопливо отдергиваю руки, чувствуя, как в его груди вибрирует смех.

— Женя, ну хватит! Не тошнит?

— Нет, — отодвигаюсь от него на максимальное расстояние, пытаюсь при этом снять брюки непослушными руками. Ремень на них и вправду давит, неприятно впиваясь в кожу. Лежу, вспоминая, какие на мне сейчас трусы — приличные ли, вдруг обнажусь случайно, — хватит что?

— Хватит строить из себя трепетную лань! Получается так себе..

Я немножко замерзла, а он такой тёплый. Ощущаю жар кожи Алекса, даже находясь на другом краю кровати. Наконец, сбрасываю с себя брюки на ближайшую тумбочку. Зябко кутаюсь в одеяло, перетягивая его на себя.

— А ты что ли предлагаешь снять с себя все, и отдаться тебе?

— Женя, Женя, — слышу мягкий укор в его низком, с хрипотцой, голосе откуда-то из темноты, и это здорово будоражит, — а не многовато ли для тебя одной целого одеяла? Еще и такие непристойные предложения... мой ответ — нет.

— Ну, ты и жук! — смеюсь, а Алекс тянет одеяло на себя. И вроде бы потихоньку, но постепенно меня все ощутимей разматывает из него, — это была шутка вообще-то, и дураку понятно. Поищи другое одеяло, может, где-то есть ещё?

— Нету, — продолжает настойчиво тянуть, а я еду к нему прямо в одеяле, наполовину замотанная. Как раз в пути отчаянно пытаюсь окончательно выбраться из кокона, в который сама же себя и заточила.

— Небогато живёте, британская разведка, — подкалываю, выскользнув, наконец, из толстых складок ткани. Ну вот, теперь я совсем без одеяла! Что за наглость? Дрожу. Вероятнее всего, знобит немного, — блин, я замёрзла. Последствия перепоя, наверное. Почему бы тебе по-джентельменски не уступить?

— Давай я тебя по-джентельменски согрею, — Алекс прижимает меня к себе, не спрашивая, легко притянув одной рукой. Я вижу в темноте его улыбку. Бережно укутывает нас обоим одеялом. Ой. А он горячий, как печка! И твёрдый, словно состоит весь из одной только мышечной массы, почти незаметной глазу, когда Алекс в одежде. И пушистый на груди, а ещё, я чувствую дорожку из волос, уходящую низко, в его белье...Блин! Резко отодвигаюсь, ощутив бедром твердый член.

— Это что такое?! — шиплю возмущённо.

— Пистолет, — Алекс искренне веселится, — заряженный. Прости, физиология... я

ничего не могу поделывать, ты трешься об меня...

— Ничего я не трус, — отворачиваюсь, устраиваясь на бок, к нему спиной, — приятных снов!

— И тебе... Водички?

— Нет! Спокойной ночи. Будильник поставь.

— Не волнуйся, разбужу... Пока.

— Пока.

— Женя, — вдруг поворачивает меня за плечо, к себе лицом, — пока ты пьяная! Скажи правду.

— Чего тебе? — вот совсем не ощущаю себя пьяной, только в голове шумит немного.

Должно быть, виски было отличного качества.

— Ты что-нибудь почувствовала... когда снова увидела меня?

— Ну, конечно. Радость! От того, что спасаешь мою почку.

— И всё?

— Отстань, — зеваю с риском вывихнуть челюсть.

— Ладно. Спи.

Местное отделение полиции, Бахр-Дар, Эфиопия

Толстый чернокожий начальник отделения ругает по внутреннему телефону начальника отдела бухгалтерии. Бухгалтер на другом конце провода обливается потом — в отделении и без того невыносимо жарко, а тут ещё и такой эмоциональный накал разговора! Высокое начальство «вычитывает» его как раз по поводу неработающих во всем отделении кондиционеров.

Вообще-то, их всего два, да и те в крайне плачевном состоянии. Последняя проплата за их ремонт была произведена полчаса назад, а надо было ещё в прошлом месяце.

— Но, в том месяце во всем городе часто отключали электричество, господин Бикеле, — чуть не плача, рапортует бухгалтер, — вы же помните. Я ходил в банк несколько раз по этой и по другим проплатам, а компьютеры не работали! Банк не может провести оплату без электричества! У нас по всем кабинетам вентиляторы хорошие...

— Не надо говорить мне про вентиляторы, Хачалу! — гремит начальник, расстегивая совсем свою полураспахнутую, мокрую в подмышечных впадинах, форменную рубашку с погонами. Из ее распутившихся полов тут же выпирает солидных размеров живот, обтянутый белой майкой. Бикеле ослабляет и ремень, — мой личный поломался только что! Придешь ко мне сам с опахалом, стоять здесь будешь, пока кондиционеры не отремонтируют. Все.

Он бросает трубку, и грузно откидывается на спинку своего скрипучего кресла. Только углубляется вниманием в кипу бумаг на столе, как в дверь стучат. Проворно застегивает рубашку и ремень, крича: «Войдите!»

Как раз двадцать минут назад господин Бикеле отпустил секретаршу на базар, за сушеной гуавой к чаю. У него со вчерашнего дня резко пополнились запасы сахара и кофе, вот и чаю прикупили в ожидании очень важного гостя, от одной из самых мощных спецслужб в мире! Но гость из далекой Британии отказался встречаться в полицейском участке с ним лично, зато назначил встречу их криминальному контакту в одном из местных заведений, и дал несколько заданий, которые уже выполнены.

Щеки начальника полиции раздуваются от важности, когда он видит, кто заходит в его кабинет. Это сержант Бек — полицейский, который отвечает за связь с этим контактом, давно завербованным ими из мира «криминальных».

— Заходи, Бек, докладывай, — господин Бикеле потирает руки. Тот с готовностью присаживается, — все сделал? Записывай. Кафе «Банана Бич» завтра, в два часа дня. Он должен ждать его там, за вторым столиком возле бара. Господин Найт не любит места у окна.

— Я все понял, передам, — послушно кивает Бек.

— Не просто передашь, — Бикеле со значением поднимает указательный палец вверх, — а проследишь лично, чтобы он был там, в указанное время.

— Так точно. Господин Алекс Найт прибывает к нам сегодня?

— Да, через считанные часы. Я уже отправил за ним наше такси в Аддис Абеба! Ты встретишь его по этому адресу, — достаёт ключи от арендованной квартиры, кладёт на стол, — улица Освободителей, 4, квартира 21. Возьми. И затарь холодильник лучшим, что у нас есть! Знаешь, что любят европейцы? Чтоб там был наш самый хороший кофе, вода, молоко, кусок готового мяса, ынджер, бананы! Да, и чай не забудь, запиши... Британцы очень любят чай с молоком. Так, — сосредоточенно размышляет. Бек старательно фиксирует сказанное в своем маленьком карманном блокноте карандашиком.

— Молоко козье или коровье?

— Пусть будет два вида. Дождешься их в квартире — он предупредил, что будет с дамой.

— Жена?

— Не установлено. Встретишь и обязательно поинтересуешься его дальнейшими распоряжениями! Мой прямой телефон у него есть. Когда он отпустит тебя, с отчетом ко мне.

— Есть, господин Бикеле! Господин Найт белый? Как наш контакт узнает его в кафе?

— Да, белый, — его начальник промакивает лоб красным платочком, — я переслал ему фото контакта, сказал, что определится на месте сам. Ох и жара! Я убью когда-нибудь этого Хачалу. Снова забыл проплатить кондиционеры. Ты старайся там, Бек, очень старайся, если хочешь нам повышения! Этот господин из высочайшего ведомства.

Бек кивает с самым серьезным видом. Легкий на помине, стукнув предварительно раз или два в дверь, в кабинет осторожно заглядывает главбух с застывшим, виноватым выражением на лице.

— Извините, господин Бикеле! Можно?

— Что ты хотел?

— Вы сказали... опухало. Я не понял, вы шутите или, — сконфуженно умолкает, глядя на Бека.

— Хачалу, чтоб тебя, иди работай! — Бикеле в раздражении машет на него рукой, и кричит уже в закрывающуюся с той стороны дверь, — кондиционеры проплати!

— А я уже, — дверь снова открывается, впуская повинную чёрную голову, которая после повторного окрика «Иди работай, не то прибулю как муху!» мгновенно исчезает. Бикеле тут же успокаивается, выкладывая со вздохом несколько купюр из кармана на стол, перед флегматичным и невозмутимым Беком.

— Вот, возьми. Покупай не на рынке только, а в магазине! Да про чеки не забудь. Европейцы нежные очень, вдруг несвежее что попадет, — чешет за ухом, — так что

доложил твой криминальный по поводу Боба Ласти?

— Внедрить человека на его фазенду не удалось, — с готовностью тараторит Бек, оживляясь, — он подозрительный донельзя, охраны там мало и вся своя. Из персонала только кухарка да пара подсобных рабочих из постоянных, проживают там же. Сборщики кофе и управляющий ничего толком не знают.

— Значит, купи кого-то, — сердится Бикеле, — британец перевел мне солидную сумму на расходы!

— Ищем, ищем, — усердно соглашается Бек, — почти нашли! Кое-что уже выяснили. Привычки, уклад жизни... Объект два раза в месяц посещает клуб Мексиканца, с одним из охранников, но сидит там тихо, пьёт текилу. Иногда берет девочку. И каждое воскресенье рыбачит на маленьком озере под фазендой, иногда с охранником, иногда один. Всегда берёт с собой ружьё..

— Так значит, женщины у него постоянной нет? А друзья? — уточняет шеф.

— Нет, совсем никого, по первости расследования не обнаружено.

— Хорошо сработано, Бек, — шеф одобрительно кивает, — но работы ещё много! Ищите края, землю ройте... Пока британец не будет доволен нами, ни ты, ни я не спим, ясно?! Теперь ступай. Работайте.

Бек вспархивает со своего места, пряча купюры в карман пиджака.

— Разрешите идти?

— Иди! И Бек, — он нервно ёрзает в кресле, — конфет еще туда купи. Британцы любят сладкое, я в интернете посмотрел. Да только не сушёные финики, не приведи Господь! А настоящие конфеты. Из шоколаду, понял?

— Есть из шоколаду!

— Только ты это... сроки годности почитай, не забудь. На коробке. В коробке бери, не на развес! Это сама Британская разведка, МИ-6, - шёпотом, — чтоб ты понимал.

Бек, до того просто внимавший ему, теперь даже приоткрывает рот, как громом поражённый! Так и стоит, застыв в одном положении, держась за ручку двери. Его шеф прикладывает палец к своим губам.

— Закрытая информация!

— Я понял! Все будет в лучшем виде, господин Бикеле.

— Женя, проснись, — слышу проникновенный шепот Алекса мне в ухо. Не открывая глаз, ёжусь от приятного трения его щетины по моей коже. Он легко касается подбородком моего оголившегося из-под одеяла плеча, словно бы случайно, но побьюсь об заклад, что делает это намеренно, — Женя...

Подняв руку и по-прежнему не размыкая глаз, наощупь отодвигаю его лицо от себя в сторону. У меня уже мороз по коже от этих лёгких, маньячных касаний, и очень нежелательные ассоциации. Натягиваю одеяло с головой.

— Если ты просто проверить, как я, — немного хриплю со сна, — то отлично, но умираю, как спать хочу..

И это правда! Оказывается, я ужасно устала. А несколько часов сна в полёте, даже на удобной кровати, не позволили мне хорошо отдохнуть. Этого, увы, очень мало.

— Но мы почти приземлились.

— Ммм, нет, ещё минутку..

— Ты безответственная, Женя.

Ха! Вот этим он меня точно не возьмёт. Я знаю, что такое преподавание в две смены и ночная подработка с переводами за компьютером после, и это при том, что наутро мне снова нужно быть на работе. А сейчас я вообще в отпуске.

Так что несколько дополнительных минут сладкого сна для моей ноющей головушки, уверена, ему погоды не сделают.

— Хорошо. Есть и другие, более приятные способы пробуждения, — произносит Алекс вкрадчиво, и место рядышком со мной медленно прогибается под его весом, — например, оргазм..

Он еще даже не успевает договорить, как я резко вскакиваю и перемещаюсь в сидячее положение, чтобы проснуться окончательно. Прижимаю одеяло к груди. Мне не послышалось?! Смеётся.

— Доброе утро, Алекс, молодец, — кисло улыбаюсь, проведя рукой по волосам. Так и есть, воронье гнездо! Стараясь не кряхтеть, двигаюсь к краю кровати прямо в одеяле, чтобы спустить ноги, — а вот это было действительно. Сколько мы проспали?

— Больше четырёх часов, и в Эфиопии сейчас добрый вечер, — он усмехается, — жду тебя за дверью.

И Алекс уже берется за нее, когда я считаю нужным заметить:

— Хорошо, но позволь тебе напомнить кое о чем! Эти пошлые шуточки совершенно неуместны. Потому что никакого романа или романчика у нас с тобой не предвидится, я понятно объясняю?

Он оборачивается. Стою с грозным видом в своем коконе из одеяла, уперев руки в боки. Говоря о романе я, конечно, подразумеваю секс. Легкомысленное дорожное приключение, на которое Алекс, судя по всему, все еще рассчитывает. Но это ничего — пусть постепенно привыкает к мысли о том, что со мной такие номера не проходят.

— Ты хочешь сейчас это обсудить? — спрашивает меня спокойно, но я замечаю, как дергаются желваки на его скулах. Задумываюсь. Ага, не понравилось!

— Десять минут на сборы, Женя. Приземляемся, — не дождавшись моего ответа, холодно произносит он и выходит из нашего спального отсека.

Уши закладывает, но я собираюсь в рекордно короткий срок. Думаю, не истекает даже этих заявленных им десяти минут, как я выхожу к нему собранная, умытая и полностью одетая.

А дальше — все происходит стремительно. Эфиопия! Покидаем гостеприимный авиаборт, спускаясь по маленькому трапу прямо в густую золотистую мглу. Жадно вдыхаю полной грудью незнакомый воздух, наполненный экзотически-сладкими запахами. Ветер теплый, с песком, чуть не сбивает нас с ног сильными порывами. Алекс участливо, но молча поддерживает меня за локоть. Не обращаю внимания на это.

Не успеваем мы осмотреться, как возле нас, словно гриб из-под земли, вырастает улыбчивый черный человечек в фуражке и форме светло-кофейного цвета, с погонами и красивыми нашивками. Засматриваюсь на него и скорее угадываю, чем слышу, как Алекс, со стоном ругнувшись сквозь зубы, обращается к нему:

— Добрый вечер! Почему в форме?

Человечек озадачивается. И застывает стойким оловянным солдатиком — вытянувшись в струнку, но с таким лицом, что мне становится жаль его. Алекс смотрит свирепо, ожидая ответа. Он все еще в плохом настроении?! Человечек робко представляется:

— Добрый вечер, мастер Найт! Лейтенант Жапех!

— Лейтенант Жапех, я задал вам вопрос.

— Виноват! Не понял вопрос!

— Наша цель в том, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, — объясняет Алекс, — лейтенант, на будущее! Сотрудников спецслужб встречают исключительно в штатском, и на автомобилях, принадлежащих гражданским. В вашем уставе есть это, почитайте. Где автомобиль?

— Виноват, мастер Найт, — человечек огорченно сдергивает с себя фуражку и, неловко сминая ее в руках, делает приглашающий жест в сторону, — вон там, автомобиль с гражданскими номерами... пройдите, прошу вас!

Когда мы втроем подходим к зоне парковки этого крошечного аэропорта, я убеждаюсь, что Алекс был прав. Несмотря на сумерки, на нас с любопытством оглядываются все, кому, что называется, не лень. Ведь здесь мы мало того, что немногочисленные белые люди, так ещё и в сопровождении полицейского.

Усаживаемся на задние сиденья самого обычного рено меган белого цвета, а маленький Жапех при этом страшно суетится. Алекс явно напугал его своим перфекционизмом и высокомерием.

— Едьте спокойно, не больше шестидесяти километров в час, пожалуйста, — говорит ему Алекс с неудовольствием. Жапех тут же отзывается на это возгласом: «Есть, мастер Найт!»

— Мы едем в гостиницу? — интересуюсь у Алекса тихонько.

Он нажимает какую-то невидимую глазу кнопку, и между нашими и водительским местами со скрипом выезжает прозрачная звуконепроницаемая перегородка. Я видела такое только в фильмах! Не получается сдержать улыбку.

— В гостиницах прослушка, а селиться в гостиницу такого захудалого городишки — прямой способ обратить на себя внимание всех жителей! Быстрее будет, только если остановиться в палатке на рыночной площади, — хмуро отвечает он.

— Как ты вообще сохранил здравый ум при такой работе?! Для тебя же каждый таракан, выглянувший из-за угла — шпион, — смеюсь.

— Возможно, но это лучше, чем жить таким беспечным, как ты.

— Можешь не верить, но я тоже очень осторожный человек, Алекс.

— Да, имел случай убедиться, когда вытаскивал тебя из логова черных трансплантологов, — ухмыляется, и я тут же снижаю. Машинально лезу в сумку за телефоном, чтобы проверить, нет ли новостей от Кати.

— А ты злой! Кто тебя уже успел укусить, муха це-це? — продолжаю нашу перепалку, включая телефон.

— Нет, просто не люблю, когда что-то идёт не так с самого начала. Это как знак, что жди неприятностей, — и Алекс вдруг меняется, превращаясь из колко-насмешливого в обеспокоенного. Похоже, он действительно верит в это. Я делаю паузу, прежде чем отозваться:

— Да ладно, это ведь как себя настроишь. Вселенная нас зеркалит, ты же в курсе?

— Может быть, — но тон его по-прежнему серьезен, — однако, игнорировать предупреждения от Вселенной бывает опасно...

А я вижу кучу неотвеченных звонков от папы! Встревоженная этим, тут же, без лишних раздумий набираю его. Глядя на меня, Алекс достаёт свой телефон тоже и делает кому-то звонок.

— Папа?

— Женечка! Привет, — он отвечает почти сразу, и дышит в трубку радостно-возбуждённо, — а у нас тут такое!

— Что, рассказывай?

— Срочно приезжай. Представляешь, вчера был на приеме у начальника городского здравоохранения, лично! Вызвал меня через своего секретаря, откуда только телефон нашли? Ну, в документах по Катюше, наверное, — чуть переведя дыхание, продолжает, — он еще очень удивился, что я ни сном, ни духом... И вот тебе наши новости — Катеньке операцию назначили через две недели! Донора нашли! Бесплатно все!

Замираю. Волна горячей благодарности к Алексу затапливает меня как цунами, резко и мощно — грозя сорвать крышу, требуя немедленного выплеска эмоций. Я смотрю на него, расплываясь в широкой счастливой улыбке. Хочется повизжать от радости, хочется крепко обняться! Нет, не то что бы это стало для меня стопроцентным сюрпризом, неожиданностью, но — это никак не отменяет того факта, что свершившееся есть самое настоящее чудо.

Конечно, Алекс замечает мой слегка обезумевший взгляд, и впивается в меня настороженно-внимательным своим. Но, болтает дальше. Так и держим зрительный контакт, продолжая телефонное общение с другими людьми.

— Пап, так а... что сказали-то?! Уже дата есть, конкретная? — немного заикаюсь.

— Представь себе, Женя, есть! Хотя, вообще, я думаю, что нас с кем-то перепутали... но я не стал им этого говорить, само собой. Быстро сориентировался!

— Как это?

— Мне этот большой начальник вопросы задавал чудные, и с главврачом говорил по громкой связи прямо в моем присутствии! А, как тебе? Я там чуть не сомлел... Потом спрашивает, значит, а кем мы приходимся консулу, и почему сразу не пришли с нашей бедой к нему? Да разве бы нам такое в голову пришло! Да точно, попутал с кем-то. Повезло, Женька!

— И что ты ему сказал? — улыбаюсь.

— Не переживай, дочь! Сказал, мол, мы люди маленькие. И все. А он посмеялся только — говорит, не хотите признаваться, ну и Бог с вами. Только по всем вопросам теперь сразу ко мне... Каково?! Мы с Элеонорой Юрьевной даже закатали дома пирушку по такому случаю! Хотя, знаешь, как бы не сглазить... В общем, приезжай, Женечка. Катя волнуется.

— Папа, — я волнуюсь тоже, сейчас даже дышится с трудом. Торопливо сворачиваю разговор с ним, — спасибо тебе огромное за такие новости! Катюше привет. Я позвоню ей! И, конечно, приеду... Но попозже, когда закончу со всеми делами. Нас ни с кем не перепутали, это я попросила за Катю у одного очень хорошего человека. Объясню потом. А сейчас извини, мне пора. Пока.

И хотя трубка еще что-то вещает с вопросительными интонациями, решительно нажимаю на сброс. Сижу, растирая вспотевшие ладошки и наслаждаясь этим ощущением полнейшего душевного спокойствия. Так хорошо мне, наверное, еще никогда не было! Терпеливо жду, пока Алекс закончит свой разговор. Когда это происходит, резко придвигаюсь к нему, не сдерживая себя больше.

— Алекс, дорогой..

— Да?

— Кате назначили операцию через две недели, и все бесплатно! Это ты?

— Я, — подтверждает он, и расплывается такой же солнечной, как и моя, улыбкой. А дальше я двигаюсь чисто интуитивно. Не думая ни о чем, поддаваясь порыву, просто наклоняюсь к нему и, притянув к себе за шею двумя руками, целую в губы...

Киевский национальный лингвистический университет, Украина

В одном из подсобных помещений, заваленном старой рухлядью и коробками со свежими канцелярскими товарами, за огромным ксероксом притаились двое. Здесь ведется интимный разговор между завхозом Григорием Лопахиным и начальником сектора компьютерного обеспечения Савелием Темных. Беседуют они очень тихо, близко склонившись друг к другу головами, и раскрыв толстые общие тетради.

— Сколько ты поставил краски для принтеров? — шелестит одними губами Григорий.

— Сто двадцать пять, — следует такой же тихий ответ. Гриша делает пометку у себя в тетради.

— Принято. А реально?

— Семьдесят четыре.

— Многовато.

— Ничего, в прошлый раз и больше проходило.

— Не нравится мне это, Савва, — и горячим шепотом, — я слышал, главбух Зинаиду Петровну в этот раз на сверку направляет! Со старой каргой, сам знаешь, не договоришься. Голову поморочим, конечно, но... Давай оставим сто.

— Никак нельзя, я же уже и заявку оформил..

— Переоформишь, — безапелляционно обрывает его Гриша, — она ж меня с потрохами сожрет! Итак с ней в позапрошлый раз сколько собачились... По маленькой-то оно ничего выйдет, подшаманим. Я все сказал!

Савва горько вздыхает, делая соответствующую пометку в своей тетради.

— Ладно.

— На когда заявил?

— До конца месяца.

— Так. Бумага?

— Двадцать пачек.

Гриша что-то нервно зачеркивает у себя.

— Есть. Так, по бумаге мне ещё по всем отделам не забыть свести! Расход большой. Что реально?

— Пятнадцать.

Оба они вдруг чутко улавливают чьи-то быстрые шаги в коридоре и тут же дружно закрывают тетради, отпрянув друг от друга. В маленькое помещение почти вбегает запыхавшийся молодой человек в рабочем халате.

— Григорий Иванович! Здесь вы?

— Чего тебе, Паша? Я занят..

— Там из приемной звонили, вас замдекана к себе вызывает!

— Как замдекана? — Гриша аж приседает на стульчик от неожиданности. Под ложечкой неприятно сосет.

— Что, сам Александр Анатольевич?

— Сам, — парень испуганно кивает, — мы вас уже все обыскались! Сказали срочно.

Буркнув что-то невнятное, Григорий спешит в приёмную заместителя декана, не разбирая дороги и на ходу приглаживая волосы. Ольшанский Александр Анатольевич известен своей суровой педантичностью в работе. Что Гриша сделал не так? Вернее, он, конечно, хорошо знает все свои «косяки», но не может же быть, чтобы его финансовые махинации вскрылись! Тогда и ему самому, и его подельникам точно несдобровать. Так и тёпленького места лишиться можно, а может и каких еще неприятностей похуже заработать на свою пятую точку.

Целиком погружённый в себя, он даже не слышит приветствий от изредка встречающихся в длинном широком коридоре начальственного этажа коллег. Заходит в приёмную. Крякает. Секретарь Альбина Павловна поднимает голову от бумаг. Она кажется ему сегодня особенно строгой в своем приталенном твидовом костюме темно-красного цвета и белой блузе с брошью.

— Здравствуйте, — лепечет Гриша, — можно мне к Александру Анатольевичу зайти? Вызывал.

Она кивает. Задержавшись на миг у порога приёмной, и застегнув пиджак на все пуговицы, он приближается к массивной двери с соответствующей табличкой.

— Здравствуйте, подождите. Я доложу, — царственно произносит секретарша и берет трубку черного как смоль, с избытком кнопок, телефона внутренней связи, — Александр Анатольевич, Ватрухин.

Когда она замолкает, Гришу мороз продирает по коже от затянувшейся паузы. Альбина Павловна кладёт трубку. Закрывает какое-то окошко на мониторе своего компьютера и, не глядя на Григория, кивает на дверь шефа:

— Можете войти.

Вот мегера! Крадущимся шагом он доходит до нужной двери и аккуратно дергает на себя за ручку, открывая. Входит, сразу же натываясь на колючий взгляд человека за письменным столом исполинских размеров.

— Вы почему без маски? — слышит Гриша из недр этого кабинета, и быстро сует руку в карман. Нашарив аптечную одноразовую маску, он немедленно надевает ее на лицо и

подходит ближе.

Начальственные кабинеты в университете до смешного огромны. Ни дать, ни взять дворцовые залы — наследие советского прошлого и чисто партийного размаха. Такие кабинеты обычно неуютны и в холодное время года плохо отапливаются.

Идти до начальника остаётся не меньше десятка метров, но Гриша быстро преодолевает их негнушимися ногами. Александр Анатольевич делает ему знак садиться на стул за специальным приставным столиком.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте, Григорий Иванович, — он снимает усталым жестом очки, — мне тут передали из отдела кадров, что Евгения Владимировна приболела. Уж не коронавирус ли?

Гриша обомлевает. Да откуда же ему знать?

Это страшное слово коронавирус. Появилось оно в их стране совсем недавно, а в университете о нем так вообще едва слышали, но паника уже явственно начинает просачиваться в сознание и уклад жизни всех людей. Александр Анатольевич одним из первых, не дожидаясь прямых указаний сверху, начал принимать меры по предотвращению распространения заболевания. Это именно с его легкой руки ректор издал общеобязательное распоряжение о повсеместном использовании сотрудниками университета масок и дезинфекции всех помещений.

— Я точно не знаю, извините, — осторожно отвечает он, — Евгения Владимировна со мной сейчас не проживает.

— А что случилось, почему? — подозрительно прищуривается начальник, — но вы же как-то общаетесь с ней, Григорий Иванович? Она уже открыла больничный лист?

— Да я, в общем, — Гриша мнетя, — не знаю таких подробностей. Разводимся мы.

— Давайте-ка вы уходите на самоизоляцию, на две недели, — говорит шеф тоном, не терпящим возражений. Очевидно, что Гришины проблемы его волнуют мало, а вот сомнения по поводу сокрытия заразной болячки есть, — ступайте прямо сейчас в кадры, напишите заявление за свой счёт, а я подпишу. Так будет правильнее всего на фоне эпидемиологической ситуации в стране. Нечего подвергать риску других сотрудников!

И тут Гришу охватывает паника. Ему никак нельзя уходить на две недели, ведь уже со следующей ожидается приёмка крупной партии канцелярских и прочих товаров для отлаженной работы всех отделов и секторов. Пользуясь своей должностью завхоза, он наладил некие финансовые схемы обогащения, которые просто рассыпятся карточным домиком без его присутствия. Обязательно вскрыются лишние единицы заказанных товаров и услуг, а вступившим с ним в преступный сговор коллегам одним никак не справиться! И все полетит в тартарары.

Гриша краснеет, сверкая глазами.

— Александр Анатольевич, Евгения ничем не больна, — горячо возражает он, — я не хотел говорить, но она сейчас вообще за границей! Подработку там себе нашла. Контракт заключила. А больничный себе наверняка выдумала, чтобы не выходить на работу!

— Позвольте, какая работа, какой контракт? — шеф озадачивается, — ее трудовая книжка находится здесь, в университете.

— Александр Анатольевич, ей послезавтра на работу выходить, — проникновенно продолжает Гриша, — вы должны уволить ее за прогулы, если не выйдет! Она в Америке сейчас. Пусть отдел кадров ей послезавтра позвонит, если ее не будет на рабочем месте, и спросит, в какой больнице открыла больничный! И сразу же надо с проверочкой в ту

больницу, если назовет. А вот не назовёт, посмотрите...

— Успокойтесь, не горячитесь так, Григорий Иванович, — удивленно прерывает его шеф, и даже делает небольшую паузу, — да как же так получилось с Евгенией Владимировной? Вы ведь говорите о своей жене..

— Она мне больше не жена, — Гриша говорит это с такой плохо скрытой ненавистью в голосе, что шеф снова смотрит на него в изумлении, — Александр Анатольевич, Евгения бросила меня. И уехала зарабатывать по заграницам. Так что не болеет она ничем!

Замдекана ещё какое-то время задумчиво изучает его.

— Очень странная история, Григорий Иванович! Я вам, конечно, сочувствую, но... Евгения Владимировна всегда у нас была на хорошем счету. Отличный педагог и ответственный сотрудник. Хмм... Я даже не знаю, что вам сказать. Ну, хорошо! Давайте сделаем так — вы сейчас возвращайтесь на свое рабочее место. И работайте. А Евгении Владимировне мы обязательно позвоним.

Гриша с заметным облегчением на лице поднимается со своего места. Неловко топчется секунду-другую.

— Я пойду тогда, Александр Анатольевич?

— Идите, работайте, — коротко кивает шеф, и углубляется в лежащие перед ним на столе бумаги. Григорий выходит из кабинета, тихо прикрыв за собой дверь.

В первые мгновения нашего поцелуя, когда я только прикасаюсь к губам Алекса своими, он трогательно замирает и закрывает глаза.

Вот от этого перехватывает дыхание! Я чувствую, что хочу этого поцелуя. Но, в самый последний момент теряюсь, робея. От волнения даже покалывает кончики пальцев.

Едва ощутив жар его губ, отстраняюсь и слышу вздох разочарования. Алекс открывает глаза, но синхронно тянется за мной. Моя нерешительность, похоже, его уже ничуть не смущает. Он уверенно и молча перехватывает инициативу на себя.

Нежно, властно вжимает меня лопатками в сиденья, отрезая пути к отступлению. И, коротко взглянув мне в глаза, впивается в губы голодным поцелуем! Боже. Сколько времени у этого человека не было женщины?

Бешеный напор Алекса вместе с его чувственностью одновременно, творят с моим безвольным телом чудеса. Он вырывает из меня стон, вынуждая плавиться горячим воском в его руках, прикасаясь везде, как ему хочется, и исследуя меня всю как в первый раз. Удивительное сочетание ласки и силы сводит с ума, и в этой короткой борьбе он легко одерживает надо мной победу.

Я, как дикарка, отвечаю полной взаимностью на его бесстыдные, совершенно безумные поцелуи и объятия. Но, все же призываю на помощь остатки здравого смысла, вдруг вспомнив о лейтенанте!

Распахиваю глаза и сразу натываюсь на взгляд его круглых, как плоски, черных глаз с вращающимися белками, в зеркале заднего вида. Его шок так очевиден, что я смеюсь, пытаюсь отвернуться от Алекса.

— Жапех... ну и имечко, — произношу с трудом, восстанавливая дыхание, — слушай, ты так набросился на меня, что он, похоже... обалдел просто.

Алекс только усмехается в ответ, даже не глядя в сторону растерянного лейтенанта. Он сам кажется мне сейчас до странности взволнованным.

— Жесткий аргумент, Женя! — отзывается хриловато, — мне глубоко... все равно на Жапеха. Но, хорошо... я готов подождать. До квартиры.

Подождать, о чем это он?! Вспыхиваю, отодвигаясь подальше. Нельзя не признать — этот поцелуй действительно изменил в нас что-то. Мы оба, словно уже отравлены этим волнением в крови...

— Ясно. А я было подумал, что небеса разверзлись и услышали мои молитвы, — насмешливо выдаёт он, озадачивая меня еще больше.

— Алекс, кроме шуток...

— Что? — он тоже становится серьёзным, но меня пугает этот хищный, опасный блеск в его глазах. Это как отблеск старых страстей, которые сейчас тлеют, но еще могут разгореться вновь. Хотя, нужен ли нам этот пожар? Не уверена.

— Знаешь, я просто хотела поблагодарить! За Катю, за себя, в общем... ты — наш герой, без преувеличения.

— Это приятно. Так значит, поцелуй был простой благодарностью с твоей стороны?

— Ну да, — краснею.

— Жаль.

— Почему?

— Потому что мне показалось, тебе было хорошо сейчас не меньше, чем мне, — Алекс говорит с обманчивым спокойствием, но напряжённость в его взгляде цепляет, — а мне было очень хорошо!

Смотрю на него как мышка на кошку. Ловит меня на правде, затягивая в свою сеть потуже? Это интересно. Может, соврать? Но такая ложь будет слишком очевидной. Я чувствую за бархатом его голоса профессиональную бульдожью хватку. Ему что-то нужно от меня. Что-то серьёзное...

— Да, было, — смущаюсь, — не скрою.

— Тогда почему бы не повторить?

Снова встречаемся глазами. Я тут, блин, всеми цветами радуги переливаюсь от неловкости, а ему хоть бы что! Предлагает, как кофе попить.

— А что потом? Секс? — спрашиваю дерзко, не отказывая себе в удовольствии называть вещи своими именами.

— Секс? — Алекс переспрашивает это с таким трагизмом в голосе, что не рассмеяться просто невозможно. И напряжённость атмосферы бесследно исчезает, — ты говоришь ужасные вещи, Женя.

— Почему? — решаю ему подыграть.

— Ну, во-первых, секс — это ведь очень неприлично, да?

— А во-вторых? — улыбаюсь.

— Во-вторых, мы слишком мало знакомы для этого. Прошое не в счёт! Ты же так давно не видела меня, может быть, я очень изменился за это время, подрос, например...

Мы смеёмся как подростки над этой шуточкой, но Алексу уже не выбить меня из колеи. Я, наконец, понимаю, что должна сказать ему. Так хочется правды? Получите-распишитесь, мастер Найт.

— Нет, на самом деле все гораздо проще, — охотно объясняю я ему, делая неопределённый жест рукой, — просто для тебя это все так... мимолётно! А для меня нет.

— Откуда такой вывод? Ты так хорошо знаешь меня? — Алекс спрашивает спокойно, но я с удивлением замечаю, что этот простой вопрос вызывает в нем бурю эмоций, которую он даже не пытается скрыть, — и что именно мимолётно?!

Теряюсь немного от его менторского тона. Буравит меня требовательным взглядом, но тут мы, к счастью, приезжаем. Жапех с неожиданной скрупулезностью, очень аккуратно паркуется под подъездом трехэтажного многоквартирного дома из белого камня. Делаю вид, что внимательно наблюдаю за процессом парковки, в то время как невозмутимый Алекс «наблюдает» меня.

— Слишком много вопросов, — пожимаю плечами и улыбаюсь, пытаюсь перевести все в шутку.

Проворно выскакиваю из машины первой, не дожидаясь помощи от него или лейтенанта. Последний выходит, смущённо глядя на нас, и останавливается в сторонке чуть поодаль, видимо дожидаясь дальнейших инструкций.

Но Алекс не отстаёт! Выйдя из машины и обогнув ее, он становится прямо напротив меня, не давая пройти и вынуждая посмотреть ему в глаза.

— Я что-то не дождался ответа хотя бы на один из них!

— Тише ты, — делаю большие глаза, шикая на него. Смеюсь, — да уж, нервный супермэн, это нечто.

— Я не супермэн, — отзывается он ровным тоном, — я человек. Живой, с чувствами...

Хотя, вряд ли тебе это может быть интересно!

— Почему бы мне это было неинтересно? — реагирую беспокойно, все больше волнуясь из-за высокого накала напряжения между нами. Да чем я так завела его?

— Потому что ты привыкла плыть по течению, — теперь он говорит отрывисто и резко, — так ведь проще, да? Тебя забрали, поплакала немного и живешь дальше. А потом встретился хороший парень — общественное мнение отдает приказ выйти замуж... Печальная история! Даже если бы кто-то уволок меня силой, я бы, поверь, нашел возможность приехать позже, на твоём месте! Я бы ограбил кого-нибудь, чтобы достать билет, или украл из кошелька отца, ради тебя... Так что не тебе говорить мне о мимолётности.

Алекс говорит тихо, но выглядит очень злым. А я чувствую, как и сама начинаю закипать от возмущения. Прикладываю руки к разгорающимся от избытка эмоций щекам, чтобы успокоиться немного.

То, что он сказал сейчас — отчасти правда, но только отчасти. Кое с чем я согласна! Но, мне что, действительно, надо было пойти кого-то грабить и ехать в другую страну в своих неполных восемнадцать? Я понимаю, что он может сказать — ты могла бы приехать и позже. Но где он сам был позже? Точно не в Америке. Алекс понятия не имеет как я жила все эти годы.

И как перенесла нашу разлуку! Что поделаться, если не всем дано уметь так лихо рубить с плеча, как он, и быть полновластным хозяином своей судьбы?

Где-то в глубине души я понимаю, что он не сказал сейчас ничего такого обидного или неправдивого, но почему-то все равно чувствую себя оскорблённой! Ведь разве он один пострадал тогда?!

Ух, и выскажусь же я этому обиженному! При первой удобной возможности.

— Мы ещё вернемся к этому разговору. Не думай, что на этом все, — холодно бросает мне Алекс, словно читая мои мысли.

Идёт к Жапеху, не соизволив дожидаться моей реакции. Я отправляюсь следом, и тоже очень злая.

— Извините за задержку, лейтенант, — Алекс говорит коротко, — благодарю за службу! Вы можете быть свободны. Ключи, номер квартиры?

Жапех с готовностью сообщает, что в квартире нас ожидает еще один сотрудник полиции, и называет номер квартиры в этом симпатичном доме, который послужит нам временным пристанищем. Даже в неярком свете фонарей заметно, что он самый чистый и ухоженный в этом квартале. Конечно, большую часть дороги Алекс не давал мне возможности глазеть по сторонам, но, по моим наблюдениям, мы находимся где-то в центре города. Рядышком с домом приветливо сверкает огнями небольшой продуктовый магазин.

Пока я осматриваюсь, Алекс отпускает Жапеха окончательно, и тот вежливо прощается с нами. Я тоже говорю ему до свидания, поблагодарив. И радуюсь от души густому полумраку возле подъезда, где мы общаемся с ним, потому что мне до сих пор неловко.

Молча, вдвоем поднимаемся на второй этаж, где чуть ли не с порога квартиры нас радушно встречает очередной любезный полицейский. Бросаю искоса взгляд на Алекса — и как ему это удаётся?! Все пляшут вокруг нас, ждут нас, буквально. Неужели эта корочка спецагента Британской разведслужбы даёт такие привилегии, и реально открывает все двери? Или здесь больше заслуга в личной предприимчивости Алекса?

Выслушав от сержанта Бека подробные объяснения по вопросам жилья и ещё по каким-

то вопросам, о которых они говорят вполголоса, а я не прислушиваюсь, раскладывая свои нехитрые вещи, Алекс прощается и с ним. Я слышу, как дверь за сержантом закрывается.

Поворачиваюсь к Алексу, раздумывая, продолжить ли наш раунд. С тёплой улыбкой подмигнув мне, он достаёт телефон и подходит к окну.

— Добрый вечер, полковник Бикеле. Это Алекс Найт, я на месте, — делает паузу, — благодарю вас! Все более чем приемлемо... Полковник, скоро сюда придут представители Интерпола, экстрадировать наш объект. Они ждут только моего сигнала. Я хочу, чтобы вы знали об этом одним из первых, — тонко улыбается, — о, не благодарите, ваша помощь также бесценна для меня. Разумеется, экстрадиция (выдача одним государством другому государству лица для привлечения к уголовной ответственности или исполнения приговора — прим. автора) объекта будет происходить на самом высоком уровне, но от вас лично, как вы понимаете, потребуют проведения всех бумажных формальностей по объекту. Я готов проинструктировать вас по поводу некоторых тонкостей, — смотрит в окно, — скажем, прогулявшись с вами в скверике перед моим домом, когда вам будет удобно.

Делает паузу, глядя на меня и на свои наручные часы.

— Что ж, хорошо!.. Нет, не побеспокоите. Через пятнадцать минут? Договорились. У входа в сквер, до встречи.

Кладёт телефон в карман, поворачивается.

— Женечка, сейчас мне нужно уйти, ненадолго. Одна встреча. Потом я принесу нам что-нибудь поесть. Что бы тебе хотелось?

— Мне все равно, — пожимаю плечами.

— Все в порядке? — он подходит ближе, обнимая меня и заглядывая в глаза, как ни в чем не бывало, — обживайся. Можешь поспать. Но, — игриво улыбается, — я разбужу тебя к ужину, хорошо?

— Конечно, — легко соглашаюсь, — но я лучше приму душ и посмотрю телек. Вообще, я бы с удовольствием прогулялась перед сном.

— В Эфиопии, ночью?! Даже со мной — нет, — весело восклицает он, — считай, что для всех белых, а для белых женщин в особенности, здесь действует комендантский час.

— Ладно, иди уже, — смеюсь, — только покупай что-нибудь не экзотическое!

— В Бахр-Даре это, поверь, не просто, разве что за достойную награду, — парирует Алекс, но я с невозмутимым видом разбираю нашу сумку, вынимая свои вещи. Здесь и правда жарковато, а я все никак не могу решиться снять свою закрытую кофту, и порядком взмокла. Все это так глупо, конечно. Но надо держаться поофициальнее с ним.

— Ты что, уже не хочешь ругаться? — интересуюсь шутливо.

— И не собирался, — отвечает без тени улыбки, — я только хочу выяснить, что происходит в твоей голове! Но сейчас я ухожу... а мне бы не хотелось торопиться.

Собирается препарировать мой мозг? Не доставлю ему такого удовольствия. Но все же, мне тоже есть, что сказать.

— А ключи, я так понимаю, ты забираешь? Тогда пока. Я — мыть руки и переодеться, — произношу скороговоркой и скрываюсь в ванной.

С бьющимся сердцем прислушиваюсь к тишине за дверью, а затем к едва слышному скрипу запираемого дверного замка.

Киев, Украина

Гриша возвращается с работы крайне раздражённый и с раскалывающейся головой. Сегодня его преследует полнейшее невезение — начиная с противного холодного ливня, под который он случайно попал ещё утром, промокнув до нитки, и заканчивая машиной, заглохшей метров за десять до подъезда.

Тихонько ругаясь матом себе под нос, он открывает квартиру и входит в прихожую, еще даже не подозревая, что апогей сегодняшнего фатального невезения ждет его впереди!

И долго стоит, как парализованный, вдыхая вонючий запах старого сала и жареного лука, который чуть не сбивает, что называется, с порога. Какое-то время он просто наблюдает свою деловито снующую по его кухне мать в Женином переднике.

Она поначалу не замечает Гришу, всю хозяйничая среди сковородок и кастрюль. Вера Капитоновна, властная, дородная и не старая ещё женщина, приехала сегодня из своего села, которое находится в шестидесяти километрах от Киева сюрпризом.

Почему она не предупредила о своём приезде — одному Богу ведомо! Гриша со стоном вспоминает, как сам же и разболтал ей недавно в телефонном разговоре о том, что разводится. Вот и на тебе, как здрасьте, снег на голову.

Еще с самого момента покупки этой квартиры так уж повелось, что у матери всегда были от нее свои ключи. Наверное, это потому что немалая часть денег на ее покупку появилась от продажи бабушкиного дома в селе, то есть от маминой мамы.

Иными словами, чувствовала себя в квартире Гриши Вера Капитоновна хозяйкой всегда, и на вполне законных основаниях. Только вот бывала здесь нечасто из-за своей давней неприязни к Жене.

Но сегодня у нее праздник! И даже двойной повод для праздника.

— Ну чего застыл, сыначка, разувайся-проходи, — радостно гремит она командным тоном, вытирая мокрые руки о передник, когда наконец-то замечает его, — ох и бардак у вас здесь! Развели грязищу.

Гриша вяло подчиняется.

— Привет, мам, а ты чего здесь? — выдаёт он ей слегка недовольно, разувшись и заходя на маленькую кухоньку.

— Чего-чего, — Вера Капитоновна смеётся, — а ну живо руки мыть и за стол! Тощий-то вон какой стал! Кожа да кости... Ну да ничего, мамка тебя быстро откормит. Сейчас же, в ванную марш.

Когда Гриша возвращается на кухню, переодевшийся и с чистыми руками, она осматривает его довольно критично. Качает головой, ставя перед ним тарелку с пшенной кашей на сале с жареным луком.

— Спасибо, — он морщится, давно отвыкший от такой жирной еды. Но селяне из глубинки народ неприхотливый, и любят, чтобы было пожирнее да посытнее.

Гриша с детства ненавидел ее стряпню. Женя готовила хоть и не каждый день, но вкусно и даже изысканно — матери никогда было не понять ее оригинальные овощные супы без зажарок, пасту и лазанью. А уж Женины суши домашнего приготовления вообще были где-то за гранью восприятия Веры Капитоновны!

— Ты кушай, Гринечка, — мать грузно присаживается рядом и, опираясь ладонью о

щеку, с любовью рассматривает свою кровиночку, — знаешь, как мы с тобой заживём! До чего же хорошо, что ты эту непутёвую спровадил! Разговор у меня к тебе есть. Серьезный.

Тут он замечает большие, почерневшие от времени металлические судочки для теста, рядами выставленные на подоконник, и удивляется. В таких, насколько он помнил, она печёт дома хлеб. Сюда их привезла с собой, что ли? Да на сколько же она приехала?

— Мам, а ты надолго? — осторожно спрашивает он, — как твое здоровье? Что еще за разговор?!

Она для начала причитает немного, жалуясь на свои ноющие суставы и неважное сердце, но Гриша не особо верит этому. Глядя на ее пышущий здоровьем вид, у него почему-то сохраняется стойкое ощущение, что она и его переживёт.

У Веры Капитоновны он единственный ребенок, с мужем она давно развелась — да что там, фактически муж сбежал, не выдержав тяжелого характера супруги.

— А я насовсем, Гринечка! — и его пугает до дрожи этот лихорадочный, радостный блеск в ее глазах, — распродаюсь я.

— Как?! — Гриша холодеет.

— Старая я стала, Гринечка. Устала от своего хозяйства, нет уже сил смотреть за домом и огородом. Козу и курей продала, собаку соседи взяли, а дом выставила на продажу. Оно, конечно, там копейки все стоит, но хоть что-то будет нам в подспорье. Зимой натопить дом дровами для меня уже одной невоготу, а за весь день и словом обмолвиться не с кем! Пришла пора тебе, сына, досмотреть мать.

И Гриша вскакивает, шумно дыша, не выдержав! Бросает ложку. Их взгляды скрещиваются как клинки — и он опускает свой первым.

Садится, опустив голову. Берётся за кусочек хлеба ослабевшей рукой.

Вера Капитоновна женщина суровая, хоть и чуть что не так — хватается за сердце, умело манипулируя сыном. Такая его враз переломит, что Гриша уже видит по непреклонному выражению ее лица и нахмуренным бровям. Постепенно до него начинает доходить, что она уже все решила.

— Ты, конечно, можешь пойти на съёмную, если что не нравится, — язвительно добавляет она, и Гриша только скрипит зубами в ответ, представляя свои мытарства, — я как-то одна на пенсию проживу. В городе, без хозяйства, всяко полегче. Но с матерью родной тебе ведь лучше будет! Накормленный, обстиранный, глупыш. Чего ж тебе ещё надо, хороняка?

— А если я жениться снова захочу? — задаёт он вопрос страдальчески, но с вызовом. Вера Капитоновна лишь раскатисто смеётся в ответ.

— Хватит, на женихался, Гринечка! Нахрена тебе посторонняя баба в доме?

— А как же дети?

— Какие тебе дети, сороковник на носу! Когда воспитывать, на пенсии? Нет уж, обойдёмся. Не всем судьба. А то родишь такого, выкормишь, а он тебе на старости лет не обрадуется, когда немощной совсем станешь, и будет рожу воротить, да забудет сразу, кто деньги на квартиру дал...

Гриша снова вскакивает. И убегает, не дослушав. Неприятности по работе, как и почти бывшая жена отходят куда-то на второй или десятый план. Он с позором сбегает в туалет, чтоб как в детстве, покурить и поплакать в одиночестве.

Бахр-Дар, Эфиопия

Алекс возвращается только через пару часов, когда я уже начинаю волноваться за него, периодически выглядывая за чем-то в густую, чернильную тьму за окном.

Не похоже, чтобы у него было оружие. Какой бы крутой агент ты ни был, зачем назначать встречи в такой стране как Эфиопия в столь поздний час? Пытаясь занять себя, я бесцельно слонялась по квартире в своей новой безразмерной футболке и джинсовых шортах. Неожиданной и приятной находкой стала целая гора экзотических фруктов в красивом разноцветном блюде на кухне, откуда я решила стянуть нечто самое для себя привычное — банан.

В принципе, для ужина мне бы вполне хватило, не чувствую себя голодной. Но когда Алекс бесшумно заходит на кухню, с довольной рожицей потрясая передо мной шуршащим белым пакетом, я радуюсь ему как ребёнок!

— Нашел неподалёку один ресторанчик с европейской кухней, позавтракаем там утром? — предлагает он, раскладывая на столе какие-то консервы, сливочное масло и хлеб, с воодушевлением пещерного человека, раздобывшего мамонта, — это показалось мне самым безопасным. Консервы из ЕС.

— Круто!

— Да.

— И я нашла кое-что в холодильнике, — оповещаю.

— Надеюсь, не расчленённый труп сержанта? — ухмыляется он, но тут же обрывает сам себя, состроив при этом забавную гримаску, — извини! Знаю, не смешно.

И добавляет, брезгливо вынимая из холодильника какой-то непонятный кусок мяса в фольге и лепёшки зелёного цвета:

— Это не намного лучше! Похоже на ынджер. Будешь?

Смеёмся.

— Вряд ли. Я вообще есть не хочу. А... ты взял оружие? — интересуюсь за чем-то. Он смотрит насмешливо.

— Просто то, что ты задумал — очень опасно, — нахожу нужным подчеркнуть, — или тебе поможет полиция?

— Поможет, — Алекс тоже вдруг становится серьёзным. Сосредоточенно распаковывает масло и нарезает найденным ножом хлеб. Посуда здесь чистая и добротная, — Женя... А ты не думаешь о том, что будет после?

— Нет, — отвечаю честно, догадываясь, о чем он. Наверное, о том, что будет, когда мы закончим со всеми делами, и время расставания неумолимо приблизится. Теперь уже навсегда. Разве что нас снова не сведёт странным образом какой-нибудь случай!

— Женя, а ты вообще, в принципе, — продолжает несколько печально, — думаешь?

До хруста смяв в руке бумажную салфетку шариком, весело запускаю в него. Алекс ловко уворачивается! Вот гад. Тепло улыбаемся друг другу, совсем как старые друзья. Так и есть.

— С тобой настолько не соскучишься, что думать просто нет смысла, — признаюсь. Он оставляет свой хлеб, чтобы подойти ко мне.

— Будешь бутерброд?

— Нет, — пячусь от него в сторонку.

— А что будешь?

— Ничего, — в горле вдруг пересыхает, — водички попью. И спать!

К счастью, в этой квартире две спальни. И в шкафу несколько комплектов постельного белья, я проверила. Спать с Алексом в одной постели, не касаясь друг друга, для меня то ещё испытание! Хотя, если подумать, неизвестно для кого из нас большее.

И я думаю об этом. Где-то внизу живота все скручивает сладким спазмом от одной только мысли, что он снова может прикасаться ко мне так, как в той машине. Целоваться же с Алексом без отношений — вообще должно быть запрещено законом, как по мне, это же оружие массового женского поражения! Мне кажется, что если он схватит меня и начнет целовать, то я посопротивляюсь недолго. Какой-то бред, но это честный бред — обманываться нет смысла.

Сглотнув, усмехаюсь. Напускаю на себя равнодушный вид и, избегая смотреть в глаза Алексу, присаживаюсь за стол.

— Ладно, давай попьём чайку, — предлагаю непринуждённо, — если он здесь есть, конечно. Только недолго, хорошо?

Аэропорт, Аддис-Абеба, Эфиопия

Из здания аэропорта выходит мужчина в толстовке, с накинутым на голову капюшоном и в джинсах. На плече у него спортивная сумка небольшого размера.

Бегло осмотревшись, мужчина уверенно направляется в сторону нескольких стоящих в ряд такси, и садится на задние сиденья в ближайшее свободное. Коротко называет маршрут «Бахр-Дар» и спрашивает цену. Словоохотливый чернокожий таксист называет ее и уже трогается с места, уточняя на ломаном английском:

— Бахр-Дар, мастер, адрес?

— Вези меня в самый криминальный ночной клуб Бахр-Дара, — отвечает ему пассажир внятно и медленно, — туда, где есть бандиты.

Улыбается и кладёт на переднее сиденье плату за проезд, в двойном размере. Купюры раздвигаются небрежным веером.

— Это все тебе! Без сдачи, — добавляет.

Таксист недоумённо моргает, таращась на него в зеркало заднего вида. Затем криво ухмыляется, пряча деньги в карман.

— Вы уверены, мастер?

— Да, — и пассажир поворачивает голову к окну, теряя к таксисту всякий интерес. Разговоры в пути он не поддерживает, прикрыв глаза, как будто дремлет. Таксист решает потревожить его уже в конце пути, паркуясь под ночным клубом «Черная орхидея».

— Мы на месте. Но здесь опасно, мастер!

Тот моментально приходит в движение, пружинисто выбираясь из машины и закидывая свою сумку на плечо. В нем чувствуются ловкость и недюжинная сила.

— Супер! Спасибо, удачи, — он скупно улыбается напоследок, перед тем как скрыться из виду.

Таксист ещё некоторое время смотрит ему вслед, а затем торопливо отъезжает с парковки клуба, подальше от возможных неприятностей. Для себя он уже решил, что, в

случае чего, не запомнил этого пассажира.

Подойдя к входу в клуб, Макс Талер одним незаметным прикосновением к ушной раковине активирует сенсорный автоматический переводчик в своем ухе. Теперь он может говорить на любом языке, но пока что его задача — изображать из себя недалёкого туриста.

Поэтому он обращается на английском к ослабившимся при виде него двум чернокожим секьюрити на входе, похожим на огромные шкафы:

— Привет, ребята, — глуповато улыбается, покачиваясь, как слегка выпивший человек, но говорит при этом медленно и четко, — можно мне потратить немного денег в вашем клубе?

Они туговато соображают, но кивают ему, отступая. Обмениваются друг с другом многозначительными взглядами, и Макс заходит внутрь.

Наобум пробирается к барной стойке, разрезая собой густой дымный воздух, озаряемый изредка вспышками яркого света, под монотонную грохочущую музыку. Осматривается, словно невзначай. Здесь одни только чёрные! Он замечает, что моментально приковывает к себе десятки и сотни тяжелых, любопытных взглядов.

Впрочем, ему нравится испытывать этот адреналин в крови, и он улыбается абсолютно искренне сейчас, кайфуя от острого чувства опасности. Перекрикивая громкую музыку, Макс заказывает какую-то примитивную, крепкую выпивку у высокого, сплошь покрытого татуировками и от того нереально черного, как ночь, бармена, обращаясь к нему на английском. Кладёт купюру на стол.

Ему важно, чтобы его заметили наверняка, поэтому он расплачивается долларами, а не местной валютой (официальная денежная единица в Эфиопии — быр, прим. автора). Бармен сметает купюру со стола, заменив ее выпивкой.

Посидев так какое-то время, Макс пару раз делает вид, будто пригубляет стакан. Пить здесь, что бы то ни было, для глупого белого туриста — как и просто зайти сюда, самоубийство.

— Я хочу поговорить с вашим самым главным бандюком, — говорит он бармену, улучив подходящий момент, и кладя незаметным движением стодолларовую купюру под стакан. Двигает стакан к нему, — как мне его найти, подскажи?

Бармен только усмехается, отрицательно качнув головой и отодвигая от себя стакан. В этой нищей стране сто долларов — его месячная зарплата, но он не берет их.

От Макса не укрывается быстрый взгляд бармена за его спину. И он легко прослеживает его, оборачиваясь на беснующуюся в танце, хаотичную толпу. Замечает пристальные взгляды, стараясь запомнить черные лица, которые для него, впрочем, здесь все как одно.

Усмехается. На улице его мог бы грабануть кто угодно, но в этом месте — только с «санкции» бандитов. Выйти на их главаря не сложно, если Макс уже попал в фокус внимания его «шестерок».

Он прячет нетронутую стодолларовую купюру в карман, и сидит со стаканом в руке ещё минут десять. Затем встаёт и спрашивает, где здесь санузел и, получив ответ, направляется туда.

Макс уже знает, что в это самое время за ним идут.

Неожиданно на руке его повисает мерзкая, развратного вида негритянка, выпрыгнувшая как чертик из табакерки из общей черной массы людей.

— Красавчик, пойдём? — дышит в лицо винным перегаром.

— Я гей, — произносит он, брезгливо сбрасывая ее пальцы со своего рукава, и идёт

дальше, оставив ее, моргающую округлившимися глазами, переваривать информацию. Заходит в мужской туалет — грязный, полуразрушенный от многочисленных драк и разрисованный надписями с матерными словами. Тусклая лампочка уныло мигает, словно предупреждая об опасности. Здесь пустынно, и жутко по-настоящему.

Но Макса только заводит смертельный экстрим. К тому же, он профессионал. Он тратит первую секунду на то, чтобы осмотреться, и еще несколько на то, чтобы открыть самые крепкие двери в одну из кабинок настежь. Ставит туда свою сумку, отстегивает и бросает на нее капюшон. Затем становится близко к одному из заляпанных писсуаров, и чуть склоняет голову.

Уже в следующее мгновение в санузел заходят трое черных. Он слушает их, не глядя, стоя к ним спиной, и по звуку шагов определяя количество зашедших. Один из них блокирует дверь, но Макс не оборачивается.

Он помнит, что на его стороне внезапность. От него не ждут серьёзного сопротивления, а сам он всегда не прочь применить свои умения, и любит запах чужой крови. Однако сегодня у него другая цель.

Дождется, пока один из них не подходит к нему максимально близко, обратившись: «Эй ты, снежок...» на амхарском языке, и присовокупив к этому еще пару крепких словечек. Он не договаривает — Макс одним резким движением заламывает ему руку, развернувшись. Оказавшись позади чёрного, он легко перемещается с его безвольным телом в кабинку, и захлопывает дверь прямо перед его подельниками.

В кабинке чиркает маленьким ножом, давая острому, как скальпель, лезвию раскрыться. Прикладывает к яремной вене на шее подрагивающего негра. Все это, в общей сложности, занимает у него не более полминуты.

— Скажи своим, черная обезьяна, чтоб заткнулись и сидели тихо, — произносит Макс на амхарском и вдавливая нож в кожу человека чуть пониже, давая его крови потечь. Тот гортанно выкрикивает им это. Снаружи кабинки наступает тишина.

— Как тебя зовут?

— И... иса, — испуганно отвечает обездвиженный черный.

— Иса, я не хочу жертв, — вкрадчивым шёпотом произносит Макс, — вы пришли пожить в моем кошельке, а я могу дать вам много больше! Но мне нужен самый главный, ваш шеф. Есть дело, за которое я заплачу ему, много! Скажи своим, что я жду его здесь, прямо сейчас, для переговоров. У меня очень много денег, скажи.

Иса молчит, поэтому Макс приходится хорошенько встряхнуть его.

— Если нет, то сейчас я перережу тебе глотку и взрываю этот клуб вместе с собой! Я начинен взрывчаткой. Приступай! Говори своим.

Иса скашивает безумевший взгляд в сторону Макса, и громко передаёт своим эту информацию. За дверью происходит небольшая возня, но вскоре они отвечают, что их главный не в клубе.

— Мне нужен «смотрящий» за этим городом. Тот, кто руководит всеми вами, ясно? — Макс сам объясняет им это из-за двери на амхарском. Потом достаёт из кармана заготовленную пачку стодолларовых купюр и бросает им туда, как кость собакам, — какой-то подставной фраер мне не подойдёт! Передайте деньги главному. Скажите, что это маленький аванс за несложное дело. Мне нужны всего лишь информация и оружие. Пока он не придёт, я буду здесь с Иса, а если не придёт, мы с Иса сравняем этот клуб с землёй, моей взрывчатки хватит. Иса, скажи, что у твоего горла?

— Заточка, — хрипит тот.

— Громче, Иса. Чтоб ребята слышали.

— Он приставил нож к моему горлу!

Наконец, до всех доходит, что «снежок» не шутит.

— Ты хочешь говорить с ним в сортире?! — презрительно выкрикивает один из них.

— Не обязательно, но мне нужны гарантии. Пусть Иса позвонит ему! Иса, доставай телефон.

— Но у меня нет его номера, — визгливо отвечает тот, корчась от неудобной позы.

— Тогда пусть один из вас позвонит главному, и просунет мне под дверь телефон.

После разговора я решаю, что делать. Меня зовут Макс! Как зовут вашего главного?

За дверью слышатся только тихие перешептывания.

— Иссса! — Макс легонько чиркает лезвием по шее чернокожего с другой стороны, чувствуя, как его пальцы начинает обволакивать теплая жидкость.

— Мы зовём его Мексиканец, — шипит тот в ужасе, понимая, что угодил в лапы белого маньяка.

— Хорошо. Теперь молись своим богам, чтобы он отозвался, — довольно произносит Макс, глядя на него немигающим взглядом и не опуская ножа. Он получает удовольствие от того, что становится хозяином положения. И от драйва смертельной опасности.

Там, в чопорном Лондоне, ему настолько не хватало этого, что иногда он выходил в ночь, подобно Джеку Потрошителю, чтобы пройтись по кварталам «черни» и отвести душу в спровоцированных им кровавых драках.

Ему всегда особенно нравилось драться с ножом. Он не знал точно, сколько не встали после стычек с ним, ведь всегда уходил по-тихому и был уверен, что виновных не найти, да и искать никто не будет. Есть места, куда копы даже не заходят. Именно в таких местах он позволял своей темной сути выйти наружу в полную силу.

И момент, когда ему просовывают примитивный, с побитым корпусом мобильный телефон под дверь, наступает. Макс брезгливо подкидывает его поближе к себе носком ноги. Берет, поднося к уху.

— Мексиканец?

— Да. Кто ты такой? — низкий густой тембр голоса.

— Ваш иностранный коллега, — Макс усмехается, — зовите меня Макс. Мне нужна ваша услуга за хорошую оплату. Но цену устанавливаю я сам, и сотрудничаю только лично.

— Ты невежлив с моими людьми, коллега.

— Твои люди напали на меня в сортире, у меня не было выбора! А ведь я зашёл сюда с миром, всего лишь поговорить. Я здесь не затем, чтобы нарушать твои порядки. Сто тысяч долларов за сотрудничество, и я не торгуюсь.

Макс называет свою цену, понимая, что для Эфиопии, даже криминальной, это очень большие деньги. Но у него на кону гораздо, гораздо большие — в случае удачи, поэтому он легко готов расстаться с этой суммой.

— За что?

— Мне нужна информация об одном человеке, и срочная информация, иначе бы я не обратился к тебе, а узнал ее сам! Он только сегодня прибыл в Бахр-Дар, это англичанин. У нас личные счёты. Его фото я дам только в твои руки. Это опасный человек. Но, мне нужно знать о нем всего две вещи — где он обитает и что здесь вынюхивает. Ещё, мне нужно оружие. За него плачу отдельно.

— Хорошо. Мои люди приведут тебя ко мне.

— Деньги для расчёта с тобой в надёжном месте, у моих людей. Я обезопасил себя на случай, если не доеду до тебя, Мексиканец! Подумай ещё раз, прежде чем ответить. Не люблю нечестную игру. Я из тех, кому нечего терять.

— Я ничем не рискую, Макс. Если это действительно все, что ты попросил.

— Это все.

— Тогда считай, что мы договорились.

Третий час сидим, как приклеенные.

Болтаем о том-о сем — уходить никуда не хочется. Алекс выглядит невозможно мило в своей аккуратной домашней рубашечке и брюках. И ведь ни за что не скажешь, что передо мной мальчиш-плохиш! Хотя этот его уверенный, раздевающий взгляд никак не спрячешь за опрятным фасадом пай-мальчика.

Помешивает ложечкой остывший чай, оказавшийся, кстати, весьма приличного качества. Мой уже давно холодный тоже.

— Молочка подлить? — решаю пошутить. Алекс улыбается.

— Ну, подлей, — вообще-то, он пьёт без молока. Озадаченно хмурюсь, вспоминая все, что знаю о традиционных английских чаепитиях.

— Если по правилам, то сначала в чашку льют теплое молоко, а потом уже чай, — подсказывает он, — раньше такой ход спасал тонкий, изысканный фарфор от гибели. Сейчас уже не актуально! Разве что на чаепитии в Букингемском дворце.

— Откуда ты можешь знать об этом наверняка, может, там давно уже пьют чай из керамики, с тортом и в джинсах, и вовсе не в пять вечера, — смеюсь.

— Уверен, что так, но на официальных приёмах все по-прежнему довольно классически, — невозмутимо отвечает он.

— Ты бывал во дворце на приёмах? — уточняю недоверчиво.

— Елизавета с мужем приглашают некоторых из нас на награждения коллег. За этим всегда следует чай по протоколу, — он сообщает это довольно просто, как будто говорит о чем-то обыденном. Для меня же чай с королевой, во дворце сродни чему-то сказочно-недостижимому! Приблизительно как слетать на Марс, — кстати. Почему ты иногда подшучиваешь на эту тему, завидуешь?

— Пожалуй, да, — заключаю с уверенностью. Алекс снова смеётся.

— Тоже хочется попить чайку с королевой?

— Ага, — киваю, — но я как-то, знаешь, не питаю иллюзий на этот счёт.

— И все же, один реальный шанс у тебя есть, — он хитро прищуривается, — для этого надо всего-то получить английское гражданство и дожить до ста лет.

— Серьёзно? Почему до ста?

— Апофеозом английского чаепития является традиция — англичан, доживших до ста лет, приглашают на чашку чая к королеве. Ещё ни одному столетнему, насколько я знаю, не отказали.

— Ого, а вот это по-настоящему серьёзный стимул для британцев дожить до ста лет, — восклицаю мечтательно. И смотрю на Алекса, невольно усмехаясь от возникшего на контрасте с ним образа Гриши в растянутых на попе и коленках штанах-трениках, — а тебя хоть сейчас в Букингемский дворец! Презентабелен даже в домашней одежде. Так и хочется растрепать немножко твою идеальную стрижку, и еще сделать как-нибудь так, — перегнувшись через стол, смешно поднимаю вверх воротник его рубашки.

Возвращаюсь в прежнее положение, хихикая и любуясь творением рук своих. Но, вдруг замечаю, как опасно тяжелеет взгляд Алекса.

— Ты можешь растрепать меня, как захочется, — недвусмысленно предлагает он, а я понимаю, что несмотря на непринуждённую болтовню, напряжение между нами никуда не

делось. И этот его взгляд, наглый, неприкрыто восхищенный, колкой изморозью проходит по коже, заставляя невидимые волоски встать дыбом, — а мне... очень хочется растрепать тебя.

— Гм... а мы завтра собираемся к Артисту? — спрашиваю невпопад, желая срочно сменить тему. Делаю вид, что очень заинтересована узором на ручке чайной ложечки, — честно говоря, не очень-то приятно будет увидеть его!

— И не увидишь, — глухо отвечает Алекс, тоже сосредоточиваясь на ложке в моих руках, — завтра днем у меня встреча с двойным агентом, он даст необходимую информацию. Я все сделаю сам. Знаешь, ты действуешь на меня так... умиротворяюще! Со мной такое впервые.

Дальше он молчит, вынуждая меня оставить ложку в покое и поднять на него глаза. Непонятная недосказанность повисает в воздухе.

— Это как? — выдыхаю.

Серьёзность его тона и близость ко мне, несмотря на призрачную преграду между нами в виде стола, оказывает странное, почти парализующее воздействие. Я вдруг вспоминаю, что мы совсем одни в этой квартире, и за окном глубокая ночь.

Неподвижно сижу, то и дело натываясь на горящий взгляд Алекса, от которого вспархивают те самые пресловутые бабочки в разных местах, но не хочу даже думать о том, что мне давно пора бежать и закрываться в своей спальне. Как будто это спасёт меня от постоянного, странного чувства беспомощности перед ним.

— Я ищу в себе агрессию... и не нахожу, — он смотрит пристально, — раньше думал, что буду убивать его, рвать на куски, ломать по косточке — за Старка, за нас, а теперь... теперь мне даже не хочется задавать вопросы. Стало не интересно, не важно. Не нужно. Знаешь, незнакомое, новое ощущение! Нет охотничьего азарта. Когда хочется только созидать... понимаешь? Женя...

Киваю ему утвердительно, глубоко задумываясь. Легкий флёр светскости и пустословия напрочь исчезает из нашей беседы, наполняя ее до краев новыми, скрытыми смыслами, о которых знаем только мы.

Замираю в оцепенении от своих мыслей. Сейчас я как бабочка на булавке, вся перед ним! Захочет взять меня — и я стору в его руках, без остатка. Захочет спросить, о чем угодно — отвечу только правду. Но, я же не соберу себя потом по кусочкам, снова?

Только не во второй раз.

Поэтому я сильно сжимаю руки под столом — до боли, до побелевших косточек, и нахожу в себе силы остановить это, пока меня окончательно не расплавил в лаве чего-то необъяснимого. Так будет правильно, единственно верно.

— Мне тоже, — выдыхаю и встаю, по-прежнему избегая его взгляда, — и это прекрасно. Лучше созидать, чем разрушать! Спокойной ночи.

Я сбегая, не оборачиваясь. Сбегая, как будто за мной гонятся черти. От Алекса, от реакций своего тела на него — этих неконтролируемых вспышек жара, и предательски-приятного, ноющего ощущения внизу живота всякий раз, когда он смотрит на меня чуть дольше обычного. Еще от саднящей, почти невыносимой в такие минуты боли в моей душе, в моем сердце.

И все же, стоит только мне услышать тихий голос Алекса, когда я уже почти пересекаю порог кухни, как это останавливает мой бег.

— Мне больно, — признаётся. Резко торможу, оборачиваясь.

— Отчего?!

— Мне всегда больно, когда ты бежишь, — Алекс встаёт со стула и подходит ко мне, близко. Но делает это так неспешно, даже деликатно, как будто боится испугать своими действиями или словами, — а ведь для меня ничего не изменилось. Я люблю тебя... как и раньше, сколько бы лет ни прошло. Может, сейчас даже больше, чем раньше!

Шокированная, я молчу, хотя сказанное им так живо перекликается с моими собственными чувствами.

Что люди делают в таких случаях? Обнимаются, целуются, возможно, плачут вместе? Мы же просто стоим, потрясенные друг другом.

— Кстати, — он продолжает, — мне от тебя не нужен секс, принципиально. Ты ведь из-за этого в такой панике?

Вместо ответа обнимаю Алекса.

— Но почему ты думаешь, что ничего не изменилось? — горячо, порывисто шепчу ему в ухо.

— Я говорю то, что чувствую, — также шепчет он мне в шею, не размыкая нашего объятия, — а что чувствуешь ты?!

Мне трудно говорить. Не дождавшись ответа, Алекс мягко отстраняется, чтобы заглянуть в мои глаза. Осторожно берет за руки. Его пальцы удивительно тёплые, сильные — держат крепко.

— Я искал тебя так долго, безотчетно, во всех... и ближе этих всех была Женевьева! Она очень напоминает тебя, внешне. Но она — не ты... а твой муж похож на меня?

— Нет! — этот вопрос заставляет улыбнуться ему вполне искренне, — полный антипод... Алекс, да. Твои чувства взаимны. Я еще, правда, до конца не понимаю, — запинаясь. Сглатываю, — что это. Но не равнодушие точно, и не просто физическое желание... Что будет с нами дальше?

— Дальше? Все, что угодно, все, что захотим, — Алекс выглядит немного ошарашенным, но вместе с тем по-детски, неприкрыто счастливым, — никаких ограничений! Кроме одного. Мы не разорвем нашу связь, никогда больше... Скажи. Ты согласна?!

Кафе «Париж», Бахр-Дар, Эфиопия

Полдень. В этом заведении всегда немногочленно, особенно в такое время. Вечером еще может заглянуть кое-кто из местных на чашечку хорошего кофе, но больше всего здесь, конечно, рады туристам.

Поэтому когда маленькие колокольчики на входе оповещают персонал о прибытии гостей, и дверь открывается, пропуская внутрь мужчину и женщину, суетиться начинают абсолютно все.

Все, кроме официанта Жерома — как гласит его бейдж. Никакой он, конечно же, не Жером, а Палу, местный парнишка, но политика тотального «офранцузивания» в кафе всех и каждого вполне серьезно предполагает французское имя даже на бейдже уборщицы.

Стоит ли говорить, что весь персонал здесь чернокожие, однако хозяин кафе очень гордится созданной им атмосферой. Ведь на каждом столике присутствует миниатюра Эйфелевой башни, а официанты — их всегда двое, на случай большого количества гостей, в костюмах и при галстуках. К тому же, в меню — шутка ли, обязательно присутствуют лягушки!

— Ну, чего встал, Палу? — администратор Жак сердитым шёпотом одергивает парня, застывшего с оттопыренной от удивления, мясистой губой.

Ему невдомек, что псевдожером сразу узнал вошедшего! Как раз сегодня его брат, работающий на местных бандитов, прислал ему фото белого человека — опасного преступника, с приказом немедленно позвонить, если он увидит того где-нибудь.

Стоит отметить, что Палу очень дорожит своей работой, потому что в Бахр-Даре по достижении совершеннолетия у молодёжи всего три пути — на базар, в сферу обслуживания туризма или в бандиты. Его же путь, второй, самый обеспеченный и спокойный. Однако Палу не посмеет послушаться старшего брата.

Проворно схватив меню и нацепив дежурную улыбку, он идёт к посетителям. Здоровается, а затем осторожно кладёт меню на стол.

Они приветливы с ним, и Палу невольно любуется этой молодой европейской парой — такие красивые и почти не сводящие глаз друг с друга. Наверное, молодожёны! Он сразу подмечает, как дама вся словно светится от счастья и насколько нежен, предупредителен мужчина рядом с ней. В этот момент он даже думает только о том, насколько сильно хотел бы полюбить так кого-то. Трудно поверить, что этот влюбленный, улыбчивый мужчина может быть по-настоящему опасен. Но, возможно, они работают вдвоем — как Бонни и Клайд, например?

Молодые европейцы делают заказ. Палу тщательно записывает его детали в свой маленький блокнотик, обитый синим бархатом. Он немного удивлён, что в заказе нет лягушек. Возвращается за барную стойку через кухню, передав туда заказ и, ожидая, дрожащими руками достаёт свой телефон как можно более незаметно. Находит ещё раз фото, чтобы окончательно удостовериться, а затем прячется в подсобное помещение, делая звонок брату.

— Палу?

— Балу, он здесь, — докладывает в крайнем волнении.

— Ты молодец, — брат не скрывает своей радости, — работай спокойно, да гляди, не выдай себя никак... звони, если что!

Бросает трубку. Палу кивает, глядя на потухший уже экран телефона.

— Ну что такое, где ты?! — в подсобку заглядывает вечно недовольный Жак.

Всего двадцать минут спустя к кафе подъезжает неприметный серый микроавтобус. За рулём Макс Талер, а в салоне рядом с ним двое эфиопов-подручных. Он торопливо цепляет на одного из них видеоустройство со встроенным мощным микрофоном микроскопических размеров.

— Теперь ты мои глаза и уши, Ка, — произносит с довольной ухмылкой, — просто зайдешь в кафе и сядешь, обязательно пройдя мимо его столика. Закажешь кофе, расплатишься. В ту сторону даже не смотреть! Выпьешь полчашки и сразу же к нам, ясно? На все-про все у тебя десять минут. Пятнадцать максимум. Но, никакой показной спешки. Время пошло.

Тот кивает и стремительно выходит из микроавтобуса, направляясь к «Парижу».

— Так, теперь ты, Балу, — Макс поворачивается к нему, — звони брату, скажи, чтобы обслужил Ка быстро и улыбался ему как старому знакомому. Давай.

Ба послушно делает звонок.

Макс азартно потирает руки, не забыв взглянуть на часы, когда Ка выходит из кафе. Жадно хватает записывающее устройство, аккуратно, впрочем, сняв его с Ка.

— Что объект? — бубнит себе под нос, подключая устройство к маленькому планшету и выводя сделанную автоматически видеозапись на экран.

— Он с дамой, — докладывает Ка, — очень красивая! Едят салаты и жаркое в горшочках.

— С дамой? — Макс хмурится, увеличивая лица на экране.

— Да. Гладил ее ручку. Воркуют о чем-то..

— Я же сказал тебе не смотреть туда?!

— Он ничего не заметил, — Ка виновато оправдывается, — он смотрел только на неё!

— Ба! — Макс неожиданно хлопает себя по лбу, и оба эфиопа чуть не подсакивают, удивлённо на него таращась. Он же заходится в каком-то истерическом смехе, — да ведь это Эжени. Первая любовь. Однако же!.. Очень интересно.

Макс пересматривает видеозапись снова и снова, совершенно не обращая внимания на своих притихших подручных. Вцепляется в руль, надвигая кепку на лоб пониже, когда они, рука об руку неспешно выходят из кафе.

— Ты, Балу, — Макс кивает на них, идущих по широкому мощёному бульвару в сторону небольшого торгового центра, — идешь за ними, очень и очень аккуратно. Пристрелю, если он или она тебя заметят! Твоя задача сейчас довести их до места. Возможно, он провожает ее, возможно, они живут вместе. Ты должен незаметно разузнать, где она живёт. Если зайдут в дом — не иди за ними, но очень тихо приоткрой дверь и попробуй определить этаж. В подъезд не заходи, ясно? Если он возьмёт тебя за горло — скажешь, что хотел украсть кошелёк. Как только выяснишь адрес, звони! Сиди сейчас пока... я скажу.

Макс немигающим взглядом, долго буравит их спины. Ухмыляясь, произносит вполголоса по-английски: «И в самом деле, ничего не видит! Никого. Кроме нее... весьма неожиданный козырь». Дождается, пока они не скроются за поворотом, чтобы с удовлетворённым видом отдать короткий приказ подручному: «Вот теперь догоняй».

Балу тенью выскальзывает из машины.

— Что дальше будем делать, шеф? — интересуется Ка.

— Пока ждём, — Макс снова смотрит на часы. Ка робко достаёт свёрточек из-за пазухи. Разворачивает — в нем пара лепёшек и банан.

— Можно мне перекусить, шеф? Позвольте угостить?

— Ешь, — Макс едва заметно морщится, улыбаясь, — спасибо, нет. Сначала за кофе мне сходи.

Достаёт сигареты.

Ему трудно усидеть на месте, но, закурив, он сидит, не шелохнувшись, с лихорадочным блеском в глазах. Самый настоящий охотничий азарт переполняет его! Макс знает, что из затеянной им кровавой игры с Алексом может выйти только один. У него есть несколько мотивов для этого поступка, однако главный из них примитивен до банального. Но ему уже все равно — он слишком хорошо понимает, что точка невозврата пройдена. Через час его телефон звонит — Балу называет адрес.

— Теперь отойди на безопасное расстояние и наблюдай, — командует он, — пока объект находится там, мы ничего не предпринимаем.

Микроавтобус трогается с места, лихо управляемый Максом с помощью уличного навигатора. Он останавливается только в глухом переулке за пару улиц до указанного дома. К счастью, в Бахр-Даре не принято устанавливать кодовые замки на подъездных дверях, поэтому Балу без особого труда вычислил этаж.

И Макс решает позвонить Женеьеве.

— Привет, детка, как ты?

— Привет, — она сердито шипит в трубку, — наконец-то! Ты на месте? Ищешь его?

— Нашел, только что, — он расплывается в широкой улыбке, — пора, Дженни.

Выдвигайся!

— Мне ехать к тебе?

— Ну да, такой план, — смеётся, — садись на самолёт, а как приземлишься в Аддис-Абеба, звони. Тебя встретят!

— Как он? — спрашивает она обеспокоенно.

— Нормально. Прожигает жизнь, встретил тут дамочку... но тебе лучше поторопиться.

— Дамочку? — Дженни взволнована, — ты уверен?

— Более чем.

— Кто-то из местных?

— Туристка, — небрежно бросает он, — давай-ка поторопись, не то уведут мужа из-под носа.

— Кто меня встретит, не ты?

— Мои друзья, — Макс весело скашивает глаза на сосредоточенного ожиданием Ка. Он говорит по-английски сейчас, поэтому может позволить себе говорить все, что угодно, — шайка черных обезьян! Дороговато, но мы их купили, на время. Очень услужливые, хоть и тупые.

— Отлично, — она нервничает, — но зачем? Тот городишко маленький, как я понимаю, мы бы и сами наткнулись на Алекса где-нибудь рано или поздно..

— Поздно нам не подходит! — многозначительно перебивает он ее, — а нашелся он так быстро, потому что..

Его телефон высвечивает звонок на второй линии, и Макс замолкает. Ему звонит Балу. Макс отвечает, переходя на амхарский и сбрасывая вызов Дженни:

— Да?

— Объект покинул дом, — поспешно сообщает Балу.

— Без девушки?

— Без девушки.

— Хорошо. Жди нас под подъездом, так чтоб мы увидели тебя, — Макс немедленно срывается с места, взглянув на часы — неискоренимая привычка. Почти два часа дня.

Когда они подъезжают, он выходит из машины и быстро инструктирует подручных:

— Ждёте у подъезда, никого не впускаете под любым предлогом! Я выведу девушку. Скоро. Уверен, у нас мало времени. Она может не сопротивляться, а может сопротивляться, когда выйдет. Если будет идти добровольно — просто откроете для нее дверь в микроавтобус. Если притащу ее силой, ваша задача помочь мне быстро запихнуть ее. Поищите уже сейчас что-то подходящее, чем можно связать руки и ноги. Пока все.

Крадучись, заходит в подъезд и поднимается на второй этаж.

Всего три квартиры на площадке. Стучит в одну из них наобум, ему открывает кудрявый малыш. Макс прикладывает палец к губам, говоря, что ошибся. Его дьявольская интуиция на этот раз дала сбой.

Терпеливо дожидается, пока малыш закроет дверь. Теперь вторая. Но, за ней тишина — на стук никто не открывает. Он уже до боли закусывает губы, подходя к третьей. Если Эжени не откроет ему, он просто ничего не сможет сделать. Пока не сможет.

Нажимает кнопку звонка. Раздаётся длинная мелодичная трель, похожая на птичью. И вдруг — удача! Приятный женский голос с тревожными нотками, там, за закрытой дверью, на английском:

— Кто там?

Макс действует интуитивно, самозабвенно импровизируя:

— Привет! Я от Алекса. Мне нужно передать тебе информацию, — и добавляет, — я Тень! Помнишь меня?

Он уверен, что да.

Эжени наверняка помнит его, но Макс боится обращаться к ней по имени, ведь едва ли это ее настоящее имя. Настоящего он не знает, но если бы его действительно прислал Алекс, Макс не мог бы не знать.

И вновь — невероятная удача. Она открывает ему дверь.

Я узнаю его. Время немного изменило черты лица этого человека, слегка заострив их, и добавив морщинок в уголки губ и глаз, а фигуре мощи, роста, но это, бесспорно, был он! Тень. Макс Талер, если мне не изменяет память. Алекс говорил, кажется, что теперь он работает с ними.

Ну что ж, это чудесно, наверное. Пусть их юная, криминальная в прошлом команда друзей потеряла Старка, но как же здорово, что Алексу удалось вытянуть в лучшую жизнь еще одного из них.

— Приветик поближе, — говорит он так, как будто в последний раз мы виделись вчера, ну, или по крайней мере, на прошлой неделе. Тепло улыбается, подмигнув, и немного мнётся, как бы смущаясь, — мы теперь работаем вместе, Алекс говорил?

— Да, — я тоже тепло улыбаюсь ему в ответ, хотя сердце уже тоскливо сжимается от тревожного предчувствия. Зачем он здесь?! — привет.

— Я Макс, — тянет руку, и хороший тон вынуждает меня пожать ее в ответ, — в смысле, настоящее имя. Ты никогда не спрашивала..

— Очень приятно, — отвечаю, все больше волнуясь, — Женя. А что просил передать Алекс?

Тень почему-то сейчас вызывает у меня странную ассоциацию с большой хищной птицей. Он бросает в сторону квартиры зоркий острый взгляд исподлобья, а затем топчется на пороге секунду-другую, прежде чем печально произнести:

— Если честно, Алекс попросил меня сказать тебе это как-то аккуратно... подготовив, что ли. Но я этого не особо умею, прости! Потому скажу, как есть. Ты только не бойся, с ним все в порядке.

— А конкретнее?! — я чувствую, как мои ноги подкашивает. Опираюсь плечом о косяк двери, глядя на него в ожидании плохих новостей.

— Короче. Он сейчас едет в больницу в карете скорой помощи!

— Как? — ахаю. Внутри все обрывает.

— Его сбили на пешеходном переходе. Суки-эфиопы, — он ругается, — ты видела, как они здесь водят?! Для них не существуют правила дорожного движения... в общем, Женя. Он в порядке, только повредил немного голову и руку. На скорой дали адрес, Алекс велел забрать тебя и отвезти к нему в больницу!

— Я сейчас, — начинаю бестолково метаться по прихожей, в поисках сумки, телефона, чего-то ещё, — я позвоню ему..

— Не надо, — на мое запястье мягко, но уверенно ложится его рука. Машинально отдергиваю свою — не выношу случайных прикосновений от малознакомых людей, — возьми все с собой. Алексу как раз сейчас накладывают швы! В больнице поговорите. Возможно, его оставят на ночь там.

Меня грызёт червячок сомнения, но времени на раздумья нет.

Хватаю сумку, засовываю в нее телефон, а Макс Талер уже нетерпеливо дожидается меня на пороге квартиры. Обуваюсь и мы выходим, захлопывая за собой дверь. Замок здесь английский — закрывает дверь автоматически, а единственные ключи находятся у Алекса.

Мы спускаемся по лестнице, когда в моей сумке начинает звонить телефон. Копощусь в ней дрожащими пальцами, находя его не сразу. В этот раз мне впервые кажется, будто Тень

настораживается. Он вопросительно вытягивает шею, заглядывая мне в глаза:

— Неужели уже закончили? Алекс?

— Нет, — я абсолютно подавлена. Это Катя, — моя сестра.

Я собиралась еще вчера позвонить ей! Колеблюсь, отвечать ли. Смотрю на Тень — он принимается разглагольствовать о чём-то, и я кладу телефон обратно в карман, сбрасывая вызов. Ладно, перезвоню позже, из больницы.

— Ты понимаешь, все произошло так внезапно... я был рядом и, возможно, должен был что-то сделать. Ты ведь не винишь меня?

— Нет.

Выходим. Вздрагиваю, замечая двух огромных эфиопов подозрительного вида, но Тень ободряюще говорит мне, что это наши друзья.

— Они не понимают по-английски, не беспокойся. Прошу, — покровительственно добавляет, открывая передо мной дверь в какой-то неопрятный микроавтобус.

— Спасибо, — сажусь. Тень говорит что-то одному из них и тот отходит, кивнув, а на место рядом со мной присаживается второй эфиоп. Мы трогаемся. По-прежнему мало что понимаю, но ужас нашего положения и какая-то безысходность начинают потихоньку просачиваться в мое сознание.

А еще, мне почему-то очень неуютно в компании Тени и его «друга».

Память вдруг услужливо подбрасывает фрагмент из любимого мною многосерийного фильма «Семнадцать мгновений весны». Момент, когда профессор Плейшнер понимает, что проигнорировал важный знак на явочной квартире, добровольно угодив прямо в руки шпионов-врагов из-за своей невнимательности.

«Пьяный воздух свободы сыграл с профессором Плейшнером шутку, — навязчиво звенит цитата в моей голове, — явочная квартира советского разведчика была провалена фашистами...»

Вот и со мной, опьяненной Алексом и его любовью, может случиться все, что угодно.

А ведь я должна быть как никогда осторожной. Алекс предупредил, что уйдёт всего на полчаса, и уже в дверях заметил мне с улыбкой, что очень огорчится, если я захочу выйти из квартиры без него. Но ведь мы оба тогда даже подумать не могли, как развернутся события, что его собьет машина! Хоть бы травмы были несерьёзными.

К черту все дела, к черту Артиста! И тут беспокойный ход моих мыслей прерывает Тень:

— Мы как раз шли по одному делу, Женя... ты ведь знаешь, о чем я, не так ли?

Киваю утвердительно, глядя на пролетающие мимо улицы и дома. Мы едем слишком быстро.

— А где больница? Далеко ещё? — приказываю себе не дёргаться. Крепко прижимаю к коленям сумку, концентрируюсь на ней, на чем угодно, только чтобы не запаниковать.

— Далековато, — лениво отвечает он, контролируя руль двумя пальцами и наблюдая за мной. На эфиопа рядом стараюсь не смотреть. Не хочу провоцировать лишний интерес к себе, его взгляд и без того будто печет мою кожу.

Эти эфиопы даже не скрывают, что видеть белую женщину так близко для них в большую диковинку!

Сумка в моих руках мягко вибрирует очередным звонком телефона — начинаю лихорадочно искать его. Когда нахожу, буквы перед глазами так и прыгают — мне даже не сразу удаётся прочитать высветившееся на экране имя. Теперь звонит папа! Наверное, что-то срочное.

— Мне надо ответить, это мой отец, — быстро объясняю Тени зачем-то и подношу трубку к уху. Он делает какой-то знак рукой, и я даже не успеваю ничего произнести, как эфиоп выдёргивает телефон прямо из моих пальцев. Нажимает на сброс, ухмыляется.

— Что вы делаете?! — перевожу взгляд на Тень, в крайнем изумлении.

Тот продолжает управлять автомобилем с невозмутимым видом. Эфиоп передаёт ему мой телефон, а я наблюдаю, абсолютно беспомощно, как Тень прячет его к себе в карман.

— Извини, Женя, — улыбается, — так надо! Алекс говорил, что ты согласишься выйти из квартиры, только если я скажу, что с ним что-то случилось. Он ведь уверил тебя в своей беззаветной любви, не так ли?

— Я не понимаю, — в горле пересыхает.

— Кстати, тебе известно, что он женат? — сочувственно смотрит на меня в зеркало заднего вида.

— Да. И к чему это? — выдавливаю из себя. Что происходит? — так значит, Алекс не в больнице?!

— Не в больнице, — вздыхает, — а с женой.

Инстинктивно качаю головой, не веря ему, отгоняя, как морок. Этого не может быть.

— Видишь ли, его жена тоже работает с нами, — между тем, продолжает он словоохотливо, — позже ты увидишь ее! Пока побудешь на одной из наших баз. Так вот, Женевьева тоже агент. Мы разрабатываем здесь одну спецоперацию вместе, ну, откроюсь по старой памяти! Надеюсь, ты не выдашь меня. Ты задействована также, увы — просто в качестве приманки для кое-кого...

Я слушаю его и все равно не верю, пытаюсь не думать, однако, про “One more life”! У меня плохо получается это.

Кажется, однажды речь шла о том, чтобы помочь Алексу поймать главарей этой преступной организации? Что, если они занимаются здесь именно этим, а все сказанное им мне — ложь?

Перед глазами плывёт.

— К сожалению, я не смогу сказать тебе всего, — Тень пожимает плечами с таинственным видом, а я вдруг обращаю внимание на то, что мы только что покинули пределы города, — это конфиденциальная информация! Но, обстоятельства сложились таким образом, что нам необходимо действовать прямо сейчас. Поэтому любовная линия и использование тебя вслепую, как изначально предложил Алекс, аннулируется! Я, конечно, сочувствую, чисто по-человечески. Но теперь тебе придется делать то, что скажем.

— Назови мне организацию, — хриплю, и тут же прокашливаюсь, чтобы очистить голос. Мне нужно как-то держаться. Неужели все циклично, и все повторяется? Тот незыблемый мир, на котором я стою, вот-вот перевернётся и рухнет, совсем как пятнадцать лет назад...

— Просто одно название организации, Макс! — повторяю, — и тогда я поверю тебе.

Киев, Украина

Солнечные лучи уютно золотят корзинку с булочками посреди обеденного стола. Элеонора Юрьевна заваривает свежий чай здесь же, а Катя наблюдает за ее действиями, несколько рассеянно, в то время как ее отец мерит шагами кухню.

— Вова, съешь котлетку, — меланхолично предлагает супруга.

— Я удивляюсь с этой Жени! Спасибо, Элечка, — целует ее нежно в плечико и накалывает на вилку котлету прямо из сковородки. Ходит взад-вперед дальше, поедая котлету, — Катя, тебе она тоже до сих пор не ответила?!

— Тоже, — Катя пробует позвонить со своего телефона ещё раз.

Терпеливо дослушав гудки до конца, кладёт трубку в карман домашнего халатика и выскальзывает из кухни. Доносящиеся оттуда причитания папы начинают ее раздражать, поэтому она идёт в свою комнату и плотно прикрывает за собой дверь. Уютно устраивается на своей кровати с телефоном в руках. Пишет смс Уиллу: «Привет! Как ты?»

Подумав, добавляет смайл и красивое розовое сердечко.

«Привет, работаю» — быстро прилетает ответ со смайлом и изображением цветочка.

«Ты молодец, — строчит она поспешно, — извини, что отвлекаю, но у меня кое-что срочное».

«И что же?»

«Я очень волнуюсь о сестричке (грустный смайл). Она до сих пор не ответила на наши звонки. Как думаешь, они с Алексом уже добрались до Эфиопии?»

«По времени должны были. Но почему ты думаешь, что что-то случилось?»

«Я не знаю точно, но завтра ей выходить на работу! Женя очень ответственная, понимаешь? А трубку не берет. Вчера с ее работы нам звонили, чтобы узнать, выйдет ли она завтра. Мы не знаем, что им отвечать, вдруг они будут звонить снова? Папа тоже очень нервничает (крейзи смайл)! Может быть, ты узнаешь у Алекса, пожалуйста?»

«Хорошо» — спустя небольшую паузу, приходит ответ.

«У тебя же есть его телефон?»

«И не один... (грустный смайл)»

«И что же тебя так огорчило? (веселый смайл)»

«Возможность хорошо получить от него по шее! (весёлый смайл) Но — я сделаю это для тебя (красное сердечко)»

Катя улыбается.

«Спасибо! И сразу отпишись, договорились?»

Подумав, добавляет в конце значок поцелуя. С коротким ответом «да!», ей прилетает в ответ такой же.

Часом ранее, Бахр-Дар, Эфиопия

За вторым столиком возле бара, в кафе «Банана Бич» тихо беседуют двое — Алекс и его криминальный контакт-информатор Энрике, смазливый мулат средних лет.

Это так называемое полицейское кафе. Здесь принято проводить подобные встречи и «случайных» посетителей просто не бывает. Исключение составляют лишь редкие туристы. Настоящий владелец «Банана Бич» — сам полковник Бикеле, хотя официально права на кафе числятся за кем-то из его многочисленной родни.

— Мне нужно организовать одно свидание с объектом, без свидетелей. Самым удобным местом пока представляется то, где он рыбачит по пятницам, — поясняет Алекс как раз в тот момент, когда его телефон начинает звонить, — извините. Да, полковник?

— Добрый день, я прошу прощения, что отвлекаю, господин Найт. Но, к нам поступила важная информация!

— Говорите.

— Есть сведения от криминальных — о вас в этом городе начали наводить справки.

— И кто же, по-вашему, объект?

— В том-то и дело, что нет! Некий приезжий европеец. Он называет себя Макс. Вступил в контакт с Мексиканцем, но это пока все, что нам известно.

— Спасибо за информацию, — Алекс бледнеет.

Женя! До их дома идти пешком минут пятнадцать. На автомобиле будет в два раза быстрее, но он может сократить время пути до минимума.

Быстро кладёт телефон в карман и встает, оставляя на столе купюру.

— Какая из этих машин ваша, Энрике?

— Черный субару, — несколько ошарашено откликается тот. Алекс берет лежащие на столике ключи.

— Не будете ли вы так любезны одолжить мне ее? У меня форс-мажор, я верну ее позже.

— Нет-нет, что вы, ее же знают в городе, — вскакивает вслед за ним, с крайне озабоченным видом, Энрике, — давайте я вызову вам такси?!

— Тогда я ее угоняю, — сообщает ему Алекс бесстрастно, и Энрике остается только наблюдать, как его старенький автомобиль, лихо кругнув колесами и сорвавшись с места, уносится вдаль с поразительной для него скоростью.

Заехав во двор к месту парковки, Алекс обострившимся чутьем замечает движение в тени экзотических деревьев. Паркуясь с показной неспешностью, он быстро вычисляет прячущегося неподалеку эфиопа, который почти сливается со стволом дикого кофейного дерева.

Выходит из машины.

Закрывает ее и направляется к дому, боковым зрением улавливая малейшее движение во дворе. Не дойдя всего нескольких метров до подъезда, Алекс резко срывается в бег в сторону эфиопа. Тот, мгновенно оценив ситуацию, молча удирает во все лопатки. Но Алекс в прекрасной форме — погоня длится недолго, до следующего двора. Завалив эфиопа на землю и удобно прихватив за горло, он оттаскивает извивающееся тело в ближайшие

раскидистые кусты.

Смотрит в круглые, полные ужаса глаза лежащего человека, активируя через наручные часы удобный портативный переводчик. Вставляет в ухо блютуз.

— Говори, — коротко приказывает эфиопу на амхарском, попутно обыскивая его. Вытряхивает на землю найденные телефон, скомканные бумажные купюры, монетки, складной нож и травматический короткоствольный пистолет старого образца, — кого ты высматривал?

— Что вам нужно, мастер?! — шипит эфиоп.

— Еще одна попытка, — Алекс проверяет магазин найденного пистолета и прикладывает дулом к виску эфиопа, — у меня мало времени!

— Я просто стоял..

Алекс производит выстрел в его ногу. Хлопок в кустах не способен привлечь внимание даже в центре Бахр-Дара — скорее, это только подстегнет редкого прохожего побыстрее скрыться от источника шума. Эфиопу это хорошо известно тоже, потому что он только глухо стонет от боли, скорчившись, и даже не пытается позвать на помощь. Он выглядит как типичный местный бандит-оборванец.

— Следующий в голову, — спокойно предупреждает Алекс, и эфиоп верит ему, глядя в холодные синие глаза европейца.

Эти двое белых, недавно появившиеся в городе, внаглую устраивают разборки прямо на чёрной территории! Такого Бахр-Дар ещё не знал. Всего за сутки они навели страху на всю криминальную округу. Да кто они такие — инопланетяне?

— Да, ждал тебя, — выплевывает эфиоп с ненавистью, — только твоей девушки там уже нет!

— Кто тебя поставил?

— Мексиканец.

Алексу уже хорошо известно это имя. Он кивает эфиопу:

— Зачем это Мексиканцу?

— Ему заплатил Макс.

— Кто такой Макс?

— Европейец. Приезжий. Но больше я ничего не знаю!

— Ты должен сообщить Макс, когда я приду? — сжимает его ногу под штаниной, вызывая этим стон, полный боли.

— Да!

— Где твои подельники? — Алекс кладет его телефон к себе в карман.

— Какие?! Мы тут были вдвоем... один уехал с Максом..

— Кто ещё приставлен следить за домом и за мной?

— Говорю же вам, я один, — вопит негр, — они уехали, а меня оставили следить за домом! Я должен отзвониться Макс, как только вы придёте..

— Ладно, заткнись, — Алекс поднимается и осторожно выглядывает из гущи густых зарослей, чтобы затем рывком поднять эфиопа на ноги, взяв за предплечье. Тянет за собой как куклу, — быстрее! Вы втроем забирали девушку?

Невзирая на возражения и проклятия, он тащит его за собой максимально аккуратно, стараясь не производить лишнего шума.

— Они убьют меня! Макс забирал ее сам, нас оставил ждать возле машины! Моя нога... вы что, оставите здесь все мои вещи?! — простодушно взвизгивает эфиоп, когда они

выбираются из непролазных кустов, оставив на помятой траве содержимое его карманов. Он волочит при ходьбе ногу, и Алекс приобнимает его, как захмелевшего товарища. Заводит во двор своей трёхэтажки.

— Я могу убить тебя быстрее! Вернешься за вещами потом — если останешься жив. Это зависит только от тебя! Она сопротивлялась?

— Нет, совсем... Куда мы идём? — поскуливает эфиоп. Его ответ вызывает острый интерес у Алекса, и ему не терпится продолжить допрос в более подходящих условиях. Между тем, эфиоп делает еще одну тщетную попытку сбежать.

— Почему ты думаешь, что она не сопротивлялась? Что ты видел? — Алекс легко перехватывает его, возвращая назад. Делает ощутимый тычок в область раны, поторапливая с ответом и не планируя быть терпеливым при этом.

Сильно встряхивает еще раз, уже в подъезде, лишив последних попыток к сопротивлению. Вместе, они стремительно преодолевают два лестничных пролёта. Алекс достаёт ключи и ловко забрасывает безвольное тело эфиопа внутрь.

— Она не сопротивлялась! Они вышли с Максом... мы ждали, — сипит он.

— Ты хочешь жить? — спрашивает его Алекс серьезно.

Он слишком хорошо понимает, что времени катастрофически мало, а права на ошибку больше нет. В любой момент может объявиться тот, кто называет себя Максом, позвонив как эфиопу, так и ему самому!

— Да!

— Теперь это зависит только от тебя.

— Что вы будете со мной делать?! Отпустите... Мне просто заплатили, я ничего не знаю, — канючит эфиоп.

Не отвечая, Алекс закрывает дверь на ключ изнутри. Затем находит пару своих ремней и крепко прикручивает ими заложника к стулу на кухне.

— Сначала я тебя допрошу, — говорит он, убедившись в отсутствии в квартире Жени, и приносит компактных размеров кейс. Открывает. Достаёт пистолет, прикручивает глушитель под остекленевшим взглядом эфиопа. Он ругает себя за допущенную беспечность, но, увы, еще никому не удавалось повернуть время вспять, — не ной! Если все расскажешь быстро, останешься жить. Если нет — будешь умирать медленно.

Алекс присаживается на стул и начинает свой допрос, умело используя наработанное годами умение быстро отличать зерна от плевел уже в процессе.

— Как тебя зовут? — он начинает с этого.

— Аче, — следует ответ, и Алекс без труда распознаёт ложь.

Ему известно, как определить лжеца с помощью микроимики, которую человек не контролирует сознательно. Это может быть любой жест или случайное слово. Чтобы выявить обман, необходимо просто быть внимательным и распознавать подаваемые телом знаки.

Он наводит ствол на колено эфиопа. Мнимое спокойствие Алекса пугает того больше, чем любая истеричная агрессия.

— Уточним. Правила очень просты! Я задаю вопрос — ты отвечаешь. Вранье или отказ — выстрел. Твоих криков никто не услышит, — Алекс наклоняется чуть поближе к эфиопу, — ты же не хочешь лишиться ноги? Из твоей игрушки я стрелял в мышцу, и так, чтобы обошлось без большой кровопотери. Но хочешь узнать, какие бывают ощущения, если попасть из настоящего огнестрела в сухожилие или кость?

— Я Балугу!

На категорию людей, подобных Балугу, эффективнее всего влияют сила и страх. Поэтому первую часть допроса Алекс проводит жёстко.

Рана у эфиопа незначительна, но вполне может доставить серьёзные мучения при воздействии на нее. И Алекс готов беззастенчиво использовать самые грязные приёмы, чтобы сделать Балугу послушным. Хотя этому эфиопу известно немного, Алекс умеет вытягивать из допрашиваемого не просто максимум, а еще и ту информацию, о которой, на первый взгляд, тому может быть неизвестно.

— Хорошо. Итак, мы остановились на номере и марке машины, Балугу. Называй! — Алекс несколькими нажатиями невидимых сенсорных кнопок на своих наручных часах выводит в воздух световую картинку-голограмму, и эфиоп выпучивает глаза от удивления.

— Я не знаю! Макс сам достал ее где-то, — морщит лоб и действительно выглядит непонимающим, одновременно таращаясь на голограмму, — иномарка. Автобус!

— Цвет? Автобус какого размера? — Алекс делает пометку прямо в голограмме перед собой.

— Да кто ты такой?! — вырывается у допрашиваемого почти с благоговением.

— Тот, кому нельзя врать, — коротко реагирует Алекс, — размер, цвет?

— Серый! Большой, но не очень, — Балугу сообщает откровенно туго.

— Микроавтобус? Вспоминай хоть какие-то цифры номера.

— Я не смотрел на номер! Может, и микроавтобус..

— С кем Макс ходил за девушкой?

— Сам! Один. Мы ждали.

— Как они вышли?

— Вместе, просто.

— Он не тащил ее?

— Нет.

— О чем они говорили? На каком языке?

И Балугу снова хмурится, отчаянно припоминая, пока Алекс поигрывает перед его лицом пистолетом.

— Быстрее.

— Не на нашем! Кажется, на английском. Она сказала ему спасибо, когда он открыл ей дверь в машину. Села. Перед этим он тоже что-то сказал на английском... но я не понял!

— Опиши мне его, — перебивает Алекс, неотрывно наблюдая за мимикой на подвижном лице эфиопа, — внешность! Подробнее.

Балугу морщит лоб, перед тем как начать.

— Европейец, светлая кожа и глаза. Точно такой же, как вы, — косится на Алекса.

— Не тупи, — Алекс толкает ногой стул под допрашиваемым, вызывая легкий приступ страха у него от возникшего крена. Удерживает стул рукой, — я же сказал, у нас мало времени! Волосы светлее моих?

— Да.

— Глаза? Нос?

— Я не знаю, не помню! Европейец, — вымученно выдаёт тот.

— Нарисовать сможешь? — Балугу отрицательно мотает головой, объясняя, что не рисует совсем. Все, что он умеет делать — это грабить и заниматься разбоем.

— Ладно. Сможешь достать фото? Сейчас.

И вновь Балу чуть не плачет.

— А ну-ка напрягись, — резко произносит Алекс, и Балу замирает, — вспоминай! Может быть, он говорил что-нибудь необычное? Какое-то часто употребляемое слово, особенности речи, выражения?

Но, на лице Балу откровенное непонимание.

Наконец, он признается, что не заметил ничего особенного. Алекс задает ему еще несколько вопросов, чтобы вычислить психологический портрет преступника как можно более точно. Тем не менее, Балу на самом деле известно немногое.

Из скудных, обрывочных сведений Алексу удается сложить картину произошедшего. Некий Макс, прибывший в город совсем недавно, заключил сделку с Мексиканцем о предоставлении ему всесторонней помощи. Его цель — Алекс. Он нанял уголовников, и среди них производит впечатление профессионала. Очень осторожен, фотографий, видео с ним нет. Европейец, говорит по-английски и по-амхарски свободно, наверняка знаком с Алексом и предположительно — с Женей.

При всей ее доверчивости, она бы не открыла дверь и не поехала без малейшего сопротивления с незнакомым человеком.

Неужели так просто?! Осталось всего два важных вопроса, которые тоже нужно прояснить как можно скорее — где они с Женей сейчас находятся и мотив его действий. В отличие от первого вопроса, с мотивом пока сложнее.

— Жди, — говорит Алекс, и крепко закрепляет на его разинутый рот скрученное в жгут кухонное полотенце. Затем выходит из кухни, плотно прикрыв за собой дверь.

Перемещается в спальню и осторожно выглядывает в окно через образовавшуюся в складке штор щель. Во дворе пусто. Он делает звонок.

— Привет, Роберт.

— Алекс! — отзывается жизнерадостный голос главы службы ищек, непосредственного начальника Макса Талера, — привет. И как тебе дышится воздухом свободы?

— Могло бы и лучше, — Алекс мрачно усмехается, — Роб, я по делу! Извини, маловато времени. Ты можешь помочь мне быстро и конфиденциально?

— Не вопрос.

— Где сейчас Макс Талер?

— В Италии, собирает кое-какую информацию по моему поручению.

— Откуда нарисовалась эта командировка, сейчас?

— Ну, вообще, мы планировали, но..

— Но инициатива его?

— По большому счету, да.

— Он с тобой на связи?

— Да, и шлет подробные отчеты. Ты его подозреваешь в чем-то?

— К сожалению. Пока не могу раскрыть всего, но этот разговор должен остаться между нами..

— Разумеется, Алекс.

— Пришли мне, пожалуйста, перечень всех его имен, на которые у него на руках официальные паспорта. И приложи его фото.

— Сколько?

— Одного достаточно, анфас.

— Сейчас будет.

— Спасибо, жду!

— Не за что, Алекс. Удачи.

Он возвращается на кухню и наливает поникшему эфиопу стакан воды.

— Давай так, Балу! Нам осталось всего несколько вопросов, и можешь считать, что ты выбрался. Куда Макс отвез девушку?

— Я не знаю!

Алекс качает головой.

— Он не говорил нам, где живет! Мексиканец просто приказал мне исполнять все его поручения! Я должен был позвонить ему, как только вы зайдете в подъезд, но это все... - эмоционально тараторит эфиоп.

— Допустим. А кто знает? — Алекс достает телефон Балу из своего кармана. Кладе перед ним на стол и освобождает из тугого захвата ремня одну его руку, — у тебя минута! Звони тому, кто знает. И будь убедителен. Если мне что-то не понравится, я просто нажимаю на курок, — приставляет ко лбу дуло пистолета.

Но эфиоп колеблется, и Алекс производит короткий удар костяшками руки в его нос для ускорения. Он тут же взывает от боли и, утирая выступившую кровь, капая ею на телефон, хватая его. Делает звонок, долго говорит на амхарском с кем-то, объясняя, что ему приказал достать эту информацию сам Мексиканец.

Алекс с удовлетворением кивает, когда получает адрес, и фиксирует эту информацию в голограмме. Выяснилось, что Макс арендовал некую хижину на одной из заброшенных плантаций.

— Хорошо, — скупно хвалит он эфиопа, связывая его освобожденную недавно руку. Смотрит в свой мигнувший телефон. Показывает фото, — это он?

С экрана на Балу смотрит Макс в форме, похожей на военную. Эфиоп кивает, слизывая с верхней губы кровь и мелко подрагивая. Поджимает раненую ногу.

Алекс отрывает кусок ткани от полотенца и ловко, за секунду-другую, накладывает жгут чуть повыше сочащейся ранки. Кровь перестает идти совсем.

— Почти все, — Алекс поднимается, и снова надевает на его рот полотенце, — теперь жди.

Он выходит в одну из спален и, глядя во двор через штору, набирает Бикеле.

— Полковник, — глухо произносит Алекс, — примерно час назад из квартиры была выкрадена моя жена. Откуда появилась информация об этом Максе?

— От одного из наших криминальных, — Бикеле тоже взволнован, — я немедленно вызываю его!

— Не нужно, я уже установил личность преступника. Теперь мне требуется ваша помощь, группа захвата — самая серьезная, какой располагаете. В полной боевой готовности, разумеется, и я лично проведу с ними инструктаж. Вызывайте на мой адрес, сейчас!

— Так точно! Но, как вам удалось установить преступников так быстро? — Бикеле не скрывает своего искреннего профессионального восхищения.

— Я взял одного из них под домом и провел допрос, — коротко отвечает он, — дальше мне помогли коллеги. К сожалению, это недруг из числа бывших друзей... Полковник, обращаю ваше внимание на то, что этот человек из системы, он достаточно профессионален, а значит — недооценивать его нельзя! У меня к вам личная просьба — помогите мне.

Внеочередную звездочку на погоны и свою личную благодарность я вам гарантирую.

— Конечно! Есть группа захвата, прямо сейчас.

— Запишите информацию, — Алекс дожидается от Бикеле готовности записывать, а затем диктует имена, фамилии и адрес, — под одним из этих имен организатор прибыл в Бахр-Дар, им предположительно арендован микроавтобус серого цвета. По указанному адресу, предположительно, он арендовал дом и держит там сейчас мою жену. Пробейте адрес, но очень аккуратно, подчеркиваю! Я выезжаю с группой, как только он выйдет на связь со своим контактом, который сейчас находится со мной, в квартире. Я вживлю себе микрочип, по которому группа сможет отслеживать мое местонахождение. Они приступят к захвату только по моему сигналу, но вы должны быть на связи с ними! Связь со мной временно прервется. Выполняйте.

— Так точно, господин Найт.

Открыв дверь на кухню и расположившись в комнате таким образом, чтобы хорошо видеть Баллу и оставаться при этом незамеченным для него, Алекс раздевается до нижнего белья. Быстро обматывает специальными эластичными бинтами, которые не пропускают пули, область живота, груди, паха, локтевых и подколенных сгибов.

Затем надевает удобную, прилегающую к телу водолазку-свитер и штаны черного цвета, носки и комфортные ботинки-берцы. На теле прячет складной нож, несколько магазинов с патронами, и почти плоский пистолет сверхновой модификации.

Достает микрокейс. Вынимает и раскладывает его содержимое на квадратном куске ткани небольшого размера. Дезинфицирует руки, и с помощью специального прибора вживляет себе под кожу, между безымянным пальцем и мизинцем, микрочип миниатюрного размера. Ставит прозрачный, незаметный глазу пластырь сверху. Снимает наручные часы, активирует в них функцию отслеживания чипа и карту.

Спустя пару минут, улавливает еле слышный шум со стороны приоткрытого окна. Подходит к шторам сбоку и смотрит, как к подъезду подъезжает длинный черный автобус с тонированными стёклами. Это странное зрелище. Из него организованным гуськом выскакивают и мгновенно исчезают, друг за другом, в обычном гражданском подъезде люди-автоматчики, в спецовке и балаклавах. Для Алекса это зрелище вполне привычно — ему даже становится чуть-чуть спокойнее.

Он уже идёт в прихожую открывать для них дверь, когда слышит сдавленное мычание Баллу. Заходит на кухню — на столе перед дёргающимся в путях эфиопом мигает экран его телефона. Алекс читает имя на экране. Звонит Макс.

Алекс возвращается в коридор и открывает дверь нараспашку. Делает знак бойцам, идущим в цепи первыми, заходить тихо и не мешать ему. У специальных отрядов быстрого реагирования принята своя, жестовая система общения, которая ничуть не уступает устной речи. Они сразу же понимают его.

Возвращается на кухню, сдёргивает полотенце с лица Баллу и приставляет к его уху телефон:

— Скажи, он на месте.

Тот кивает. Алекс нажимает кнопку приёма вызова на древней модели его мобильного.

— Ну что там? — слышен слегка напряжённый голос в трубке, — ты не пропустил его?

— Нет! — бодро откликается Баллу, вздрагивая от прикосновения дула к своему виску, — он зашёл. Только что.

— Вали оттуда теперь как можно быстрее, — следует довольный ответ, — сейчас будет

выглядывать в окошки.

Балу вопросительно смотрит на Алекса — тот кивает.

— Хорошо, Макс! Я ухожу.

— Да, но будь на связи.

Абонент отключается первым. Алекс кладёт телефон Балу к себе в карман, надевает на рот эфиопа полотенце и, закрыв дверь на кухню поплотнее, проводит бойцов в самую дальнюю от нее комнату.

Коротко представляется командиру. Как можно более лаконично объясняет сложившуюся ситуацию, а также и то, что преступник может позвонить ему в любой момент. Пока ждут, поясняет бойцам, чего ожидает от штурма, и учит пользоваться картой в своих наручных часах. Передаёт их командиру.

— Движущаяся зеленая точка на карте — это я, — показывает он, — красной она становится только в двух случаях — остановка сердца или изъятие маячка из тела. В любом случае, красный для вас — это прямой сигнал к штурму! Я планирую сам изъять маячок в подходящий для этого момент..

Его монолог прерывает звонок телефона. Женя! Алекс знаком призывает бойцов к молчанию.

— Да?

— Привет, Алекс, — очень знакомый голос с ее номера, — это Макс Талер.

— Привет, Макс Талер. Почему звонишь с этого номера?

— Хороший вопрос, элита британской разведки, — хмыкает тот в ответ.

— Откуда ирония? Ты ведь, помнится, тоже имеешь к ней некоторое отношение?

— Некоторое — в точку, Алекс! Я ведь неплохо провернул все, да, согласишься? Извини.

Но у меня к тебе возникло настолько срочное дело, что даже пришлось пригласить твою подружку прокатиться со мной.

— А мне позвонить не пробовал?

— О, ты бы мог отказать мне! А вот Женя гарантирует твою заинтересованность.

— Считай, что я заинтересован. Что за дело?

— Не телефонный разговор, Алекс! Будь так добр, выгляни в окно.

И Алекс подходит к окну. Резко отдёргивает штору, выглядывая и замечая неприметный серый микроавтобус прямо под своим подъездом.

— Если что, не трудись записывать его номера, — смеётся Макс в трубку, — он взят в аренду не на мое имя. Спускайся!

— Так ты и адрес мой знаешь? — Алекс отходит от окна, жестом показывая бойцам, что будет сейчас спускаться.

— Да, и давай договоримся сразу! Ну, это на случай, вдруг ты возомнил себя великим спецом, — отзывается Макс, — я тут с вооружёнными до зубов боевиками, а если не вернусь на хазу, то Женю убьют. Так что выкладывай-ка из карманов оружие, взрывчатку, что там у тебя ещё — здесь не пригодится!

— А ты хорошо подготовился к разговору, — реагирует Алекс, — оружие, взрывчатка, Макс, о чем ты?! Я здесь на отдыхе, с девушкой... И вообще я в отпуске, не знал?

— Ну, твой моральный облик меня не касается, — едко комментирует он, — я просто озвучил, чтобы обошлось без глупостей! Спускайся, или поднимемся мы.

— Спускаюсь, не надо конвоя, — Алекс отключается. Его телефон тут же начинает звонить. Это Бикеле.

— Да, полковник?

— Господин Найт, тот адрес левый, — взволнованно сообщает он, — видимо, ваш Макс снял не только этот дом. По тому адресу снято на имя местного, и там пусто.

— В любом случае, отслеживайте меня по маячку, — мгновенно реагирует Алекс, — Макс уже объявился, я выхожу к нему! Группа захвата проинструктирована. Удачи нам всем.

Он отключает связь и протягивает оба телефона, свой и Балу, командиру группы. Выкладывает пистолет и патроны на полку небольшого коридорного шкафчика, оставив себе только маленький складной нож в ботинке, и ключи от квартиры.

— Сохраните для меня телефоны, Тони! А этого, — указывает в сторону кухни, — переселите в камеру до окончания операции. Я очень рассчитываю на вас, ребята. Удачи! Уходя, просто захлопните дверь.

— Удачи, Алекс, — отвечает ему Тони, и он выходит из квартиры.

Секретная разведывательная служба Великобритании, МИ-6

В главном холле, миновав несколько кордонов металлоискателей подряд, спецрамку, и сдав по всем правилам оружие, оперуполномоченный одного из подчиненных МИ-6 подразделений, капитан Уильям Саммерс пытается выписать себе пропуск для входа в главное здание на пункте охраны.

Его цель — попасть в один из высоких кабинетов по неотложному делу. Конечно, он очень рискует навлечь на себя гнев вышестоящих, но не может поступить иначе. Уилл обещал кое-что красивой, смертельно больной девочке из далёкой Украины, затронувшей какие-то струны его души.

Охранник, напоминаящий своими действиями машину, а не человека, долго созванивается с кем-то.

— Ожидайте, — коротко бросает он Саммерсу, — он выйдет к вам сам лично.

Уилл нервно сглатывает, бледнея.

Когда генерал Хилл выходит в округлое помещение — один из самых молодых генералов за всю историю существования этой организации, все находящиеся там дружно вытягиваются по стойке смирно. Он подходит к Уиллу, с готовностью представившемуся ему по всей форме.

— Докладывайте, — отвечает генерал прямо там, на посту охраны. Он отнюдь не выглядит дружелюбным.

Но Уилл принял решение обратиться именно к Хиллу потому что, как и многие, знает о его давней, многолетней дружбе с Алексом. Уж он в такой ситуации поможет наверняка.

— Я пришёл к вам по поводу сверхполномоченного, специального агента уровня А, полковника Алекса Спенсера, — рапортует он.

— Что случилось? — хмурится Хилл.

— Он не выходит на связь и есть основания полагать, что с ним что-то произошло. Возможно, требуется помощь, — Уилл чуть понижает голос.

Хилл выдерживает паузу, скептически разглядывая его в упор. Как букашку.

— У вас с полковником есть договорённость выходить на связь?

— Никак нет, — один глаз Уилла начинает подёргиваться.

— Тогда почему вы решили, что с ним что-то произошло? Вы знаете, что полковник находится в отпуске?

— Так точно. Полковник путешествует с девушкой, а я общаюсь с ее сестрой, — храбро продолжает свой доклад Уилл, — сестра обратилась ко мне за помощью! В данный момент они находятся в Эфиопии и перестали выходить на связь. Я сам звонил полковнику Спенсеру неоднократно и, к сожалению, ответа не было..

— Следуйте за мной, — задумчиво выносит свой вердикт Хилл и делает знак охране пропустить Уилла.

Вместе они поднимаются наверх, в святая святых — кабинеты сверхуполномоченных агентов МИ-6. Заходят в кабинет Хилла. Он делает капитану Саммерсу знак присесть в одно из массивных кожаных кресел.

— Ох и вздрючит он тебя, — Хилл смеётся, разваливаясь на своём месте за столом необъятных размеров, — на какие номера звонил?

Уилл здесь впервые, но не смеет даже осмотреться. Оперативно перечисляет Хиллу номера, достав свой телефон.

— Ладно, — Хилл делает ему знак помолчать и звонит из-за стола сам.

Уиллу кажется сейчас, что тишина становится звенящей. Что, если полковник Спенсер ответит ему? Уилл будет выглядеть очень бледно! Потом он наверняка сам наберет Уилла, чтобы задать тому очень неприятные вопросы.

— Подождите здесь, — говорит Хилл и выходит в какую-то смежную комнатку. Там он снимает свои наручные часы и несколькими нажатиями на невидимые, сенсорные кнопки на циферблате, вызывает абонента Алекса. Это — их экстренная связь.

Часы у обоих не снимаются с рук никогда — водостойкие, огнеупорные, вывести из строя которые можно было бы разве что выстрелами из пистолета в упор.

Связь, которая была налажена через них, предназначалась исключительно для случаев жизни или смерти. Даже занимаясь сексом или принимая участие в драке, как грубовато шутили они между собой, надо ответить на вызов. В крайнем случае, через десять минут.

— Десять минут, — произносит Хилл, выходя из своего укрытия и занимая свое место за столом, — подождём.

Через десять минут он делает новую попытку соединения с Алексом — глухо!

Алекс

— Добро пожаловать в нашу тёплую компанию, — Макс говорит благодушно, а я изо всех сил стараюсь сохранить такую же видимость дружелюбия. Так надо. Но как же мне хочется стереть эту ухмылочку с его лица! Негры с автоматами в руках в салоне микроавтобуса глядят очень и очень настороженно.

— Вау, вот это комплимент, Макс, — рассматриваю их и оружие, присаживаясь, — что, настолько боишься меня? У, — делаю короткое движение в их сторону, даже не выпад, и с удовлетворением подмечаю, как синхронно они от него подсакакивают. Прямо мальчишки-зайчики из музыкальной шкатулки! Только чёрные. Смеюсь, — пацаны, а калашники-то времен Второй мировой! Забираю свои слова назад насчёт комплимента.

— Может быть, но вполне рабочие, хочешь проверить?! — цедит Макс, — не советую тебе злить ребят.

— А что советуешь? — трогаемся. Я, конечно, понимаю, в каком уязвимом положении нахожусь, но даже сейчас, в одиночку смог бы устроить из них всех кровавое месиво. Это неподготовленные, на самом деле, люди. Все, кроме Макса. Так, криминальная шушера... Но нет, нельзя! Если существует хоть самая малая вероятность навредить Жене. Поэтому выжидаю, — где Женя?

— А не скажу, — снова эта мерзкая ухмылочка на его рожке. Мои руки так и зудят съездить по ней. Разминаю пальцы, чтобы было легче обуздать себя.

— Я слышал, что добро наказуемо, но не знал, что настолько! — и вправду так думаю.

— А жизнь вообще несправедливая штука, — ржёт.

— Ладно, когда тебе надоеет это, я жду хоть каких-то объяснений случившегося, — поворачиваюсь к окну со скучающим видом. Осознание того, что где-то также, как и я, выжидает СОБР, пусть и местного разлива, делает меня почти спокойным.

Я жду только подходящего момента, чтобы подать им сигнал.

И Макс меняется, снова становясь серьёзным и напуганным.

— Окей, короче, — обращается ко мне, но я по-прежнему упорно созерцаю пейзаж за окном, — за Эжени не волнуйся! Она в порядке... Вообще, тебе не кажется, что она приносит тебе несчастье?

— Че, правда? — поворачиваюсь к нему и смотрю очень скептически, — ну пока что несчастье мне приносишь только ты. И когда-то ещё, один дружище из нашей старой компании. С такими друзьями, знаешь, и врагов не надо!

— Ну а что, ты прав, — соглашается он задумчиво, — что за дружище? Зря ты все-таки приехал, наверное, тогда в Нью-Йорк... сидел бы в своей Англии! Хороший, по сути, парень.

— Не зря, — перебиваю его бред.

И вообще — это правда! Вполне возможно, они моя плата за судьбоносную встречу с Женей. Но как бы эта самая судьба ни разбрасывала нас с ней по свету, мы неизменно встречаемся вновь. Ох, зря ты, Макс, перешёл мне дорогу, да ещё и таким путём. Ты затронул святое.

— А что ты здесь делал, кстати? Почему Бахр-Дар?! — интересуется он нахально.

— Я уже сказал. Отдыхал с девушкой, — спокойно отвечаю, — нам нравятся уединённые экзотические места. Так что у тебя там за дело ко мне — может уже

расскажешь, или так и будем кататься?

Макс

Я не знаю точно, где и какую именно выучку проходил этот брителиш, но когда-то видел, что он умеет в контактном бою. Поэтому не заблуждаюсь насчёт того, что даже мои многочисленные чёрные обезьяны со всем своим древним оружием не сдержали бы его, захоти он положить тут нас всех! Да он мог бы даже просто подорвать нас, не выходя из своего подъезда. Но, мой главный козырь — украинская девочка, работает против него даже покруче гранатомёта.

Перед тем как отправляться за Алексом, я зашёл к ней — ее уже разместили в одном из подвалов взятой в аренду старой фазенды, и даже принесли обед.

— Как ты, малышка? — сочувственно поднимаю тарелку с нетронутой едой с пола и, естественно, не найдя здесь стола, ставлю ей прямо на кровать, — извини за условия. Но, это Эфиопия.

Она не отвечает. Смотрит на меня с ненавистью.

— Зачем ты пришёл, Тень?

— Макс, — поправляю автоматически. Так меня называли только они — наша пятерка. Я, Кэп, Старк, Альбион и она. Эжени — до удивительного похожая на Женевьеву! Прямо роковая женщина. Засматриваюсь на нее, словно впервые. И сам бы замутил с такой...

— Для меня ты так и останешься Тенью, — Боже, сколько хладнокровия в голосе! Смелая букашка, не боится. А она стоит его. Любопытно, как давно они встречаются?

— Хочешь, помогу сбежать? — понижаю голос, оборачиваясь на дверь, — ты ведь из Украины?

Подхожу ближе. Женя не двигается — просто сидит на убогой кровати, крепко вцепившись в ее края.

— Откуда такая доброта? — нескрываемый сарказм.

— Мне не нравится, как он поступил с тобой.

— Я тебе не верю, ясно?

— Че такая борзая? — хочу ее напугать, резко наклоняясь, но не нахожу в глазах Жени страха.

Какую-то отрешённость, да. Конечно, я не называл ей никаких организаций, потому что сам ничего об этом не знаю. Однако, данные организации могут значить то, что их связывают не только или не столько любовные отношения. Хотя, неважно!

— У меня иммунитет на таких, как ты.

— На каких?

Молчит. Смешно. А ведь я мог бы купить ей билет в один конец — потом, когда все закончится. И просто отпустить на родину, взяв с нее клятву о неразглашении.

— Ну ты и дура! — произношу вполне искренне.

— А ты подонок, — реагирует она вполголоса, — я никуда отсюда не уйду без Алекса!
Разговор окончен.

— Ого! Шекспировские страсти. Джульетта без Ромео, — беру ее тарелку с едой и лихо разбиваю об стену, уходя. Осколки сыпятся, Женя вздрагивает. Придётся валить ее, — адьос.

И Алекс! Вон какой смирный — сидит и отвечает на вопросы, старательно делая вид, что ни разу не раздавлен моим адским планом. А план действительно есть и, в самом деле, простой как все гениальное.

То, что я считаю — Алекс разрушил мою жизнь своей помощью тогда, много лет назад,

лишая всякой возможности вернуться когда-нибудь к криминалу в открытую, ведь теперь на мне пожизненное клеймо правоохранителя — фигня! Пусть я не понимал на тот момент, что навсегда загоняюсь в тот образ жизни, который мне чужд. Пусть я мучаюсь каждый день на этой службе, не получая, кроме неплохого дохода, ничего, даже морального удовлетворения, и влача жалкую жизнь добропорядочного и законопослушного, мать вашу, английского гражданина.

Но то, что однажды я стал свидетелем того, какие схемы можно проворачивать, пользуясь возможностями на должности Алекса, и озолотиться даже в этой мегаправовой, со всех точек зрения, стране! И — был выкинут из темы. Нет, я не забыл этого.

Тогда, в рамках расследования одного дела, Алекс получил доступ в рабочую квартиру-склад одного наркобарона, убитого накануне. Только он, и взял меня с собой в тот день на ее предварительный осмотр. Что мы там нашли — килограммы кокаина, который я легко бы сбыл даже здесь, неограниченные брьюлики и много всякой другой неучтёнки, которую просто так не проверишь — что именно из этого мы сдали в вещдоки, а что оставили себе. Конечно, я немедленно предложил Алексу всего себя — любую услугу, только чтобы войти в долю.

Но он отказал мне и очень грубо, добавив, что забудет мои слова только в порядке исключения, и говорить подобное кому-то ещё — это сразу статья для меня и вылет из системы.

Но, я так и не поверил, что сам он не крадёт и не пользуется схемами — просто не захотел взять меня.

Было бы глупо не воспользоваться, когда Алекс так стремительно засобирался в отпуск, что оставил опись той самой квартиры — по всей форме, с понятиями, на потом. А ведь я один пока знаю, где она находится и как в нее проникнуть незаметно. После моего визита, они, конечно, еще найдут, чем поживиться в казну Великобритании.

Однако, это представляется возможным, только если Алекс исчезнет физически. Навсегда. Претворить в жизнь план по его ликвидации в Эфиопии, как нигде, легко — я воспользуюсь его не вполне нормальной, страстно влюблённой в него женой, чтобы имитировать их разборки.

Теперь моя задача дождаться ее здесь и уговорить взять на свое имя вертолёт в аренду. Затем еще засветиться немного в городе, одной — в каком-нибудь местном банке, к примеру, снимая деньги. Мне также не составит труда убедить ее провести несколько романтических дней наедине с Алексом, на одном из безлюдных островов на озере Тана.

Я сделаю вид, что берусь это устроить, доставив их на вертолете туда и обратно, прилетев за ними через пару дней. Выглядеть это будет так — я притащу Алекса в вертолёт в полной отключке, накачав сильным снотворным. И, поднявшись с ними в воздух, выведу из строя пульт управления вертолетом, а затем просто выпрыгну с парашютом где-то над озером. Они останутся в том озере вместе, навсегда.

Мексиканец поможет замести все мои следы силами местных. Мне всего-то нужно теперь — удача и совсем немножко времени.

— Я понимаю, Алекс, тебе хочется конкретики, — примирительным тоном произносит Макс, с тревогой наблюдая за ним со своего места, рядом с водительским. Крепко сжимает в руке снятый с предохранителя пистолет как негласное предупреждение своему заложнику не делать резких движений, — это все будет! Чуть позже.

— Насколько позже? — Алекс не скрывает своего презрения к нему.

— Поверь, в моих интересах тоже закончить это дело побыстрее.

Ответом Максу служит молчание, но он продолжает:

— Я готовлюсь сделать тебе предложение, от которого ты не сможешь отказаться!

— А если откажусь?

— Исключено. Потому что от этого зависит благополучие Жени.

— Так че ж ты не озвучиваешь его, тугодум?

И Макс чертыхается, поглядывая на Алекса с откровенной злобой:

— Всему свое время.

— Памятуя о твоей невероятной алчности, предположу, что речь идёт о деньгах? О наживе, — небрежно резюмирует Алекс, выдержав его злобный взгляд с удивительным спокойствием, — незаконной, само собой. Да?

— Да, — Макс усмехается, — только не заигрывайся в допрос! Допрашиваю здесь я. И я сказал. Узнаешь все в свое время..

— Ладно, — резко обрывает его Алекс, бледнея от ярости, — теперь о Жене! Если мы с ней в ближайшее время не увидимся, то никакого разговора у нас с тобой не будет.

— Ты че-то попутал, да, Алекс?! — хмыкает он в ответ, — не надо делать вид, что ты хозяин положения. Это не так.

— Макс, ты — тупое одноклеточное, и даже не понимаешь, во что ввязался..

— Вот только не надо угроз, — он направляет дуло пистолета прямо на Алекса, — я ведь могу завалить тебя прямо сейчас, забыл?

— Но до сих пор не сделал этого, не так ли? Значит, я зачем-то нужен тебе? Макс, ещё раз. Пока я не увижу Женю — никаких сделок..

— А о супруге ты вспомнить не хочешь? — мерзко хихикает.

— А, так ты ее интересы здесь представляешь?

— Только свои, — огрызается Макс, — приехали. Я покажу тебе ее, х с тобой.

И Алекс выходит из остановившегося микроавтобуса сам, но в плотном окружении автоматчиков.

Макс же, держась на безопасном расстоянии, сопровождает эту немаленькую по общему числу людей процессию, в один из самых крепких подвалов этой неухоженной фазенды. Женю он разместил на противоположном ее конце, как можно дальше отсюда.

Процессия движется молча, однако Макс Талер уже хорошо проинструментировал своих «обезьян» на тему того, насколько опасен Алекс. Изредка переглядываясь между собой, они смотрят на него почти как на серийного маньяка. Все спускаются в холодное подвальное помещение.

— Извини, ничего личного! — криво усмехается Талер, когда его подручные опасливо, но ловко наматывают веревки на руки и ноги Алекса, прикручивая его к одному из трех стульев. На одном из них лежит черный кейс.

Кроме этих стульев, кейса да крохотного окошка высоко вверху, под самым потолком, в пустом и гулком помещении больше ничего нет. От каменного пола и стен, несмотря на тёплую погоду на улице, веет могильным холодом и сыростью. Температура в подвале едва ли достигает плюс пятнадцати градусов.

— Ты не устал извиняться? И долго мне так сидеть?

— Потерпишь.

— Женья?!

— Я покажу тебе ее, — Макс кивает на крохотное зарешеченное окошко, — вон там. Ее проведут мимо, этого достаточно.

— И когда?

— Скоро.

— В каких условиях ты ее держишь?

— В нормальных. И в очень надежном месте, — Макс расставляет четырёх автоматчиков вокруг связанного на стуле Алекса условным квадратом, на расстоянии примерно двух метров от него. Снова показывает на окошко, — при малейшей попытке бегства оттуда открывают огонь на поражение! Ты предупреждён. За тобой все время наблюдают.

Макс присаживается на стул, с противным скрипом по бетонному полу придвигая к себе другой, с кейсом. Открывает кейс.

— Пытать будешь? — Алекс наблюдает за тем, как он копошится в нем. Макс достаёт раскладной нож.

— А? Нет, — подходит к Алексу, — ну что ты... Но ты ведь не рассчитывал всерьёз, что я даже не осмотрю тебя? — подмигивает, и довольно ловко рвёт ножом швы на одежде Алекса, стаскивая ее всю кусками.

— Ты мог бы просто попросить меня раздеться.

— А я не подумал об этом, — шутливо, в тон Алексу, реагирует на его слова Макс.

— Думать — это вообще про тебя, да?

— Не надо злить меня специально, это тоже не слишком умно с твоей стороны! Белье придётся снять тоже, — надрезав ткань сбоку, он рывком срывает боксеры Алекса, — и скажи спасибо, что я делаю это аккуратно.

— У тебя своеобразное представление о благодарности! — Алекс сидит на стуле абсолютно голый, не считая берцев на ногах. Макс с видимым удовольствием сдирает с него остатки эластичной пуленепробиваемой ткани, разматывая.

— Нахрена эти бинты?! — ухмыляется, — если я захочу тебя убить, просто прострелю голову. Что, неужели ни одного пистолета, ни даже телефона, Алекс? Где твой телефон?

— Разве он пригодится мне здесь?

— До чего же приятно иметь дело с джентльменом, — Макс вспарывает шнуровку на берцах Алекса, стаскивая и их. Эфиопы стоят молча, почти не двигаясь и направив в его сторону массивные дула автоматов, — а вот это мне совсем не нравится!

Находит нож Алекса, искромсав подошву его обуви и небрежно отбросив ее в сторону.

— Мне тоже многое не нравится, Талер, — спокойно реагирует Алекс, — это если мягко сказать!

— Тебе он не пригодится, — с перекошенным лицом, Макс кладёт нож к себе в кейс и достаёт оттуда некий прибор. Направляя, сканирует его тело на расстоянии, и водит верх-вниз, обходя Алекса по кругу.

— На работе украл?

— Я хорошо зарабатываю, — откликается Макс, — мой личный! Очень уж не хочется лезть тебе в рот и в. опу!

— Ну, хоть в чём-то мне повезло. Что ищешь в. опе?

— Кто тебя знает... Ладно, — прячет прибор обратно в кейс.

— И как скоро последует предложение?

— Очень скоро. Может быть, даже завтра.

— Я буду сидеть голый на стуле до завтра?

— Да, Алекс, — Макс смеётся, — не самое страшное, что может приключиться с таким крутым агентом, как ты, согласишься? Может, попозже и принесут тебе одеяло или ещё какую тряпку, и воды. Здесь не пятизвёздочный отель.

— Я заметил.

Талер демонстративно устанавливает на стену напротив Алекса камеру видеонаблюдения и слегка отступает, любуясь ею, потирая руки.

— Не прощаюсь, — усмехается и уходит.

Секретная разведывательная служба Великобритании, МИ-6

Придвинув к себе поближе аппарат правительственной связи, Хилл созванивается сначала с Министерством внутренних дел Эфиопии, затем через них напрямую выходит на полковника Бикеле.

Представляется ему по всей форме, перед тем как задать интересующие его вопросы.

— Вчера в Бахр-Дар по спецзаданию прибыл наш особо уполномоченный агент. Он уже связался с вами? — Хилл, как никто другой, знает «фишечку» Алекса в виде постоянного сотрудничества с органами внутренних дел, и его нелюбви к контакту с криминальным миром напрямую. Особенно хорошо Алексу удаётся работа с двойными агентами.

— Да, господин Алекс Найт связался со мной лично, — рапортует Бикеле, вставая из-за стола.

— Доложите обстановку. Насколько продвинулось расследование? Почему связь с Найтом утеряна?

— Господин Алекс Найт сам вычислил преступника и дал нам установку на захват преступной группы по его сигналу, — с рвением докладывает он, — на нем сейчас маячок. Связь временно отсутствует, он предупредил. Все было оговорено заранее!

— Назовите имя преступника.

— Нам это, к сожалению, неизвестно, он не посвятил в детали операции, — отвечает несколько сконфуженно, — а что касается Боба Ласти, то его в скором времени экстрадирует из Эфиопии Интерпол! Я получил подробные инструкции от господина Найта на этот счёт.

— Хорошо. Вы отслеживаете сигнал маячка?

— Да, — Хиллу кажется, что в голосе Бикеле звучат тревожные нотки. Это не нравится ему.

— Что вас смущает? — спрашивает напрямую.

— Гм... ничего не смущает! Никак нет, генерал.

— Но?

— Но, сигнал показался нечётким..

— Этого как раз не может быть, — отрезает Хилл жёстко, — маячок

высокотехнологичен, то есть он либо работает хорошо, либо не работает совсем! Связан со спутником напрямую. Я советую вам запомнить это. Потому что если окажется, что вы непрофессиональны, то я лично обеспечу конец вашей карьере. Работайте чётко по данной вам Найтом инструкции, а через несколько часов я буду в Бахр-Даре, вместе с вашим руководством из Аддис-Абеба, чтобы заниматься операцией лично. Головой отвечаете за безопасность Найта! Выполняйте.

— Есть! — взмокнувший, Бикеле кладёт трубку, и долго ещё стоит навтытяжку, восстанавливая дыхание.

— Ох... ный отпуск у тебя, Спенсер, — глубокомысленно изрекает Хилл, опустив трубку на аппарат. Затем поднимает взгляд на Уильяма Саммерса, — он там ещё и с девушкой?!

— Так точно, — ему удаётся смутить Уилла вопросом.

— Мутный полковник, — добавляет Хилл задумчиво, обращаясь скорее к себе, чем к Уиллу.

Часом ранее, местное отделение полиции, Бахр-Дар, Эфиопия

На столе полковника Бикеле царит живописный беспорядок из бумаг, включая несколько грязных чашек из-под кофе, которыми ему некогда заняться. Мобильный телефон, не вынимаемый из шнура подзарядки, издает настойчивую трель.

— Да, Тони? — отзывается он немедленно.

— Мы на месте, шеф, — в черных лапищах командира специального отряда быстрого реагирования Тони Хока массивные стильные часы Алекса стального цвета кажутся даже хрупкими. Он, затаив дыхание, внимательно наблюдает за теперь уже недвижимой зеленой точкой на карте, которая мигает в ритме биения сердца носителя маячка, — ждем! Сигнал зеленый пока.

— Молодцы, — Бикеле одобрительно кивает, — значит, он на месте?

— Похоже, что да. Шеф, это владение Мексиканца! Одна из его старых фазенд.

— Где? — с неудовольствием уточняет Бикеле. Его телефон начинает вибрировать второй линией. Номер неизвестный. Тони называет адрес, — хорошо. Перед тем как штурмовать по сигналу, звони.

— Есть!

Полковник сбрасывает вызов, принимая вторую линию.

— Бикеле? Здравствуй. Это Мексиканец, — тягучий, знакомый низкий баритон.

— Здравствуй. По какому поводу звонок?

— По поводу твоего автозака в лесу, на моей территории.

— Как узнал?!

— На моей земле везде есть глаза и уши..

— Чего ты хочешь?

— Чтобы они убрались оттуда.

— Нет.

— Будешь нападать?

— Не на тебя. Я помогаю одному очень важному человеку, и тебе лучше не лезть в это!

— Это ты не лезь, Бикеле! Мы с тобой уже много лет уживаемся на одной территории. Я знаю, что у нас разные задачи, но — в наших же общих интересах понимать друг друга! Мне обещали хорошие деньги, и платят исправно, но частями. Я поделюсь. Один заезжий

гастролёр, дай ему возможность закончить свою гастроль и расплатиться с нами — потом делай с ним, что хочешь. Пятьдесят на пятьдесят, Бикеле. Все по-честному. Всего лишь немного времени для нас, о большем не прошу.

— У меня так не получится, — Бикеле колеблется, — твой гастролёр пошёл по беспределу! Чинит разборки с моим человеком. Мне нельзя допустить, чтобы он убил его..

— Убьёт и что? Мертвый с тебя не спросит. Пусть сами разбираются.

— У меня с ним договорённость! Ты опоздал, Мексиканец.

— Нет, это ты не опоздай, Бикеле! А то ведь я хорошо знаю всю твою семью..

— Угрожать мне вздумал?

— Нет, подумать предлагаю! И заработать хорошо. Гастролёры разъедутся, а нам ведь с тобой тут жить, верно? Да и потом, зачем тебе такая тёплая должность, если твоих не будет рядом? Мне-то терять нечего, ты знаешь.

— Я посмотрю, что можно сделать, — цедит сквозь зубы Бикеле, чувствуя себя зверем, загнанным в смертельную ловушку, — но...

— Вот и хорошо, полковник! Это мудрое решение.

К вечеру в Аддис-Абеба прилетает Женевьева. Макс посылает за ней самого смышлёного из всех своих подручных и, что немаловажно, выглядящего «поприличнее» остальных — Ка. Выбирать ему приходится из множества зол, буквально. Решающим аргументом в пользу такого выбора становится наличие у Ка машины и водительских прав.

— Слышь, на барышню не пялиться! — инструктирует Макс Ка, — и вести себя адекватно.

— Можно, — скалится тот в ответ.

— Ты хоть понимаешь, что такое адекватно? — уточняет у него «временный шеф».

— А то!

Впрочем, Дженни перезванивает Максу из аэропорта сама, видимо, все же колеблясь, садиться ли с этим человеком в одну машину.

— Ты что, не мог сам приехать? — волнуется она, — я боюсь эту чёрную громадину... Это точно он?! Я не знаю амхарского.

— А что он тебе говорит?

— Повторяет только одно слово «Ка!».

— Точно он, дай ему трубку, — смеётся Макс, и, дождавшись в ней гортанного баса, даёт дополнительное распоряжение, — встретились? Вот и чудненько. Отвези сначала барышню в банк. Передай ей телефон... да, прямо сейчас... Дженни! Тебе совершенно не о чем беспокоиться, это классный малый! Я весь в делах, скоро расскажу. Уверен, ты будешь довольна мной. Только, Джен, — немного мнётся, — мне неловко, крайне, но... я тут поиздержался немного! Нанял нам фазенду, пару помощников, да и расходы по расследованию..

— Сколько? — обречённо прерывает его она.

— Сколько считаешь нужным, — отвечает решительно, — короче. Скажи: Ка, банк. И он отвезёт тебя! Ну, сними немного налички, так чтоб просто было в кармане. Здесь не принято рассчитываться картой. Ну, а потом сразу на фазенду — он в курсе.

И Дженни соглашается.

Наконец, через банк, спустя час или полтора, они прибывают на место. Макс встречает машину у ворот, и практически сразу забрасывает Женевьеву приветствиями и вопросами — как она добралась, какая сегодня погода в Лондоне и еще какие-то прочие, казалось бы, неважные сейчас вещи. Она недоумевает, послушно курсируя за ним сначала по большой неухоженной территории, а затем по комнатам старого дома.

— Вот как бы так... Твоя комната, — он делает широкий приглашающий жест, и Дженни заходит в эту комнату, осматриваясь. Бедненько, но все необходимое есть! Она вздыхает, поставив свою дорожную сумку на колёсиках рядом с креслом.

— Ладно, скажи главное! — требует Женевьева, — где он сейчас?

Макс присаживается на краешек этого самого кресла, со сложным выражением лица.

— Сколько денег ты сняла?

— Я, кажется, задала тебе вопрос! — сдвинув брови, эмоционально восклицает она. Но Макс почему-то выглядит удручённым.

— Ситуация неоднозначная, Дженни... боюсь, ты даже поругаешь меня.

— Что случилось?

— Ты летела в самолёте, — тяжёлый вздох, — связи не было, как и возможности посоветоваться. Короче, я позволил себе кое-какую самодеятельность! Но, перед тем как рассказать тебе все, я должен кое-что сказать ещё... это важно.

— Говори же, — она уже не выдерживает его трагичного вида.

— Алекс совсем слетел с катушек! Ты только не расстраивайся.

— Да что случилось?

— Короче... в процессе слезки за ними одним купленным мной местным человеком удалось установить, — разводит руками, — что они надумали венчаться.

— Как? — она опускается в ближайшее кресло, глубоко потрясенная. Смотрит на него во все глаза.

— Может быть, они были пьяные, я не знаю, — Макс выглядит таким виноватым, как будто лично участвовал в принятии ими такого решения, — но они зашли в церковь и заказали там церемонию! Все. Извини за эту новость.

— Когда? — побелев, шелестит Женестьева одними губами.

— Девятнадцатого, в двенадцать дня, — не моргнув глазом, отвечает он, — Алекс вообще верующий?

— Что? Ну да... католик.

Они надолго замолкают. Затем Макс первым осторожно прерывает молчание.

— А вы с ним не венчанные?

— Нет. Обычная гражданская церемония в мэрии, — с горечью откликается Дженни. Тербит пояс платья, сосредотачиваясь на нем, чтобы не расплакаться.

— Ещё не все потеряно! — бодро произносит он, — поверь. Я многое предпринял.

— Что, например? — интересуется она безразлично.

— Например, поскольку я уверен, что это целиком и полностью влияние на Алекса той девушки... я выкрал ее! И у меня есть план.

— Едва ли он поддаётся хоть чьему-либо влиянию... Ты — что?! — поражённо переспрашивает.

И Макс объясняет, воодушевленно. Он не жалеет черных красок, рисуя образ Жени, и уверяя Женестьеву, что у него есть самые серьёзные основания подозревать девушку в корысти.

Алекс показался ей богатеньким красавчиком, говорит он, а возможно это просто-напросто опытная эскортница, решившая охомутать его. Может быть, она даже что-то подсыпает ему в еду или напитки, горячится Макс, раз он ходит за ней, как телок на поводке, да с таким видом, что смотреть противно!

— Ну, или это просто любовь, я не знаю — возмущённо заключает он, как бы сдаваясь, — но, в любом случае, ты как законная жена имеешь право на шанс! Хотя бы поговорить.

Далее, не дав Дженни опомниться, он излагает свой план — подробно, в деталях. Она слушает его, словно веря и не веря, изумляясь, молча, покачивая головой...

— О Господи! Какой бред, Макс.

— Что ж. Тогда я отпускаю ее, прямо сейчас! — заявляет он решительно, и встаёт, — я умываю руки. Пусть женятся! Завтра утром возвращаемся в Лондон..

— Да почему же ты думаешь, что Алекс согласится?! — она в отчаянии заламывает руки, останавливая его.

— Я беру это на себя.

— Неужели он не ищет ее?

— Ищет, я уверен. Именно поэтому мне будет легко убедить его сесть в вертолёт, — Макс пожимает плечами и добавляет, — просто вали все на меня! Скажем ему, что это я все организовал. Я подтверждаю, а ты тоже будешь выглядеть жертвой обстоятельств! Я скажу ему, что долго был влюблён в тебя, безответно, а сейчас... узнав обо всем, решился вам помочь таким образом. Чтобы ты была счастлива.

Женевьева вспыхивает до корней волос, так некстати. Она вспоминает о своей короткой интрижке с Максом — когда-то у них был секс, просто секс, один раз. Он ничего не значил и был почти случайным, но он был.

Как раз в период ее крайнего отчаяния и кризиса в отношениях с Алексом, когда они давно уже жили отдельно, и никаких отношений между ними не было. А Макс оказался рядом — такой участливый и внимательный, а ещё, ее единственная ниточка, что связывала с Алексом напрямую. Дженни была так благодарна Максиму тогда за равнодушие, что, наверное, немножко сошла с ума...

— Время на острове, проведенное вдвоём, может многое для вас изменить, — многозначительно произносит он в конце своего спича, — может быть, заставить Алекса переосмыслить что-то.

— А зачем это тебе, в самом деле?! — вырывается у нее.

Ей кажется, что Макс не ожидал этого вопроса — на миг он как будто меняется в лице.

— Слишком хорошо отношусь к вам обоим, — бубнит, опуская глаза, — почему бы и не помочь, раз мы зашли так далеко?

— Да, далеко, — кивает она и снова умолкает ненадолго, чтобы затем встрепенуться и спросить, с горящим взглядом, — где она сейчас?

— Здесь, — неохотно признаётся Макс.

— Я хочу поговорить с ней!

— Да о чем? — он выглядит шокированным, — и как ты представишься?

— Женой, — отзывается Дженни просто, и продолжает тоном, не терпящим возражений, — разве это неправда? Пойдем, прямо сейчас. Я не хочу откладывать это.

Он смотрит на часы, говорит, что им нужно ещё успеть «застолбить» вертолёт в аренду на завтра, пытается спорить, но, в конце концов, соглашается.

Несмотря на свое полуобморочное, прямо скажем, состояние, я ни секунды не верила Тени.

Не знаю, сколько времени я бродила туда-сюда по этой запертой со всех сторон клетушке, а в голове, как птицы, бились мысли... Даже с учетом того, что все сказанное Максом Галером — ложь, где же Алекс, что это за игрища и при чем в них я?!

Ответов, конечно, не было, даже приблизительных. Фантазия моя, что называется, выдохлась. И еще! Звучит совершенно по-идиотски, но даже в такой момент я чувствовала себя счастливой — после всего сказанного нами с Алексом друг другу. Он любит меня...

И, хотя стойкое стрессовое состояние никуда не делось, становясь, напротив, уже привычным, я не реагирую ни на холод подвальной комнаты, ни на шаткость своего теперешнего положения.

Вообще, сама себе я очень напоминаю сейчас затравленного, мечущегося зверька, который все никак не добежит до своей норки. Я даже почти не лукавила, когда призналась Максиму в своем иммунитете на плохих людей.

Оглядываюсь по сторонам в поисках воды — очень хочется сделать хотя бы глоток. Это оказывается пустым занятием. Через время, сколько — час или больше? Я заставляю себя встать и пошевелиться. Растираю озябшие ладони, разминаю затекшее от сидения в одной позе тело ходьбой и наклонами. Для меня главное теперь, не падать духом.

Сбежать все равно надежды никакой — я очень быстро убеждаюсь в этом, подергав закрытую дверь и изучив свои возможности допрыгнуть до крошечного зарешеченного окошка под самым потолком. Из мебели здесь только железная кровать. В тюремном карцере и то, наверное, обстановка лучше будет.

Чтобы хоть как-то занять себя, я аккуратно сметаю осколки разбитой тарелки в какой-то дальний угол найденным кусочком картона.

Словно в ответ на мои мысли о мебели, дверь в помещение с грохотом распаивается. Машинально отпрыгиваю от нее — трое чёрных громил заносят ветхий стол, стул, шкаф, и ставят рядышком. Зачем это все? Я что, здесь надолго?

Немые вопросы так и теснятся в моей голове, пока я сиротливо жмусь к стеночке. Задавать их нет никакого смысла. Ответят мне вряд ли, да и вряд ли эти люди знают английский. Зато, я уверена, они очень даже способны обидеть, поэтому стараюсь даже не смотреть в их сторону. Надеюсь, у них четкие инструкции не трогать меня! Мой инстинкт самосохранения прямо-таки кричит об опасности, когда я чувствую, как они пожирают меня исподтишка взглядами.

Реально перевожу дух, когда они, наконец, уходят.

И долго ещё галдят о чём-то своем в длинном коридоре, а я все прислушиваюсь, подрагивая, к их удаляющимся шагам. Почему они пришли сами, без Макса? Могут ли точно также прийти ко мне ночью, без сопровождения какого-либо вменяемого белого? Я не хочу продолжать думать об этом, чтобы не поддаться панике и не сойти с ума! Что толку расстраиваться или бояться в моем положении.

Подхожу к мебели, рассматриваю ее. С некоторой опаской, отодвигаю полочки и открываю дверцы. Внутри абсолютная пыльная пустота.

Внезапно дверь снова открывается! Резко поворачиваюсь. Ко мне входит девушка — я

даже смаргиваю несколько раз, поражённая нашим внешним сходством. Проходит несколько долгих секунд, пока мы с ней пристально всматриваемся друг в друга в этом тусклом, рассеянном свете, отбрасываемом на нас маленькой потолочной лампочкой.

Мы далеко не близнецы, конечно, но все же, сходство удивительное — у нее тот же овал лица, что и у меня, темные волосы, форма глаз и губ... А потом появляется Макс. Бесшумно выскальзывает из-за двери, проникая, вползая, как змея, в это небольшое помещение. И недобро ухмыляется, поглядывая на нас.

— Ну что же, дамы. Придётся, видимо, мне представить вас друг другу, — произносит он, а у меня мороз идет по коже, — итак. Это жена Алекса, Женевьева!

И всю меня будто мучительно парализует — она не двигается тоже.

— А это, — подчеркивает Макс презрительно, — Женя! Девушка-славянка из далёкой Украины. Не слышала о такой стране?.. Я тоже нет.

Мы обе по-прежнему молчим. Читаю на лице девушки смешанные эмоции — почти неприкрытые ужас, боль, отвращение, может быть, шок. Она разглядывает меня в открытую.

— Украина, считай, страна третьего мира, не очень благополучная, — поясняет ей Макс, — конечно же, Алекс для Жени — это подарок судьбы, не меньше..

— Скажите, вы любите Алекса? — вдруг спрашивает у меня она, прерывая его. Прожигает насквозь жестким требовательным взглядом. А я — то краснею, то бледнею, теряясь.

Думаю, это общение очень неприятно для нас обеих. Но, меня категорически не устраивает форма допроса, которую принял разговор. Что я должна ответить ей — правду? Почему?

— Да, — неожиданно для себя самой отвечаю честно. И она бледнеет тоже, как будто ожидала чего-то принципиально иного.

— Вы знали, что он женат? — следует новый вопрос, в котором сквозят неприязнь и высокомерие.

Я до сих пор не очень понимаю, а почему, собственно, должна стоять перед этими двумя, по сути, абсолютно посторонними мне людьми в каком-то жутком подвале, и отвечать на их вопросы.

— Знала, — тем не менее, отвечаю.

Все же мне немного жаль Женевьеву! Даже наши имена, и те созвучны. Неужели Алекс, и вправду, искал кого-то очень похожего на меня? А может, мы просто обе в его вкусе?

— Ах, Алекс этого и не скрывал? — вклинивается Макс ехидно. Однако, она тут же задаёт мне новый вопрос, совершенно игнорируя его присутствие.

— Скажите... Алекс любит вас? Может быть, он говорил вам, что любит?

У меня начинают гореть уши как у нерадивой школьницы. Что лучше — врать, молчать или говорить правду и только правду? Интересно. Должна ли я испытывать при виде нее стыд или нечто подобное? Ведь она в действительности его жена, пусть даже формально, поэтому чувствует себя изначально правой. Да, это так — общаться с женатым человеком, любить его и принимать его любовь, очень плохо. Постыдно и аморально.

Но разве их брак не обречён, так же, как и мой с Гришей?

Я верю Алексу, а не ей. Он сказал, что их развод, независимо ни от чего, вопрос уже решенный. Они очень давно не вместе, и мое гипотетическое отрицание Алекса абсолютно ничего бы для нее не изменило.

Разве что, ей бы не было так больно? Или было бы? Горькая правда всегда лучше самой

сладкой лжи. Моей личной вины в произошедшем между ними нет, во всяком случае, сознательной, а это значит — я ничего ей не должна, и тем более не должна терпеть этот уничижительный, полный нескрываемого превосходства взгляд.

— Это очень личное, — отвечаю ей спокойно, с чувством собственного достоинства, — где сейчас Алекс?

Я понимаю, она может не ответить мне. И по-прежнему даже не догадываюсь, что именно они задумали вместе с этим ничтожным человечешкой, Максом Талером.

— Мы не обязаны тебе ничего докладывать, — в унисон моим мыслям вторит Тень, — и скоро отпустим тебя, милочка. Не нужно идти в полицию..

Что, в полицию? Пока я раздумываю на этот счет, не вполне уверенная, правильно ли его расслышала — он уже берет под локоть Женевьеву. Тащит за собой, что-то ей нашептывая. Сверкнув взглядом в мою сторону и, очевидно, желая поговорить ещё, она все же уходит, увлекаемая им.

Едва дверь за ними закрывается на засов, я обессилено падаю на ветхий стул и, стиснув зубы, усмиряю закипающие в глазах, глупые слезы.

— Ты видела? Еще чуть-чуть, и она бы послала нас, — смеётся Макс, а Женестьева рывком пытается высвободить локоть из его цепкой паучьей хватки, — приехала из какой-то нищей воюющей страны...

— Я не вижу ничего смешного, лапу убери, — шипит она в ответ, и он отпускает ее.

— Да с ней же не о чем разговаривать! Я-то причём?

— Ты не причем и никто не причем, — огрызается, смаргивая слезы, — она слишком хорошо говорит по-английски для нищей славянки, не находишь?

— Ну, училка английского какая-нибудь, — пожимает плечами Макс, — они ж не тупые, а просто нищие. Хотя, ты права, связь между этим есть..

— Я ничего такого не говорила, — откликается Дженни, опережая Макса в своем стремлении как можно скорее покинуть мрачный темный коридор. Освещение здесь такое слабое, что Макс едва поспевает за ней, чуть не теряя в темноте из виду, — ты держишь ее в жутких условиях! А вдруг она и вправду обратится в полицию?

— Ну и что, мы уже будем далеко отсюда! И потом, у нее там есть даже мебель... не страшно, посидит немного, с нее не убудет.

Но Женестьева уже не слушает его. Выбравшись из густой мглы, она устремляется на хорошо освещенную фонарями и нагретую за день веранду. Там тепло и тихо, если не считать оглушительного стрекота цикад.

Макса удивляет, что она долго еще зябко ёжится, обхватив себя за плечи руками, как в ознобе. Он встает рядом с Дженни, засунув руки в карманы брюк, и какое-то время бесцельно плясая в чернильную ночь Эфиопии.

— Слушай, давай поужинаем? — наконец, предлагает он, как ни в чем не бывало, — не кисни! Под бутылочку хорошего вина, а? Я там все приготовил.

Она морщится, но послушно кивает.

— Только без вина, ладно? А то у меня голова тяжелая после перелета и от смены климата... Я вообще, если честно, уже жалею, что приехала.

— Ну, тогда просто перекусим, и тебе сразу полегчает. Запомни — не выигрывает тот, кто не играет, Джен! После ужина мотнёмся на одну базу, тут неподалёку, а потом спать, окей?

— На какую ещё базу? — она явно недовольна его предложением.

— За вертолётом, я уже договорился. Пригоним его сюда, он понадобится нам на завтрашнее утро! С тебя только две штуки баксов, и черкнуть подпись на одной ведомости.

Через минутку-другую она таки поддается на уговоры Макса. Наскоро перекусив в его компании вкусными мясным и овощным ассорти, поданными им на стол услужливым и немногословным эфиопом, Женестьева поднимается со своего места «припудрить носик».

— У нее там хоть туалет есть? — интересуется она.

— Нет. Но я не обижусь, если она нагадит куда-нибудь в угол, — улыбается он в ответ.

— Вот почему ты такая сволочь, Макс?! Риторический вопрос.

— И это в благодарность за мои труды? — неподдельно удивляется он, — нянчи ее тогда, пожалуйста, сама. Я не против.

— Мне просто очень не нравится твой план!

— У тебя есть лучше, предложи?

Женевьева замолкает. Не переговариваясь больше, они садятся в видавший виды форд, а Ка, по распоряжению Макса, охотно усаживается за руль.

База с вертолётками действительно оказывается всего в полчаса езды от фазенды. Формальности занимают немного времени, и назад Женевьева с Максом летят уже на вертолётке, отпустив Ка возвращаться туда в одиночку.

— А ты неплохо управляешь им! — перекрикивая шум моторов, произносит Женевьева, устраиваясь поудобнее в жестком кресле рядом с ним. Макс обаятельно подмигивает ей.

Случайно ее взгляд выхватывает название одной из упаковок, выглянувшей из кармана его рюкзака. Это лекарственный препарат.

Как химик, она без труда узнает сильнодействующее снотворное, используемое исключительно под медицинским контролем. Нагнувшись, Дженни бесцеремонно вытягивает эту упаковку за кончик, а за ней неожиданно следует ещё одна такая же.

— Для кого предназначены эти лошадиные дозы, Макс? — она не скрывает своего изумления.

Но он только со злостью выдёргивает эти упаковки из ее рук, чтобы спрятать в один из боковых отсеков для хранения личных вещей.

— Ай-ай-ай! Нехорошо лазить по чужим карманам... Сама-то как думаешь?

— Для Алекса?! — поражает ее догадка.

— Джен, всегда нужно иметь запасной план, ты не знала? — бросает Макс многозначительно, но больше не говорит ничего. Несколько минут они просто болтаются в небе, думая каждый о своём, прежде чем Дженни заявляет, устало и решительно:

— Все! Я выхожу из игры.

Он смотрит странно, не комментируя. А она, избегая продолжать ставший для нее бессмысленным разговор, перебирается подале, за кресла — в малюсенькое металлическое пространство, именуемое салоном.

В глаза ей бросается ещё один армейский рюкзак Макса, валяющийся прямо на полу. Не колеблясь ни минуты и не имея намерения быть с ним тактичной, Дженни открывает и его. В конце концов, обстоятельства вынуждают — уверяет она себя, борясь с застёжками, а затем просто обомлевает, добравшись до содержимого. Там внушительный военный арсенал из кучи взрывчатых веществ!

— Ты что, на войну собрался? — кричит она ему в шуме моторов. Макс снимает на пару секунд наушники, чтобы расслышать ее.

— Да утомнишься же ты, наконец? — откликается раздраженно, и снова надевает их. Волнение Дженни не производит на него никакого впечатления.

К моменту их приземления на специальную площадку позади фазенды, Женевьева уже очень зла. До нее, наконец, доходит, что Макс задумал что-то очень нехорошее, и посвящать ее в детали отнюдь не собирается. Вертолет медленно пикирует и затихает.

— Знаешь что? Я перестала доверять тебе, — гневно шипит она, едва поспевая за Максом, закинувшим оба этих рюкзака к себе за плечи, как он вдруг знаком останавливает ее.

— Тихо!

Оба прислушиваются. В тёплой крошечной мгле слышны только звуки эфиопской ночи — цикады да редкие вскрики неизвестных то ли птиц, то ли зверей... Но Макс, пригнувшись и резко схватив Дженни за руку, заставляет ее незаметно нырнуть с ним в ближайшие раскидистые кусты.

— Эй, а что, если здесь змеи или скорпионы, ты с ума сошел?! — возмущается она, выдирая у него свою руку и пытаясь встать, — отпусти.

— Смотри, — показывает он.

Но Дженни, как ни силится, поначалу не может разглядеть ничего в неверном свете высоких ламп на редких фонарных столбах, расставленных то там, то сям по территории. Отсюда виднеются почти все сараи и полуразрушенные постройки, а также, чуть поодаль, тот большой дом, в котором они остановились.

Впрочем, когда она вдруг начинает замечать мелькающие серые тени, похожие на человеческие фигуры и неслышно перебегающие от сарая к сараю, по телу ее невольно проходит озноб.

Макс грязно ругается, выудив откуда-то из кармана прибор ночного видения и наблюдая через него за бесшумными фигурами.

— Макс... что происходит? — горячо шепчет ему Женестьева, испытывая острый приступ паники.

— Это местные спецсы, — тут же откликается он злобно, — группа захвата... я урою этого Мексиканца!

— Какого Мексиканца? — она по-прежнему ничего не понимает.

Внезапно на всей огромной территории тухнет свет.словно по чьему-то адскому щелчку, все — фонари, окна, люди погружается в темноту, а Макс проворно вскакивает, соображая куда быстрее, чем она.

— К вертолёту! Быстро! — тащит ее, оцепеневшую, за собой.

И они бегут — бегут так, как будто от этого зависят их жизни. Наверное, так оно и есть.

Дженни все ещё цепляется за подножку вертолета, задыхаясь от быстрого бега, как Макс уже приводит железную машину в движение. От мощных порывов горячего воздуха над ними кренит траву и деревья.

— Точно, засекли шум лопастей, — бубнит он, включая мощный прожектор под днищем вертолета, поднимаясь и освещая разрозненную группу людей внизу. Дженни тоже в ужасе смотрит на бегущих в черном человечков в балаклавах, без лиц — они кажутся ей похожими на ниндзя из кино.

Но, это не кино! По обшивке вертолёта прокатывает свистящий перестук пуль, и его тут же начинает немного клонить в сторону высоких крон деревьев. Они висят там ненадолго, в одном опасном боковом положении, но Макс все же исхитряется выровнять вертолёт и вырвать его из пут густых веток.

Планируют резко вверх и удерживаются в воздухе над уровнем верхушек деревьев, чтобы затем стартовать куда-то вправо, удаляясь подальше от территории фазенды.

— Фак, фак, фак! — кричит Макс, — это же не могут быть кобры? (неофициальное название спецгрупп силовой поддержки сотрудников внешней британской разведки — прим. автора) Он бы не успел! Никак..

— Кто?

Макс не торопится объяснять, но Женестьева получает ответ, когда слышит глухой стук и один из люков вертолета открывается, пропуская внутрь Алекса.

Он прыгает к ним, но Макс реагирует мгновенно, отпуская штурвал и оттаскивая ее на противоположный конец вертолёта. Зажав Дженни в жесткой хватке, он выдёргивает чеку из невесты откуда взявшейся гранаты и, подняв ее, демонстрирует Алексу.

— А мы не ждали тебя! — кричит, перекрывая гул падающего вертолета, с

перекошенным от волнения лицом, — поэтому придётся тебе свалить, как пришёл..

Он распахивает второй люк, и их с Дженни даже слегка подтягивает к нему мощной воронкой воздуха. Но Макс крепко держится на месте.

— Вперёд, Алекс! — продолжает орать, указывая на зияющую пустоту за распахнутым люком. Однако тот, вместо ответа, бросается к брошенному штурвалу, чтобы резко поднять вертолёт вверх и восстановить его равновесие. Поворачивается к ним.

— Дженни, ты откуда здесь?! — тоже кричит, в шуме лопастей и потоков ветра с двух сторон сразу. Она не отвечает, но смотрит тоскливо и пронзительно, отчаянно пытаясь удержаться в одном положении в тисках Макса.

— Э, ты че, оглох, Алекс?! — Макс размахивает своей гранатой без чеки перед ее лицом, контролируя взрыв только удерживанием запасного ограничителя. Стоит ему отпустить палец, и взрыв произойдет в срок от двух до шести секунд, они оба слишком хорошо знают об этом, — давай шагай, туда! Или ты или Дженни, выбирай, сейчас!

В этот момент Макс достигает пика своего эмоционального напряжения, и время снова останавливается, становясь густым и вязким. Как трясина, засосавшая всех троих в себя, и замедлившая в безвременье все их мысли и действия.

И тут происходит невероятное — Дженни толкает Макса прямо туда, в пустоту.

Свистящий воздух разом закручивает их двоих в свой смертельный тоннель-воронку. Нелепо взмахнув руками, качнувшись на пятках, он падает в этот тоннель, не оставляющий никаких шансов на жизнь, и увлекая за собой ее.

Алекс бросается туда же, удерживаясь на краю и глядя, как они просто падают вместе и как через шесть секунд этого свободного падения ярко вспыхивает, взрываясь в руках Макса, граната. В раскаленном мареве взрыва они скрываются от его взгляда навсегда.

Горячая волна воздуха касается лица Алекса. В эти долгие секунды Дженни смотрела ему в глаза, падая. И он тоже смотрел на нее — не отрываясь, до самого конца...

Алекс возвращается за штурвал вертолёта и делает крутой вираж, удерживая его в ровном положении и направляя вниз, на посадку. Движения Алекса отточены, а лицо непроницаемо, и только блестящие, влажные от непролитых слез глаза выдают всю лавину его эмоций.

Он знает — неважно, почему она была там. Она сделала это ради него.

Часом ранее

Пользуясь одеялом как прикрытием, небрежно накинутым ему на плечи кем-то из эфиопов, Алекс незаметно высвобождает из захвата верёвки руку с маячком, и долго, терпеливо ждет подходящего момента, когда внимание неопытной четверки автоматчиков-охранников, зорко следящих за ним только первые пару часов, несколько рассеивается.

В тот момент, когда один из четверых выходит «отлить», а двое других ведут между собой непринуждённую болтовню вполголоса, он решает, что пора.

Алекс делает ставку на того единственного, кто сейчас по-настоящему следит за ним.

Вспорвав кожу между пальцами острым краем стула, он ловко вытаскивает маячок и роняет его на пол так, чтобы привлечь внимание того самого охранника. Наклоняет голову, словно в удивлении рассматривая упавший маячок. Капает на него сверху кровью.

Эфиоп поддаётся своей первой реакции — подскакивает поближе и тоже наклоняется, чтобы рассмотреть. Этого оказывается достаточно, чтобы одной свободной рукой сдёрнуть

автомат с его плеча.

Время теперь будто замедляет свой ход, но за считанные секунды Алексу удаётся очень многое — он даёт очередь по ногам болтунов, после чего оба они падают как подкошенные, и почти одновременно с этим одним точным ударом отключает подошедшего.

Тот мягко валится на пол без сознания.

Затем Алекс стреляет в камеру видеонаблюдения напротив, и по маленькому решетчатому окну. Отстреливает одну ножку своего стула — тот рассыпается, тем самым облегчая Алексу окончательный процесс освобождения от верёвок.

Развязавшись, Алекс разоружает стонущих на полу эфиопов и, груженный автоматами, встаёт к проёму двери сбоку, ожидая теперь четвертого из приставленной охраны. Он появляется почти сразу, и немедленно падает ничком от удара автоматным прикладом по голове.

Алекс стаскивает с него шорты и надевает на себя без раздумий. Прихватив автомат и этого, исчезает в проеме двери.

На выходе из здания его ожидает сюрприз — то тут, то там из мрака начинают выступать черные фигуры парней в балаклавах и полной экипировке. Он узнал бы их из тысячи, но торопится на миг, останавливаясь. Кобры!

— Однако! Пикантно, — слышит он родную английскую речь, когда от других прочих отделяется высокая рослая фигура и приближается к нему.

Алекс и сам ощущает себя довольно экзотично на их фоне в одних только шортах, босиком и увешанный автоматами! Человек стягивает балаклаву, открывая Алексу лицо. В темноте сверкает его белоснежная широченная улыбка, Хилл!

— Доброго вечерочка.

— Добрейшего, — откликается Алекс с точно такой же широкой улыбкой, — кобры, можно, реверансы после? Здесь прячут мою любимую женщину, Женю. Ее нужно найти! Буду просто счастлив, если кто-то одолжит мне амуницию, прямо сейчас. Я хочу сам взять Макса Талера.

Сажу на стульчике, заботливо завернутая в бушлат или как там это называется, принадлежащий кому-то из числа тех, что вывели меня из подвала.

Учитывая мой озноб, который до сих пор бьет по телу, я ничуть не воспротивилась бушлату. И теперь, несмотря на тёплую ночь, грею руки о давно остывшую чашку с чаем, которую мне всучили, уж и не знаю откуда, но сразу после того, как усадили на стул.

Где же Алекс?

Это первое, о чем я спросила у этих вежливых, немногословных людей, которые помогли мне выбраться, и даже были настолько любезны, что сняли свои балаклавы при этом. Вероятно, чтобы не добавлять мне стресса. Говорить с людьми, у которых только прорези вместо глаз, не слишком комфортно.

Алекс в порядке и скоро появится, спокойно заверили меня они, утрясает дела с начальством! Хотя, я верю этому только первые полчаса томительного ожидания на стульчике.

Невольно наблюдаю за ними исподтишка, стараясь при этом остаться незамеченной. Они тоже дисциплинированно ждут кого-то или чего-то, изредка тихо переговариваясь.

Это все молодые ребята. Я, несомненно, очень благодарна им за спасение, но не могу не задуматься и о тех людях, которые ждут их прямо сейчас дома, а ведь они наверняка есть. Мамы, папы, жены, дети... И какая страшная эта работа — сознательно погружаться в эпицентр опасности, рискуя жизнью в каждую свою «рабочую смену».

Алекс сказал мне когда-то — кому-то надо это делать. Да! Когда это твой ребенок или, к примеру, брат, то у тебя просто нет иного выбора, кроме как ждать. Кроме как, надеяться и верить. Каждый раз. Но многие ли готовы подписаться на такое добровольно, влюбляясь и связывая себя узами брака с таким воином света?

Далеко не любая способна умирать и возрождаться из пепла тягостного ожидания, будучи далеко от него, дома, где-то там... А я?

Очень хочется стряхнуть с себя оцепенение и подвигаться. Но, держусь к ребятам поближе, опасаясь пройтись даже пару метров, потому что пугаюсь одного только вида лежащих вдалеке рядами лицом вниз, бандитов-эфиопов.

Ух, и закутило же меня в жесткий водоворот событий.

Усмехаюсь, представив на секунду шок папы и Элеоноры Юрьевны, узнай они, что меня таскает за собой по миру практически Джеймс Бонд, а сама я сталкиваюсь напрямую с вооруженными уголовниками, и остаюсь при этом жива, и даже почти весела.

Почти! Что же все-таки за дела такие срочные сейчас у Алекса? Похоже на бред — это якобы его начальство и прочее, да откуда они здесь, почему он мне ни о чем таком не рассказывал, не доверяет?

Ведь мне казалось, мы здесь по делу Артиста — выходит, что нет. Нарисовались вдруг и начальство и жена...

И тут, в разгар моих мыслей, он появляется. Сразу идет ко мне. Но выглядит поникшим и усталым. Станным.

— Привет, — целует в висок, поднимая со стула и притягивая к себе. Забирает чашку из моих рук, ставит ее на землю. Внимательно заглядывает в глаза, но только на короткий миг, и вообще кажется мне сейчас каким-то отстраненным. Словно мысли его витают где-то

далеко, — как ты?

— Я в порядке, — тихо отвечаю, боясь задать вопрос о Женеьеве. Интересно, они уже встречались-общались? Не из-за нее ли он так задержался? Впрочем, пусть расскажет все сам, — а... что произошло?

— Давай потом расскажу, подробно, — снова смотрит мне в глаза, но я ничего не могу прочесть в его взгляде, — у меня ещё дела здесь, а тебе лучше поехать сейчас домой. Хорошо?

— Если я скажу нет, это что-то изменит?

— Боюсь, что нет, — он не улыбается.

Мы остались живы, но что-то произошло, серьезное. Почему он не говорит?

К нему подходят, и Алекс отвлекается на подошедших, извиняясь. Общается с ними на пониженных тонах, в сторонке, словно я абсолютно посторонний здесь человек, который случайно может подслушать чужие тайны.

Он тепло общается с ними, я вижу. Ловлю на себе изучающий взгляд одного из них, по-видимому, главного в группе — он ведёт себя очень уверенно с остальными. Но это всего лишь доля секунды, и мне даже думается, что просто показалось, его интерес ко мне.

Нет, я не то чтобы ожидала, что Алекс будет представлять меня им. Да и кем он меня представит, если все они знают и видели здесь Женеьеву?! На его сестру или друга я как-то не тяну.

Мне вдруг становятся то ли стыдно, то ли неловко.

Я даже опускаю голову, не в силах больше встречаться с чьими-то случайными или не очень, любопытными взглядами. Просто сижу и отхлебываю холодный чай с независимым видом. В конце концов, мне с ними детей не крестить, как говорится, или, иными словами, мне все равно, что обо мне подумают.

Кто-то приносит мою отобранную эфиопами сумочку. Не Алекс.

Он слишком занят другой женской сумкой — высокий мужчина протягивает ему ее, а после они достают оттуда какие-то документы и вещи. Вероятно, это сумочка Женеьевы, никаких других женщин я не видела. А где же она сама, в таком случае? Или Алекс вернёт ей сумку где-то в другом месте лично?

Наконец, он подходит ко мне, но не один, а с парнем, которому любезно меня представляет. Молодого человека зовут Чарльз.

Чарльз готов отвезти меня домой, объясняет Алекс, а сам он приедет попозже. Даёт нам ключи от квартиры. Дополняет сам себя чем-то абстрактным о том, что постарается побыстрее, и чтобы я не волновалась. Это все, серьёзно?!

После моего невероятного похищения, мытарств по подвалам и тревог о нем? Ну, круто Алекс, спасибо. Сажусь в машину, даже не оборачиваясь.

Наверняка, он потом спишет это на мой «постстресс». В боевиках обычно, после того как главные герои побеждают всех врагов, они радостно обнимаются и начинаются титры. У нас же просто титры, без всяких объяснений происходящего.

Пока едем, достаю свой телефон и, взглянув на время, решаюсь таки набрать Котенка! Она, наверное, жутко переволновалась.

Так и есть. Радуюсь ее взволнованному голосу, тут же сообщая, что со мной все прекрасно. Катины же новости неутешительны — приезжал Гриша, привез мои вещи и торжественно передал папе. Мучительно закусываю губу, слушая подробности. И, удар под дых — звонили с работы, есть опасность, что уволят за прогулы, и просят срочно выйти на

связь!

Ну что ж. Решаемо, я уверена. Сразу по приезду сама пойду к замдекана, повинюсь и совру что-нибудь более-менее приемлемое.

Спрашиваю у нее не о работе, а о самочувствии. Катя вся в предвкушении и ожидании операции! Радостно щебечет. Радуюсь вместе с ней.

Принимаю решение немедленно — завтра же утром выезжаю в аэропорт. Пусть Алекс заканчивает свои дела сам, а мне нужно поддержать сестру. Она так робко, но настойчиво спрашивает меня о том, когда я вернусь, что сжимается сердце...

Войдя в квартиру и поблагодарив Чарльза, я закрываю за ним дверь. Согреваюсь под горячим душем, съедаю банан со стола и, плотно прикрыв дверь в спальню, заваливаюсь спать.

Скорее всего, Алекс теперь явится утром. Вот тогда и сообщу ему о своем решении лететь домой.

Частная ферма Эль Каса, округ Бахр-Дара

Пожилой мужчина, чутко спящий в крошечной тьме огромной спальни, вдруг просыпается.

Порывисто нащупывает выключатели обоих ночников, которые почему-то не горят. Долго щёлкает ими, ругаясь тихим шепотом. И покрывается испариной, едва поняв, что ночники не работают. Перегорели? Два сразу?

Он застывает в неподвижности на секунду, сидя на кровати и весь подобрившись внутренне, словно хищный зверь, которого начинают окружать собаки. Хватается за ружьё, лежащее тут же, на полу, и дрожащей рукой направляет его дуло на тёмную фигуру, бесшумно отделившуюся от шторы.

Лунный свет почти не позволяет рассмотреть ее. Только общий контур.

— Кто ты?! — хрипло вскрикивает мужчина на кровати.

— Том, — отзывается фигура, и сидящий замирает перед ней как кролик перед удавом. Его потряхивает, когда он судорожно нажимает на спусковой крючок, а потом ещё и ещё, но затвор ружья только сухо щёлкает вхолостую.

— Ты уже убил меня однажды, — шёпот. Фигура не двигается, — дядя... ты забыл меня..

— Нет, нет, — произносит дядя Бенджи обескровленными губами.

Мысли его, недавно проснувшегося, растерявшегося в непривычной темноте, путаются. Он мог бы добежать до стенки, где расположен выключатель от большой лампы на потолке, но ноги не слушаются его.

И Бенджамин остаётся прикованным к своему месту, жалкий в своей беспомощности, полубезумный! Но все же, он медленно тянется к тревожной кнопке для вызова охраны, над изголовьем, не скрываясь. Слепо шарит по стене какое-то время, пока, наконец, не находит ее. Нажимает несколько раз подряд.

Он установил эту кнопку сразу же, как только поселился здесь. Такая обычно предназначается для тяжелобольных людей, и раньше никогда не «сбоила». Глухая трель звонка отчетливо слышится внизу, на первом этаже. Но проходит минута или больше, а ответом на нее по-прежнему служит гробовая тишина.

И тут он сдаётся. Вопросы, начиная подвывать от страха:

— Что тебе нужно?!

— Твоя черная душа, — фигура начинает бесшумно, неумолимо приближаться к нему прямо из темноты. Когда тот, кто назвался Томом, касается края его кровати, он охает и от ужаса теряет сознание.

За сорок минут до этого

— Я дурею от твоего рабочего энтузиазма, Спенсер, — ворчит Хилл, пока везёт его за рулём самолично, в необъятном правительственном джипе по адресу фермы Эль Каса, — нет бы, отправился дух перевести в тёплые объятия любимой... между прочим, я уже несколько часов без кофе по твоей милости!

— Компенсирую твой кофе бочонком хорошего виски, идёт? — безэмоционально отвечает Алекс, быстро набирая какой-то текст в своих часах, — ей надо дать передохнуть... Ты же знаешь, как я не люблю оставлять что-то на потом! Хочу закрыть все свои вопросы здесь.

Хилл многозначительно хмыкает, косясь на его часы.

— Че печатаешь?

— Даю зелёный свет Интерполу по Бобу Ласти! Они уже в штаб-квартире, в Аддис-Абеба. Бикеле заканчивает с документами..

— Не хочешь рассказать подробнее? Кто таков?

— Охотно, — Алекс закрывает свою почту в часах, и смотрит на Хилла, но уже без иронии, серьёзно, — хотя это долгая история, а мы почти приехали. Как насчёт после, за вискарем?

Хилл согласно кивает.

— Так значит, это твоей дьявольской чуйке я обязан за наше чудесное спасение? И в какой же момент она сработала? — уточняет Алекс.

— Не поверишь, — его друг искренне смеётся, — в тот момент, когда меня вызвал на пост охраны в нашем родном заведении мальчик-оперуполномоченный, Уильям Саммерс. Помнишь такого?

— Ну да, — Алекс бросает еще один взгляд на часы, и с удовольствием откидывается на спинку широкого комфортного сиденья, удобно вытягивая ноги. Он выглядит озадаченным, — и что он хотел?

— Призвал меня на помощь к тебе!

— Шутишь?

— Ничуть, — Хилл по привычке бросает внимательный взгляд на собеседника. У него, одного из немногих в разведслужбе, есть специальная углублённая подготовка в сфере криминальной психиатрии. Это человек-сканер, что, впрочем, никогда не смущало Алекса, — он общается с девушкой, которая приходится сестрой твоей возлюбленной. Так вот, как я понял из его сбивчивого, но очень эмоционального рассказа, в какой-то момент вы перестали выходить на связь, и он — кстати, большой умница, а вот ты нет, пришёл ко мне за помощью. Надо сказать, вовремя! Твой Бикеле почти продан местным авторитетам, которые спонсировались Талером... Как ты вообще решился на какие-либо операции здесь без прикрытия? Ты что, зелёный лейтенантишка?!

— Слушай, давай без этого? — Алекс морщится, — без нотаций. Решился и решился! Я здесь вообще по другому делу, которое решается на раз, откуда же я мог знать, что объявится Талер, да ещё и с Женевьевой?

— Искренне по-человечески сочувствую, — Хилл коротко кивает, — а ты так и не выяснил мотив?

— До конца нет, да это и неважно уже, — Алекс отвечает мрачно, с затаенной болью, — он гнилой, и всегда таким был! Я очень жалею, что привел его в систему... что-то, связанное с неполученной наживой, он когда-то предлагал мне некие преступные схемы... Но ты сказал, Саммерс общается с сестрой Жени?!

— Я даже заметил в нем некую влюблённость, — отмечает Хилл, паркуясь в лесополосе, метров за двести до фазенды, — правда, он пришел ко мне на полусогнутых от страха, но его решимость, поверь, я оценил.

— Да нет, ты че-то не так понял, походу, — недоверчиво протягивает Алекс, привычно

надевая балаклаву и распределяя по карманам кусачки для проводов, небольших размеров баллон, нож и пистолет, — дело в том, что ее сестра — ребёнок! К тому же, смертельно больной.

Хилл натягивает балаклаву тоже, и кладёт пару дополнительных "магазинов" во внутренний карман. Именное оружие при нем всегда.

— И тем не менее... ребёнок — это сколько ей? Я иду с тобой.

— Ты это видел? — Алекс показывает ему свой миниатюрный баллон с мгновенно распыляемым нервно-паралитическим газом, который действует как сильнейшее снотворное, отключая человека в глубокий сон на часы, — не нужно! Просто подожди здесь. У меня есть схема здания, вся охрана и персонал сосредоточены на первом этаже. Он — на втором, один. Я заброшу баллон на первый этаж на пару минут, а потом зайду сам. Этого будет вполне достаточно.

Но Хилл лишь укоризненно качает головой, перед тем как выпрыгнуть из машины, не дожидаясь Алекса.

— Не люблю скучать в одиночестве, знаешь ли, — заявляет он, закрывая машину, — давай-ка ещё раз про план, только покороче.

— Ну что ты как зелёный лейтенантишка, — смеётся в ответ Алекс.

Просыпаюсь от того, что кто-то внезапно забирается ко мне под одеяло. Обнимая сзади, нежно и властно сгребает к себе в охапку. Этот кто-то очень теплый, голый, вкусно пахнущий и ещё слегка влажный после душа...

Мне не нужно открывать глаза, чтобы узнать его. Я делаю это на первой же секунде пылкого объятия, от которого и сама вспыхиваю как спичка. Но, стараясь не улыбаться и даже не размыкая веки, продолжаю лежать в неподвижности.

— Ты очень смешно делаешь вид, что спишь, — дразняще шепчет мне в ухо этот змей-искуситель. Спускается жаркими губами вниз по шее, слегка покусывая ее до мелких мурашек, и я наконец сдаюсь, не выдержав этой пытки.

Широко распахиваю глаза и смеюсь, поворачиваясь к нему. Алекс тонко чувствует меня, паршивец, мгновенно «считывая» наше взаимное притяжение. И тут же настойчиво тянется своими губами к моим, желая говорить сейчас только на языке тела.

Однако я капризно отворачиваюсь, ускользая, озадачивая его этим так, что он даже удивленно замирает в неподвижности на секунду-другую, нависая надо мной.

Мужчины странно устроены! Им кажется, что если ты однажды сказала о своей любви, то и секс с тобой, в любой момент, дело само собой разумеющееся.

Надо сказать, в последний раз мы были близки, если не считать последних моих целомудренных ночевок в его компании, конечно — целых пятнадцать лет назад! Это много.

В тот вечер откровений, который наступил для нас уже здесь, в Эфиопии, или вернее продолжился после разговора в самолёте, секса не было. Вместо него мы погружались в наше прошлое, и посмеявшись и погоревав о многом, вместе переживая заново то боль неожиданного расставания, то зарождающуюся любовь.

Это был момент стопроцентного выплеска эмоций, когда, несмотря на жгучую физическую тягу друг к другу, рано на рассвете я просто уснула. Вот так, на его груди — уютно свернувшись калачиком и глубоко расчувствовавшись перед этим.

Уверена, Алекс не решился тревожить меня в тот момент ласками и поцелуями, хотя, возможно, хотел. А может быть, его израненное сердце также плакало в унисон с моим, и физическая близость — это было бы уже слишком для нас!

Но сегодня, как я погляжу, он настроен более чем решительно. Бросаю взгляд за окно, туда, где небо едва розовеет занимающейся зарей.

— Я и вправду спала, вернее, пыталась заснуть, — притворно зеваю.

Алекс неожиданно запускает руку в мои трусики, касаясь столь смело везде, где ему хочется, что у меня просто перехватывает дыхание. Взвиваюсь, хватая его за руку и пытаюсь вытянуть ее оттуда, с округлившимися глазами... но это сладкая борьба, где силы изначально неравны.

И вот он уже шепчет мне о том, чего уже не скрыть, и что теперь не поверит мне... а я молю его о пощаде, краснея. Поборовшись безуспешно с минуту в тесных объятиях его идеального тела, и учащенно дыша, прошу:

— Алеск, пожалуйста... ну, я не готова сейчас.

— А что случилось? — тут же отзывается он, сбавив обороты и прожигая внимательным взглядом, но не позволив сбежать от него окончательно.

— Да ничего, — смеюсь от постановки вопроса, хлопая его по плечу, и все таки

размыкаю наши чересчур горячие объятия. Отодвигаюсь, машинально прикрываясь одеялом. Сказать честно, внутри меня уже пылает пожар, но я не обращаю на это никакого внимания. Торопливо перевожу нашу беседу совсем в иное русло, — это лучше ты расскажи, что случилось! Там, на фазенде?

— Там, на фазенде, — Алекс садится, вдруг становясь печальным и серьёзным, — несколько часов назад, я овдовел.

Эта информация звучит для меня как гром среди ясного неба.

— Да ты что?! — я сажусь тоже, ожидая подробностей, и не в силах до конца поверить в сказанное.

Алекс рассказывает, хоть и коротко, но емко, каждым своим словом затрагивая какие-то болезненные струны моей души — о двух смертях, о предательстве Талера, а ещё, о том, какую во всем этом роль сыграла его собственная жена.

Он повествует по-мужски скупно, без особых эмоций, однако я отчетливо вижу и глубину его боли, и горечь разочарования. Алекс не скрывает от меня ничего.

— Я думаю, он хотел использовать ее против меня! И Макс действительно каким-то образом удалось заморочить ей голову, — говорит он в заключение, — но, все получилось наоборот. Она послужила главной причиной его гибели и спасла меня, или спасала, как ей, возможно, думалось в тот момент, но действовала она очень осознанно. Это точно! Поэтому сказать, что я благодарен Женеьеве — ничего не сказать..

Он скорбно умолкает. Вздыхаем. Сидим еще какое-то время в тишине, бок о бок, оба глубоко задумавшиеся.

За окном занимается новый день, а усталость такая, как будто и не было того кусочка ночи, когда я успела немного подремать. Хотя, Алекс умеет снимать сон как рукой.

В голову мою закрадывается нехорошая мыслишка о том, что мне-то вроде бы надо радоваться! Только радости почему-то нет. Есть растерянность и удивление, даже шок. Неужели она настолько сильно любила его, что пожертвовала собой в той критической ситуации? А может быть, она просто не ожидала, что тоже погибнет?

К примеру, хотела вытолкнуть Талера из вертолѐта, оставшись там с Алексом, но так уж трагично сложились обстоятельства, что... в любом случае, правды мы уже не узнаем!

Замечаю несколько ссадин на его теле и тут же тянусь к ним, нежно поглаживая, желая снять боль. Он поворачивается ко мне, и наши взгляды встречаются.

— Позволь выразить тебе соболезнования, — начинаю немного робко, но искренне. Алекс не даёт мне продолжить, касаясь моих губ пальцами. Затем крепко обнимает и просит:

— Не надо! Оставим прошлое прошлому. Так не должно было быть, да, но я не хочу больше говорить об этом... просто не отталкивай меня... пожалуйста.

— Я не отталкиваю, — отвечаю, что он тут же понимает по-своему.

Приникает к моим губам жадным поцелуем, распалая вновь, ещё более мучительно и мощно! Я отвечаю. Нас обоих трясёт и выкручивает от дикого желания стать как можно ближе друг к другу. Но, уже в следующее мгновение я заставляю себя оторваться от него, понимая, что так будет лучше и правильнее для нас обоих.

Это оказывается тяжело и сложно. Я даже пугаюсь остроты своих ощущений, чувствуя себя в этот момент не человеком, а магнитом. Только не сейчас, не тогда, когда он сообщил мне о смерти своей жены! Кем бы она ни была для него в действительности, и как бы ни относилась ко мне. Точка.

— Послушай, Алекс... хотела сказать. Я собираюсь сегодня в аэропорт, домой! Это срочно, — выпаливаю, восстановив дыхание и глядя в его потемневшие, с поволокой глаза, — надо уладить кое-какие вопросы с работой. Мой отпуск, к сожалению, закончился. И потом, скоро у Кати операция...

— Когда?

— Точно не знаю, — немного мнусь, размышляя. Я ведь на самом деле не в курсе точной даты, но знаю, что она планируется на ближайшие дни, — через недельку где-то. Выясню на месте! Ты сможешь закончить тут сам, без меня?

Он замолкает ненадолго, изучая мое лицо, а у меня все так и скручивает где-то в желудке от волнения и от затянувшегося странного молчания.

Вообще-то, изначально моей целью было «переключить» немного Алекса, когда ситуация стала выходить из-под контроля. Но что-то пошло не так.

— Знаешь, я не хочу выглядеть шовинистом, ломающим твою карьеру и все такое, — тепло усмехается он, как ни в чем не бывало нежно обнимая меня, — но... как тебе идея переехать в Лондон?

— Это... гм, — затрудняюсь описать шквал своих эмоций.

Но это точно вау! Взрыв мозга, разрыв шаблонов — в хорошем смысле.

— А конкретнее?! — уточняет он. Смеёмся.

Нет, я конечно ожидала чего-то подобного. Алекс очень-очень дорог мне, хотя... мучительно размышляю дальше — столько всего произошло и, наверное, глупо размышлять о таких серьёзных вещах на рассвете, в растрепанных чувствах и с мозгами набекрень, как у меня сейчас.

— Если бы ты не предложил мне этого, — честно признаюсь ему, — мне было бы очень больно. Ты уже стал важной частью моей жизни! Но...

— Но?

— Но, понимаешь, нужно все очень хорошо обдумать! Про переезд, про нас... Так правильнее. Давай лучше я обработаю тебе ссадины, есть чем?

Алекс кивает, но смотрит пристально, желая, очевидно, разгадать мои мысли. Такой решительно-серьёзный вид у него я видела всего однажды, когда он делал мне предложение руки и сердца, много лет назад.

Приносит какую-то коробочку с медикаментами и смотрит с придыханием, как я, подрагивающими от его пристального внимания руками, не особо умело обрабатываю его раны. Перед глазами стоит картинка из прошлого — как я лечила его после памятной драки в казино.

Когда он дрался за меня. А я, девчонка, смотрела на него с обожанием и восторгом... и терялась иногда — совсем как сейчас!

— Да. Надо подумать, — глуповато повторяю, закончив, — и тебе..

— А я давно подумал, — спокойно откликается, — мне все стало понятно ещё тогда, в Нью-Йорке! Я жалею только о потерянном времени.

И это самое время вдруг останавливается для нас.

Замираем в трогательной неподвижности, друг напротив друга. Непослушными пальцами, я долго и ровненько укладываю зачем-то пластыри, перекись, бинты... И хочется, и колется.

Впрочем, отправить бы Алекса поспать — наверняка же он очень устал после такой сумасшедшей, страшной ночи! Это становится решающим аргументом для меня, когда я

говоря, стараясь не смотреть ему в глаза и понижая тем самым накал страстей, пронизывающих воздух вполне осязаемым электричеством:

— Кстати, почему бы тебе теперь не пойти, передохнуть немного? Может быть... поспим... в своих кроватях? — поспешно уточняю.

Но Алекс дожидается, пока я решаюсь поднять на него взгляд. И вдруг неожиданно, весело предлагает:

— А хочешь посмотреть мое оружие? Ты, помнится, интересовалась.

— Хочу, — так же неожиданно для себя отвечаю.

Слегка смущаясь, накидываю на плечи «приличный» верх от пижамы, потому что моя майка на тонких бретелях совсем уж из полупрозрачной ткани. Краем глаза отмечаю затаённую грусть-печаль в глазах Алекса от моих действий, и это почему-то веселит.

Впрочем, он улыбается мне тоже — стоит только взглянуть на него в открытую. Ничего, Алекс, мой миленький, переживешь.

А дальше он зачем-то подает мне руку и, нежно переплетая наши пальцы, ведёт за собой в комнату, которую я по умолчанию считаю его спальней, в виду того, что сама заняла эту. Достает из шкафа твёрдый чемоданчик — по виду металлический, но оказавшийся очень лёгким и прочным наощупь.

Алекс без видимых усилий раскладывает его, введя перед этим хитроумную комбинацию из букв и цифр. С большим интересом заглядываю внутрь, изучая содержимое. Он становится позади меня. Полуобнимая, начинает доставать и разбирать на детали страшные на вид, с длинными стволами и не менее внушительные короткоствольные пистолеты. Выкладывает патроны к ним тоже.

— Джентльменский набор, — усмехается Алекс, подробно повествуя мне о каждом, и заряжая-разряжая патронташи, которые сухо пощелкивают при этом. Отмечает, что в Англии из них мне можно будет даже пострелять.

Нет, не то что бы я любила оружие, но он рассказывает о нем столь увлекательно, что глаза мои невольно загораются любопытством.

— Beretta 92 по праву считается самым лучшим пистолетом в мире, — с любовью произносит он своим низким бархатным голосом прямо мне в ухо, и в животе сразу вспархивает целый рой бабочек. Ловко крутит береттой, привинчивая, а затем снимая снова глушитель, — ее производитель считается старейшим в Европе. Итальянская компания по созданию огнестрельного оружия образовалась еще в 1526 году. Beretta 92 и ее последующие модификации находятся на вооружении десятка стран! Эта версия также немного модифицирована для личных нужд британской разведки... к минусам я бы отнёс толстую рукоятку, большой вес и быстрое загрязнение.

А я просто стою и млею, едва соображая, о чем он. В комнате царит интимный полумрак.

Алекс говорит тихо, но даже один только звук его голоса и обжигающее мою кожу дыхание, касающееся запроваженных за ушко волос, заставляют тело вибрировать. Незаметным движением, я распускаю волосы, закрывая свои уши от порочной близости его убаюкивающе-вкрадчивого бормотания.

Мы близко, и почти дышим в едином ритме, Алекс прижимается ко мне все плотнее. Не скрываясь, ведёт носом по моим волосам, вдыхая их запах. Я заставляю себя сосредоточиться на мягко вложенном в мои пальцы пистолете.

А пальцы Алекса ложатся поверх моих, переплетаются с ними.

— Моя снежная королева, — жарко шепчет он, отодвигая копну волос в сторону. Сердце рвано колотится в груди от волнения, — ну когда же ты, наконец, растаешь?

Упорно молчу, не в силах дать ответ, но уже совершенно им околдованная! Он медленно вынимает оружие из моих рук. Кладет его на стол с тихим стуком..

Затем разворачивает к себе за бедра и дерзко смотрит в глаза. Кружит своими

действиями голову, парализует волю... Склоняется к моему лицу все ниже. Горячо дышит в губы, не целуя, а лишь поглаживая спину невесомыми, легкими касаниями.

Тяжело сглатываю. Облизываю свои ноющие от желания целоваться губы. Я не знаю, как он делает это со мной, но обмякаю безвольной куклой в его руках. Охаю от неожиданности, когда он вдруг подхватывает меня на руки и несет куда-то.

Пелена перед глазами... Что-то успокаивающе шепчет. Но ведь я не боюсь, я хочу. Ощущаю мягкое покрывало постели, легкий шок. И мысли... И тут мы оба уходим, как под воду!

Между тем, Алекс никуда не торопится. Именно поэтому, а еще от близости наших тел меня буквально подкидывает. Все. В голове пусто, остается только он.

Срываемся в горячие поцелуи.

Он чувственно, умело пробует меня на вкус первым, со стоном углубляя поцелуй. Сводя меня с ума этим. Уверенно «ведет» дальше.

Я послушно расстаюсь с верхом своей пижамы, оставшись только в штанах и маечке. Не выдержав, оплетаю Алекса ногами, сокращаясь от накатывающих волн возбуждения под натиском смелых ласк.

— Я не слишком давлю на тебя? — хрипло спрашивает, только когда я уже абсолютно себя не контролирую. Зачем-то останавливается.

— Ты в прямом, или в переносном смысле? — смеюсь.

— Во всех.

Бездумно хватаюсь за шею Алекса, как утопающий в море за соломинку, притягивая его к себе, не достаивая ответом. Целую, и он буквально сдирает с меня майку, не скрывая своего восторга от моей реакции.

Касается голого тела. Ничего не соображаю, только чувствую — сладко и пронзительно. Закрываю глаза. Шумно дышим. Он жадно выводит спирали языком по моей груди, то втягивая в рот затвердевшие соски, то нежно их покусывая. А я ерзаю под ним, мечтая, чтобы он уже снял, наконец, с меня все!

— Ты не ответила..

— Ты хочешь, чтобы я умоляла? — снова хихикаю, несмотря на крайнюю степень возбуждения. Извиваюсь змеей по покрывалу под Алексом.

— Да!

Вот гад. Требовательно провожу по его плечу ладонью и хватаю за подбородок, рывком поднимая на себя, ловя взгляд.

— Снимай уже свои трусы, — жестко требую.

Он хищно улыбается, крайне довольный, и раздевается немедленно — просить его дважды не приходится.

— Наконец-то, — выдыхает, запрыгивая на постель обратно, и пожирая меня взглядами.

— У нас есть презерватив? — я тоже откровенно люблюсь Алексом.

Голый Алекс так и манит меня к себе, это чистый соблазн — ему даже уже делать ничего не нужно, чтобы притянуть меня к себе поближе...

— Есть кое-что покруче, — ложится рядом.

Довольно бесцеремонно сдергивает с меня штанишки вместе с трусами. Пластично прогибаюсь под его взглядом. Я знаю, что у меня красивое тело, и мне приятно видеть восхищение в его глазах.

— У меня в предплечье вживлен противозачаточный имплант... вот здесь, —

показывает на крошечное тату в виде перевёрнутой восьмерки.

Символ вечности. Я прикасаюсь к ней пальцем.

— И вправду круто... на какой срок он действителен?

— Менять нужно каждые семь лет.

Набрасывается на меня голодным зверем, подтащив к себе поближе за щиколотки. Пытаюсь отползти немного, чтобы еще подразнить, но Алекс не ведется. Впечатывает меня собой в кровать, не оставляя ни малейшего шанса ускользнуть.

Я игриво кусаюсь и смеюсь.

— Женя, будет жёстко, — предупреждает шутливо, — я так истосковался по тебе за столько лет!

— Ты хочешь жёстко? Ну ладно, — решительно толкаю его в грудь, заваливая на спину. Он позволяет мне это, особо не сопротивляясь.

У меня есть хитрый план, как потерзать его ещё немного:

— Тогда я сверху!

— Тогда хватит с нас лирики, — рычит Алекс в ответ.

Сейчас мы абсолютно голые, но чувствуем себя очень органично! Аки Адам и Ева в райском саду. Я забираюсь сначала на его ноги, чуть пониже бедер, удобно устраиваясь возле стратегически важных точек, и с нетерпением предвкушаю наше общее наслаждение.

Получаю удовольствие от простых прикосновений к рельефному красивому телу, целую теплую вкусную кожу Алекса... это чистый восторг.

Глажу его бедра горячими ладонками. С удовлетворением смотрю, как учащенно он дышит, подрагивая подо мной, сдавленно постанывая, и ожидая продолжения. Ощущаю физически, насколько ему сложно сдерживать себя и то, как он напряжен.

Чувствую себя всесильной в этот момент.

Склонившись над ним, неспешно прокладываю дорожку сбоку из обжигающих поцелуев от бедра к животу.

— Женька, я тебя изнасилую, — угрожает.

Но я продолжаю сводить его с ума, целую. Алекс весь уже настолько раскалённый и упругий, что я тоже начинаю задыхаться от животного желания. Чувствую в себе скользкую влагу, и желание запрыгнуть на него и «нанизаться» до самого основания, двигаясь рефлексивно, резко, до оргазма.

— Ну хватит, — Алекс сам прерывает эту сладкую пытку, ловко опрокидывая меня на спину.

— Подожди-ка, — протестно выставляю вперёд руки, требуя второго шанса, — сейчас все будет... дай мне еще немножко времени.

С явным неудовлетворением, почти с яростью, он подчиняется мне снова. Послушный моим рукам, укладывается, тяжело дыша.

— Ну уж нет, — безапелляционно оттягивает мою голову за волосы от своей груди уже в следующую секунду, когда я принимаюсь покусывать его ключицы. Смеюсь, — садись на меня!

Вздыхает, пока я нежно и аккуратно устраиваюсь сверху, но все еще не сажусь на него так, как желает.

— Тебе так хочется порулить? — провокационно улыбается.

Он немножко обуздывает себя, но мы оба предвкушаем продолжение.

Слегка приподнявшись над ним, я касаюсь его собой. Недолго просто скольжу, и член

Алекса как будто бы сам изо всех сил стремится ко мне. Он помогает ему проникнуть, сделав всего одно движение бёдрами. Проникает в меня на пару сантиметров, и оба мы одновременно вскрикиваем от яркого, острого наслаждения.

Однако, я все еще контролирую ситуацию. Немножко приподнимаюсь вверх, высвобождаясь..

— Сдаюсь! — Алекс подрывается во второй раз, опрокидывая меня навзничь, на лопатки, — теперь моя очередь.

Соприкоснувшись носами, замираем на мгновение. Взрыв эмоций!

— Куда ты так торопишься? Лично я уже никуда, — улыбаюсь ему своими распухшими от поцелуев губами, как вдруг он неожиданно вырывает из меня стон, входя. Нежно растягивает по всей длине, давая возможность привыкнуть и... начинает двигаться, полностью отключая нас от реальности.

Алекс весь такой оголодавший и вскипевший, что я просто всецело подчиняюсь ему, забыв обо всем.

Наши тела, сконцентрированные друг на друге исключительно, движутся в древнем ритме пластично и рефлекторно. В моих глазах темнеет от счастья, когда он, без устали осажая желанную глубину, вдруг подводит меня к пику.

Яркий оргазм пронзает, ослепляет как вспышка, накрывает раскаленной лавиной, приводит вслед к немедленному финалу и Алекса.

Нам тепло и классно вместе! Короткое замыкание чувств приводит к упадку сил, мы расслабляемся. Нас, наконец, начинает отпускать. Руки и ноги слегка дрожат от напряжения, но эта усталость крайне приятная.

Восстанавливаемся как после длительного забега, не выпуская друг друга из тесных объятий. Моя голова все еще кружится. Я закрываю глаза, испытывая во всем теле теплую томную истому.

Улыбаюсь.

Декорации вокруг нас вдруг сменяются на другие — это нехитрая обстановка съемной американской квартиры, где мне снова семнадцать, а ему восемнадцать. Мы лежим точно так же рядышком, голые, счастливые..

— Ты тоже чувствуешь это? — шепчет мне сегодняшней Алекс, и я лениво распахиваю глаза. Сердце в груди радостно трепещет.

— И ты сейчас в той квартире, на Фултон стрит?! — смеюсь.

— Нет, не то, — Алекс закидывает руки за голову, улыбаясь беспечно, совсем как тот мальчишка, — забудь про Фултон стрит! Если бы я встретил тебя сейчас, все равно бы в тебя влюбился... Ты чувствуешь его — счастье?!

— Дай подумать, — прижимаюсь носом к его груди, вдыхая запах влажной кожи, самый приятный для меня запах в мире, — вот так ярче..

Больше книг на сайте - Knigoed.net